МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ

НИЖЕГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ Н. А. ДОБРОЛЮБОВА

NIZHNY NOVGOROD STATE LINGUISTICS
UNIVERSITY

РОССИЙСКИЙ СОЮЗ ГЕРМАНИСТОВ

RUSSIAN UNION OF GERMANISTS

РУССКАЯ ГЕРМАНИСТИКА

GERMANIC PHILOLOGY IN RUSSIA

ЕЖЕГОДНИК
РОССИЙСКОГО СОЮЗА ГЕРМАНИСТОВ

YEARBOOK
OF THE RUSSIAN UNION OF GERMANISTS

ТОМ XXIII
VOLUME XXIII

ISSN 2782-2605
https://yearbook.rug.lunn.ru

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ГЕРМАНИСТИКА В ИСТОРИЧЕСКИХ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ РЕАЛИЯХ

EINHEIMISCHE / RUSSISCHE GERMANISTIK IM HISTORISCHEN UND SOZIOKULTURELLEN UMFELD

XXIII СЪЕЗД
РОССИЙСКОГО СОЮЗА ГЕРМАНИСТОВ
КАЛУГА, 20 — 22 НОЯБРЯ 2025 ГОДА

Организатор:
Калужский государственный университет
им. К. Э. Циолковского

Ежегодник «Русская германистика» включен в Перечень рецензируемых научных изданий,
рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования РФ,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата и доктора наук

Включен в Российский индекс научного цитирования
Электронная версия Ежегодника размещена на платформе НЭБ: www.elibrary.ru

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций,
свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-81832 от 31 августа 2021 г.

Периодичность издания: 1 раз в год
Ежегодник включен в электронный каталог АО «Почта России». Индекс ПН197

Р е д к о л л е г и я:

д. ф. н., проф. *А. В. Иванов* (главный редактор),
к. ф. н., доц. *А. Г. Пастухов* (отв. редактор лингвистической части),
к. ф. н., доц. *В. Г. Сибирцева* (отв. редактор литературоведческой части),
к. ф. н., доц. *А. В. Белобратов*, д. ф. н., доц. *Р. В. Белютин*,
д. ф. н., проф. *Л. И. Гришаева*, д. ф. н., проф. *С. И. Дубинин*,
д. ф. н., проф. *А. И. Жеребин*, д. ф. н., проф. *Л. Н. Полубояринова*,
к. ф. н. *Н. Н. Трошина*

Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. Вып. XXIII: «Отечественная германистика в исторических и социокультурных реалиях» («Einheimische / Russische Germanistik im historischen und soziokulturellen Umfeld»). — Нижний Новгород: Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, 2026. — 412 с.

ISSN 2782-2605

В этот номер журнала в основном включены статьи, подготовленные по материалам докладов, сделанных на XXIII съезде Российского союза германистов «Отечественная германистика в исторических и социокультурных реалиях» («Einheimische / Russische Germanistik im historischen und soziokulturellen Umfeld»), прошедшем 20–22 ноября 2025 г. в Калуге при поддержке Калужского государственного университета им. К. Э. Циолковского. Материалы лингвистического раздела дают представление о разнообразии дискурсивных практик в различных коммуникативных сферах, раскрывают связь культуры и языка, оказывающего влияние на формирование национально-культурного сознания, освещают различные аспекты функционирования немецкого языка как историко-культурного феномена. Литературоведческие статьи объединяет подход к анализу литературных произведений немецкоязычных писателей в социокультурном и эстетическом аспектах. Отдельное внимание уделяется проблематике компаративистики применительно к их литературному творчеству.

© НГЛУ, 2026

The Yearbook is included in the List of peer-reviewed scientific journals recommended by Higher Assessment Board of Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for publishing the main scientific outcomes of PhD and advanced PhD theses

Registered by the Federal Service for Supervision in the sphere of Communication, Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor)
Certificate of Registration PI no. FS77-81832 dated August 31, 2021

The electronic version of the Yearbook is available on the website: www.elibrary.ru

Periodicity (release) of the Yearbook: once a year

E d i t o r i a l B o a r d:

Ivanov, *Andrey V.*, PhD (advanced) in Philology, Professor (editor-in-chief),
Pastukhov, *Aleksandr G.*, PhD in Philology (executive editor, Linguistics),
Sibirtseva, *Vera G.*, PhD in Philology (executive editor, Literary Studies),
Belobratov, *Aleksandr V.*, PhD in Philology, Associate Professor,
Belyutin, *Roman V.*, PhD (advanced) in Philology, Associate Professor,
Dubinin, *Sergey I.*, PhD (advanced) in Philology, Professor,
Grishayeva, *Lyudmila I.*, PhD (advanced) in Philology, Professor,
Poluboyarinova, *Larisa N.*, PhD (advanced) in Philology, Professor,
Troshina, *Natal'ya N.*, PhD in Philology,
Zherebin, *Aleksey I.*, PhD (advanced) in Philology, Professor

Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists, vol. 23: "Germanic Studies in Russia in Historical and Sociocultural Realities" ("Einheimische / Russische Germanistik im historischen und soziokulturellen Umfeld"). — Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State Linguistics University (LUNN), 2026. — 412 p.

ISSN 2782-2605

This issue mainly includes articles reflecting the content of reports made at the 23rd Congress of the Russian Union of Germanists "Germanic Studies in Russia in Historical and Sociocultural Realities" ("Einheimische / Russische Germanistik im historischen und soziokulturellen Umfeld"), held on November 20–22, 2025 in Kaluga with the support of Kaluga State University named after K. E. Tsiolkovskiy. The articles presented in the linguistic section give an idea of the diversity of discursive practices in various communicative spheres, reveal the connection between culture and language, which influences the formation of national-cultural consciousness, and highlight various aspects of the functioning of the German language as a historical and cultural phenomenon. Literary criticism articles are united by an approach to the analysis of literary works of German-speaking writers in sociocultural and aesthetic aspects. Special attention is paid to the problems of comparative studies in relation to the literary work of these writers.

© LUNN, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции ... 10
ЛИНГВИСТИКА ... 12
Баева Г. А. К истокам научной полемики на немецком языке ... 13
Бухаров В. М., Байкова О. В. Миграционные процессы и просодическое варьирование в немецких диалектах ... 33
Гончарова Е. А. Полимодальные маркеры позитивной коммуникации в текстах современной немецкой социальной рекламы ... 54
Гришаева Л. И. Декодирование сведений о мире в интеракции как коммуникативная и когнитивная задача ... 74
Жилюк С. А. Дневник Д. Г. Мессершмидта: проблема жанра — проблема стиля ... 114
Зинцова Ю. Н., Орлова О. А. Конверсия как продуктивный способ немецкого словообразования: структурно-семантические характеристики и динамика продуктивности ... 134
Иванов А. В. Diskurs als Begriff und Terminus: Historisch-linguistische Retrospektion ... 153
Кострова О. А. Языковые знаки этноментальности в немецкой лингвокультуре ... 182
Петрова М. В. Поэтика «зловещей детали» в аналитических фиче Сабины Рюкерт ... 201
Сухова Т. А. Средства вербализации концепта «Имплицитное» в немецком языке (когнитивно-семантический аспект) ... 227
Туманова Е. О. Эонимы как средство экспликации модных феноменов в культуре Германии ... 244
Филиппов А. К., Филиппов К. А. Эстетические тенденции в немецкой германистике позднего Просвещения ... 269
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ ... 286
Бакулина Ю. А. Прецедентные имена как маркеры культурного пространства в немецкоязычной литературе первой четверти XXI века ... 287
Ишимбаева Г. Г. Женские архетипы и проблема поиска самости в романе *Внучка* Бернхарда Шлинка ... 306
Москвина Е. В. Пространственно-предметные знаки исторической эпохи в романе *Wohnungen* В. Г. Фишера ... 325
Серягина Ю. С. Проза А. Шницлера в газетах Российской Империи рубежа XIX—XX веков в аспекте переводной множественности ... 344
Пахомова О. В., Сибирцева В. Г. Творческий потенциал синтаксиса в проекции двух разных эпох ... 363

Солдабокова Е. В. Повесть *Рыжеволосая Фредерика* (1970) австрийской писательницы Кристине Нестлингер в переводе Д. В. Вильке 376
Цветков Ю. Л. Герман Бар и прозаический набросок *Видение* Томаса Манна 389
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 408

CONTENTS

Editorial Foreword 10
LINGUISTICS 12
Bayeva G. A. To the Origins of Scientific Polemics in German 13
Bukharov V. M., Baykova O. V. Migration Processes and Prosodic Variation in German Dialects 33
Goncharova Ye. A. Polymodal Markers of Positive Communication in Modern German Social Advertising Texts 54
Grishayeva L. I. Decoding Information about the World in Interaction: Communicative and Cognitive Tasks 74
Zhiliuk S. A. D. G. Messerschmidt's Journal: The Problem of Genre — The Problem of Style 114
Zintsova Yu. N., Orlova O. A. Conversion as a Productive Means of German Word Formation: Structural-Semantic Characteristics and Dynamics of Productivity 134
Ivanov A. V. Diskurs as a Concept and Term: Historical-linguistic Retrospection 153
Kostrova O. A. Linguistic Signs of Ethnomentality in German Linguoculture 182
Petrova M. V. Poetics of the "Sinister Detail" in the Analytical Features by Sabine Rückert 201
Sukhova T. A. Means of Verbalizing the Concept "Implicit" in the German Language (Cognitive-Semantic Aspect) 227
Tumanova Ye. O. Eonyms as Linguistic Means of Explicating Actual Phenomena in German Culture 244
Filippov A. K., Filippov K. A. Aesthetic Trends in German Studies of the late Enlightenment 269
LITERARY STUDIES 286
Bakulina Yu. A. Precedent Names as Markers of Cultural Space in the German-Language Literature of the First Quarter of the 21st Century 287
Ishimbayeva G. G. Female Archetypes and the Problem of Searching for Selfhood in the Novel *The Granddaughter* by B. Schlink 306
Moskvina Ye. V. Spatial and Object Symbols of the Historical Era in the Novel *Wohnungen* by W. G. Fischer 325
Seryagina Yu. S. Shnitzler's Prose in the Newspapers of the Russian Empire at the Turn of the 19th and 20th Centuries from the Viewpoint of Translative Plurality 344

Pakhomova O. V., Sibirtseva V. G. The Creative Potential of Syntax in Representing Two Different Eras 363
Soldabokova Ye. V. The Novel *Fiery Frederica* (1970) by Austrian Writer Christine Nöstlinger, Translated by D. V. Vilke 376
Tsvetkov Yu. L. Hermann Bahr and the Short Story *The Vision* by Thomas Mann 389
LIST OF CONTRIBUTORS 410

ОТ РЕДАКЦИИ

Представленные в Ежегоднике лингвистические статьи отражают современные подходы к раскрытию заявленной темы «Отечественная германистика в исторических и социокультурных реалиях». С одной стороны, они подробно иллюстрируют социокультурный характер изучения немецкого языка и культуры (политика, экономика, образование, история), с другой — захватывают широкое поле языковых явлений, развивающихся и изменяющихся под действием разнообразных антропогенных факторов: изучение языка в дискурсе, модификации речевых жанров и форматов, внедрение и продвижение медийных и цифровых практик. Так, Г. А. Баева в статье «К истокам научной полемики на немецком языке» обращается к изучению полемических форм трансфера знаний и способов их лингвистической манифестации. Ю. А. Бакулина в работе «Прецедентные имена как маркеры культурного пространства в немецкоязычной литературе первой четверти XXI в.» исследует прецедентные имена как ядерные единицы культурного пространства немецкоязычного романа первой четверти XXI в. Е. А. Гончарова в статье «Полимодальные маркеры позитивной коммуникации в текстах современной немецкой социальной рекламы» рассматривает позитивную диадическую коммуникацию с равноправными субъект-субъектными отношениями между ее участниками. В фокусе комплексного анализа Л. И. Гришаевой оказывается соотношение сведений о мире, объективируемых в текстовом пространстве средствами культурных кодов, а также сведений, не объективируемых, но активируемых и со-активируемых теми же вербальными и невербальными средствами. С. А. Жилюк обращается к определению стилистической принадлежности дневниковых записей Д. Г. Мессершмидта, созданных им в ходе экспедиции по Сибири в 1720—1727 гг. О. А. Кострова в работе «Языковые знаки этноментальности в немецкой лингвокультуре» рассматривает языковые единицы, характеризующие ментальность немецкого этноса. С помощью методов когнитивного анализа исследуется роль пространственного фактора в поведении немецкой языковой личности, функционирующей в условиях низкоконтекстной индивидуалистской культуры, в которой ее (само)идентификация определяет дистанцию в межличностном взаимодействии и в их отношениях с внешней средой. М. В. Петрова в статье «Поэтика “зловещей детали” в аналитических фиче С. Рюкерт» изучает журналистские расследования как медиажанр. Е. О. Туманова в работе «Эонимы как средство экспликации модных феноменов в культуре Германии» уделяет внимание роли эонимов в формировании «языкового вкуса эпохи». А. К. Филиппов и К. А. Фи-

липпов в своем труде «Эстетические тенденции в немецкой германистике позднего просвещения» отмечают значительные изменения в языке, происходящие в период позднего Просвещения в Германии, связываемые со становлением литературной нормы и развитием новых подходов к описанию грамматики и стилистики с опорой на эстетический и узуальный критерии.

Тематика литературоведческих докладов отражает осмысление накопленного знания и демонстрирует широкий спектр современных исследовательских подходов: от нарратологического и герменевтического анализа до культурно-исторической рецепции и проблем адаптации языковых и межкультурных особенностей при переводе. В статье, посвященной Томасу Манну, показывается процесс становления индивидуальной авторской поэтики Манна, сформировавшейся под влиянием Германа Барра. Исследование романа Б. Шлинка *Внучка* сосредоточено на интерпретации женских архетипов и выявлении особенностей организации сюжета, центральным принципом которого становится поиск Самости. В то время как в романе Шлинка рассматривается трансформация образов в модели «дева — мать — старуха» в конкретно-исторических обстоятельствах, иной способ репрезентации действительности — через пространственно-предметные знаки — предлагается в статье, посвященной Вольфгангу Георгу Фишеру. Носителями исторической памяти становятся интерьеры, городское пространство и предметный мир. Не менее удаленные по оси времени сопоставления проводятся в исследовании креативной составляющей синтаксиса у поэта XVIII в. Ф. Г. Клопштока и немецкоязычного автора японского происхождения Ё. Тавады, пишущей на рубеже XX—XIX вв. Нарушение синтаксических норм, о котором идет речь в статье, меняет свою семантику от новаторского интонирующего жеста до способа осмысления культурной и языковой идентичности. Сопоставление различных переводов одного текста, предложенное в статье о рецепции Артура Шнитцлера на рубеже XIX—XX вв., демонстрирует особенности переводной множественности и объясняет неоднородность его восприятия в различных регионах России. Попытка сблизить разные культуры анализируется и в статье, посвященной современной австрийской писательнице Кристине Нестлингер, для перевода повестей которой выбираются различные переводческие стратегии. В целом литературоведческие статьи отражают рецепцию немецкоязычных авторов в России во всем их многообразии и в совокупности раскрывают сложные механизмы взаимодействия языка, истории, литературы и культуры.

ЛИНГВИСТИКА
LINGUISTICS

Г. А. Баева
Санкт-Петербургский государственный университет

К ИСТОКАМ НАУЧНОЙ ПОЛЕМИКИ НА НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Полемическая формы трансфера знаний и способы их лингвистической манифестации формируются на протяжении достаточно длительного периода времени на фоне культурно-исторического контекста, интернациональных и национальных традиций. С одной стороны, особенностью раннего Нового времени в XVI—XVIII вв. является взаимодействие немецкого языка с латинским как главенствующим языком науки. С другой стороны, немецкий язык уже к тому времени в полной мере располагал широкой палитрой лингвистических средств для ведения научной, религиозной и политической полемики, среди которых доминируют разнообразные синтаксические конструкции со стержневыми лексемами argumentirn, argumentation, argument, disputirn, discurrirn и др. Социально-дискурсивная практика полемического представления научного знания характеризуется стремлением к объективности в изложении фактов и результатов научного исследования, что определяет и отбор стилистически нейтральной общеупотребительной лексики, например, глаголов beweisen, begründen, halten, meinen, gestehen, einräumen и др. В целом, в полемических публикациях периода становления немецкого научного языка обнаруживается набор языковых средств, которые, с одной стороны, сохраняются и в современном языке, с другой стороны, отличаются от современного научного словоупотребления и в некоторых случаях даже полностью утрачиваются. Задача анализа заключается также в выявлении вербальных средств в прагматической организации полемики и определении их текстообразующей роли в корпусе текстов, созданных около 1610 г. на основе полемики математика и астронома Иоганна Кеплера (Johannes Kepler), теологов Гелисеуса Реслина (Helisäus Röslin), Мельхиора Шерера (Melchior Schaerer), и врача Филиппа Фезелия (Philipp Feselius), связанной с открытием в 1604 г. новой кометы *De stella nova* и обоснованием статуса астрологии как науки.

Ключевые слова: полемика; культурно-исторический контекст; наука; научный дискурс: аргументация

1. Введение

Современная научная коммуникация весьма разнообразна и характеризуется наличием разных институциональных форм: лекции, семинары, конференции, конгрессы, журналы, сборники и т. п., которые выполняют роль посредников при общении между учеными. Способы коммуникации задаются сложившимися коммуникативными практиками, которые определяют стандарты научной работы и постоянно меняются в зависимости от эпохи, ее культурно-исторического контекста и технических возможностей.

Формирование научной коммуникации в эпоху раннего Нового времени было неразрывно связано с выработкой новых форм социального бытия и концентрировалось в основном вокруг частных контактов ученых: это переписка и личное общение через дискуссии. Именно эти каналы связи имели определяющее значение и формировали коммуникативную инфраструктуру, которая позже закреплялась в академиях, научных обществах, университетах и научных журналах в виде публикаций научных статей, трактатов в рамках обмена научной информацией и полемики вокруг тех или иных открытий и дискуссий. Лексико-синтаксические и стилеобразующие черты полемической формы передачи знания формируются на протяжении длительного периода времени с учетом культурно-исторического контекста как отдельного научного сообщества, так и в рамках сложившихся институциональных подходов к жанрам научной коммуникации (Булавинова 2018; Чернявская 2021; Хутыз 2021; Gloning 1999; Hertel 2000; Marti 2010; Fritz 2012). К основным общезначимым характеристикам полемики можно отнести учет соответствующего научного контента, терминологическую насыщенность, представление новой информации (знания, мнения) в полемике и противопоставлении новое — известное, свое — чужое, ясность и точность формулировок, логичное и доходчивое изложение научной мысли, стремление к объективности суждений, использование обоснованной и непротиворечивой аргументации и др. (Schröter 2011; Fritz 2010, 2012; Fritz & Gloning 2016).

Зарождение полемического дискурса в Германии, как правило, связывают с деятельностью Мартина Лютера, который использовал средства полемики для продвижения своих реформаторских идей: послания, публичные диспуты, листовки, проповеди и т. п., например, Лейпцигский диспут 1519 г., на котором Лютер спорил с Иоганном Экком. В таких полемических диспутах основным аргументом была апелляция к Священному Писанию и использование социальных настроений. Можно сказать, что Лютер соединил воедино академическую полемику, публицистику, апелляцию к народным настроениям и символические действия для продвижения своих идей и разрушения авторитета католической церкви (Gierl 1997; Gloning 1999; Fritz & Gloning 2016).

Настоящее исследование базируется на корпусе текстов, созданных около 1610 г. как отражение полемики знаменитого математика и астронома Иоганна Кеплера (Johannes Kepler), теологов Гелисеуса Реслина (Helisäus Röslin), Мельхиора Шерера (Melchior Schaerer), и врача Филиппа Фезелия (Philipp Feselius). Толчком к дискуссии послужило открытие в 1604 г. новой кометы *De stella nova*, которое привело к попытке обосновать статус астрологии как науки. Реслин считал, что появление сверхновой кометы подтверждает его предсказание о «всемирном преобразовании». Фезелий отвергал астрологию, считая, что она не имеет научной основы и не может считаться достоверным знанием. Его критика была направлена против распространенных в то время астрологических практик, включая предсказания на основе положений планет и звезд. Как врач, он, вероятно, стремился отделить медицину от ненаучных методов, что было характерно для его времени (Lenke & Roudet 2010: 138; Gaulke & Hamel 2010). Кеплер, хотя и критиковал некоторые аспекты традиционной астрологии, но не отвергал ее полностью. В своих работах, например, в *Гармонии мира* («Harmonices mundi») он пытался интегрировать астрологию в естественнонаучную картину мира и использовал комбинацию научных, философских и религиозных аргументов. В предисловии к одному из своих трудов Кеплер прямо обращался к Фезелию, предупреждая, что, отвергая астрологические суеверия, не

следует «выплескивать с водой и ребенка», т. е. наносить вред науке (Krafft 1992: 22). Кеплер стремился разграничить научную основу (гармонию мира, законы движения планет) и суеверные астрологические практики. Он допускал связь земного и небесного, но скептически оценивал возможность ее использования с целью предсказания тех или иных событий, считая, что «люди ошибаются, думая, что от небесных светил зависят земные дела» (Голованов 1976; Krafft 1992).

Приведем еще одно образное сравнение Кеплера:

> Es ist wol diese Astrologia ein närrisches Töchterlin … aber lieber Gott/wo wolt jhr Mutter die hochvernünfftige Astronomia bleiben/wann sie diese Jhre närrische Tochter nit hette/ist doch die Welt noch viel närrischer/und so närrisch/daß deroselben zu jhren selbst frommen diese alte verständige Mutter die Astronomia durch der Tochter Narrentaydung/weil sie zumal auch einen Spiegel hat/nur eyngeschwärzt und eyngelogen werden muß. Und seynd sonsten die Mathematicorum salaria so seltzam und so gering/daß die Mutter gewißlich Hunger leyden müste/wann die Tochter nichts erwürbe (цит. по: Krafft 1992: 24). Конечно, эта астрология глупая дочка; но, Боже мой, куда бы делась её мать, высокомудрая астрономия, если бы у неё не было глупенькой дочки! Свет ведь ещё гораздо глупее и так глуп, что для пользы этой старой разумной матери глупая дочь должна болтать и лгать. И жалованье математиков (*Mathematicorum salaria*) так ничтожно, что мать, наверное, голодала бы, если бы дочь ничего не зарабатывала.

При анализе эмпирического материала необходимо учитывать два момента. Во-первых, в средневековой Германии полемика (особенно в XI—XVI вв.) велась преимущественно в религиозно-политическом ключе и опиралась на специфические средства аргументации и распространения идей (Булавинова 2018; Hertel & Volker 2000). В XVI—XVII вв. дискуссии между немецкоязычными учеными велись преимущественно на латыни, научном языке межнационального научного общения. Однако, если речь шла о привлечении к дискуссии более широкой немецкоязычной аудитории, как, по-видимому, в нашем случае, использовался также немецкий язык, в который включались латинские термины и ученые выражения.

Наше представление о развитии немецкого языка вообще и как научного, в частности, в раннее Новое время формируется прежде всего на основе критических размышлений видных авторов конца XVII в. о научной, специальной или специализированной языковой практике того времени и усилиях выдающихся личностей эпохи по продвижению немецкого языка как научного. В связи с этим приведем высказывания Лейбница, который «давал наставления немцам»: «лучше практиковать/тренировать свой разум / свое понимание и язык» («Ermahnung an die Teutsche, ihren verstand und sprache beßer zu üben») (LEIBNIZ 1679 (1986): 808), и далее указывал на то, что многие ученые в Германии «считают, что мудрость может быть облечена только в латынь и греческий») («gemeinet, dass die Weisheit nicht anders als in Latein und Griechisch sich kleiden ließe») (ibid.). С критическими замечаниями об использовании немецкого языка учеными мужами выступал Штилер, автор одного из первых словарей немецкого языка *Der teutschen Sprache Stammbaum und Fortwachs* (1691), в котором он отмечает, что «конечно, безответственно и крайне вредно для ученого, если он научился использовать свой врожденный язык не лучше, чем простой народ» («einem Gelehrten allerdings unverantwortlich und höchstnachteilig [sei] / wann er mit der Sprache / so ihm angeboren / beßer nicht / als der gemeine Pöfel / umzugehen gelernet hat») (STIELER 1691 (1968)).

Подобные высказывания в пользу немецкого языка, хотя и не были многочисленными, но существовали и ранее. Вспомним, например, усилия Христиана Томазия по внедрению немецкого языка в университетское преподавание или деятельность Парацельса, который более чем за 60 лет до Лейбница вел виртуозные научные дебаты на немецком языке и, главное, предлагал «лечить больных по-немецки» (БАЕВА 2025).

Во-вторых, важно учитывать тот факт, что ученые конца XVI — начала XVII в. изучали основы ведения дискуссии и аргументации в университетах в курсах риторики и логики или диалектики. Диспут в то время выступал формой обучения в университете, поэтому участники научной полемики были хорошо знакомы с правилами и принципами ведения дискуссии. Это убедительно проявляется и в дискуссиях, где участники не

только используют типичные модели аргументации, но и применяют основы критики и разработанные для нее языковые средства в своих рефлексивных замечаниях по ходу диспута, делая это как на латинском, так и немецком языках (Polenz 1988; Marti 2010). В связи с этим очевидна «метапрагматика коммуникации», т. е. положение дел, когда «автор приносит свое значение, а адресат свой контекст» (Чернявская 2020).

2. Языковое оформление критики и аргументации

2.1. Общие понятия

Анализ материала, начиная с названий научных работ, позволяет предположить, что полемический научный дискурс раннего Нового времени имеет несколько жанровых обозначений (Прайс 1976; Старостин 1980; Hertel 2000). Частотные для названия научных штудий в этот период лексемы Traktat ‘трактат’ и Diskurs ‘дискурс’ являются наиболее нейтральными и обычно свидетельствуют, скорее, о неполемическом изложении научных изысканий, в то время как используемые в заголовках лексемы Gegenschrifft ‘контраргумент, доказательство противоположности’ und Antwort ‘ответ, возражение’ указывают на воинствующий, атакующий характер ответа на некое положение дел и критику, а Verantwortung ‘Ответственность’ — на защитный характер изложения как результата научного спора. Кроме этого, есть еще и номинация Streitschrift ‘полемическое изложение’, в котором однозначно подчеркивается воинствующий, полемически опровергающий характер критики, а такие термины как Schmachschrift ‘клевета, клеветническое письмо’ или Lästerschrift ‘кощунственное письмо’ прямо указывают на враждебный и оскорбительный характер полемики (Fritz 2016:158).

Подобные замечания и предположения можно сделать в том числе на основе описания семантики соответствующих лексем в словарях (Adelung 1798; Lexer 1992; DWDS: URL). Углубленное знакомство с конкретными научными работами, без возможности в полном объеме учесть социальный, культурный и научный контекст, показывает, что зачастую данные лексемы используются как синонимы, обозначающие прежде всего аргументированную реакцию оппонентов в полемическом дискурсе. Выбор между эксплицитной и имплицитной информацией под-

чиняется и подсказывается доминирующей практикой прочтения и интерпретации в конкретный исторический период. Главным в этом случае является

> понятие общего для участников коммуникации контекста как комплекса экстралингвистических оснований, создающих ситуативную релевантность высказывания, с опорой на которые выдвигается один из семантически возможных смыслов (Чернявская 2020: 138).

Такая перспектива переносит фокус исследования с анализа кооперативного взаимодействия и распознавания интенции («текст в голове», смысл на входе и на выходе) на понятие смысла в общем разделяемом контексте (ibid.: 141). Приведем примеры названий некоторых работ: *Gründtlicher Discurs von der Astrologia Judiciaria…* (Feselius 1609); *Antwort Joannis Keppleri… Auff D. Helisæi Röslini… Discurs Von heutiger zeit beschaffenheit…* (Kepler 1609); *Tertivs interveniens. Das ist/ Warnung an etliche Theologos, Medicos vnd Philosophos…* (Kepler 1610); *Verantwortung vnd Rettung der ARgumenten vnd Vrsachen/ welche M. Melchior Scherer… eingeführet* (Schaerer 1611).

Для определения собственного вклада в полемику и/или для обозначения точки зрения оппонента принято было не только заявить об этом в названии, как это показано выше, но требовалось сразу же охарактеризовать тип коммуникации при ведении полемики. Диапазон наиболее распространенных лексем, используемых для характеристики формы или типа коммуникации, широк: от достаточно нейтральных латинских discurrirn, argumentirn, Argumentation, disputirn, disputation, controversia, до агрессивных немецких streit, zanck. Анализ значений приведенных лексем в словарях позволяет сделать следующие выводы: в то время как discurrirn обозначает более спокойную форму дебатов, argumentirn, (Argumentation) указывает на использование аргументов, disputirn, disputation обозначает академическую форму обсуждения, спорный характер можно подчеркнуть с помощью лексем controversia, streit и zanck (Adelung 1798; Lexer 1992; DWDS: URL). Примеры из полемических пассажей убедительно иллюстрируют контрарное использование этих жанрово-специфических и определительных единиц. Важно отметить, что авторы используют одновременно и немецкие,

и латинские лексемы. Так, Кеплер, обозначая свои действия, указывает, что он использует их не как проповедь, а как аргументацию, и ссылается на то, что упоминание величия Бога в его предыдущем выступлении в дискуссии было задумано не как часть проповеди, а именно как аргументативный ход:

(1) Ich hab […] nit_*geprediget* / sondern *argumentirt (*Kepler 1609, 110.28).[1]
(2) Dis ist der Prozeß in dieser *argumentation* (ibid., 109.27).
(3) ehe er sich gegen mir *in streit einlasset (*ibid., 105.29).
(4) sich gegen mir in *disputation* eingelassen (ibid., 103.20).
(5) wann diese *controversia* mehr *authoritatibus* […] als *rationibus* sollte erörtert werden (Feselius 1609).

Специфику и силу вероятных дискуссий иллюстрирует следующий ироничный пример, описывающий как врачи «диспутируют / спорят / и ссорятся / ругаются» у постели больного и не приходят к единому мнению, даже тогда, когда тот умирает и испускает дух:

(6) Vnd in dem sie [die Ärzte] darüber disputiren / streiten / vnd zancken / geht dem Krancken die Seel auß / ehe sie der Sachen eins werden (Schaerer 1611, 205) (цит по: Fritz 2016:157).

Если понимать эту последовательность речевых действий риторически, т. е. как усиление, то можно использовать ее и как указание на более тонкие градации значения в использовании этих лексем.

Участникам полемики, как правило, приходится четко обозначать характер собственных коммуникативных действий, определять речевые действия оппонента. Для этой цели используются глаголы-маркеры речи verba dicendi: для введения критики используются глаголы strafen и tadeln — часто в модальных конструкциях с haben... zu + Inf. («ich habe zu straffen/tadeln») и реже глагол taxirn / taxieren ‘оценивать’ (Lexer 1992).[2]

Эксплицитные характеристики речевых действий часто служат и для установления признаков типа текста, т. е. номина-

[1] Здесь и далее выделение курсивом приводится в соответствии с оригиналом.

[2] Глагол kritisieren был заимствован из французского языка позднее, в XVII в.

ции используются перформативно, как в следующих примерах:

(7) Ich hab an diesem andern theil der *argumentation* nichts zu tadeln (KEPLER 1609, 124.9).

(8) diejenigen Fantastereyen / welche hie *Feselius* taxiret (KEPLER 1610, 226.20.

Центральную роль в полемике играют возражения против утверждений и аргументов оппонентов, для характеристики которых используются существительные и глаголы со значением возражения: Einrede, Einwurf, Gegenwurf, Obiection, objicirn, einwenden, entgegnen и др.:

(9) Es wirdt auch D. Feselius nunmehr mercken / dass diese Obiection nichts gelte (KEPLER 1610, 205.29).

(10) Hie kommen nun die *psysici*, *objicirn* vnd sagen: … (KEPLER 1609, 109.29).

(11) Letztlich wendet D. Feselius ein / … (SCHAERER 1611, 202)

(11) Dann ich warlich in seinen Einreden […] nichts finde / das ein Philosophischer Kopff mit Ehren vnd Reputation fürbringen kann (KEPLER 1610, 253.42f.).

Стандартными приемами в спорах являются опровержение и доказательство, для описания которых используются лексемы widerlegen, refutirn (часто с удвоением: refutirn vnd widerlegen, Refutation und wiederlegung), abfertigen ‘endgültig widerlegen’, verwerffen (обычно в сочетании с von Theorien und Auffassungen), vmbstossen и vber ein hauffen stossen (FESELIUS 1609, B ij). Глаголы vmbstossen и verwerffen используются в значениях ‘опровергнуть, отвергнуть’ или ‘окончательно опровергнуть’:

(13) Ich wil nit alles *refutirn*, was *Kepplerus* hiervon mehr *scrupulirt* (KEPLER 1609, 142.12f.).

(14) Refutation vnd wiederlegung dessen / so Herr Johan Kepplerus <…> wider mein schreiben von den Cometen <…> eingeführet (RÖSLIN 1609, Fija).

(15) Wir verwerffen zwar nicht die löbliche Kunst der Astronomei / wie wir dann auch nicht straffen / was seine gewissen vrsachen in der natur hat (FESELIUS 1609, Eija).

(16) wird D. Feselio seine meynung gerade wegs vmbgestossen (KEPLER 1610, 191.7f.; KEPLER 1609, 109.40).

Как показывают примеры, к средствам передачи полемического содержания относятся, с одной стороны, латинские форму-

лировки для критики заблуждений (fallaciae ‘обман, мошенничество, введение в заблуждение’ и такие как petitio principii ‘предвосхищение основания’ или ‘круговое рассуждение’ (Zirkelschluss, иногда также Zirkelschluss der Beweisführung). Речь, вероятно, идет о логической ошибке, при которой для доказательства тезиса используется само положение, которое еще не доказано, т. е. принимается за отправную точку нечто, что требует доказательства, но предлагается принять это как истину (FRITZ 2008: 111).

С другой стороны, имеются конструкции, например, с образованным от глагола прилагательным / причастием ungereimt, которые могут использоваться для обозначения несоответствия, несообразности и абсурдности взгляда или вывода, или сочетания с существительным Gegenspiel ‘Gegenteil’, указывающие на внутреннее противоречие:

(17) *Est petitio principij*, der Herr Doctor verzeih mir / das ich logicè rede (KEPLER 1609, 177.38).
(18) *Principium petiren*, wie man in schulen redt (FESELIUS 1609, Aib).
(19) Es sey vnglaublich vnd vngereimt (KEPLER 1609, 109.32).
(20) Aus welcher meinung aber vil vngereimtes folgen muß (FESELIUS 1609, Aiija).
(21) Er hat aber droben das Gegenspiel gesagt (KEPLER 1610, 195.20).
(22) *meræ fallaciae secundum non causam ut causam* (FESELIUS 1609, Aib).
(23) Wenn sie ein sach nit könden *directè refutirn*, so bringen sie solliches letz vnd vberzwerch für / vnd *refutirn* hernach nit des *Authoris*, sondern jhr fürbringen (KEPLER 1609, 116.33f.).

Рефлексивная практика в полемике включает также упоминание коммуникативных принципов, которые могли соблюдаться или нарушаться участниками дискуссии. В качестве примеров приведем два часто упоминаемых противоположных принципа: краткости и полноты изложения (das Prinzip der Kürze и das Prinzip der Gründlichkeit), которые демонстрируют проблему противоборствующих принципов: определять от противного, но избегать во многих случаях очень сложного основательного аргументирования, избавляясь при этом от длиннот или бессвязности (Weitläuffigkeit) (GLONING 2016):

(24) weitleuffigkeit zuvermeiden (FESELIUS 1609, Dijb; ibid., Fijb).
(25) keinen weitleuffigen schrifftstreit (ibid., iija).
(26) weil aber solcher zulang sein würd (ibid., Eiijb).

(27) gründtliche Beweiß (KEPLER 1610, 192.1).
(28) gründlich zu antworten (RÖSLIN 1609, Dijb).

Ср. также название на титульном листе: Gründtlicher Discurs Von der Astrologia Judiciaria (FESELIUS 1609, Titelblatt).

2.2. Доказательство, уступка

Среди лексем, используемых для обозначения доказательства, распространены глаголы beweisen, erweisen, demonstrern и probirn, а также существительные Beweis, Beweisung и Demonstration ‘доказательство’:

(29) Das hab ich erwisen / mit bekannten Exemplis (KEPLER 1609, 110.28).
(30) Das will ich *Feselio* besser probieren / als er niemaln gewusst (KEPLER 1610, 190.30).
(31) mag in viel wege probiert vnd erwiesen werden (ibid., 209.27).
(32) wann er gleich keinen beweiß bringet (KEPLER 1609, 106.6).
(33) Vnd laß ich das Exempel einer solchen vngegründeten *demonstration* auch passieren (KEPLER 1610).

Реакция на критику, будь то обвинение или опровержение, характеризуется необходимостью противостоять, защищаться, брать на себя ответственность и выражается лексемами: vertheydigen, verantworten, Verantwortung, Rettung и др.:

(34) das nunmehr auch die Astrologi sich in offentlichen schrifften vertheydigen vnd verantworten dürffen (KEPLER 1609.132.38).

Ср. также заголовки: Verantwortung Desjenigen/ was *D. Helisaeus Roeslinus* auß meinem Buch *de Stella nova Anni 1604* angezogen. (KEPLER 1609, 104.1ff., заголовок основной части «Antwort»); Verantwortung vnd Rettung der Argumenten vnd Ursachen / welche M. Melchior Schęrer / <…> eingeführt (SCHAERER 1611, Titelblatt).

Риторической особенностью полемики, которая может иметь разнообразные стратегические функции, является уступка. В анализируемых текстах она обозначена лексемами gestehen, geständig sein, bekennen, zugeben, nachgeben, concessio и др. Особого внимания заслуживают контексты, где автор прямо отказывается от определенной уступки и настаивает на своей точке зрения: Ich gestehe nit ‘не признаюсь’.

(35) D. Röslin. Ich gestehe gar nit / das meine *prognostica* auß einem besonderen Trib gehen. Ich kann einem die vrsachen für augen setzen. // Keppler. So gesteh Ich nit / das sie aus gnugsamen vrsachen gehen

(Kepler 1609, 126.39ff.).

(36) Ich bin ihm seinen Schluß geständig/ aber die Vrsachen zu diesem Schluß/ die *Feselius* brauchet/ seynd einander sehr vngleich: Vnd gestehe nicht/ daß die Sterne alle einander gleich seyen (Kepler 1610, 225.32ff.).

(37) Ich bekenne gern (Kepler 1610, 181.26, Kepler 1609, 107.5, Kepler 1609, 116.15).

(38) Feselius hette seiner meynung <…> schier zuviel zugegeben (Kepler 1610, 221.1).

Для подчеркивания (ошибочной) точки зрения оппонента используется конструкции er meynet или er vermeynet.

Интересным ходом в полемике является введение и обсуждение гипотетического или контрфактуального предположения. Этот ход обычно осуществляется через предикативную лексему gesetzt ‘постулирован(о)’. Во многих случаях таким образом выражаются взгляды, которых придерживается оппонент или которые ему приписываются, но которые затем опровергаются. Стандартная формулировка основана на латинской фразе из диспута (ср.: lat. dato sed non concesso — gesetzt, doch nicht gegeben ‘постулируется, но не дается’):

(39) gesetzt nun, doch nicht gegeben (Kepler 1610, 184.8).

(40) Vnd gesetzt / ein solche Figur gewinne jhre gleiche Winkel (ibid., 204.3).

Несмотря на достаточно воинствующий в целом характер полемики есть случаи ослабления утверждения, что коррелирует с исследованиями современного научного языка, согласно которым важная стратегия успешной аргументации — отсутствие «чрезмерной силы утверждений». Эта стратегия часто реализуется с помощью характерных смягчающих формулировок, т. е. форм так называемого хеджирования (Hyland 1998). Характерная форма хеджирования заключается в смягчении утверждения по отношению к самому себе с помощью глагола geduncken (например, mich will geduncken; mich geduncket) или с помощью близких по значению формулировок ich halte и ich eracht (примеры 41-45). Другие формы хеджирования передаются, например, с использованием уступительной частицы *doch* (пример 41):

(41) so will mich doch geduncken (Kepler 1609, 142.32).

(42) gedüncket mich […] zu erweisen zu seyn (Kepler 1610, 213.13).

(43) also daß ich zimlich starck erwisen (KEPLER 1609, 120.30).
(44) Ich halt er verstehe allhie die Aristotelicos Philosophos, (RÖSLIN 1609, Gija).
(45) Kepplerus sagt vnd helt / das sich Gott dieser *Cometen* vnd zaichen gebrauche / den Menschen etwas darmit anzuzaigen (KEPLER 1609, 124.04).

Как видно из приведенных выше примеров, в полемических высказываниях широко используются повторяющиеся, устойчивые по составу, своего рода ритуально-стандартные формулы (POLENZ 1988). К ним относятся формулировки, которые встречаются в названиях работ, указывают на предмет спора, сигнализируют о выражении определенного мнения (возможно, неверного) или предвосхищают потенциальное возражение (см. также примеры выше).

2.3. Метафора

Частью риторически эффективного представления полемики выступает метафора. Для полемического изложения типичны воинствующие метафоры, связанные с борьбой и сражением. Метафора «спор — это война» (LAKOFF & JOHNSON 1980: 4) восходит к классической риторике и уже около 1600 г. воспринимается как традиционная модель. Типичные метафорически нагруженные выражения связаны с глаголами, обозначающими разные виды физических нападений: anfechten, außfechten, widerfechten, bestreiten, antasten, umbstossen, а также существительные с номинацией места сражения:

(46) Allhie gewinnet Feselius einen rechten vnd den Medicis absonderlich gewidmeten Kampffplatz (KEPLER 1610, 221.1).
(47) (die Argumente) / mit welchen die *Astrologia* gewöhnlich angefochten vnd widerlegt wirdt (ibid., 162.17f.).
(48) Dann diß hab ich gegen meinen *Opponenten* außzufechten gehabt (KEPLER 1609, 131.43).
(49) in wellichem er sich angetastet sein vermeint, er glaubt, angegriffen worden zu sein‘ (ibid., 105.35f.).
(50) Kein ehrenrührige oder sonsten boßhafftige Politische schimpffliche Antastung Doctoris Röslini (ibid., 112.15).

3. Выводы

В период XVI—XVII вв. немецкий язык, взаимодействуя в тесном переплетении с латинским как главенствующим языком

науки, располагал широким диапазоном лингвистических инструментов для ведения полемики, среди которых доминируют разнообразные синтаксические конструкции со стержневыми лексемами discurrirn, argumentirn, argumentation, argument, disputirn, disputation, controversia, petitio principii, kritsieren, tadeln, streit, zanck и т. п. Социально-дискурсивная практика полемического представления научного знания характеризуется стремлением к объективности в изложении фактов и результатов научного исследования, что определяет отбор стилистически нейтральной общеупотребительной лексики, например, глаголов beweisen, begründen, zugestehen, einräumen и др.

В целом, в полемических публикациях исследуемого периода обнаруживается набор языковых средств, которые, с одной стороны, сохраняются в современном языке, с другой — существенно отличаются от современного научного словоупотребления и даже полностью утрачиваются.

Подводя итог, можно сказать, что научная полемика конца XVI — начала XVII в. располагала сложным и разнообразным набором языковых средств как для тонкого и деликатного ведения спора, так и для трансляции воинствующей, непримиримой позиции. К ним относятся латинские выражения, устоявшиеся иностранные слова (в основном латинского происхождения), такие как Argument, disputirn, немецкие лексемы erweisen, verwerffen, strafen, включая заимствованные кальки из латыни (например, Gegenwurff как калька к латинскому obiectio), а также значительное количество выражений, имевших явное метафорическое значение, например, anfechten или vmbstossen. Для некоторых упомянутых квазисинонимов можно предположить наличие оттенков в значении, которые требуют дальнейшего изучения.

Многие выражения, широко употреблявшиеся в то время, прочно укоренились в современном словаре аргументации, например, Argument, beweisen, widerlegen und daraus folgt, а другие сейчас используются редко или полностью устарели Einwurf, Gegenwurf, Einrede, Erinnerung ‘возражение, мольба, напоминание’. То же самое относится и к глаголу refutieren ‘widerlegen’. Устойчивые формульные выражения, такие как ungereimt, используются ныне крайне редко; вместо них чаще упо-

требляется absurd. Не используется существительное Demonstration ‘Beweis’. Вместо предикативного gesetzt обычно говорят angenommen и др., т. е. все изменения являются в целом результатом развития немецкого языка в XVIII и XIX вв. и потому требуют детального изучения.

Наши наблюдения показывают, что вопрос об использовании языковых средств в существовавших в то время формах и жанрах коммуникации имеет плодотворную перспективу для комплексных историко-прагматических, историко-лексикологических и историко-семантических исследований.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

Баева Г. А. К становлению типа текста «академическая лекция» в Германии // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2025. № XXII. С. 35—58. [Baeva, Galina A. (2025) K stanovleniyu tipa teksta “akademicheskaya lektsiya” v Germanii (On the Formation of the Text Type “Academic Lecture” in Germany. *Russian German studies: Yearbook of the Russian Union of Germanists*, XXII, 35—58. (In Russian)].

Булавинова М. П. Научная коммуникация: факторы развития (обзор) // Наука и общество: современные зарубежные исследования: сб. обзоров и рефератов / гл. ред. Е. Г. Гребенщикова. М.: РАН, 2018. С. 51—62. [Bulavinova, Marina P. (2018) Nauchnaya kommunikatsiya: faktory razvitiya (obzor) (Scientific communication: development factors (Review)). In: Grebenshchikova, Yelena G. *Nauka i obshchestvo: sovremennyye zarubezhnyye issledovaniya: sb. obzorov i referatov* (Science and society: modern foreign research: collection of reviews and abstracts). Moscow: RAS, 51—62. (In Russian)].

Голованов Я. К. Этюды об ученых. Иоганн Кеплер. М.: Молодая гвардия, 1976. [Golovanov, Yaroslav K. (1976) *Etyudy ob uchonykh. Iogann Kepler* (Etudes about Scientists. Johannes Kepler). Moscow: Molodaya Gvardiya. (In Russian)].

Прайс Д. Д. де С. Тенденции в развитии научной коммуникации — прошлое, настоящее, будущее // Коммуникация в современной науке. М.: Прогресс, 1976. 438 с. [Price, Derek John de Solla (1976). Tendentsii v razvitii nauchnoy kommunikatsii — proshloye, nastoyashcheye, budushcheye (Trends in the Development of Scientific Communication — Past, Present, Future). In: Sadovskiy, Vadim N. & al. *Kommunikatsiya v sovremennoy nauke* (Communication in Con-

temporary Science). Moscow: Progress. Moscow: Progress. (In Russian)].

Старостин Б. А. Параметры развития науки. М.: Наука, 1980. [Starostin, Boris A. (1980) *Parametry razvitiya nauki* (Parameters of the Development of Science). Moscow: Nauka. (In Russian)].

Чернявская В. Е. Метапрагматика коммуникации: когда автор приносит свое значение, а адресат свой контекст // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2020, 17 (1). 135—147. [Chernyavskaya, Valeria Ye. (2020) Metapragmatika kommunikatsii: kogda avtor prinosit svoye znacheniye, a adresat svoy kontekst (Metapragmatics of Communication: When the Author Brings Their Meaning, and the Addressee Their Context). *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura* (Bulletin of St. Petersburg University. Language and Literature). 2020, 17 (1), 135—147. (In Russian)].

Чернявская В. Е. Текст и социальный контекст: Социолингвистический и дискурсивный анализ смыслопорождения. М.: Ленанд, 2021. Chernyavskaya Valeria Ye. (2021) *Tekst i sotsial'nyy kontekst: Sotsiolingvisticheskiy i diskursivnyy analiz smysloporozhdeniya* (Text and Social Context: Sociolinguistic and Discursive Analysis of Meaning Generation). Moscow: Lenand. (In Russian)].

Хутыз И. П. Жанры дискурса академической среды: традиционное и новое. М.: ВКН, 2021. [Khutyz, Irina P. (2021) *Zhanry diskursa akademicheskoy sredy: traditsionnoye i novoye* (Genres of Academic Discourse: Traditional and New). Moscow: VKN Publishing House. (In Russian)].

Gierl, Martin. (1997) Pietismus und Aufklärung. Theologische Polemik und die Kommunikationsreform der Wissenschaft am Ende des 17. Jahrhunderts. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.

Fritz, Gerd. (1993) Kommunikative Aufgaben und grammatische Mittel. Beobachtungen zur Sprache der ersten deutschen Zeitungen im 17. Jahrhundert. *Sprache und Literatur in Wissenschaft und Unterricht*, 24, 34—52.

Fritz, Gerd. (1994) Grundlagen der Dialogorganisation. In: Fritz, Gerd & Hundsnurscher, Franz. (eds) *Handbuch der Dialoganalyse*. Tübingen: Niemeyer, 177—201.

Fritz, Gerd. (2008) Communication principles for controversies: A historical perspective. In: Eemeren, Frans H. van & Garssen, Bart. (eds) *Controversy and Confrontation: Relating Controversy Analysis with Argumentation Theory*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 109—124.

Fritz, Gerd. (2010) Controversies. In: Jucker, Andreas H. & Taavitsainen, Irma. (eds) *Historical Pragmatics. Handbooks of Pragmatics*. Vol. 8. Berlin; New York: de Gruyter, 451—481.

Fritz, Gerd. (2012) Kontroversen — Ein Paradigma für die Geschichte von Kommunikationsformen. In: Ernst, Peter. (ed.) *Historische Pragmatik. Jahrbuch für germanistische Sprachgeschichte*. Bd 3. Berlin; Boston: de Gruyter, 105—126.

Fritz, Gerd. (2016) Zum Sprachgebrauch wissenschaftlicher Kontroversen im Deutschen um 1600. *Beiträge zur Texttheorie und Diskursanalyse*, 151—170.

Fritz, Gerd & Gloning, Thomas. (2016) *Historical pragmatics of controversies. Case studies from 1600 to 1800*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins.

Gloning, Thomas. (1999) The pragmatic form of religious controversies around 1600. A case study in the Osiander vs. Scherer & Rosenbusch controversy. In: Jucker, Andreas H.; Fritz, Gerd & Lebsanft, Franz (eds) *Historical Dialogue Analysis*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 81—110.

Gloning, Thomas. (2016) The Pragmatic Organization of the Kepler / Röslin / Feselius controversy on the scientific Status of Astrology (1609—1611). Fritz, Gerd & Gloning, Thomas (eds) *Historical pragmatics of controversies. Case studies from 1600 to 1800*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 37—94.

Hertel, Volker. (2000) Textsortenbenennungen im Deutschen des 16. Jahrhunderts. In: Barz, Irmhild; Fix, Ulla; Schröder, Marianne & Schuppener, Georg (eds) *Sprachgeschichte als Textsortengeschichte*. Frankfurt am Main: Lang, 321—336.

Hyland, Ken. (1998) *Hedging in scientific research articles*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins.

Lakoff, George & Johnson, Mark. (1980) *Metaphors we live by*. Chicago; London: The University of Chicago Press.

Krafft, Fritz. (1992) Tertius interveniens: Johannes Keplers Bemühungen um eine Reform der Astrologie. In: Buck A. (ed.): *Okkulte Wissenschaften in der Renaissance*. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 197—225.

Leibniz, Gottfried Wilhelm. (1679/1986) Ermahnung an die Teutsche, ihren verstand und sprache beßer zu üben, samt beygefügten vorschlag einer Teutsch-gesinten gesellschafft. In: *Gottfried Wilhelm Leibniz: Sämtliche Schriften und Briefe*. (1986) Akademie-Ausgabe. Reihe 4, Bd 3. Berlin: Akademie Verlag, 795—820.

Lenke, Nils & Roudet, Nicolas. (2010) Philipp Feselius — Biographische

Notizen zum unbekannten Medicus aus Keplers Tertius Interveniens. In: Gaulke, Karsten & Hamel, Jürgen. (eds) *Kepler, Galilei, das Fernrohr und die Folgen*. Frankfurt a. M., 131—159. [Acta Historica Astronomiae. Bd 40]

Marti, Hanspeter. (2010) Disputation und Dissertation. Kontinuität und Wandel im 18. Jahrhundert. In: Gindhart, Marion & Kundert, Ursula. (eds) *Disputatio 1200—1800. Form, Funktion und Wirkung eines Leitmediums universitärer Wissenskultur*. Berlin; New York: de Gruyter, 63—85.

Polenz, Peter von. (1988) Argumentationswörter. Sprachgeschichtliche Stichproben bei Müntzer und Forster, Thomasius und Wolff. In: Munske, Horst Haider; Polenz, Peter von; Reichmann, Oskar & Hildebrandt, Reiner. (eds) *Deutscher Wortschatz. Lexikologische Studien. Ludwig Erich Schmitt zum 80. Geburtstag von seinen Marburger Schülern*. Berlin; New York: de Gruyter, 1988, 181—199.

Schröter, Juliane. (2011) *Offenheit. Die Geschichte eines Kommunikationsideals seit dem 18. Jahrhundert*. Berlin; New York: de Gruyter.

Stieler, Kaspar. (1691 (1968)) *Der Teutschen Sprache Stammbaum und Fortwachs / oder Teutscher Sprachschatz*. 3 Bde. Nürnberg. Nachdruck Hildesheim: Olms.

Словари / Wörterbücher / Dictionaries

Adelung, Johann Christoph. (1774–1786) *Versuch eines vollständigen grammatisch-kritischen Wörterbuches der hochdeutschen Mundart*. Bde I–V. Leipzig: Breitkopf.

DWDS — Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. Retrieved from http://dwds.de.

Lexer, Matthias. (1992) *Mittelhochdeutsches Taschenwörterbuch*. Stuttgart: S. Hirzel Verlag. [38. Auflage]

Feselius, Philipp. (1609) *Gründtlicher Discurs von der Astrologia Judiciaria Auß den Fürnemsten Authoribus zusammen gezogen, und den Vorreden zweyer Prognosticorum Herrn M. Melchior Schärers Pfarherren zu Mentzingen, von Anno 1608. unnd 1609. entgegen gesetzt...* Straßburg.

Kepler, Johannes. (1609) Antwort Joannis Keppleri Sae. Cae. Mtis: Mathematici Auff D. Helisæi Röslini Medici & Philosophi Discurs Von heutiger zeit beschaffenheit, vnd wie es ins künfftig ergehen werde). Prag (Sesse). In: Caspar, M. & Hammer, F. (eds) *Johannes Kepler. Gesammelte Werke*. Bd 4. München, 1941.

Kepler, Johannes. (1610) Tertius Interveniens. Das ist/ Warnung an etliche Theologos, Medicos und Philosophos, sonderlich D. Philippum Feseli-

um, daß sie bey billicher Verwerffung der Sternguckerischen Aberglauben/ nicht das Kindt mit dem Badt außschütten/ und hiermit ihrer Profession unwissendt zuwider handlen: Mit vielen hochwichtigen zuvor nie erregten oder erörterten Philosophischen Fragen gezieret/ Allen wahren Liebhabern der natürlichen Geheymnussen zu nohtwendigem Unterricht / Gestellet durch Johann Kepplern/ der Röm. Keys. Majest. Mathematicum. Tambach. In: Caspar, M. & Hammer, F. (eds) *Johannes Kepler. Gesammelte Werke*. Bd 4. München, 1941, 147—258.

Röslin, Helisäus. (1609) *Historischer/ Politischer vnd Astronomischer naturlicher Discurs von heutiger zeit Beschaffenheit/ Wesen vnd Standt der Christenheit/ vnd wie es ins künfftig in derselben ergehn werde...* Straßburg: Conrad Scher & Paul Ledertz.

Röslin, Helisäus. (1611) *Mitternächtige Schiffarth/ VOn den Herrn Staden inn Niderlanden vor XV. Jaren vergebenlich fürgenommen/ wie dieselbige anzustellen/ daß man daselbst herumb in Orient vnd Chinam kommen möge...* Oppenheim: H. Gallart & J.Th. de Bry.

Schaerer, Melchior. (1609) *Verantwortung und Rettung der Argumenten und Ursachen/ welche M. Melchior Scheˌrer/ in den Vorreden seiner zweyen Prognosticorum verschiener 1608. und 1609. Jahren/ zur Behauptung/ daß die himlische Liechter und Sternen/ so wol als alle andere Creaturen/ ihre besondere von Gott eingepflantzte Eygenschafften/ Kräfften und Wirckungen haben/ [et]c. die sie durch ihren Lauff und schein in diese untere Welt exerirn und außgiessen/ eingeführet : Wider Den Hochgelehrten Herrn Philippum Feselium, ... Welcher in seinem übel gegründten Discurs von der Astrologia Iudiciaria, so er ... vergangen 1609. Jahrs HerbstMeß in öffentlichen Druck außgesprengt/ solches rund verläugnet/ und hiemit auch die wahre sobriam Astrologiam ... zu boden zu stossen vermeynet / ... Beschrieben Durch M. Melchiorem Schaererum*, Pfarrern zu Mentzingen. Fuhrmann / Böhem, Nürnberg / Ansbach.

Galina A. Bayeva
Saint Petersburg State University

To the Origins of Scientific Polemics in German

Polemical forms of knowledge transfer and their linguistic manifestations evolved over a long period of time against the backdrop of a cultural and historical context, international and national traditions. On the one hand, a distinctive feature of the early modern period (16th — 18th cent.) was the interaction of German with Latin as the dominant language of science. On the other hand, the German language already had in this period at its dis-

posal a wide range of linguistic means for conducting scientific, religious and political polemics, among which various syntactic constructions with core lexemes such as *argumentirn*, *argumentation*, *argument*, *disputirn*, *discurrirn*, etc. are predominated. The social-discursive practice of polemical presentation of scientific knowledge is characterized by a desire for objectivity in the presentation of facts and results of scientific research, which determines the selection of stylistically neutral common vocabulary, for example, the verbs *beweisen*, *begründen*, *halten*, *meinen*, *gestehen*, *einräumen*, etc. In general, polemical publications in this period of the German scientific language reveal a set of linguistic means that, on the one hand, are preserved in the modern language, on the other hand, differ significantly from modern scientific usage and, in some cases, are even completely lost. The objective of the analysis is to identify verbal means in the pragmatic organization of polemics and determine their text-forming role in a corpus of texts created in the 1610th based on the polemics of the mathematician and astronomer Johannes Kepler, theologians Helisäus Röslin and Melchior Schaerer, and physician Philipp Feselius, related to the discovery of the new comet *De stella nova* in 1604 and the justification of the status of astrology as a science.

Keywords: polemics; cultural and historical context; science; scientific discourse; argumentation

Для цитирования:
Баева Г. А. К истокам научной полемики на немецком языке // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2026. № XXIII. С. 13—32.
DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2026-23-13-32.

To cite this Article:
Bayeva, Galina A. (2026) K istokam nauchnoy polemiki na nemetskom yazyke (To the Origins of Scientific Polemics in German). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 23, 13—32. (In Russian).
DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2026-23-13-32.

Статья поступила в редакцию 20.04.2026; принята к публикации 20.05.2026
The article was submitted 20.04.2026; accepted for publication 20.05.2026

В. М. Бухаров
Нижегородский государственный лингвистический университет

О. В. Байкова
Вятский государственный университет

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И ПРОСОДИЧЕСКОЕ ВАРЬИРОВАНИЕ В НЕМЕЦКИХ ДИАЛЕКТАХ*

В связи с интенсивными миграционными процессами последних десятилетий на первый план в фонетических исследованиях вышли вопросы просодической диалектологии. Особая значимость этого научного направления связана, прежде всего, с тем, что в результате контактов не только населения различных территорий, говорящих на региональных разновидностях одного немецкого языка, но и различных этносов появились этнолектные образования типа Kietz. Широкое распространение этого процесса затрагивает не только сегментный уровень языка, но и его просодическую систему, которая была на периферии классической диалектологии. Перед диалектологами встают вопросы о том, что происходит с традиционными просодическими характеристиками немецкой речи, и где проходит граница между региональными, но остающимися немецкими, языками и новыми разновидностями языка. Богатый материал для ответа на эти вопросы содержат так называемые островные языки, в частности немецкие диалекты в России. Статья посвящена вопросу просодического варьирования в островных верхне- и нижненемецких диалектах Кировской области, возникших в результате неоднократного переселения и смешения разнородных по происхождению диалектов при сильном воздействии местного русского языка. Для экспериментально-фонетического исследования использованы аудиозаписи реализации немцами — жителями из поселков Созимский и Черниговский Кировской (Вятской) области интонационных фраз, характеризующих фундаментальное просодическое значение завершенности / незавершенности. Цель работы заключается в экспериментальном выявлении и описании диапазона частоты основного тона и интона-

* Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема «Вариационная система как структурно-значимый аспект естественного языка») (FSWZ-2024-0001).

ционных контуров. Всего обработаны записи спонтанной речи 20 информантов, общим объемом 6700 интонационных фраз. Исследование выполнено с использованием компьютерной программы PRAAT, системы интонационной транскрипции IViE и неинтонационных критериев определения завершенности на синтаксическом, семантическом и прагматическом уровнях. Все количественные данные статистически обработаны для оценки их достоверности. Результаты показали отсутствие существенных различий в общем диапазоне частоты основного тона между диалектными группами, что свидетельствует об их смешанном характере и формировании регионального интонационного койне. Установлено, что завершенные фразы оформляются нисходящими и восходяще-нисходящими контурами линейной конфигурации, отличающимися от норм стандартного языка, а незавершенные — восходящими контурами дугообразной конфигурации. Прагматический фактор смены говорящих не влияет на высоту пограничного тона в завершенных фразах. Полученные данные вносят вклад в документирование особенностей супрасегментного уровня исчезающих немецких диалектов России и развитие методологии экспериментального анализа просодии новых региональных образований.

Ключевые слова: просодическая диалектология; интонационные фразы; завершенность и незавершенность; немецкие островные диалекты; этнолекты; интонационные контуры; автосегментно-метрическая фонетика

1. Введение

Современные лингвистические исследования характеризуются, прежде всего, новыми технологиями и связанными с ними информационными возможностями. Компьютер, Интернет, искусственный интеллект не только открывают широкий доступ к источникам лингвистического знания, но и позволяют исследовать язык в его исходной, т. е. устной форме существования. В результате многие, уже давно ставшие традиционными формы и направления изучения языка переживают своего рода ренессанс. В полной мере это относится к фонетике, особенно к изучению надсегментного уровня языка и речи, который характеризуется вариативностью, источники которой лежат как внутри, так и вне системы языка, что всегда представляло собой большую трудность для исследования, особенно в плане методологии.

Если рассматривать фонетическую структуру немецкого языка, то до конца прошлого столетия можно было утверждать, что его звуко-фонемный состав изучен достаточно полно. Однако события последних десятилетий привели к сильнейшим сдвигам в этническом составе немецкоязычного ареала Европы, а это не могло не отразиться на немецком языке и привело к появлению новых форм его существования, в частности, этнодиалекта Kietz в дополнение к уже существовавшему Kanak (Бухаров 2025). Специфика звукового состава появляющихся устных форм немецкого языка может быть установлена с использованием хорошо известных методов акустического анализа, дополненных новыми информационными технологиями. Однако в части надсегментного — просодического и/или интонационного уровня ситуация обстоит не так просто. Вариативность интонации и даже просто вычленение ее единиц из потока речи зависят не только от коммуникативного намерения говорящего, но и от его психоэмоционального состояния, ситуации общения и других факторов, таких как социальные характеристики участников общения, включая пол, возраст, образование и общий когнитивный фон. Все это представляет собой сложный комплекс задач, многие из которого еще ждут своего решения; ср.: (Arvaniti & al. 2025).

Одним из актуальных вопросов варьирования в немецкой речи остается ее региональная структура, о чем свидетельствует успешное развитие таких направлений исследования как национально-территориальное варьирование языка (Variantenwörterbuch... 2004) и изучение региональных языков (Regionalsprachenforschung) (Brenner 2002; Peters 2006; Schmidt & Herrgen 2011). Основное внимание при этом долгое время уделялось звуковым изменениям, но уже в 1912 г. Эдвард Зиверс в работе, посвященной языку поэзии, утверждал, что «ритмико-мелодические системы» разделяются не только в поэзии, но и в разговорном языке, как минимум, на две разновидности: северо- и южно-немецкую (Sievers 1912: 62). В принципе в этом утверждении нет ничего необычного для немецкой диалектологии, поскольку подобное деление диалектов является общепринятым с начала научного описания немецкого языка. Однако, если для достаточно полной характеристики сегментных еди-

ниц — звуков вполне достаточно слухового анализа, то с интонацией ситуация иная.

Суперсегментный уровень устного языка — это сложный комплекс средств речепроизводства, который в отличие от звуковых цепей не ограничивается линейной структурой и требует разработки специальных исследовательских технологий. Эти технологии, в первую очередь, компьютерные, позволили в 90-е гг. прошлого столетия по-новому подойти к решению упомянутых вопросов. Так, например, ровно через 100 лет после Зиверса исследователи акустической структуры долгих гласных северонемецкого региона М. Гакштаттер и О. Нибур экспериментально установили различия в интонационных паттернах в диалектных регионах Дитмаршен (Dithmarschen), Гольштейн (Holstein) и Восточная Фризия (Ostfriesland) (GACKSTATTER & NIEBUHR 2013: 48–49). В результате появилось цифровое подтверждение идеи Зиверса о диалектной специфике интонационных моделей немецкой речи.

Подход к изучению просодии немецкого языка с позиции диалектологической интонологии имеет особое значение при изучении современного естественного звукового немецкого языка. Это связано с тем, что в его основу заложены три типа взаимодействия просодических систем:

1) исторические классические диалекты, делящиеся в немецкоязычном ареале по географическому принципу на верхне-, средне- и нижненемецкие;

2) новые этнические формы языка, системы которых формируются под влиянием языков переселяющихся в Германию больших масс народов — не индоевропейцев;

3) диалекты, возникшие за пределами основного немецкоязычного ареала, в частности, островные диалекты в России.

Каждая из этих диалектных групп характеризуется своей спецификой и набором переменных просодических параметров. В первой, наиболее хорошо изученной группе исходной точкой отсчета варьирования является стандарт — фактически наддиалектная вариация, сконструированная в конце XIX в.

Для второй группы современных диалектов характерно смешение двух видов варьирования: (а) внутринемецкое у по-

стоянных жителей того или иного региона Германии по типу: *немецкий стандарт <-> немецкий диалект => региональный немецкий язык* и (б) вариации на базе родных языков переселенцев: *родной язык переселенцев <-> немецкий региональный язык* (*диалект*) => *этнолект*. Результатом смешения этих двух видов варьирования в общей коммуникации является возникновение этно-, социолектов типа *Kietz*. Данная и ей подобные разновидности немецкого языка являются предметом дискуссий лингвистов и еще ждут своих исследователей.

Особый интерес представляет третья группа варьирования — островные диалекты. Причиной этого является то обстоятельство, что островные немецкие диалекты на территории России практически исчезают, вместе с уезжающими на историческую родину носителями и сильной языковой ассимиляцией остающихся.

На недостаточность полномасштабных исследований в сфере диалектной интонации указывали, например, В. М. Жирмунский и П. Визингер (SCHIRMUNSKI 2010; WIESINGER 1998). Одним из первых сравнительно-сопоставительным анализом интонации немецкого языка начал заниматься Е. Вайблингер (WAIBLINGER 1925), однако его схематичные тонограммы не отражали все инвариантные особенности движения основного тона (мелодии).

Важным вкладом в становление научной интонологии можно считать появление в рамках школ британского и американского структурализма автосегментно-метрической модели (АММ) интонации, которая позволила формализовать понятия контура и тона (BRUCE 1977; PIERREHUMBERT 1980; LADD 1996). Современная концепция интонационного моделирования восходит к работам нидерландского исследовательского института в Эйндховене и носит его название: IPO-Modell (**I**nstituut voor **P**erceptie **O**nderzoek). В этой модели изменение тона высказывания представлено в виде абстрактной линейной последовательности смыслоразличительных высоких (H) и низких (L) тонов, которые формируют иерархическую структуру интонационной фразы. Центральным принципом модели является ее перцептивная основа, т. е. не физические свойства, а их восприятие

(Hart at all. 1990).

В целях формализации описания для АММ разработана специальная система транскрипции ToBI (Tones and Break Indices), в частности – GToBI для немецкого языка (Grice 1995, 2002). Недостатком этой системы остается ограниченный инвентарь символов для описания просодии региональных диалектов (Gilles 2006). Особенно это проявляется в случае изучения диалектного варьирования в языковых островах.

С середины 1970-х до конца 1990-х гг. число публикаций по островной диалектной интонологии было незначительным, и лишь в последнее время благодаря развитию автосегментной фонологии на компьютерной основе ситуация начала меняться. Анализ языковой ситуации в одном из немецких диалектных островов в Вятском регионе показывает необходимость комплексного исследования просодических систем, их взаимодействия и варьирования в условиях смешения разных региональных типов диалектов — нижне- и верхненемецких — при сильном влиянии русского языка; подробнее о немецком языке в Вятском регионе см. в (Бухаров & Байкова 2016). Для решения этой задачи выполнено проектное компьютерное исследование по экспериментальному выявлению и описанию просодических характеристик интонационных контуров в одном из базовых типов интонационных фраз (ИФ) в указанных диалектах. В качестве объекта выбран наиболее универсальный тип ИФ, присутствующий практически во всех типах коммуникации: семантически и просодически завершенные и незавершенные фразы. Научная новизна работы заключается в том, что это комплексное экспериментально-фонетическое исследование островных диалектов выполняется на супрасегментном уровне с использованием компьютерной программы Praat и специальных систем транскрипции (Acharya & al. 2013).

2. Материал и методы исследования

Эмпирической базой исследования послужили аудиозаписи спонтанной речи носителей верхне- и нижненемецких диалектов, зафиксированные в ходе диалектологических экспедиций в поселки Созимский и Черниговский Верхнекамского района Кировской области в период с 2005 по 2024 гг. Общий объем сег-

ментированного материала составил 6700 ИФ. Для детального лингвистического и инструментального анализа методом сплошной выборки было отобрано 750 примеров, репрезентирующих основные типы тональных контуров: нисходящие (250 примеров), восходящие (250 примеров) и восходяще-нисходящие (250 примеров). В исследовании приняли участие 20 информантов-дикторов (по 10 жителей, носителей верхненемецких и нижненемецких диалектов), среди которых были представлены как мужские, так и женские голоса, что позволило учесть физиологические различия в диапазоне частоты основного тона (ЧОТ).

Работа выполнена в рамках экспериментально-фонетического метода с опорой на положения автосегментной метрической фонологии. Теоретической основой методики послужили исследования П. Гиллеса (Gilles 2006) по региональной просодии немецкого языка. Ключевым методологическим принципом стало разграничение фонетической, тонологической и фонологической структур интонации (Kenstowicz 1994), что позволило корректно сопоставлять фонетические реализации одних и тех же тоновых структур в различных диалектных вариантах.

Для определения завершенности и незавершенности интонационных фраз использовались неинтонационные критерии, в основу которых положены синтаксические (структура предложений), семантические (смысловая оценка законченности) и прагматические особенности речевых актов (Engel 1988: 89; Ford & Thompson 1996). Такой подход позволяет избежать циркулярности в аргументации, когда завершенность обосновывается интонацией, а интонация — завершенностью. На основании данных критериев ИФ определялись как абсолютно завершенные со сменой говорящих, относительно завершенные (без смены), а также требующие уточнения завершенности.

Инструментальный анализ проводился с использованием компьютерной программы Praat. Для минимизации погрешностей, связанных с побочными шумами и/или физиологическими особенностями голоса, применялась функция сглаживания («Smooth-Funktion»), позволяющая получить корректный интонационный контур. Для исследования измерялись следующие акустические параметры: ЧОТ (F0), максимальное и минималь-

ное значение ($F0_{max}$) / ($F0_{min}$) и диапазон ($F0_{umfang}$). Для обеспечения объективности сравнения разнополых голосов линейные частотные величины в Гц переводились в логарифмическую шкалу полутонов (st), где 0 пунктов соответствует 100 Гц.

Для транскрибирования интонационных контуров была выбрана система IViE (Intonational Variation in English), адаптированная для немецких диалектов (GILLES 2006: 56; GRICE 1995; 2002]. Эта система позволяет выделять три уровня высоты тона (низкий L, средневысокий M, высокий H), различать ударные и неударные слоги (заглавные и строчные буквы в транскрипции) и фиксировать фразовые границы (символ %), что особенно важно для выявления региональной интонационной специфики.

Для оценки достоверности полученных результатов применялись методы вариационной статистики: вычислялись средние абсолютные отклонения и среднее квадратичное отклонение для величин $F0_{max}$, $F0_{min}$ и $F0_{umfang}$. Проверка гипотез о случайности или существенности отклонений выборочных частот от среднего значения осуществлялась с помощью критерия «Хи-квадрат» (Chi-square), что позволило определить вероятность ошибки и подтвердить репрезентативность выборки (ГОЛОВИН 1971: 29).

Алгоритм исследования включает следующие этапы: 1) сегментация потока речи на ИФ на основе слухового анализа; 2) анализ ИФ с помощью неинтонационных критериев для определения статуса завершенности / незавершенности каждой ИФ; 3) инструментальное исследование — замеры акустических параметров (F0) в Гц и перевод данных в полутона; 4) транскрибирование интонационных контуров с помощью системы IViE; 5) статистическая обработка: вычисление средних величин, отклонений и проверка гипотез; 6) интерпретация полученных результатов: сопоставление мелодической структуры с функциональным значением контуров завершенности и незавершенности.

3. Результаты исследования и обсуждение

3.1. Диапазон частоты основного тона

В ходе инструментального анализа с использованием программы Praat были получены для каждого информанта значения $F0_{max}$, $F0_{min}$ и замерялась их разница, определяющая диапазон

$F0_{umfang}$. Все значения переводились из Гц в полутона (st) для обеспечения объективности сравнения разнополых голосов.

Значения $F0_{max}$ и $F0_{min}$ внутри ИФ определяются типом ядерного контура. В нисходящих контурах $F0_{max}$ обычно находится на вершине акцентного, как правило ядерного слога H*, а $F0_{min}$ большей частью располагается на неударном слоге в конце фразы. В восходящих контурах $F0_{max}$ находится, как правило, в конце ИФ на высоком конечном пограничном безударном тоне h%, в то время как $F0_{min}$ локализуется на анлаутных низких ударных или безударных слогах.

В Табл. 1 и 2 представлены средние значения диапазонов ЧОТ отдельных информантов. Реальные имена дикторов заменены универсальными идентификаторами, символы Ж и М означают пол.

Таблица 1. Индивидуальные средние значения $F0_{min.global}$, $F0_{max.global}$, $F0_{umfang.global}$, полученные в результате анализа ИФ по логарифмической шкале и шкале полутонов (верхненемецкие диалекты)

№ п/п	Носители верхне-немецких диалектов	$F0_{max.global}$ (Гц) $F0_{max.global}$ (st)	$F0_{min.global}$ (Гц) $F0_{min.global}$ (st)	$F0_{umfang.global}$ (Гц) $F0_{umfang.global}$ (st)
1.	ЮЗКж	299.39 19.33	106.39 0.89	193.00 9.87
2.	МИБж	279.36 17.64	109.66 1.59	169.70 8.52
3.	КМАж	291.95 18.71	120.78 3.07	171.17 8.69
4.	МЕИж	283.21 17.79	124.63 3.55	158.58 7.95
5.	РЭПж	286.79 18.07	113.98 2.55	172.81 8.90
6.	ИИРж	277.20 17.31	101.66 0.31	175.54 9.01
7.	ДАЮж	274.37 17.05	115.64 2.82	158.73 7.99
8.	ГФФм	199.44 9.22	77.77 -3.06	121.67 3.03

9.	ЮТАм	203.34 12.20	74.95 -2.64	128.39 3.89
10.	ИКРм	210.15 13.80	72.30 -2.18	137.85 5.51

Таблица 2. Индивидуальные средние значения $F0_{min.global}$, $F0_{max.global}$, $F0_{umfang.global}$, полученные в результате анализа ИФ по логарифмической шкале и шкале полутонов (нижненемецкие диалекты)

№ п/п	Носители нижне-немецких диалектов	$F0_{max.global}$ (Гц) $F0_{max.global}$ (st)	$F0_{min.global}$ (Гц) $F0_{min.global}$ (st)	$F0_{umfang.global}$ (Гц) $F0_{umfang.global}$ (st)
1.	РМКж	277.76 17.63	101.91 0.79	175.85 9.70
2.	РЭГж	289.66 18.10	116.77 2.34	172.89 9.25
3.	ГОДж	284.74 17.92	128.03 3.54	156.71 6.76
4.	СЭАж	300.45 18.01	135.55 5.28	164.90 7.15
5.	КАХж	302.78 18.77	106.27 1.02	196.51 10.17
6.	ПЕЕж	301.34 18.42	110.17 3.20	191.17 9.88
7.	ВГАж	290.82 17.99	106.36 1.07	184.46 8.71
8.	РРГм	210.79 12.30	72.06 -1.06	138.73 5.63
9.	РБГм	199.02 11.99	88.54 -4.83	110.48 3.66
10.	ШИИм	206.79 12.57	74.37 -2.38	132.42 5.12

Анализ данных показывает, что средние диапазоны основной частоты у носителей верхненемецких диалектов — женщин составляют 172,84 Гц или 8,6 полутонов, у мужчин — 125,61 Гц или 3,9 полутона. У носителей нижненемецких диалектов — женщины средний диапазон составляет 176,25 Гц или 8,7 полутонов, у мужчин — 128,17 Гц или 4,2 полутона. Различия между группами диалектов оказываются статистически незначимыми:

разница между наиболее узким и наиболее широким диапазоном составляет 7,14 пт (одну кварту), что укладывается в пределы индивидуальных физиологических вариаций.

Для оценки достоверности полученных результатов применялись методы вариационной статистики. Вычислялись средние абсолютные отклонения и среднее квадратичное отклонение (σ) для величин $F0_{max}$, $F0_{min}$ и $F0_{umfang}$. Проверка гипотез о случайности или существенности отклонений осуществлялась с помощью критерия «Хи-квадрат». При 4 степенях свободы критический порог существенности составляет 5% и 95% вероятности. В настоящем исследовании значения «Хи-квадрат» для большинства информантов находятся в пределах 5-90%, что свидетельствует о случайном характере колебаний наблюдаемых частот относительно их средней величины. Лишь у отдельных информантов (РМКж, РЭГж, СЭАж — нижненемецкие диалекты; МЕИж, ИИРж — верхненемецкие диалекты) значения приближаются к порогу 5%, однако и в этих случаях нулевая гипотеза о случайности отклонений не отвергается.

Таким образом, статистическая обработка данных подтверждает отсутствие существенных различий в общем диапазоне ЧОТ между верхне- и нижненемецкими диалектами Вятского диалектного острова. Варьирование диапазона ЧОТ определяется преимущественно физиологическими факторами (полом говорящего), а не диалектной принадлежностью. Узкий диапазон основной частоты (6-10 пт у женщин и 3-5,6 пт у мужчин) указывает на то, что движение тона протекает без особого напряжения, неэнергично, с достаточно сглаженными контурами, что согласуется с наблюдениями Г. Циммерманна о «напевном характере немецкой речи» (ZIMMERMANN 1998).

3.2. Интонационные контуры завершенных ИФ

На основе анализа 500 завершенных интонационных фраз (как абсолютно, так и потенциально завершенных) были выявлены два основных типа интонационных контуров (ИК).

1. Нисходящий контур (Hm%, Hl%) характеризуется вершиной основной частоты на ядерном слоге, с которого происходит понижение тона к концу ИФ. Данный контур представлен в речи всех 20 информантов-дикторов. Например, в интонацион-

ной фразе «So war die Sache» (ЮЗКж) нисходящее движение тона реализуется плавно от $F0_{max}$ 237,93 Гц (13,04 пт) до $F0_{min}$ 134,12 Гц (4,55 пт), с фразовым пограничным тоном средневысокого уровня (m%) (Рис. 1).

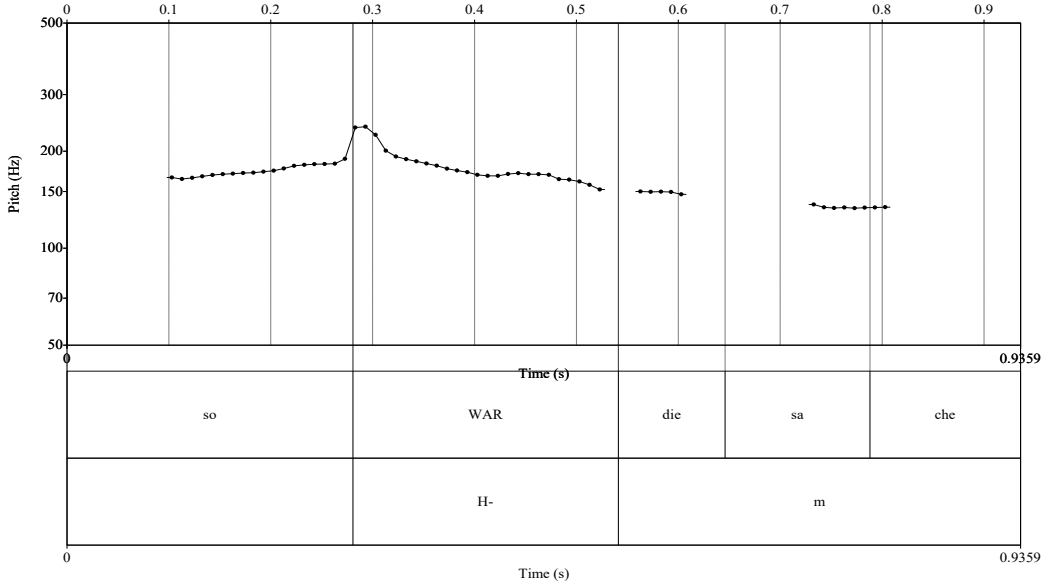


Рис. 1. ЮЗКж: «So war die Sache»

2. Восходяще-нисходящий контур (MHm%, LHl%) характеризуется начальным средневысоким или низким уровнем на ядерном слоге, который повышается во второй половине слога, после чего следует понижение тона на заядерных слогах. Например, в ИФ «Hier war mein Bruder» (МИБж) контур реализуется в рамках от $F0_{min}$ 175,83 Гц (8,99 пт) через повышение до $F0_{max}$ 275,49 Гц (17,19 пт) и последующее плавное понижение (Рис. 2).

Варианты контуров с низким конечным тоном (Hl%, LHl%) зафиксированы лишь у трех информантов-носителей нижненемецких диалектов (КАХж, ГОДж, СЭАж), что можно рассматривать как индивидуальную особенность.

Характеристикой завершенных ИФ в исследуемых диалектах является линейная конфигурация контура, выражающаяся в непрерывно понижающемся движении тона от ядерного слога до конца фразы. Согласно Гиллесу (GILLES 2006), такая конфигурация ИК характеризуется двумя контрольными точками: высотой тона на ядерном слоге и значением пограничного тона.

Подобная конфигурация не характерна для завершенных фраз немецкого литературного языка, где преобладают дугообразные и преломляющиеся конфигурации. Это позволяет рассматривать линейность как региональную просодическую особенность немецких диалектов Кировской области.

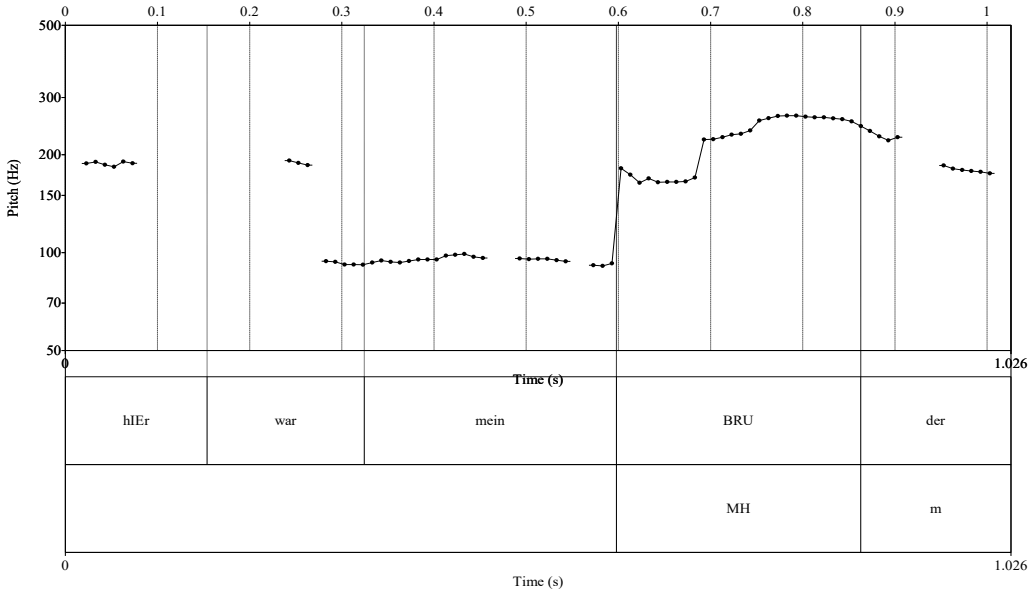


Рис. 2. МИБж: «Hier war mein Bruder»

Гипотеза о различной высоте тона в абсолютно и потенциально завершенных ИФ в зависимости от смены говорящих не подтвердилась: интонационные контуры реализуются последовательно независимо от прагматического фактора, связанного со сменой собеседников.

3.3. Интонационные контуры незавершенных ИФ

Анализ 250 незавершенных интонационных фраз (235 последовательно незавершенных и 15 уточняющих) выявил доминирование восходящего интонационного контура. Последовательная незавершенность, характеризующаяся повышением тона на ядерном слоге и высоким пограничным тоном в конце ИФ, оформляется контурами Hh% и MHh%. Например, в интонационной фразе «Von Januar» (ЮЗКж) ИК реализуется от $F0_{min}$ 143,57 Гц (5,15 пт) повышением до $F0_{max}$ 192,93 Гц (9,88 пт) с сохранением высокого уровня до конца фразы (Рис. 3).

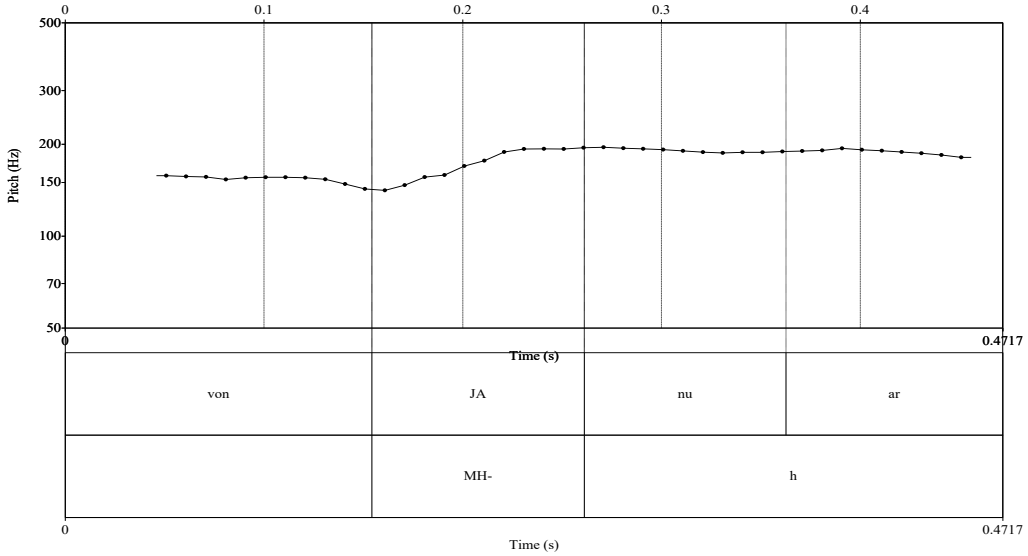


Рис. 3. ЮЗК: «Von Januar»

Уточняющая незавершенность включает параллельные структуры, дополняющие содержание, и оформляется контурами Mh% и MHh%. Например, в интонационной фразе «der zweite» (КАХж) ИК начинается со среднего уровня ($F0_{min}$ 166,50 Гц / 8,82 пт) и повышается к концу ядерного слога ($F0_{max}$ 196,84 Гц / 11,69 пт) (Рис. 4).

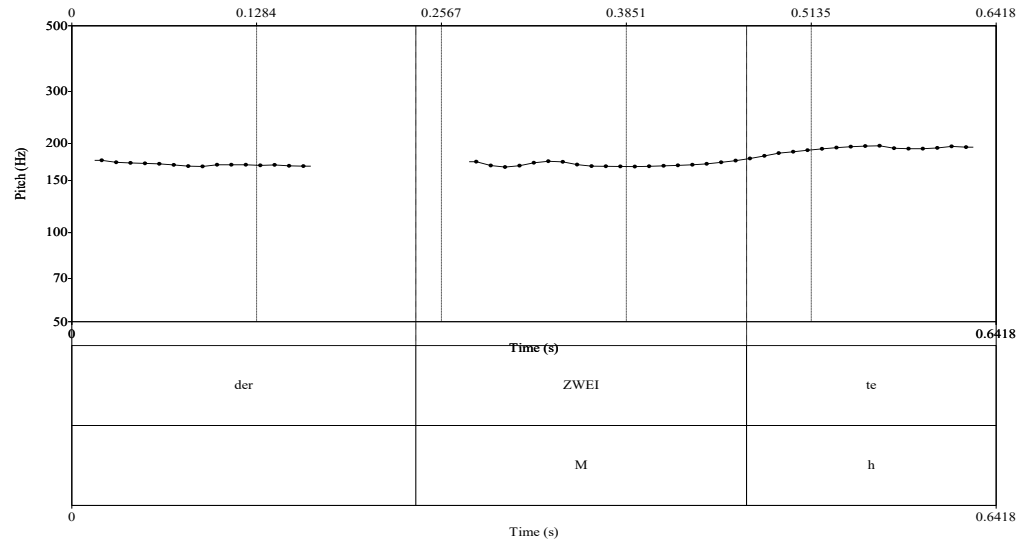


Рис. 4. КАХж: «der zweite»

Полученные данные позволили сделать ряд теоретически значимых наблюдений.

1. Отсутствие существенных различий в диапазоне ЧОТ между верхне- и нижненемецкими островными диалектами подтверждает гипотезу об их смешанном характере. Это согласуется с историческими данными о миграции носителей различных диалектных групп в данный регион и их последующей языковой конвергенции. Единство инвентаря ядерных контуров для обеих групп диалектов свидетельствует о формировании региональной просодической системы, отличной как от стандарта, так и от исходных диалектов Германии.

2. Выявленная линейная конфигурация завершенных контуров может рассматриваться как инновационная черта, возникшая в условиях изоляции от языка метрополии и контактного влияния. Линейное понижение тона, нехарактерное для литературного немецкого языка, может быть связано с упрощением интонационной системы в условиях сокращения сферы употребления диалекта и преобладания спонтанной, неформальной речи.

3. Сохранение дугообразной конфигурации для незавершенных фраз указывает на универсальность интонационных средств маркировки продолжения речи. Восходящий контур как сигнал незавершенности является универсальным лингвистически значимым явлением и его устойчивость в исследуемых диалектах подтверждает функциональную нагруженность данной просодической категории.

4. Применение системы транскрипции IViE позволило детализировать топологическую структуру и выявить нюансы реализации тонов (например, различие между Hm% и Hl%), что было бы затруднительно при использовании стандартной системы GToBI. Адаптация данной системы для немецких диалектов доказала свою эффективность и может быть рекомендована для дальнейших исследований региональной просодии.

5. Использование неинтонационных критериев завершенности (согласно Гиллесу) обеспечило объективность сегментации материала и позволило корректно сопоставить смысл и интонационную форму. Такой подход позволяет избежать циркулярности в аргументации и повышает надежность лингвистических выводов.

4. Выводы

Настоящее исследование решает поставленную цель комплексного описания просодических характеристик интонационных фраз завершенности и незавершенности в верхне- и нижненемецких островных диалектах Кировской области. Результаты экспериментально-фонетического анализа позволяют сформулировать ряд выводов.

1. Исследование показало отсутствие существенных различий в диапазоне ЧОТ между верхне- и нижненемецкими диалектами данного языкового острова. Статистическая обработка данных подтверждает, что вариации диапазона обусловлены преимущественно физиологическими факторами (пол говорящего), а не диалектной принадлежностью. Узкий диапазон ЧОТ свидетельствует о сглаженности и слабой напряженности интонационных контуров, что характеризует просодическую систему исследуемых диалектов в целом.

2. Анализ интонационных контуров позволил установить инвентарь ядерных тонов для маркировки завершенности и незавершенности. Завершенные ИФ оформляются нисходящими (Hm%, Hl%) и восходяще-нисходящими (MHm%, LHl%) контурами линейной конфигурации. Данная линейность, выражающаяся в резком непрерывном понижении тона от ядерного слога к концу фразы, представляет собой региональную особенность, отличающую диалекты острова от норм немецкого стандарта. Незавершенные ИФ реализуются посредством восходящих контуров (Hh%, MHh%) дугообразной конфигурации, что совпадает с общесистемными чертами немецкого языка и подтверждает универсальность интонационных средств маркировки продолжения речи.

3. Проверка гипотезы о влиянии прагматического фактора (смены говорящих) на высоту пограничного тона в завершенных фразах не нашла эмпирического подтверждения. Интонационные контуры реализуются идентично как в абсолютно, так и в потенциально завершенных фразах, что указывает на приоритет структурно-семантических критериев над прагматическими в организации интонационного контура данных диалектов.

4. Универсальность инвентаря ядерных контуров и просодических характеристик в речи носителей обеих диалектных групп свидетельствует о смешанном характере немецких диалектов Кировской области. Просодическая система функционирует как региональное интонационное койне, сформированное в условиях языковой изоляции и межъязыкового контактирования.

Научная значимость проведенной работы заключается в документировании супрасегментного уровня исчезающих немецких диалектов России, что вносит вклад в сохранение языкового наследия. Применение системы транскрипции IViE и неинтонационных критериев завершенности доказывает свою эффективность для описания региональной просодии и рекомендуется для использования в дальнейших описаниях различных форм существования языка. Полученные данные обладают практической ценностью для разработки учебных материалов по фонетике немецкого языка и могут быть использованы в области речевых технологий для учета региональной вариативности, в частности, в синтезе естественно звучащей речи. Таким образом, исследование подтверждает продуктивность комплексного подхода, сочетающего традиционный лингвистический анализ с современными инструментальными методами и технологиями.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

Бухаров В. М., Байкова О.В. Язык немецкого национального меньшинства Вятского региона: статус и перспективы развития // Вопросы языкознания. 2016, № 2. С. 75—89. [Bukharov, Valeriy M. & Baykova, Olga V. (2016) Yazyk nemetskogo natsyonalnogo menshinstva: status i perspektivy razvitiya (The language of the German national minority in the Vyatka region: status and development prospects). *Voprosy yazykoznaniya* (Topics in the Study of Language), 2, 75—89. (In Russian)].

Бухаров В. М. Немецкая диалектология: от Венкера до этнодиалектов // Новый регионализм: от традиционных форм диалектов к новым реалиям: коллективная монография / ред. В. В. Потапов, Е. А. Казак. М.: ИНИОН РАН, 2025. [Bukharov, Valeriy M. (2025) Ot Venkera do etnodialektov. In: Potapov, Vsevolod V. &

Kazak, Yelena A. (eds) *Nemetskaya dialektologiya: ot traditsion-nykh form dialektov k novym realiyam* (New regionalism: from traditional forms of dialects to new realities). Moscow: INION RAS. (In Russian)].

Головин Б. Н. Язык и статистика. М.: Просвещение. 1971. [Golovin, Boris N. (1971) *Yasyk i statistika* (Language and statistics). Moscow: Prosveshtsheniye. (In Russian)].

Acharya, Sudipta & Mandal, Shyamal K. D. (2013). Prosody Modeling: A Review Report on Indian Language. *Mining Intelligence and Knowledge Exploration*, 8284. Springer, Cham. Retrieved from https://doi.org/10.1007/978-3-319-03844-5_82.

Arvaniti, Amalia; Grice, Martine & D'Imperio, Mariapaola. (2025) Advancements of phonetics in the 21st century: Intonation. *Journal of Phonetics*, 113. Retrieved from www.elsevier.com/locate/Phonetics.

Bremer, Otto. (1893) *Deutsche Phonetik*. Leipzig: Breitkopf und Härtel.

Brenner, Koloman. (2002) Die Verwendungsbereiche von instrumentalphonetischen Methoden in der Sprachinselforschung. In: Gerner, Susanne; Glauninger, Manfred Michael & Wild, Katharina. (eds) *Gesprochene und geschriebene deutsche Stadtsprache in Südosteuropa und ihr Einfluss auf die regionalen deutschen Dialekte*. Wien, 11—21.

Bruce, Gösta. (1977) *Swedish Word Accents in Sentence Perspective*. Lund: Gleerup.

Engel, Ulrich. (1988) *Deutsche Grammatik*. Heidelberg: Groos.

Ford, Cecilia E. & Thompson, Sandra A. (1996) Interactional units in conversation: syntactic, intonational, and pragmatic resources for the management of turns. In: Ochs, Elinor & al. (eds) *Interaction and grammar*. Cambridge: Cambridge University Press.

Gackstatter, Marja & Niebuhr, Oliver. (2012) Eine Kontrastive Phonetische Analyse Niederdeutscher Langvokale. *Linguistik Online*. 53(3). Retrieved from https://doi.org/10.13092/lo.53.288.

Gilles, Peter. (2006) *Prosodie der Deutschen Regionalsprache*. Berlin, New York: Walter de Gruyter.

Grice, Martine. (1995) Transcription of German Intonation Using ToBI-Tones: the Saarbrücken System. *Phonus*, 1, 33—51.

Grice, Martine. (2002) Deutsche Intonation und GToBI. *Linguistische Berichte*. No. 191, 267—298.

Hart, Johan't; Collier, Rene & Cohen, Antonie. (1990) *A perceptual study of intonation. An experimental-phonetic approach to speech melody*. Cambridge University Press.

Kenstowicz, Michael. (1994) *Phonology in Generative Grammar.* Oxford: Blackwell.

Ladd, Robert D. (1996) Intonational Phonology. Cambridge: Cambridge University Press. (Cambridge studies in linguistics 79)

Peters Jörg. (2006) *Intonation Deutscher Regionalsprachen*. Berlin; New York: Walter de Gruyter.

Pierrehumbert, Janet B. (1980) *The phonology and phonetics of English intonation*. Diss. Massachusetts Institute of Technology. Cambridge.

Schirmunski, Viktor M. (2010) *Deutsche Mundartkunde. Vergleichende Laut- und Formenlehre der deutschen Mundarten*. Berlin: Peter Lang GmbH, Internationaler Verlag der Wissenschaften.

Schmidt, Jürgen E. & Herrgen, Joachim. (2011) *Sprachdynamik. Eine Einführung in die moderne Regionalsprachenforschung*. Berlin: ESV.

Sievers, Eduard. (1912) *Rhythmisch-melodische Studien. Vorträge und Aufsätze*. Heidelberg: Carl Winters Universitätsbuchhandlung.

Variantenwörterbuch des Deutschen. (2004) In: Ammon, Ulrich & al. (eds) *Die Standardsprache in Österreich, der Schweiz und Deutschland, sowie in Lichtenstein, Luxemburg, Ostbelgien und Südtirol*. Berlin; New York: Walter de Gruyter.

Waiblinger, Erwin. (1925) Tonfall deutscher Mundarten. *Vox*, 10, 43—44.

Wiesinger, Peter. (1998) Die deutsche Dialektologie zwischen Tradition und Neuansätzen. *Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik*, 109, 19—21.

Zimmermann, Gerhard. (1998) Die „singende" Sprechmelodie im Deutschen. Der metaphorische Gebrauch des Verbums „singen" vor dem Hintergrund sprachwissenschaftlicher Befunde. *Zeitschrift für Germanistische Linguistik*, 26, 1—16.

Valeriy M. Bukharov
Nizhny Novgorod State Linguistics University

Olga V. Baykova
Vyatka State University

Migration Processes and Prosodic Variation in German Dialects

Due to the intensive migration processes of recent decades, issues of prosodic dialectology have come to the forefront of phonetic research. The particular significance of this scientific direction is primarily related to the fact that, as a result of contacts not only between populations from different territories speaking German, but also between different ethnic groups, ethnolectal formations such as Kiezdeutsch have emerged. The widespread nature of this process affects not only the segmental level of the language but also its prosodic system, which remained on the periphery of classical

dialectology. Dialectologists are now faced with questions about what is happening to the traditional prosodic characteristics of German speech and where the boundary lies between regional, yet still German, varieties and new varieties of the language. A rich source of material for answering these questions is provided by the so-called island dialects, in particular the German dialects in Russia. This article is devoted to the issue of prosodic variation in the island Upper and Low German dialects of the Kirov region, which emerged as a result of multiple resettlements and the mixing of dialects of diverse origins under the strong influence of the local Russian language. For the experimental phonetic study audio recordings were used of intonation phrases produced by ethnic Germans — residents of the settlements of Sozimsky and Chernigovsky in the Vyatka region — that express the fundamental prosodic meaning of finality vs non-finality. The aim of the study is to experimentally identify and describe the pitch range and intonation contours. In total, recordings of spontaneous speech from 20 informants were processed, comprising 6,700 intonation phrases. The study was conducted using the computer program PRAAT, the IViE intonation transcription system, and non-intonational criteria for determining finality at the syntactic, semantic, and pragmatic levels. All quantitative data were statistically processed to assess reliability. The results showed no significant differences in the overall pitch range between the dialect groups, indicating their mixed nature and the formation of a regional intonational koine. It was established that final phrases are realized with falling and rising-falling contours of a linear configuration, which differ from the norms of the standard language, whereas non-final phrases are realized with rising contours of an arched configuration. The pragmatic factor of speaker change does not affect the pitch of the boundary tone in final phrases. The data obtained contribute to documenting the features of the suprasegmental level of the disappearing German dialects of Russia and to developing a methodology for the experimental analysis of the prosody of new regional formations.

Keywords: prosodic dialectology; intonation phrases; finality and non-finality; German island dialects; ethnolects; intonation contours; autosegmental-metrical phonetics

Для цитирования:
Бухаров В. М., Байкова О. В. Миграционные процессы и просодическое варьирование в немецких диалектах // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2026. № XXIII. С. 33—53.
DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2026-23-33-53.

To cite this Article:
Bukharov, Valeriy M. & Baykova, Olga V. (2026) Migratsionnyye protsessy i prosodicheskoye var'irovaniye v nemetskikh dialektakh (Migration Processes and Prosodic Variation in German Dialects). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 23, 33—53. (In Russian).
DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2026-23-33-53.

Статья поступила в редакцию 20.04.2026; принята к публикации 20.05.2026
The article was submitted 20.04.2026; accepted for publication 20.05.2026

Е. А. Гончарова
Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена

ПОЛИМОДАЛЬНЫЕ МАРКЕРЫ ПОЗИТИВНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ТЕКСТАХ СОВРЕМЕННОЙ НЕМЕЦКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ

Позитивная диадическая коммуникация с равноправными субъект-субъектными отношениями между ее участниками рассматривается в настоящем исследовании как оптимальный вид конструктивного диалога между адресантом и адресатом в дискурсе социальной рекламы. Методологическим основанием служит то, что универсальная цель изучаемого дискурса заключается в установке на *положительное изменение* определенного аспекта в поведенческой модели общества в целом и в индивидуальном способе социального существования отдельного человека, а главные функции текстов, формирующих дискурс, состоят в регулировании и каузировании посткоммуникативных действий реципиента в логике «от плохого к хорошему». Подобная «персуазивная риторичность» текстов социальной рекламы обусловливает типичное для них полимодальное композиционно-смысловое построение, посредством которого реализуется намеренная игра адресанта с отрицательными и положительными эмоциями адресата, а развертываемые текстовая информации и практическая аргументация настраивают последнего на позитивные изменения в мировоззрении, привычках и поведении. В роли маркеров гармонизирующего диалога широко используются визуальные образы и вербальные конструкции с метафорическим и метонимическим смыслом; реплики-стимулы, императивы, обращения, имитирующие устное общение; риторические фигуры сравнения и контраста и др. К дискуссионным вопросам, поднимаемым в статье, относится выделение некоторыми исследователями позитивной и негативной социальной рекламы. Автор статьи не принимает подобную дифференциацию, считая, что определяющим фактором построения и функционирования текста любой социальной рекламы является ее общий *позитивный* прагматический посыл. На основе интерпретации примеров современной немецкоязычной социальной рекламы доказывается, что в них через отрицательный эмоционально-экспрессивный контекст и/или риторическое противопоставление текстовых элементов с положительным и отрицательным смыслом санкционируется и «моделируется» конечный по-

ложительный образ мыслей и поведения. Отрицательные эмоции «эксплуатируются» в целостной композиционно-смысловой структуре текста социальной рекламы в функции катализатора познавательных процессов, как средство стимуляции к более глубокому усвоению содержания аксиологической оппозиции «хорошее – плохое».
Ключевые слова: позитивная коммуникация; социальная реклама; текст; дискурс; персуазия

1. Позитивная коммуникация vs конфликтное социально-речевое взаимодействие как объекты научного исследования

Актуальность научного изучения разных сторон позитивной коммуникации, т. е. социального взаимодействия людей, при котором реализуется конструктивный, связанный с возбуждением положительных эмоций и стимулов вид общения, объясняется тем, что подобный вид (речевой) коммуникации противоположен весьма распространенному в современном мире дисгармоничному, конфликтному способу общения и вербальной агрессии.

Из-за тотального обострения социальных и международных отношений, стремительного роста миграции в различных частях земного шара усиливаются антагонистические настроения в общественных системах разных стран. Как показывают социально-психологические исследования последних лет, состояние внутреннего психологического напряжения и тесно связанной с ним социальной фрустрации, являющееся частью подобных настроений, охватывает все более широкие слои населения (Джанерьян & al. 2015: 483–501; Мещерина 2014: 438–443; Налчаджян 2010).

Следствием социальной фрустрации является «социальная дезаптация» (Джанерьян 2015: 486), нигилистическое отношение индивида к обществу, которое блокирует либо деформирует определенные аспекты его социального поведения. Это, в свою очередь, не может не оказывать влияния на протекание процессов как межличностной, так и массовой (речевой) коммуникации. В них все чаще наблюдаются всплески агрессивной — невербальной и вербальной — энергии, а также возникающие на этой почве конфликтные ситуации.

Наряду с этим интенсивное развитие средств массовой коммуникации, и прежде всего Интернета, расширяет возможности «обезличенного» общения на конфликтные общественно

значимые темы между отдельными субъектами, группами и слоями общества в социальных сетях. Естественно, что свойственная Интернет-коммуникации анонимность речевого субъекта, скрытого в большинстве случаев за условным ником, позволяет ему быть менее сдержанным при выражении оценок, в том числе и негативного характера, сопровождающих коммуникацию. Вследствие этого неизбежно возникают реакции массовой аудитории на публикуемые в социальных пространствах тексты, и конфликтогенная либо конфликтная (речевая) коммуникация вовлекает все большее число участников.

Обеспокоенность общества по поводу развития названных явлений обусловливает возрастание исследовательского интереса представителей гуманитарных наук к проблемам социальной интеграции, социальной идентификации и др. (ср.: Солдатова & Несвик 2011: 17). В научном сознании лингвистов также происходят определенные изменения, связанные с принятием в «качестве одной из гуманитарных миссий неолингвистики» коммуникативно-речевого диагностирования «диссонирующих форм общения» и поиска путей преодоления агрессии в коммуникативном конфликте (Седов 2016: 97). Нельзя не согласиться с К. Ф. Седовым в том, что «в той или иной мере агрессия в коммуникативном континууме повседневной коммуникации будет присутствовать всегда. И хотя полностью искоренить ее не представляется возможным, необходимо стремиться уменьшить ее объем» (ibid.). А это требует от современных гуманитариев и лингвистов, добавим, изучения и научного объяснения не только социальных, психологических и прагматико-речевых механизмов возникновения коммуникативной агрессии, но и тесно связанных с ней так называемых «копинг-стратегий», или стратегий «совладающего поведения», со стороны самого актора и его собеседника.

Под «копингом» в психологии, откуда это понятие пришло в научный оборот, понимаются стратегии, используемые человеком для адаптивного функционирования либо приспособления, «совладания» с ситуациями, вызывающими стресс, эмоциональное напряжение и беспокойство (Маленов 2011; Сухова 2014). Подобные, психологические по своей сущности, установки обычно

имеют истоки либо продолжение в коммуникативно-речевых ситуациях, характер протекания которых определяется, в том числе, социальными и/или психологическими ролями, а также личностными качествами ее участников (Гончарова 2010: 9, 18).

Например, принудительное увольнение как стимул к определенному виду «совладающего поведения» человека инициирует различные коммуникативно-речевые ситуации: (а) неприятного диалога между подчиненным и вышестоящим лицом в категорической, грубой или вежливо-корректной речевой форме; (б) письменного сообщения о (личном или массовом) отстранении от должности; (в) телефонного или (г) случайно подслушанного разговора между коллегами на эту тему и др. В каждой из названных ситуаций субъект увольнения совершает определенные вербальные и невербальные действия-реакции, зависящие от его социального статуса, психического темперамента, эмоционального состояния и т. д. Это позволяет утверждать, что большинству из поведенческих копинг-стратегий, установленных психологами, таких как конфронтация, самоконтроль, поиск поддержки, побег, планирование, позитивная переоценка, принятие / отклонение ответственности (Сухова 2014: 77–78), соответствуют эксплицирующие их коммуникативно-речевые действия языковой личности. В их ряд могут войти речевые акты с выражением несогласия (в корректной или некорректной / агрессивной форме), протеста, просьбы / требования (о продлении контракта, выплаты компенсации и др.), открытого или сдержанного возмущения, извинения за плохо выполненную или невыполненную работу, объяснения причин этого и т. д.

В рамках «совладающего поведения» речевого субъекта *конфликтному* и/или *агрессивному коммуникативно-речевому поведению* может противостоять *позитивное* или *конструктивное общение* с другим(и). Этот способ (речевого) поведения строится «на принципах партнерского равенства, подчеркивания значимости личности другого» (Болотова & Жуков 2015: 25). В нем, как уже отмечалось выше, коммуникативный контакт устанавливается и поддерживается на основе выражаемых, в том числе и вербальными средствами, симпатии и взаимного интереса к проблемам партнера, а также кооперативного взаимодействия.

В последние годы появляется все больше научных исследований, в которых специально изучаются разные аспекты протекания подобного вида речевого общения, характеризующегося слаженностью отношений между его участниками (Леонтович 2015; Леонтович и др. 2019; Соколова 2017; Тахтарова 2010; Шаховский 2019). «Позитивная коммуникация» рассматривается как конструктивная форма социально-речевого поведения, так как она — в отличие от вербальной агрессии — способствует достижению конечных коммуникативных целей и инициатора общения, и его адресата, помогая преодолевать разного рода коммуникативные барьеры между ними.

Позитивную коммуникацию можно считать органической частью и такого активно изучаемого объекта современных гуманитарных исследований как «дискурс социальной гармонии», к которому обычно относят и интересующую нас социальную рекламу (ср. Раренко 2022: 16–36). Названный вид дискурса создается, по мнению его исследователей, речевыми практиками, направленными на гуманизацию атмосферы в обществе и стабилизацию социальных отношений, цель которых заключается в том, «чтобы создать условия для гармоничного развития как отдельной личности, так и общества в целом» (ibid.: 16–17).

Социологами установлено, что «гармонизация в общем виде представляет собой систему регуляции взаимодействий, связей и отношений социальных субъектов посредством норм и правил по достижению динамического равновесного состояния и удовлетворения взаимных интересов, предотвращения угроз и рисков» (Иванова 2014: 24). Уточняя данный тезис по отношению к (речевой) коммуникации, в которой, как известно, реализуется абсолютное большинство «взаимодействий и связей социальных субъектов», можно прийти к следующему выводу. Позитивная речевая коммуникация обеспечивает достижение динамического равновесия и удовлетворения взаимных (коммуникативно-прагматических) интересов контактирующих социально-речевых субъектов, а также «предотвращение угроз и рисков» коммуникационных конфликтов, которые препятствуют социальной гармонии.

2. Дискурсообразующие принципы позитивного речевого общения

Протекание (речевой) коммуникации в позитивной, или конструктивной, форме предопределяется двумя факторами. Первый заключается в наличии у человека, участвующего в общении, врожденных или приобретенных (перманентных) личностных качеств и социокультурных ориентиров, в силу которых он, будучи по своей психологической организации субъектом, не склонным к конфликтам, как правило, предпочитает в коммуникации эмпатические речевые ходы, рассчитанные на кооперацию с собеседником. Такой тип языковой / дискурсивной личности более или менее постоянно демонстрирует в стиле своего речевого поведения поддержку партнера, сочувственное понимание его интересов, а также толерантное отношение к определенным слабостям его характера и/или погрешностям коммуникативного поведения. К главным коммуникативным чертам характера языковых личностей, склонных к позитивному общению, если воспользоваться их перечнем, предложенным Седовым, можно отнести *недоминантность (уступчивость)*, *бесконфликтность* и *кооперативность* (Седов 2016: 50–54).

Второй фактор развития речевой коммуникации в позитивном и конструктивном ключе заключается в одномоментном осознании ее участниками вида конкретной коммуникативно-деятельностной ситуации и стремлении достигнуть связанную с нею *цель* общения. Практическая необходимость учета особенностей ситуации и собственно прагматических интересов вынуждает коммуникантов избегать конфликтных форм поведения и участвовать в создании «дискурса социальной гармонии» даже в том случае, если они вступают в коммуникацию с несовпадающими точками зрения и разными прагматическими интересами.

Таким образом, при изучении особенностей коммуникативно-речевого поведения в обоих случаях, особенно во втором, следует исходить из основополагающих принципов телеологического подхода к общению, так как *целеполагание* предопределяет как «жизненный мир» («Lebenswelt») человека в целом, так и каждую актуальную ситуацию в нем, включая и ситуации общения с другими («kommunikatives Handeln») (Habermas

2022: 455 и след.; Fix 2021: 347–358). Индивидуальные и социальные коммуникативные цели требуют от индивидуума в каждом конкретном случае его речевой деятельности определенную меру *адаптивности*, т. е. *приспособления* к социокультурным контекстуальным условиям, в которых эти цели решаются. Упомянутые выше копинг-стратегии и «совладающее поведение» как таковое являются ничем иным, как проявлением социальной идентификации и адаптивного поведения homo loquens, обусловленных его общими жизненными и частными практическими целями.

Наряду с адаптивностью в числе прагматических составляющих позитивного вида коммуникации называются такие как коммуникативная инициатива на основе положительной интенции; вовлеченность в интеракцию; социальная поддержка собеседника; конгруэнтность, под которой понимается «соответствие внутреннего «Я» его внешним коммуникативным проявлениям» (Леонтович & al. 2019: 20–22). В этот список можно включить, кроме того, прагматическую настройку участников конструктивного общения на так называемую «диадическую коммуникацию», где основой взаимодействия между партнерами становятся не субъект-объектные (асимметричные), а субъект-субъектные (равноправные) отношения, сопровождаемые уважительностью, доброжелательным вниманием, вежливостью и др. (Болотова & Жуков 2015: 25).

Следует также отметить, что к традиционным для позитивного общения универсальным коммуникативным категориям вежливости и толерантности в исследованиях последних лет добавляется категория «коммуникативного смягчения», или «митигация» (Caffi 2007; Тахтарова 2010), понимаемая как проявление сочувствия к собеседнику в случаях, когда существует необходимость его критики, отказа, порицания за что-л. и др., иными словами, в ситуациях, имеющих негативные прагматические аспекты, по крайней мере, для одной из сторон коммуникации.

Например, «коммуникативное смягчение» в ситуации неприема на работу может быть выражено вербально фразами: *«У вас положительный профессиональный опыт, но нам, к сожалению,*

нужны специалисты более широкого профиля. / Благодарим за интерес, проявленный к нашей фирме, но у нас уже заполнены все вакансии. / Будем рады видеть вас, после того как вы дополните ваш практический опыт дипломом о специальном образовании в нашей сфере» и т. д.

Как видим, митигация, относящаяся к коммуникативным стратегиям «негативной вежливости», помогает говорящему смягчить один и более моментов своей речи, а также минимизировать нарушение территории партнера по коммуникации (Тахтарова 2008: 101). Она сглаживает определенные противоречия в целеполагании участников коммуникации, «разбавляя» негативную информацию сообщения маркерами позитивного, эмпатического общения.

3. Позитивный диалог как коммуникативно-прагматическая основа построения дискурса социальной рекламы

В социальной рекламе, которая входит, что уже отмечалось выше, в «дискурс социальной гармонии», позитивная коммуникация может считаться оптимальной формой установления и поддержания контакта между адресантом и (массовым) адресатом. Это обусловлено, в первую очередь, характером целеполагания текстов, принадлежащих к рассматриваемому виду дискурсивной практики, которое заключается в привлечении внимания людей к той или иной актуальной общественной проблеме, в продвижении идей, которые способны изменить разные аспекты жизни общества к лучшему, а также в том, «чтобы убедить человека жить и вести себя в соответствии с нравственными нормами, поступать по совести, стремиться к высокому и достойному» (Данилевская 2012: 132).

Иначе говоря, интенциональный стержень социальной рекламы — это установка на некое усовершенствование или *позитивное изменение* какого-л. аспекта в поведенческой модели общества в целом и в индивидуальном способе социального существования отдельного человека. Как остроумно замечает один из известных исследователей социальной рекламы, А. М. Аматов, она «заставляет человека делать что-то, не делать чего-то или делать что-то иначе» (Аматов 2021: 5). Таким образом, коммуникативно-прагматическая природа текстов социальной рекламы определяется присущими им функциями *регулирования*

и *каузирования* посткоммуникативного поведения адресата в *положительном* для самой личности и для ее социального окружения ключе, что способствует стабилизации «позитивных отношений в обществе» (Раренко 2022: 23).

Названные риторические функции текстов социальной рекламы означают, что, с одной стороны, их авторы не отказывают реципиенту текста в *свободе выбора* действий как следствия коммуникации, но рассчитывают посредством выверенной и продуманной модели собственного речевого поведения на *согласие* (accord), на принятие выраженной в тексте позиции субъекта речи (Perelman & Olbrechts-Tyteca 2000). С другой стороны, инициатор общения в дискурсе социальной рекламы стимулирует / подталкивает адресата к совершению планируемого действия, прибегая к определенной комбинации вербальных и невербальных средств, реализующих прагматическую дихотомию рационального убеждения (Überzeugen) и эмоционально-манипулятивного «обольщения» (Überreden). Сочетание подобных средств в текстовой структуре придает социальной рекламе такую ее универсальную характеристику как «персуазивная риторичность» (Голоднов 2011: 121–127). Продемонстрируем данный тезис на следующих примерах.

Пример 1. В вербальном слогане социальной рекламы популярного в немецкоязычных странах фонда «Tier im Recht» («TIR») «Tierrechte verdienen so viel Aufmerksamkeit wie Donald Tramp», являющемся в плане содержания и выражения риторическим высказыванием и текстовой реализацией ассертивного речевого акта, аргументативно развертывается главная тема этого общественного движения: необходимость участия человека в защите мира животных. В плане содержания в данном слогане сливаются аргументативные шаги рационального (аксиоматического) утверждения («Tierrechte verdienen Aufmerksamkeit») и экспрессивной сравнительной оценки («wie Donald Tramp»), содержащей имплицитный намек на чрезмерное внимание общества и масс-медиа к американскому президенту. Фоновая визуальная метафора с ироническим подтекстом, в которой представитель фауны имеет явное внешнее сходство с Трампом, усиливает эмоциональное воздействие вербального текста. В своей совокупности названные коммуникативно-прагматические шаги входят в многоходовую структуру практической аргументации, предваряющей итоговый призыв плаката: Helfen Sie uns dabei… в его нижней части. При этом конечное Vielen Dank! можно рассматривать не только как речевой акт этикетной благодарности и позитивного диалога, но и как сигнал уверенности авторов рекламы в том, что реципиент совершит ожидаемое от него посткоммуникативное действие.

Пример 2. В социальной рекламе министерства здравоохранения Германии, нацеленной на отказ (в первую очередь, молодежи и женщин) от курения, обращают на себя внимание полимодальные маркеры гармонизирующего диалога: (а) визуальное изображение живой и радостной вечеринки, где не курят, а наслаждаются общением, в отличие от одиноко стоящей за стеклом балкона курильщицы; (б) вербальный комментарий к этой инсценированной ситуации с обращением-призывом изменить свое поведение, содержащем сравнение «хорошего» и «плохого» в пользу первого: «Hab Spaß und feiere mit deinen Freundinnen, anstatt am Balkon herumzustehen», которое к тому же сопровождается риторической аргументацией: «Wer nicht raucht, hat mehr vom Leben und verpasst auch nichts von der Party»; (в) вербально-невербальный слоган «Rauchen = uncool» с визуальным образом двух сигарет и использованием в вербальной части модной сленговой молодежной лексемы uncool, усиленной красно-черным цветовым контрастом; (г) имитированная прямая речь изображенного на фото министра здравоохранения, а также выделение красным цветом эмфатического фрагмента: «Nichtrauchen lohnt sich auf jeden Fall!», в которой содержится заключительная максима о полезности отказа от курения.

Говоря о позитивном риторическом посыле социальной рекламы, нельзя не заметить, что ее исследователи нередко подчеркивают более широкий и более разнообразный спектр вызываемых социальной рекламой чувств, чем в коммерческой рекламе, который не исключает и отрицательных эмоций, сопровождающих проявления сочувствия, сострадания, жалости, тревоги, страха (Аматов 2021). Некоторые авторы даже выделяют два вида этой дискурсивной практики: позитивную и негативную социальную рекламу, считая, что «негативная реклама рассказывает о последствиях «непослушания» в позитивной рекламе, т. е. о наркомании, заражении ВИЧ-инфекциями, алкоголизме, табакокурении и их последствиях для жизни и здоровья человека» (Данилевская 2012: 133).

Соглашаясь в целом с тезисом о более широком спектре чувств, в том числе и отрицательных, возникающих под воздействием социальной рекламы, если ее сравнивать с коммерческой

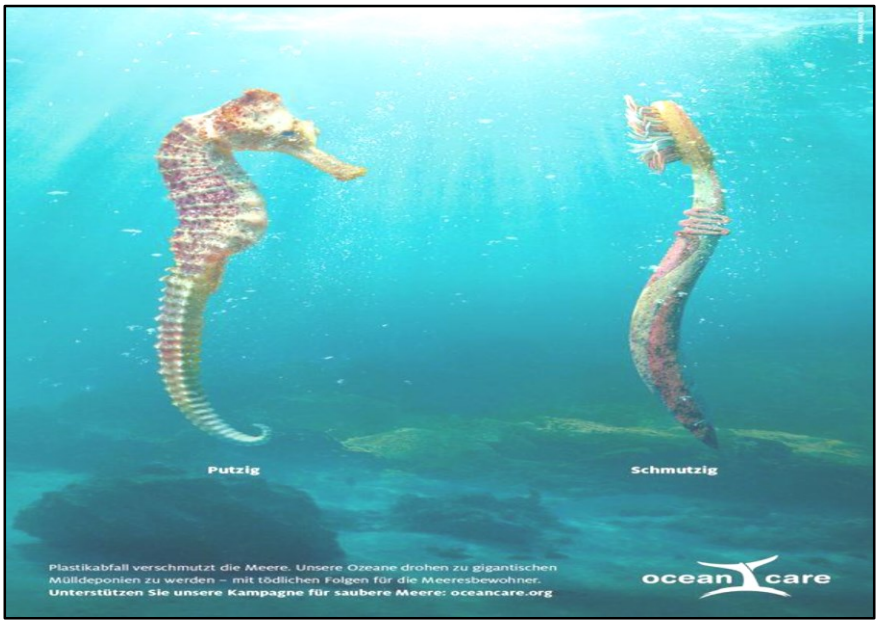
рекламой, мы не можем, однако, принять ее разделение на позитивную и негативную, как это предлагает Данилевская (см. выше). Суть возражения состоит в следующем. На наш взгляд, информация о последствиях «непослушания» позитивной рекламе всегда дается с установкой на усиление прагматического смысла соответствующей позитивной рекламы, а отрицательные эмоции используются адресантом лишь для внутренней переориентации адресата на «положительное» поведение. Неприемлемый образ жизни (наркомания, алкоголизм и др.) подается в контексте дискурса как «анти-пример» суггестивно внушаемого положительного поведения, как симптом (индивидуальной и социальной) патологии, преодоление которой (а в этом заключается прагматический посыл текста) должно привести к позитивным изменениям. Иначе говоря, через отрицательный эмоционально-экспрессивный контекст санкционируется и «моделируется» посткоммуникативный положительный образ мыслей и поведения. Поясним это на примере.

Пример 3. Рекламный плакат с призывом не замалчивать факты насилия, с одной стороны, обращает внимание адресатов на тревожную информацию о существовании этого негативного социального явления. Этически позитивное чувство со-страдания внушается реципиентам с помощью тактики «отрицательной

суггестии», например, через визуальный образ женщины — объект насилия. С другой стороны, вербальная часть плаката построена как стилизованный диадический (субъект-субъектный) диалог с этой женщиной — «внутренним адресатом» текста. В него входят реплики-стимулы: прямой общий вопрос «Bist du von akuter Gewalt betroffen?» и императив «Rufe um Hilfe!», контекстуально связанные с императивным слоганом «Stop the silence», который выделен красным цветом на фоне лица женщины. При этом ее рот, зажимаемый, вероятно, рукой насильника, можно считать визуальной метонимией принудительного молчания. Персуазивное эмоциональное воздействие описанных контекстуальных средств усиливается и с помощью рекламного клише «Rund um die Uhr», визуально подкрепленного изображением часов, расположенного в правом углу плаката. Совокупный вербально-невербальный контекст оставляет в целом позитивное чувство надежды, что жертвы насилия не одиноки и могут получить социальную поддержку.

Одним из обоснований того, что отрицательные чувства, появляющиеся у адресата при восприятии текста социальной рекламы, служат, по сути, импульсом для положительного образа мыслей и действий. Они содержат также важные выводы современной эмотиологии о многофункциональности человеческих эмоций. Среди присущих эмоциям функций отражения, сигнальной, регулятивной, эвристической, гедонистической, суггестивной, оценивающей и др. ученые называют когнитивную функцию. Эта функция «проявляется в нескольких ролях: давать толчок к познанию, компенсировать недостаток знания, быть катализатором познавательного процесса» (ШАХОВСКИЙ 2009: 30). Предыдущий пример наглядно показывает, что, будучи одной из речевых практик «дискурса социальной гармонии», социальная реклама призвана настраивать членов социума на познание фактов и явлений, обеспечивающих развитие определенных сторон их индивидуальной и социальной жизни в логике «от негативного к позитивному». Поэтому, по нашему мнению, и отрицательные эмоции «эксплуатируются» в социальной рекламе как стимуляция к более глубокому усвоению содержания аксиологической оппозиции «хорошее — плохое» и

выработке благоприятных для личности и общества жизненных установок.



Пример 4. Этот пример показывает, как посредством сочетания вербальных и невербальных сигналов позитивной интенции в тексте социальной рекламы могут быть актуализированы важные аспекты полезных экологических знаний и опирающегося на них разумного социального поведения адресата. Полимодальное построение текста служит целям намеренной «игры» с отрицательными и положительными эмоциями реципиента, а также развертыванию текстовой информации и практической аргументации в прагматической перспективе от плохого к хорошему.

Эта социальная реклама представляет международную организацию по защите морской среды OCEAN CARE, основанную в Швейцарии в 1989 г. Текст сконструирован по единому визуальному образцу и похожей вербальной схеме, которые характерны для упомянутого экологического движения. Прагматико-стилистическое фокусирование темы защиты морской среды происходит благодаря бросающейся в глаза на фоне морской синевы экспрессивной полимодальной антитезе. В ней изображение симпатичного морского конька, противопоставленного хищно ощетиненным остаткам использованной зубной щетки, явно стимулирует столкновение положительных и отрицатель-

ных эмоций адресата. Вербальная интерпретация визуального противопоставления посредством контекстуальных антонимов, образующих риторическую фигуру парономазии putzig (забавный) — schmutzig (грязный), усиливает визуальный эффект. Полимодальная антитеза настраивает адресата в целом на одобрение дидактической расшифровки текстовой информации, даваемой в левом углу плаката: «Plastikabfall verschmutzt die Meere. Unsere Ozeane drohen zu gigantischen Mülldeponien zu werden — mit tödlichen Folgen für die Meeresbewohner». Таким образом, через расширение когнитивного фонда экологических знаний реципиент параллельно мотивируется к образу мыслей и действиям, полезным для природы, и настраивается на положительное восприятие персуазивного императивного слогана: «Unterstützen Sie unsere Kampagne für saubere Meere».

4. Заключение

Анализ текстов современной немецкой социальной рекламы разной информационно-тематической направленности убедительно показывает, что их композиционно-смысловое построение подчинено нормам позитивной коммуникации, помогающей адресатам осваивать стратегии «совладающего» поведения и взаимодействия с другими. Даже при наличии в структурно-семантической организации текста визуальных и/или вербализированных негативных примеров социального «непослушания», неправильного образа жизни, пагубных пристрастий и т. д., выступающих в функции «анти-примеров» рекламируемых положительных социальных образов, прагматика и построение дискурса социальной рекламы всегда телеологически детерминированы характерной для нее пропагандой положительного образа мыслей и действий. Следствием реализации подобного целеполагания в рекламе становятся: а) коммуникативно-речевая адаптация адресанта сообщения к проблемной ситуации и актуальным социальным запросам; б) его установка на выстраивание гармоничных диадических отношений с адресатом с одновременным персуазивным (просветительским, дидактическим и др.) воздействием на него; в) эмоциональное вовлечение адресата в актуальную социальную проблему, в том числе через эксплуатацию отрицательных эмоций в качестве мотивацион-

ного средства в личностно-социальном развитии человека от негативного к позитивному. В целом все это свидетельствует об имманентном позитивном характере процесса когнитивного и коммуникативного взаимодействия участников дискурса социальной рекламы.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

Аматов А. М. Дискурс социальной рекламы: прагматика прагматизма // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2021. Т. 7. Вып. 1. С. 3—12. [Amatov, Aleksandr M. (2021) Diskurs sotsial'noy reklamy: pragmatika pragmatizma (Discourse: Pragmatics of Pragmatism). *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, 7 (1), 3—12. (In Russian)].

Болотова А. К., Жуков Ю. М. Психология коммуникации. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. [Bolotova, Alla K. & Zhukov, Yuriy M. (2015) *Psikhologiya kommunikatsii* (Psychology of communication). Moscow: Higher School of Economics. (In Russian)].

Голоднов А. В. Риторический метадискурс: основания прагмалингвистического моделирования и социокультурной реализации (на материале современного немецкого языка). СПб: Астерион, 2011. [Golodnov, Anton V. (2011) *Ritoricheskiy Metadiskurs: osnovaniya pragmalingvisticheskogo modelirovaniya i sotsiokulturnoy realizatsii (na materiale sovremennogo nemetskogo yazyka)* (Rhetorical Meta-Discourse: the Foundations of Pragmalinguistic Modeling and socio-cultural Realization (based on modern German Language). Saint Petersburg: Asterion. (In Russian)].

Гончарова Е. А. Ситуация как фактор стиля // Stylistyka XIX, T. 19, Opole: Uniwersytet Opolski, 2010. С. 7—22. [Goncharova, Yevgeniya A. (2010) Situatsiya kak faktor stilya (Situation as a Style Factor). *Stylistyka XIX, Opole: Uniwersytet Opolski*, V. 19, 7—22. (In Russian)].

Данилевская Н. В. О специфике текстов социальной рекламы в современном рекламном дискурсе (на материале профилактической медицинской литературы) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. Выпуск 4 (20), 2012. С. 132—137. [Danilevskaya, Nataliya V. (2012) O spetsifike tekstov sozialnoy reklamy v sovremennom reklamnom diskurse (na materiale profilakticheskoy meditsinskoy literatury) (On specific Character of Texts of social Advertisement in contemporary Advertisement Discourse (based on the medical prophylactic Literature). *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*, 4 (20), 132—137. (In Russian)].

Джанерьян С. Т., Гвоздева Д. И., Астафьева И. Н. Особенности фрустрированности городской учащейся молодежи — юношей и девушек [Электронный ресурс] // Современные исследования социальных проблем: электронный научный журнал. 2015. № 9 (53). С. 483—501. [Dzhaneryan, Svetlana T.; Gvozdeva, Darya I. & Astafyeva, Inna N. (2015) Osobennosti frustrirovannosti gorodskoy uchashcheysya molodezhi — yunoshey i devushek (Frustration Features of the City Studying Youth — young Men and Women). *Modern Research of Social Problems*, 9 (53), 483—501. Retrieved from https://journal-s.org/index.php/sisp/article/view/7483. (In Russian)]. doi: 10.12731/2218-7405-2015-9-37.

Иванова О. В. Сущностные характеристики социальной гармонии // Социосфера. 2014. № 1. С. 21—26. [Ivanova, Oksana V. (2014) Sushchnostnyye kharakteristiki sozial'noy garmonii (The Essential Characteristics of Social Harmony). *Sociosphere*, 1, 21—26. (In Russian)].

История философии: Энциклопедия // сост. и гл. науч. ред. А. А. Грицанов. Минск: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2002. [Gritsanov, Aleksandr A. (ed.) (2002) *Istoriya filosofii: Entsiklopediya* (The History of Philosophy: Encyclopedia) Minsk: Interpresservis; Knizhnyy Dom. (In Russian)].

Леонтович О. А. Позитивная коммуникация. Постановка проблемы // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2015. № 1. С. 164—177. [Leontovich, Olga A. (2015) Positivnaya kommunikatsiya. Postanovka problemy (Positive Communication: a Theoretical Perspective). *Russian Journal of Linguistics*, 1, 164—177. (In Russian)].

Леонтович О. А., Гуляева М. А., Лунева О. В., Соколова М. С. Позитивная коммуникация: колл. монография. М.: Гнозис, 2019. [Leontovich, Olga A.; Gulyaeva, Mariya A.; Luneva, Olga V. & Sokolova, Marina S. (2019) *Positivnaya kommunikatsiya* (Positive Communication). Moscow: Gnosis. (In Russian)].

Маленов А. А., Маленова А. Ю. Психологическое образование как ресурс преодоления трудных ситуаций // Terra Linguistica, 2011, № 11. С. 133—142. [Malenov, Aleksandr A. & Malenova, Arina Y. (2011) Psikhologicheskoye obrazovaniye kak resurs preodoleniya trudnykh situatsiy (Psychological Education as Coping-Resource). *Terra Linguistica*, 11, 133—142. (In Russian)].

Мещерина Н. Г., Власова О. Г., Банщикова Т. Н. Личностные и кросскультурные факторы социальной фрустрированности педагогов [Электронный ресурс] // Фундаментальные исследования. 2014. № 11-2. С. 438—443. [Meshcherina, Natalya G.; Vlasova, Oksana G.

& Banshchikova, Tatyana N. (2014) Lichnostnyye i kross-kul'turnyye factory sotsial'noy frustrirovannosti pedagogov (Personal and cross-cultural Factors of Teacher's Social Frustration). *Fundamental research*, 11-2, 438—443. Retrieved from http://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=35543. (In Russian)].

Раренко М. Б. Языковая структура дискурса социальной гармонии: аналитический обзор. М.: РАН ИНИОН, 2022. [Rarenko, Mariya B. (2022) *Yazykovaya struktura diskursa sotsialnoy garmonii* (The Language Structure of the Discourse of social Harmony). Moscow: INION RAS. (In Russian)].

Седов К. Ф. Общая и антропоцентрическая лингвистика. М.: Издательский Дом ЯСК, 2016. [Sedov, Konstantin F. (2016) *Obshchaya i antropotsentricheskaya lingvistika* (General and Anthropocentric Linguistics). Moscow: LRC Publishing House. (In Russian)].

Соколова М. С. Адаптация к собеседнику в процессе межличностной коммуникации: дис. … канд. филол. наук: 10.02.19. Волгоград: Волгоградский гос. пед. ун-т, 2012. [Sokolova, Marina S. (2012) *Adaptatsiya k sobesedniku v protsesse mezhlichnostnoy kommunikatsii* (Adaptation to the Interlocutor in the Process of Interpersonal Communication). PhD thesis in Philology. Volgograd: Volgograd State Pedagogical University. (In Russian)].

Солдатова Г. У., Нестик Т. А. Историко-эволюционная перспектива человечества: от парадигмы конфликта к парадигме толерантности // Национальный психологический журнал. 2011. № 2. С. 15—24. [Soldatova, Galina U. & Nestik, Timofey A. (2011) Istoriko-evolutsionnaya perspektiva chelovechestva: ot paradigmy conflikta k paradigm tolerantnosti (Historic-evolutional Perspective: from Conflict Paradigm to Tolerance Paradigm). *National Psychological Journal*, 2, 15—24. (In Russian)].

Сухова Е. В. Понятие «копинг-стратегии» и пример асоциальных копинг-стратегий // Прикладная юридическая психология. 2014. № 1. С. 76—83. [Sukhova, Yelena V. (2014) Ponyatie "koping-strategii" i primer asotsial'nykh koping-strategiy (The Concept of "Coping Strategies" and an Example of asocial Coping Strategies). *Applied Legal Psychology*, 1, 76—83. (In Russian)].

Тахтарова С. С. Этнокультурные аспекты коммуникативного смягчения (на материале немецкой этнокультуры) // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Серия 2: Языкознание. 2008. № 2 (8). С. 99—104. [Takhtarova, Svetlana S. (2008) Etnokuturnyye aspekty kommunikativnogo smyagcheniya (na materiale nemetskoy etnokultury)

(Ethno-cultural Aspects of Mitigation). *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 2 (8), 99—104. (In Russian)].

Тахтарова С. С. Категория коммуникативного смягчения (когнитивно-дискурсивный и этнокультурный аспекты): дис. … д-ра филол. наук. Волгоград: Волгоградский гос. пед. ун-т, 2010. [Takhtarova, Svetlana S. (2010) *Kategoriya kommunikativnogo smyagcheniya (kognitivno-diskursivnyy i etnokulturnyy aspekty)* (Category of communicative mitigation (cognitive-discursive and ethno-cultural Aspects). Advanced PhD thesis in Philology. Volgograd: Volgograd State Pedagogical University. (In Russian)].

Шаховский В. И. Эмоции как объект исследования в лингвистике // Вопросы психолингвистики. № 9, 2009. С. 29—42. [Shakhovskiy, Viktor I. (2009) Emotsii kak obyekt issledovaniya v lingvistike (Emotions as Object of Study in Linguistics). *Journal of psycholinguistics*, 99, 29—42. (In Russian)].

Шаховский В. И. Голос эмоций в языковом круге *homo sentiens*. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2019. [Shakhovskiy, Viktor I. (2019) *Golos emotsiy v yazykovom kruge homo sentiens* (The Voice of Emotions in the Linguistic Circle of Homo Sentiens). Moscow: Librokom. (In Russian)].

Caffi, Claudia. (2007) *Mitigation*. Amsterdam: Elsevier.

Fix, Ulla. (2021) S*til — Denkstil — Text — Diskurs. Die Phänomene und ihre Zusammenhänge*. Berlin: Frank & Timme.

Habermas, Jurgen. (2022) *Theorie des kommunikativen Handelns*. In 2 Bdn. Frankfurt am Main: Suhrkamp Taschenbuch Wissenschaft.

Perelman, Chaim & Olbrechts-Tyteca, Lucie. (2000) *A New Rhetoric: A Treatise on Argumentation*. Notre Dame (Ind.): Univ. of Notre Dame Press.

Yevgeniya A. Goncharova
Herzen State Pedagogical University of Russia

Polymodal Markers of Positive Communication in Modern German Social Advertising Texts

Positive dyadic communication is based on "subject-subject" relations and presupposes a certain equality of participants. In this paper it is considered as the optimal type of a constructive dialogue between the addresser and the addressee in social advertising discourse. The methodological basis for this approach is formed by two reasons. First, the universal goal of the discourse under study is to establish a positive change both in a certain aspect of the behaviour (model) of society as a whole and in the individual way of social existence (of an individual). Second, the main functions of the texts that

form the discourse are to regulate and cause the recipient's post-communicative actions in the "from bad to good" logics. The "persuasive rhetoric" of social advertising texts causes the polymodal compositional and semantic structure typical of them, and it is through this structure that the addressee's intentional play with the addresser's negative and positive emotions is organized while the unfolding textual information and practical arguments make the addresser's worldview, habits, and behaviour turn to the positive. Visual images and verbal construction, charged with metaphorical and metonymic meaning, are widely used as markers of a harmonious dialogue; stimulus responses, imperatives, appeals, rhetorical figures of comparison and contrast, etc. One of the disputable issues raised in the paper is the distinction between positive and negative social advertising. The author does not accept it, believing the overall positive pragmatic message to be the defining factor in the construction and functioning of any social advertising text. Basing on the interpretation of modern German-social advertising, the author of the paper shows that negative emotional and expressive contexts and/or rhetorical juxtapositions of text elements, charged with positive and negative meanings, are used to sanction and to "model" a final positive way of thinking and behaviour. Negative emotions are "exploited" in the holistic compositional and semantic structure of the social advertising texts as a catalyst for cognitive processes, as a means of stimulating a deeper understanding of the axiological opposition "good vs bad".
Keywords: positive communication; social advertising, text, discourse, persuasion

Для цитирования:
Гончарова Е. А. Полимодальные маркеры позитивной коммуникации в текстах современной немецкой социальной рекламы // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2026. № XXIII. С. 54—73.
DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2026-23-54-73.

To cite this Article:
Goncharova, Yevgeniya A. (2026) Polimodal'nyye markery pozitivnoy kommunikatsii v tekstakh sovremennoy nemetskoy sotsial'noy reklamy (Polymodal Markers of Positive Communication in Modern German Social Advertising Texts). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 23, 54—73. (In Russian).
DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2026-23-54-73.

Статья поступила в редакцию 10.01.2026; принята к публикации 12.02.2026
The article was submitted 10.01.2026; accepted for publication 12.02.2026

Л. И. Гришаева
Воронежский государственный университет

ДЕКОДИРОВАНИЕ СВЕДЕНИЙ О МИРЕ В ИНТЕРАКЦИИ КАК КОММУНИКАТИВНАЯ И КОГНИТИВНАЯ ЗАДАЧА

В фокусе комплексного многоаспектного макротекстового анализа — соотношение, с одной стороны, сведений о мире, объективируемых в текстовом пространстве и/или интеракции средствами культурных кодов, и, с другой стороны, сведений, не объективируемых в интеракции и/или тексте, но активируемых и со-активируемых теми же вербальными и невербальными средствами. На примере текстов типа «афоризм», «максима» немецкого писателя Б.-Л. Ланге осмысливаются процессы в обеих частях Германии в период до, во время и после ее объединения, анализируются способы и средства вербализации сведений о мире. Обосновывается необходимость последовательно разграничивать такие процессы как кодирование и декодирование сведений о мире, порождение и рецепцию коммуникативных продуктов, понимание и интерпретация порожденного текста, осмысляемые как относительно автономные, нелинейно связанные друг с другом и не взаимно конвертируемые. Особый акцент в работе делается на ассоциативном знании, которое необходимо реципиенту в качестве когнитивного фона при интерпретации когнитивной фигуры — знаний о событии, отношении к нему носителей немецкого языка как к категории, процессу, ценностной ориентации и др. Внимание уделяется также специфике декодирования прецедентных феноменов в текстах, содержательным стержнем которых являются прецедентные феномены разной этиологии как аксиологически нагруженные, когнитивно и коммуникативно релевантные в конкретной языковой культуре, с одной стороны, и как активирующие значительный пласт гетерогенного, гетерохронного, гетеросубстратного ассоциативного знания, с другой. Активизация и со-активация ассоциативного знания при рецепции описывается в свете системных, субсистемных, суперсистемных связей анализируемых текстов типа «афоризм», «максима». Отмечается вариативность средств и способов реализации когнитивных, номинативных, коммуникативных стратегий при решении одним и тем же субъектом познания и коммуникации однотипных коммуникативных и когнитивных задач. Выявленные особенности порождения текста определенного типа анализируются в контексте актуальных тенденций, свойственных на современном этапе бы-

тования языковых культур содержательной, формальной, функциональной, семиологической организации текстов.
Ключевые слова: порождение и рецепция текста; ассоциативное знание; прецедентные феномены; субсистемные, системные, суперсистемные связи текста; кодирование и декодирование сведений о мире; внутритекстовые, межтекстовые, интертекстуальные связи в культурном и текстовом пространстве

Введение

Интеракция между носителями языка и культуры представляет собой, по сути, решение коммуникативной и когнитивной задачи, а текст — результат коммуникативной и когнитивной деятельности интерактантов с помощью средств культурных кодов, как они сложились в соответствующей языковой культуре. При этом интерактанты используют разнообразные инструменты и средства, владея различными способами использования последних. Тем самым становится очевидно, что носители языка и культуры владеют не только знанием о функциональной сфере и функционале каждого инструмента и/или средства, но и знаниями о вариативности способов решения коммуникативных и когнитивных задач, даже если коммуниканты сами и не осознают, насколько ценным и значимым является такое знание.

Многочисленные примеры использования языка как средства познания и коммуникации показывают, что не все результаты интеракции воспринимаются тождественно всеми носителями одного языка и одной культуры, например:

> Wörtlich genommen
> Der Begriff Volksdemokratie war ein Kuriosum.
> “Doppelt gemoppelt”, wie der Volksmund sagt. Genau übersetzt wäre das eine “Volksvolksherrschaft”.
> Obwohl — dann stimmt’s wieder: Ein kleines Volk herrscht über das große[1] (LANGE 2000: 21).

Примеры очевидно свидетельствуют о том, что понимание той или иной мысли, которую к тому же можно выражать поразному, зависит не только от уровня владения языковыми

[1] В приводимых примерах на немецком языке сохраняется написание оригинала (дореформенное).

средствами, но и от того, какие именно знания о внеязыковой действительности объективируются некоторыми механизмами вербализации, а также знания о том, что можно говорить в интеракции, а что только подразумевается.

Однако подавляющее большинство носителей немецкого языка, уровень владения которым у них a priopri более или менее сопоставим, совершенно не замечают, отчего употребление номинации Volksdemokratie в соответствующем культурном пространстве становится конвенциональным, привычным, обыденным, «нормальным» и поэтому не признается алогичным. Интересно сравнить описанный выше способ семантизации иноязычного термина с иным способом семантизации единиц иноязычного происхождения. Вместе с тем вполне очевидными становятся различия в семантике номинаций, закрепившихся в языковой культуре и в сознании носителей языка: Enttäuschung: Er dachte immer, Denunziant wäre etwas besseres als Verräter (Lange 2000: 43).

В интеракции между носителями языка многие сведения высвечиваются как абсолютно неожиданные и регистрируемые только после того, как один из субъектов предложит свою интерпретацию воспринимаемой ситуации; и тогда известная мысль («Есть только миг между прошлым и будущим»), оформленная непривычным в конкретном культурном пространстве образом, осмысляется принципиально иначе: «Популярность — миг между неизвестностью и забвением» (Сидоров 2025). Аналогичным образом становится понятно, насколько разным по степени очевидности аллюзивности является комплекс гетерогенных, гетерохронных, гетеросубстратных сведений о воспринимаемой ситуации для реципиента и для продуцента: «Афоризмы пишутся не от нехватки слов, а от переизбытка мыслей» (ibid.). Оба субъекта взаимодействия — потенциальный продуцент и потенциальный реципиент — могут иметь в одной и той же ситуации взаимодействия разный набор и характер ассоциаций, поэтому и результат осмысления воспринимаемых сведений оказывается у них и для них специфическим: «Если краткость — сестра таланта, то афоризм – брат шедевра» (ibid.).

Вместе с тем не менее явным для успешной и продуктивной коммуникации оказывается владение знанием, разделяемым все-

ми носителями культуры, даже если коммуниканты используют для решения одной и той же номинативной задачи разные приемы и механизмы вербализации коммуникативно и когнитивно релевантных сведений: «Сегодня у большинства наших авторов гонорар ниже плинтуса, зато гонора — выше крыши» (ibid.). И только в опоре на владение знанием, которое не объективируется в интеракции языковыми и/или невербальными средствами, реципиенты способны понять, о чем ему сообщает продуцент, сопоставляя негативную и позитивную оценку, с одной стороны, деятельности субъекта, а, с другой — самого субъекта: «гонорар ниже плинтуса» → негатив для результата деятельности → негатив для субъекта этой деятельности, «гонор выше крыши» → негативная характеристика субъекта (в коллективном представлении) → потенциально негативные последствия для деятельности субъекта и для самого субъекта в дальнейшем.

Насколько важным является умение носителей языка и культуры интерпретировать сложившееся адекватно коммуникативным условиям соотношение сведений, объективируемых в текстовом пространстве и/или интеракции средствами культурным кодов и сведений, не объективируемых в интеракции и/или тексте (представления о страданиях Христа, например, без тернового венка), но активируемых и со-активируемых используемыми средствами объективации (знания об атрибутах святых, например, нимб), можно убедиться на следующем примере: «Без тернового венка нимба не обретешь» (ibid.).

Поэтому соответствующую *проблему* — соотношение сведений, объективируемых и не объективируемых в тексте и/или интеракции, целесообразно интерпретировать как актуальную, а также как до сих пор теоретически не осмысленную как таковую с достаточной степенью глубины. Между тем очевидно, что представленное положение дел, а также воспринимаемые на поверхности феномены как якобы одинаковые, имеют, по более глубокому размышлению, нетождественные и неоднотипные когнитивные и коммуникативные источники и проявляются в разных ситуациях взаимодействия разных субъектов, как видно из приведенных примеров, нетождественным образом. Следовательно, правомерно утверждать, что тем самым поставлены исследова-

тельские задачи, нуждающиеся в исчерпывающем объяснении.

Суть поставленной проблемы и исследовательские задачи

Приведенные выше примеры показывают, что анализ того, как достигается продуктивность взаимодействия между разными субъектами, и того, когда взаимодействие правомерно охарактеризовать как взаимопонимание, нуждается в целесообразном и последовательном подходе к изучению соответствующих процессов как развивающихся *нетождественным* образом, как *не являющихся* оборотной стороной друг друга и/или взаимно конвертируемыми. В виду имеются такие процессы как порождение vs рецепция, кодирование vs декодирование, интерпретация vs понимание (см. подробно в [Взаимодействие… 2025; Гришаева 2025а; Гришаева 2025б); Парадоксальность… 2025] и др.). Эти процессы резонно описывать как имеющие свои *специфические* характеристики и условия проявления при наличии у них, естественно, вполне сопоставимых свойств. Изучение названных процессов тем самым аналогично тому, что факторы риска в коммуникации не являются оборотной стороной условий успешности (см. подробнее в: [Гришаева 2022: 502–535]).

Сказанное применительно к интеракции с помощью языковых средств и к тексту как коммуникативному результату означает необходимость четко разграничивать два комплекса знаний: (1) знания, транслируемые продуцентом средствами культурных кодов текстом и в тексте, и (2) знания, извлекаемые реципиентом из текста. Для анализа деятельности реципиента принципиальным становится осмысление его умения осознанно и/или интуитивно различать знания, объективируемые средствами культурных кодов, и знания, не объективированные средствами культурных кодов, но активируемые и соактивируемые.

Это относится не только к конкретному порождаемому и/или порожденному тексту, но и к конвенциональным способам решения определенной коммуникативной и когнитивной задачи. Это в конечном итоге означает владение знанием о том, какие сведения в конкретном культурном пространстве конвенционально и регулярно объективируются средствами культурных кодов, а какие традиционно не объективируются осо-

знанно, но необходимы для восприятия коммуникантами.

Цель статьи состоит, таким образом, в описании процессов, стоящих за пониманием реципиентом текстов, порожденных субъектом с иной личностной идентичностью, в ситуациях, параметры которых совсем не обязательно и отнюдь не всегда достоверно известны реципиенту, даже если у продуцента и реципиента одна и та же коллективная идентичность, т. е. они являются носителями одной языковой культуры.

Не объективируемые в интеракции / тексте сведения о мире

Традиционно в семиотически гетерогенном и/или семиотически гомогенном текстовом пространстве внимание исследователей привлекают сведения, объективируемые / овнешняемые различными механизмами вербализации: лексико-семантическими, морфологическими, синтаксическими, словообразовательными, формально-структурными, текстограмматическими, дифференцируемыми по хорошо известным в лингвистике основаниям, а также и разнообразными паралингвистическими средствами. При анализе текстов учитываются сведения, объективируемые средствами невербальных культурных кодов: оптическими, акустическими, а также одорическими, густическими, гаптическими, проксемическими, хрононемическими через прямые и опосредованные связи с оптическими и/или акустическими средствами, а также с языковыми первичными и/или вторичными номинативными средствами: Radio betäubt nur örtlich. Fernsehen ist Vollnarkose (LANGE 2000: 79). Внимание исследователей привлекают в том числе и средства вторичных культурных кодов, а также средства искусственных кодов, с помощью которых структурируется соответствующее информационное пространство.

Между тем сведения, которые не объективируются в интеракции, но активируются и со-активируются, чрезвычайно значимы как при порождении текстов как коммуникативных продуктов, так и при их рецепции, включая достижение взаимопонимания и корректное осмысление послания от продуцента к реципиенту (см. примеры). Без активизации и осмысления знаний, не объективированных средствами культурных кодов в текстовом пространстве и/или в интеракции, деятельность про-

дуцента или реципиента по определению не может быть продуктивной, не говоря уже о ее эффективности (см. в связи с этим рассуждения о валентности понятий в [KLIX 1984]).

Здесь интересно сравнить набор сведений, объективированных языковыми средствами, и сведения, подразумеваемые, т. е. активируемые и со-активируемые при рецепции такого текста, в том числе инферируемых: Es werden täglich weitaus mehr Nachrichten als Köpfe frisiert (LANGE 2000: 117). Нарушение семантической избирательности у тех или иных языковых средств (*Nachrichten frisieren) способствует интерпретации соответствующей номинации в качестве концептуальной метафоры, в то время как последняя активизирует знание о манипулятивных воздействиях современных (täglich) средств массовой информации (Nachrichten). Активизация и со-активация сведений о современном медиапространстве и о доминирующих в нем коммуникативных стратегиях способствует конструированию текстом негативного аксиологического фона несмотря на формальную «нейтральность» синтаксической семантики соответствующего высказывания (двухчленный пассив, в котором субъект действия не упоминается в силу структурных закономерностей: Es werden… Nachrichten… frisiert). Однако без знаний о том, насколько часто носители языка стригутся, а также насколько регулярно выходили периодические издания в XX в. (были ежедневные, а также еженедельные, ежемесячные, ежегодные и т. д.), нельзя было бы распознать и концептуальную метафору.

Интерпретация реципиентом соотношения «знания, объективированного средствами культурных кодов, vs знания, активируемого и со-активируемого теми же средствами» обусловливает переконфигурирование признаков, образующих ментальную структуру любого понятия. Благодаря этому мы можем сопоставлять конвенционально несопоставимое — внутреннюю трансформацию личности человека, с одной стороны, и изменение внешности человека под влиянием выбора предметов одежды, с другой; ср.: Da die Menschen sich nicht so leicht ändern können, haben sie die Mode erfunden (ibid.: 115).

Анализировать соотношение комплексов сведений о мире, необходимых для понимания воспринимаемого текста, необходи-

мо также потому, что знания, объективируемые различными механизмами вербализации, *не тождественны* знаниям, объективируемым средствами невербальных кодов, ни в количественном, ни в качественном отношении. И если соответствующие комплексы знаний не со-активируются синхронно в одной интеракции, содержание текста реципиент не сможет осмыслить так легко и так беспроблемно, как этого хотелось бы обоим коммуникантам: Karriereleitern haben auf der anderen Seite keine Sprossen (ibid.). Активизации невербально кодируемых сведений о лестнице и ее составных частях (Leiter, Sprossen) осложняется многозначностью лексем Sprossen, Leiter и выражения auf der anderen Seite.

Сказанное косвенно свидетельствует о необходимости учитывать при анализе, во-первых, знания как сведения, релевантные для осуществления интеракции, и, во-вторых, сведения о мире, не имеющие непосредственное отношение к осуществляемой интеракции, что становится очевидно из следующего примера: Übertriebene Feinkoster: Hummersexuelle (ibid.). Это же касается знаний, необходимых продуценту и реципиенту как при порождении, так и при рецепции текста. Так, если субъект не владеет текстотипологическим и текстограмматическим знанием, о необходимости учитывать которое наряду с языковыми, интеракциональными и энциклопедическими знаниями, традиционно и общепринято выделяемыми в специальной литературе, говорит У. Фикс (Fix 2008), в частности, применительно к примеру ниже о типе текста «фабула художественного произведения», он, реципиент, не сможет понять текст адекватно задумке продуцента:

Kurzkrimi
Sie hatte es auf sein Geld abgesehen.
Er auf ihres.
Das Geld überlebte (Lange 2000: 109).

Чтобы адекватно осмыслить послание продуцента, транслируемое в тексте, реципиент не может не понимать различий между знаниями, значимыми здесь и сейчас, и знаниями, необходимыми ему для осмысления интенции продуцента в принципе: Als er einen Preis bekam, wußte er endlich, was er wert war (ibid.: 117). Это предполагает владение не только языковыми и

текстотипологическими, но и энциклопедическими, интеракциональными знаниями. Не менее важными оказываются различия между знаниями, салиентными в интеракции определенного типа, и знаниями, менее значимыми в соответствующей ситуации «здесь и сейчас»: Der Lorbeerkranz: ein geflochtenes Küchenkraut (ibid.: 115).

Перечисленные, не объективированные в интеракции и/или порождаемом в ней тексте знания, которые чрезвычайно значимы для продуктивного взаимодействия и для установления взаимопонимания между интерактантами, Ю. Райшер называет ассоциативным знанием (REISCHER 2002).

Райшер описывает в качестве ассоциативных следующие сведения, как-то:

• декларативные — процедуральные или ассоциативные знания хранятся как отдельные сведения или как комплекс фактов (данных) или откладываются в виде последовательности отдельных шагов или пар, образуемых условиями и действиями либо складывающихся как ассоциативная сеть из декларативных или процедуральных и/или ассоциативных элементов;

• контролируемые либо неконтролируемые знания. Усвоение знаний происходит без особых усилий со стороны индивида, автоматически (имплицитно или не осознаваемо) либо эксплицитно, при сознательном обращении к когнитивным ресурсам;

• актуальные или общие знания. Знания могут быть ограниченными временными параметрами или же доступными в течение длительного промежутка времени, что согласуется с разграничением кратковременной и долговременной памяти;

• индивидуальное и коллективное знание. Есть знание, которым владеет индивид, и знание, которое известно практически каждому носителю культуры (ibid.: 94–95).

К знаниям описанного типа Райшер относит знания об обоих коммуникантах, в частности, те, что мы приводим ниже:

• знания о себе: здесь выделяются две категории:

— эпизодическое знание: [(не)контролируемое, декларативное / процедуральное / ассоциативное, общее, индивидуальное]. Оно предполагает индивидуальное знание фактов и историй (декларативное: имя, возраст, место рождения и др., ассо-

циативное: важные личные события);

— знания статус-кво: [неконтролируемое, декларативное / интуитивное, актуальное / общее, индивидуальное], т. е. знание об актуальном состоянии, ментальном и физическом, а также знание об общих ментальных и физических способностях (ibid.: 98);

• знание о партнере: [(не)контролируемое, декларативное / процедуральное / ассоциативное, актуальное / общее, индивидуальное], т. е. актуальные и долговременные сведения или предположения о партнере (его имени, его мнениях, его поведении и др.) (ibid.).

В качестве примера значимости знаний описанного типа для адекватной интерпретации текста, порожденного в определенных условиях, может служить следующий афоризм: Gib auf die Wölfe acht, die mit der heulen (LANGE 2000: 99). Это понятно в том числе и с опорой на сугубо структурные маркеры — глагольные формы (gib), разряд местоимения в качестве синтаксического субъекта (man), существительные дейктической (= широкой) семантики (Männer). Приведенный текст наглядно демонстрирует зависимость содержательной интерпретации воспринимаемого текста от степени дифференциации социокогнитивного опыта реципиента, ср.: Unlogische Sätze amüsieren Männer nur bei ihrer Gebliebten (ibid.); Man kann Menschen auch mit einem Gradmesser umbringen (ibid.: 117).

Знание прецедентов как ассоциативное знание

В обсуждаемом контексте особого упоминания заслуживает прецедентное знание, т. е. владение знанием наиболее релевантных в культуре сведений о регулярно повторяющихся ситуациях, культурных героях, ценностных ориентирах, максимах и пр. Такие знания аксиологически нагружены, регулярно воспроизводимы, константны в содержательном, формальном и функциональном отношениях, но чрезвычайно вариативны при содержательной детализации в специфических коммуникативных ситуациях (см. подробнее в [КАРАУЛОВ 1987; ГРИШАЕВА 2018; ДОНЕЦ 2014; БЛИНОВА 2024] и др.).

Прецедентные феномены, будучи вторичными семиотическими образованиями, чрезвычайно сложны в когнитивном отношении. Они, с одной стороны, имеют разную форму: вербаль-

ную (одна словоформа разной частеречной принадлежности, группа слов разной структуры, предложение разной структуры и степени синтаксической сложности). Одно и то же прецедентное образование отсылает к разным референтам: субъектам, объектам, отношениям, признакам, ситуациям, действиям, процессам, состояниям и т. п. Прецедентные феномены как вторичные семиотические образования объективируются как вербально, так и невербально: изображение, кукла, сувенир, пакет, памятник, мотив, цельное музыкальное произведение, песня, бюст, перформанс, запах, одежда и пр. Одновременно эти номинативные (в широком смысле) средства объективируют весьма сложно организованный комплекс гетерогенных, гетеросубстратных, гетерохронных сведений о мире, состав которых довольно константен в конкретном лингвокультурном пространстве, и имеет выраженный и постоянный, хорошо известный для носителей культуры аксиологический заряд, понятный всем поколениям носителей этой культуры.

Перечисленные свойства объясняют мощность и предсказуемость того или иного характера воздействия прецедентных феноменов на реципиента. Важным обстоятельством является также то, что соответствующее воздействие способно в культурном и/или текстовом пространстве к потенцированию, поскольку прецедентные сведения в одной и той же интеракции или тексте могут объективироваться синхронно не только вербальными, но и невербальными средствами.

В анализируемом издании прецедентное знание проецируется разными способами. Так, довольно распространены аллюзии на прецедент: Alle Menschen werden Brüder. Bis auf die Schwestern (LANGE 2000: 99); ср.: Der Kunde war nicht König, sondern Bettelmann (ibid.: 11). Комический эффект от приведенных афоризмов основывается на активизации регулярно воспроизводимого в эпоху ГДР тезиса о характере человеческих отношений в социалистическом обществе; ср.: Nie starb der Kapitalismus so stark wie heute (ibid.: 67); Aus dem einstigen Traumland wird für manche allmählich ein Alptraumland (ibid.: 98).

Аллюзии порождаются не только апелляцией к политически релевантным постулатам, но и через общекультурный ко-

гнитивный багаж, в котором присутствуют, понятно, не только прецеденты, но и иные повторяющиеся феномены типа пословиц, поговорок, фразеологизмов: Wer mit seinem Latein am Ende ist, sollte es mal mit seiner Muttersprache versuchen (ibid.: 58). Благодаря со-активации в текстовом пространстве афоризма прецедентных сведений реципиент может переосмыслить как сам афоризм, так и актуальную в языковой культуре ситуацию, а также интерпретировать смысл прецедентного знания на ином когнитивном фоне: Als der Stein seines Denkanstoßes ins Rollen kam, brachte er sich rechtzeitig in Sicherheit (ibid.: 12). Комический эффект базируется в том числе и на дейктичности местоимения er и потенциальной вероятности референтировать с неким субъектом (неопределенно-личное употребление) или же интерпретировать его как кореферентное средство к элементу действительности: der Stein. Комментарий относится и к притяжательному местоимению seines в генитиве, нечастотное словосочетание der Stein seines Denkanstoßes провоцирует активизацию сведений не об объекте, а о субъекте, а вместе — концептуальной метафоре.

Не пренебрегает Ланге и буквальным цитированием и/или квазицитированием прецедентов: Die neue Zeit ist angebrochen. Wer schient sie? (ibid.: 51). В ряде случаев цитирование позволяет со-активировать у реципиента контрастирующие комплексы сведений: Im Sozialismus, so wurde immer wieder behauptet, ist der Mensch dem Menschen kein Wolf mehr. Richtig! Hier mußtest du Fuchs sein! (ibid.: 12).

Активное обращение Ланге к прецедентному знанию при порождении афоризмов побуждает остановиться на причинах данного процесса, поскольку оно вряд ли будет корректно и продуктивно объяснено, например, идиостилистическими предпочтениями. Думается, что не последнюю роль в нем играют и свойства самих прецедентов, позволяющих продуценту оптимизировать свою речемыслительную деятельность за счет разных средств и способов организации текста, в частности, таких как

— экономия языковых средств при содержательном богатстве: Alle Menschen werden Brüder. Bis auf die Schwestern (ibid.: 99);

— лаконичность высказывания: Der Zeitgeist: ein bestechliches Gespenst (ibid.: 61);

— прогнозируемая эффективность воздействия на реципиента: Zuverlässiger als der Frühling ist die Bürokratie: sie treibt immer Blüten (ibid.: 62);

— эмотивность высказывания: “Ich will vorwärts kommen”, sagte das Quadrat, “ich will in bessere Kreise!” (ibid.: 51);

— информативная содержательность высказывания: In der Bundesrepublik werden Gewinne privatisiert und Verluste sozialisiert (ibid.: 98);

— креативность и аттрактивность: “Man muß”, meinte der Redner, “die Realität immer wieder an der Wirklichkeit überprüfen!” (ibid.: 12);

— модификация прецедентного знания: Rückblick. Die Sieger der Revolution sind nicht die Gewinner (ibid.: 48).

Вариативность способов и средств актуализации прецедентного знания в текстовом и культурном пространстве позволяет добиваться неожиданных эффектов — в деятельности реальной сконструировать один из виртуальных миров либо фикциональную действительность, квазиреальную, или же один из возможных миров:

> Wenn ich mir vorstelle, tatsächlich erst mit 65 Jahren Paris zu sehen… und der Arzt hat mir inzwischen vielleicht den Rotwein verboten, dann, dachte ich — unter diesen Umständen: Scheiß-Paris! (ibid.: 39)).

Это позволяет беспроблемно для рецепции формы и содержания текста осуществить следующие действия:

— перевести банальность в философское обобщение: Was heutzutage als moderne Musik ausgegeben wird, drehten wir früher im Radio als Störungen weg (ibid.: 112);

— превратить бытовую коммуникацию в бытийную: Der Wahrheit die Ehre geben, ist noch die einfachste Art, sie nicht zu sagen (ibid.: 57);

— играть соотношением «содержание ⇔ форма»: Blick nach vorn. Die Zukunft klopft ans Tor. Wer getraut sich zu öffnen? (ibid.: 126);

— переключать бытовую коммуникацию в политическую:

Rückblick. Die Sieger der Revolution sind nicht die Gewinner (ibid.: 48);

— переструктурировать комплекс активируемых сведений о мире: Scheuklappen sind lediglich eine Sehhilfe. Sie korrigieren den Blick nach vorn (ibid.: 57);

— изменять соотношение «когнитивный фон ↔ когнитивная фигура»: Die Wunder der DDR-Ökonomie. Es gibt auch einen Rückexport! Exportierte Produkte, die dringend im Land benötigt wurden, kaufte man gegen Devisen zurück! Dagegen waren doch die Schildbürger Waisenkinder! (ibid.: 39);

— демонстрировать порочность решений субъекта без подчеркнутого морализаторства: “Ich möchte aus meinem gewohnten Leben ausbrechen!” sagte der Häftling. (ibid.: 98);

— напоминать о высокой (моральной) ответственности субъекта за его непродуманные решения: Ihren Platz im Paradies lassen sich manche ein Heidengeld kosten (ibid.: 115) и др.

Подобное высокое разнообразие функционала прецедентного знания в людической коммуникации базируется на том, что совокупность прецедентных феноменов в каждой языковой культуре дает ее носителям более или менее полное представление о разнообразных феноменах как неотъемлемых элементах конкретного культурного пространства, а именно:

— на содержании ценностных доминант носителей языка и культуры;

— на иерархии ценностных ориентаций;

— на соотношении «хорошо ↔ плохо», «дозволено ↔ запретно», «поощряемо ↔ осуждаемо», «допустимо ↔ недопустимо», «привычно ↔ необычно»;

— на нормах ожидания в разных типах интеракций и т. д.;

— на способах конденсирования информации, когда минимумом средств выражается максимум сведений и обеспечивается эффективность воздействия на реципиента (см. примеры).

Ассоциативное знание и актуальные тенденции в организации текста

Анализ способов и средств актуализации ассоциативного знания на примере афоризмов и максим позволяет усмотреть причинно-следственные отношения, значимые для характери-

стики содержательной, формальной, функциональной организации текстов любого типа. Это проявляется, прежде всего, в гибридизации принципов организации текстовой ткани, в диффузии текстотипологических границ между текстами разных типов, в усилении степени интенсивности образности и экспрессивности у номинативных (в широком смысле) средств, содержательном конденсировании, информативной плотности при отсутствии какой-либо утраты эффективности воздействия соответствующих текстов на потенциальных и/или реальных реципиентов разных категорий. Тем самым продуцент развивает и совершенствует сознательно и/или неосознанно набор стратегий по управлению информационным потоком и формуляр способов реализации соответствующих стратегий; ср.: Ungeduld heißt, nicht auf die Lücke zwischen zwei Wodken warten zu können (ibid.: 99); Sie wollte sich nur kurz von ihrem Mann verabschieden. Es wurde aber doch eine Scheidung daraus (ibid.: 100).

Вместе с тем анализ позволяет определить и вопросы, требующие дальнейшего целенаправленного изучения при осмыслении соотношения в интеракции и/или тексте салиентного и ассоциативного знания. Так, импульсы к размышлению в обозначенном направлении правомерно усмотреть в следующих процессах, очевидных из проведенного наблюдения над содержательной, формальной, функциональной организацией текстов одного типа:

• интенсификация обращения ко вторичным номинативным средствам: Abschied von Illusionen bedeutet nicht zwangsläufig Begrüßung der Realität (ibid.: 84);

• гибридизация способов вербализации сведений о некотором элементе действительности: Ein Mensch ist wie ein Brief. Er ist schnell abgestempelt und weggeschickt (ibid.: 84);

• изменение в текстовом пространстве соотношения объективируемых и необъективируемых сведений о мире в сторону последних: Von seinem Erfolg leistet er sich ein paar Ideale (ibid.: 115);

• изменение в текстовом пространстве соотношения способов объективации сведений: с одной стороны, конвенционально вербально объективируемых сведений, а с другой — конвенци-

онально невербально объективируемых сведений: Sie sehen fern und bis zum Gartenzaun (ibid.: 112).

Характер материала исследования и цель порождения соответствующих текстов в представлениях носителей языка

В качестве материала исследования избрана книга Ланге (LANGE 2000)[2] как эмпирия, адекватная изучаемой проблеме — соотношение сведений, объективированных средствами культурного кода, и сведений, не объективируемых в тексте, но без которых не возможно в принципе осмыслить ни содержание текстов, ни послание автора. В этой книге в юмористической, а также иронической и саркастической форме рассказывается о событиях, людях и социальных процессах периода до, во время и после объединения Германии. В книге собраны разные типы текстов: «скетч», «максима», «афоризм», «рассказ», а также рисунки Лотара Отто (Lothar Otto) на те же темы, что и тексты, которые выступают иллюстрациями к семиотически гомогенным текстам.

Носители немецкого языка получили от некоторых текстов названного автора весьма амбивалентное впечатление. Прежде всего, выяснилось, что носители немецкого языка, граждане бывшей ГДР, хорошо знакомы с творчеством Ланге:

[2] Несколько лет тому назад мы провели пилотный опрос среди носителей немецкого языка, чтобы выяснить, насколько полным / неполным / частичным является знание реалий ГДР у граждан объединенной Германии. Результаты оказались весьма противоречивыми (см. подробнее в [GRISCHAEWA 2022]). Так, граждане бывшей ГДР (sie ist Journalistin, er war im Fernsehen beschäftigt und in einem Ministerium in der Presseabteilung), одна семья, считают следующее: «Die Quelle, die Sie sich für Ihren Vortrag ausgesucht haben, ist für einen wissenschaftlichen Vortrag denkbar ungeeignet. Bernd-Lutz Lange ist ein hervorragender Kaberettist, Humorist, Unterhaltungskünstler, Autor, aber weder Linguist noch Wissenschaftler, wenn auch ein politisch denkender Mensch. Sein Buch von 1994 war ein Rückblick auf eine Zeit, die lange von der Gegenwart überrollt ist. Vielleicht damals auch ein Versuch, die Umbruchzeit finanziell zu überstehen. Das müssten Sie ihn aber selbst fragen. Er ist inzwischen Rentner, aber sicher über sein Leipziger Stammkabarett „Akademixer“ noch zu erreichen».

Ich bin 1945 geboren, jetzt 76 Jahre alt, bin in der DDR, in einer Großstadt (Halle/S.) in Mitteldeutschland aufgewachsen und lebe seit 1973 in Berlin (Ostteil).

Ich kenne übrigens Bernd-Lutz Lange aus meiner Forschungsstudienzeit an der Leipziger Universität, wo ich bei der Studentenbühne mitarbeitete. Lange war Mitglied der Studentenbühne und des Studentenkabaretts „Die Akademixer".

Die Akademixer waren / sind hoch intelligente, kritisch denkende Leute mit einem feinen Sinn für Sprache und (bissigen) geistreichen Humor. Ich glaube, dass einige der Wendungen ihre Erfindungen sind, die dann vom Volksmund übernommen wurden. Das Kabarett hatte in der DDR eine Art Ventilfunktion.

Ich verstehe alle hier aufgeführten Wendungen aus dem in der DDR erlebten Kontext, habe aber viele von ihnen nie gehört und nur wenige selbst verwendet. Ich lese sie jetzt mit Vergnügen, weil sie in der Mehrzahl den Nagel auf den Kopf treffen.

Журналистка, принимавшая участие в пилотном опросе на предмет знания реалий ГДР, ответила в добром ключе, с симпатией к соответствующим номинативным решениям Ланге:

In unserem persönlichen Umfeld haben wir diese *Verbalhornungen* eher *liebevoll ironisch*, aber *kaum abwertend* angewandt. Wir kennen, *ohne* sie alle *verwendet zu haben* (курсив мой — *авт.*)

Однако другие респонденты высказывались довольно безапелляционно или крайне негативно:

eine Schweinerei, unerhört, boshaft, erniedrigend, unter der Gürtellinie, plump, primitiv, nicht in der Alltagssprache üblich gewesen...

Еще один респондент сообщил о своем впечатлении в нейтральной форме:

In Ostberlin. Geboren 1971, war zur Wende 18 (hatte gerade Abitur gemacht). Ja, bin also mit der DDR-Realität vertraut. Anmerkung: Ich habe die Wendungen auch meiner Mutter (73) und meinem Neffen (23) vorgelesen. Mein Neffe kannte überhaupt nichts davon. Meine Mutter auch erstaunlich wenig — ein paar mehr als ich... Ich erinnere mich nur, dass sie sofort Walter Ulbricht nannte und auch den Rucksackbullen[3] kannte (sie kommt aus einem kleinen Dorf).

[3] Интересно обратить внимание на то, как житель бывшей ГДР одновременно вспоминает фактического главу государства и осеме-

Профессор, доктор исторических наук, высказался следующим образом:

> Bei den anderen Worten fällt mir auf: Es sind alles Begriffe einer *Klientel, die die DDR als Staat distanziert bis hämisch betrachtete und ablehnte, Worte der politischen Gegnerschaft innerhalb der DDR*. Die sind inzwischen mehr in Vergessenheit geraten als Alltagsbezeichnungen, die mehr oder weniger unpolitisch aber eindeutig DDR-bezogen waren wie „Konsummarken", „Poliklinik", „Haushaltstag", „Flimmerstunde", „Kinderkrippe", „Brigadetagebuch", „Spartakiade" (ich kann noch mehr nennen).
>
> Die von Dir genannten Begriffe (einige habe ich noch nie gehört) blieben oft nur in der *westdeutschen* Nachwendeliteratur erfasst, die *vorgeben wollte, DDR-Sprache zu kennen*!!! An diesen Begriffen lässt sich nicht messen, wer aus der DDR kam und wer nicht (курсив мой — *авт.*)

Есть и такое мнение относительно цели порождения анализируемых текстов:

> Aus meinen Angaben werden Sie erkennen, dass ich den Verdacht habe, dass der Autor gelegentlich Ausdrücke, *die jemand in einer konkreten Situation (einmalig) benutzt hat*, um etwas *besonders plastisch darzustellen* und sogar *karikaturhaft zu verdeutlichen*, wie allgemein übliche Ausdrücke oder gar Redewendungen behandelt, was ich nicht korrekt finde (курсив мой — *авт.*)

Следует подчеркнуть, что процитированы мнения респондентов указаны в отношении текста *Bonzenschleuder und Rennrappe* (Lange 2000: 24–32).[4]

Собственно комплексному, многоаспектному, макротекстовому, междисциплинарному, лингвокультурологическому анализу в работе подвергаются максимы и афоризмы, объем которых

нителя животных, иначе говоря, для него они были и остались (?) оба равнозначными.

[4] Восприятие носителей языковой культуры обозначений реалий ГДР не тождественно. Многие выражения оцениваются как: sehr bekannt — bekannt — geläufig; довольно большое количество слов-реалий получают оценку nie gehört — gehört; не очень многие слова-реалии из ГДР воспринимаются носителями языка как verständlich dank der Sprache; немногие — как unverständlich geblieben (Grischaewa 2022).

составляет либо одно предложение-текстему, либо одно сверхфразовое единство, т. е. 122 текста. Подобное решение основывается на том, что соответствующие тексты пригодны для многоаспектного макротекстового анализа. Это позволяет учесть семантические, синтаксические, функциональные особенности текста как содержательного, формального, тематического, семиологического, интенционального *единства*, как коммуникативной и когнитивной *целостности*, как *продукта* речемыслительной (дискурсивной) деятельности носителей языка и культуры.

Описываемые тексты чрезвычайно вариативны, что весьма важно отметить, поскольку комплексному анализу подвергаются тексты одного типа, реализующие разными средствами и способами одну и ту же коммуникативную стратегию — людическую. Это позволяет выделить не только черты сходства и различия при решении однотипных коммуникативных и когнитивных задач, но и эксплицировать особенности соотношения сведений, объективируемых и не объективируемых в интеракции определенного типа.

Анализ по интегральным и дифференциальных текстотипологическим признакам позволил определить, что подавляющее большинство текстов возникает при реализации людических и/или рекреационных стратегий (см. выше мнения носителей языка), когда тексты пронизаны в целом добрым юмором: Sie hatte eine schöne Stimme, aber einen schlechten Ruf (LANGE 2000: 79); Das Schönste am Lebenslauf sind die Pausen (ibid.: 61); Für Polizeihunde sind Nichtuniformierte immer verdächtig (ibid.: 80). Однако в ряде случаев автор реализует и социально-критические стратегии, высмеивая различных по своему статусу субъектов: Sind Christen die besseren Sünder? (ibid.: 79). В качестве заметки на полях стоит подчеркнуть, что максимы и афоризмы большей частью порождены условиями гибридной реализации разных стратегий: информативных, людических, рекреационных и социально-критических.

В книге Ланге три части: «Erinnerungen an die DDR» (с. 7–40), «Die Wende» (с. 41–50), «Hier und heute» (с. 51–126), в которые автор помещает разное количество максим, афоризмов, скетчей, рассказов, написанных по самым разным поводам и на

самые разные темы. Однако тексты разных типов, вошедшие в ту или иную часть, тематически более или менее однородны и содержательно вполне гармонично согласуются с заголовками частей. В первой части 23 максимы и афоризма, во второй — 8, в третьей — 91.

Интересно обратить внимание на то, что уже само название книги чрезвычайно любопытно: оно явно внутренне противоречиво (Es bleibt alles ganz anders; ср. семантику bleibt, с одной стороны, и ganz anders, с другой) и парадоксально (Deutsch-deutsche Wunderlichkeiten, когда название определенно разъясняет, что граждане «старой» ФРГ не понимали граждан бывшей ГДР и наоборот). Это обстоятельство позволяет реципиенту сразу же вспомнить о разделе Германии в 1945 г., еще до того, как он начнет знакомиться с содержанием самой книги. Такое название книги активирует множественные гетерогенные, гетерохронные, гетеросубстратные сведения о кардинальных различиях в интерпретации одних и тех же событий носителями немецкого языка и культуры, являвшимися гражданами двух стран, но говорящих на одном и том же языке. Очевидно, это знания энциклопедические, интеракциональные, языковые, если воспользоваться общепризнанным в специальной литературе разделением сведений о мире, изучаемых как картина мира.

Характерно, что анализируемые тексты содержательно можно довольно однозначно распределить по доминирующим в них сведениям, хотя понятно, что подобное деление довольно условно по причине невозможности четкого и безупречного разграничения энциклопедического, языкового, интеракционального знания, востребуемого в любом коммуникативном акте и в силу этого объективируемого, активируемого и соактивируемого в тексте. Кроме того, бесперспективно строго выяснять, какие знания количественно преобладают в конкретном тексте, поскольку в картине мира носителей культуры, как известно, все типы знания связаны друг с другом по разным основаниям и на разных уровнях иерархии в различных ментальных гетеросубстратных ментальных структурах, образующих целостную картину мира. С учетом высказанной поправки относительно условности деления на типы знания в цитируемых

текстах, результат анализа выглядит следующим образом:

— знания энциклопедического характера доминируют; ср.:

Unsere Tageszeitungen druckten zwar keine Satiren, aber sie lieferten täglich den Stoff dazu (Lange 2000: 9); Der Charakter. Die Oktoberrevolution von 1989 war eine zutiefst deutsche. Tagsüber arbeiten. Und abends demonstrieren! (ibid.: 42);

— знания интеракциональные преобладают; ср.:

Jeder wollte etwas kriegen, was es nicht gab (ibid.: 11); Wenn in der vormilitärischen Ausbildung auf Pappkameraden geschossen wurde, mußte doch die Frage erlaubt sein, was daran vor-militärisch sei? (ibid.: 39); Manche bleiben gern in der Tür stehen. Sie finden, ein Rahmen steht ihnen so gut (ibid.: 58); Wir scheuen nicht die Opfer der anderen (ibid.: 61); Verkehrshinweise. Das Schönste an den Einbahnstraßen ist der geringe Gegenverkehr (ibid.: 78); Tischreden vor dem Essen sind kürzer (ibid.: 79);

— знания языковые в фокусе; ср.:

Die Menschheit benötigt viel mehr Witze, als ihr einfallen (ibid.: 61); Sagt jemand: Versteh mich bitte nicht falsch, hab' ich garantiert richtig verstanden (ibid.: 67); Kinder stellen Fragen, die den Lehrern länger nicht mehr einfallen (ibid.: 74); Immer bestell ich die ganze Wahrheit — vertrag' aber höchstens die Hälfte! (ibid.: 67).

Кроме того, можно вычленить и «смешанные» группы:

— знания интеракциональные и экциклопедические; ср.:

Welch ein Land! Was wir uns leisten konnten! Zum Beispiel Diplomingenieure, die Freitag vormittag beim Bäcker anstanden! (ibid.: 12); Er wollte so gern einmal die Sau rauslassen, aber es kläffte immer nur der innere Schweinehund (ibid.: 117);

— знания языковые, энциклопедические, интеракциональные:

Die besten Jahre des Lebens laufen davon. Die schlechten schleichen dahin (ibid.: 67).

Понятно, что нецелесообразно выяснять, какие частные темы понимает Ланге в своих афористических высказываниях и максимах по поводу и в связи с объединением Германии. Это, естественно, самые разные темы, но обязательно актуальные для всех носителей языка на момент порождения соответствующих текстов. Причину высокого тематического разнообразия следу-

ет, пожалуй, усматривать в том, что процессы, сопровождающие объединение двух частей одного культурного пространства, длительное время не имевших всеобъемлющих контактов, затрагивали буквально все сферы жизни носителей культуры, все коммуникативные сферы, абсолютно все коммуникативные практики и все категории граждан.

Нет также резона концентрировать усилия на исчислении средств и способов конструирования комического — это также по понятным причинам принятые как в любой языковой культуре, так и в немецкой культурной среде средства и способы, такие как игра слова, метафоры, метонимия, повторы, контраст, гипербола, литота и др. (см. анализируемые примеры).

Интересно обратить внимание и на тот факт, как Ланге апеллирует к ушедшей в историю культурной реальности, воссоздавая ее через активизацию и со-активацию с помощью выбранных им номинативных — в широком смысле — средств сведений о жизни граждан, об их чаяниях и идеалах, убеждениях и протестных акциях, в которых носители языка и культуры принимали участие либо о которых они слышали, об излюбленных объектах высмеивания, о возмущающих их действиях, об установках, которым они должны были следовать, но которые они не разделяли, и пр.

Внутритекстовые, межтекстовые, интертекстуальные связи в текстовом и культурном пространстве

Содержательный анализ под обозначенным углом зрения позволил выявить три способа активизации сведений о мире:

(1) апелляция к общечеловеческим и/или культурно специфическим ценностям, когда интерпретация содержания текстов весьма неопределенна по отношению к пространственно-временному континууму, а само содержание может оставаться актуальным практически в любом культурном пространстве;

(2) контекст, актуализируемый текстом в целом, когда название первой / второй / третьей части книги снимает для реципиента неопределенность и погружает содержание текста в понятный для реципиента пространственно-временной континуум. На соответствующем когнитивном фоне та или иная фигура осмысляется как принадлежащая немецкому культурному континууму эпохи, а

соответствующие номинативные средства активируют и со-активируют сведения, относящиеся к эпохе ГДР;

(3) введение в текст номинаций реалий ГДР и/или «старой» ФРГ, а также иных культурно специфических номинативных средств весьма дефинитивно локализует содержание во времени и пространстве.

Прослеживается любопытная закономерность: в первой части преобладают тексты третьего типа (Weinselig in der DDR: selig, einen Wein zu bekommen [LANGE 2000: 11]; Die DDR war sehr musikalisch. Man bildete ständig Komponisten für Zukunftsmusik aus [ibid.: 14]; "Wir ringen um eine sozialistische Lebensweise." Dabei boxte man sie durch [ibid.: 15]). Тексты второго типа в количественном отношении более или менее равнозначным текстам первого типа (Wenn das mit der Obst- und Gemüseversorgung im Land so weitergegangen wäre, hätte man zukünftig die Stilleben aus den Museen entfernt [ibid.: 11]; Dinge hatten wir genug. Uns fehlten die Worte [ibid.: 14]. А тексты первого типа единичны (Neben den Toten fand man die Mordwaffe: ein Schlagwort [ibid.: 9]; "Ich werde mein Wissen verdoppeln", sagte die Null [ibid.: 9]).

Во второй части книги все три способа активизации и объективации сведений об эпохе ГДР более или менее количественно равноценны: первый способ (Wenn die Macht wechselt, fallen viele Staatsbegräbnisse aus [ibid.: 43]), второй (Beim Aussprechen der Wahrheit überkam ihn immer ein unbeschreibliches Schwindelgefühl [ibid.]), третий (Oktober 89. Alle Eingaben hatten nichts genutzt. Wir mußten etwas größer schreiben. So entstanden Transparente [ibid.: 41]).

В третьей части книги абсолютно доминирует *первый* тип активизации сведений о той эпохе (Der Fernsehapparat tötete das letzte Nomadenhafte in uns. Wir sind für ewig seßhaft geworden [ibid.: 79]; Über Geschmack läßt sich streiten", sagte der Kannibale [ibid.: 58]; Wer seiner Zeit voraus ist, findet oft keine Gesprächspartner [ibid.: 58]; Bei Neureichs hängen überall Raffgardinen [ibid.: 62]). *Второй* способ использует Ланге лишь в единичных случаях (Früher mußten wir das "das Kapital" nur lessen, aber nun ist es da! [ibid.: 51]; Neulich. Neulich las ich, daß das Schloß Wernigerode von 1648—1710 unbewohnt war. Sagenhaft! Wenn ich das

eher gewußt hätte! [ibid.: 78]). А *третий* встречается ненамного чаще, чем второй (Dynamisch. Ich kenne einen Genossen, der im Januar 1990 aus der Partei ausgetreten ist. Der hatte schon zwei GmbH's gegründet, da war bei dem der Muskerkater von der letzten Kampfgruppenübung noch gar nicht aus den Gliedern! [ibid.: 48]; Der Unterschied zwischen Hausbesetzern und der Treuhand: Hausbesetzer werden von der Polizei vertrieben, wenn sie sich fremdes Eigentum aneignen [ibid.: 80]).

Анализ объектов восприятия, сведения о которых объективируются, активируются и со-активируются в изучаемых текстах, позволяет констатировать наличие широкого поля элементов действительности, знания о которых присутствуют в реализации людических стратегий в коммуникации с ангажированными людьми, например:

— единичный субъект: Wie soll ich denn wissen, ob mich die Bardot geliebt hätte, wenn ich nicht nach Paris durfte!? (ibid.: 14);

— коллективный субъект: Die meisten Menschen erleiden auf Land Schiffbruch (ibid.: 58); Zuverlässiger als der Frühling ist nur die Bürokratie: sie treibt immer Blüten (ibid.: 62);

— объект: Das farbigste an vielen Fassaden war das Grün in der Dachrinne (ibid.: 14);

— установка на мировосприятие: Angler sind die einzigen Menschen, die auf ihr Glück noch warten können (ibid.: 67); Hoffnung: getarnter Pessimismus (ibid.: 99);

— отношения между людьми: Ich hätte gern nach dem Schauspiel geklatscht, aber mir waren auch die Hände eingeschlafen (ibid.: 79);

— характеристика внутреннеполитического ландшафта: Für Bonn reichte ja das durchschnittliche Niveau der Abgeordneten im Bundestag, aber für Berlin…? (ibid.: 98);

— общество: "Haben Sie Kinder?" "Na ja, irgend jemand muß das Zeug doch erben." (ibid.: 61);

— оценка / характеристика общества сквозь призму интересов единичного субъекта: Ich wollte nie Pessimist im Sozialismus werden, dann schon lieber Optimist im Kapitalismus (ibid.: 79);

— жизненная установка сквозь призму коллективного субъекта: Wer aufgibt, hat mehr vom Leben (ibid.: 115).

Обобщая наблюдения над соотношением объективируемых и вербализуемых в тексте сведений и сведений, не объективируемых, но активируемых и со-активируемых в тексте, правомерно обратить внимание на порождение и рецепцию текста в контексте связей внутритекстовых, межтекстовых, интертекстуальных. Это необходимо сделать потому, что одни и те же в когнитивном отношении сведения, активируемые и со-активируемые в разных контекстах, т. е. в субсистемном, системном и суперсистемном, осмысляются по-разному. Причина — в закономерностях восприятия, проявляющихся во влиянии когнитивного фона на результат осмысления когнитивной фигуры. Так, текст *Verwandte sehen einen oft so unverwandt an* (ibid.: 115) можно интерпретировать как результат рефлексии семейных отношений (= когнитивная фигура) в одном и том же культурном пространстве (= когнитивный фон 1), а можно погрузить и в межгосударственный контекст (= когнитивный фон 2), поскольку родственники у граждан ГДР были и в ФРГ; тогда внутрисемейные отношения осмысляются как межгосударственные.

Текст *Die Unfähigkeit, das Passende zu sagen, hält sich zum Glück mit der Fähigkeit, das Unpassende zu antworten, die Waage* (ibid.: 61) также правомерно интерпретировать как характеристику свойства (= когнитивная фигура), присущее любому человеку во все исторические эпохи (= когнитивный фон 1), а можно и как общение официальных компетентных органов с лицами, подозреваемыми в диссидентстве (= когнитивный фон 2).

То же относится и к тексту *Bei uns hatte jeder sein tropfendes Dach überm Kopf* (ibid.: 14), который можно интерпретировать как критику работы коммунальных служб, а можно и как наличие доносчиков среди близких.

Бесполезность бессмысленных протестов могут усмотреть некоторые, осмысляя текст *Wir lassen nicht mehr alles auf uns sitzen, sagten die Stühle und stellen das Stehen ein* (ibid.: 57), который для одних реципиентов может осмысляться как описание дисфункционала, а для других как отказ выполнять очевидные функции, обязательные для определенной категории людей.

В культурном и текстовом пространствах подобные связи обнаруживаются на разных уровнях: субсистемном, системном,

суперсистемном.

Субсистемные связи текста проявляются его в текстосемантической, текстосинтаксической, функциональной, семиологической организации, что, очевидно, сказывается на конфигурации внутритекстовых связей, реализации в конкретных условиях соотношения обязательных и факультативных макрокомпонентов в тексте того или иного типа, на характере влияния эндогенных и экзогенных для текста факторов. Интерпретация воспринимаемого текста поэтому неочевидно вытекает из социокультурного контекста в целом; это справедливо для разных понятийных сфер. Например, Auf Selbstbetrug gibt es immer Bewährung (ibid.: 62); Ich kenne Leute, die sind echt nett und tierisch gut. Auch menschlich (ibid.: 98).

Системные для конкретного текста связи имеют место между текстами одного типа, между текстами разных типов, порожденных по одному поводу и/или на одну и ту же тему, между первичными и вторичными по отношению к первичному тексту. Например, Ich würde ja nachgeben, wüßte ich, daß ich der Klügere bin! (ibid.: 67), когда очевидна связь с общеизвестным в культуре высказыванием (Der Klügere gibt nach) Ср. аналогичное решение, активизирующее сведения из иной понятийной сферы: Ich bin außer mir. Darum gehe ich in mich (ibid.: 57). Или же текст, который имеет связи с текстами разных типов или сегментов культурного пространства и исторических эпох: Banker: Schein-Heilige (ibid.: 94), что подкрепляется игрой слов: scheinheilig — Schein (финансовая / банковская сфера — физика естественного пространства).

Суперсистемные для текста связи основываются на функционале текста определенного типа в коммуникации и/или же на его значимости в конкретном пространственно-временном культурном континууме. Важными являются также связи между текстами разных типов в культурном пространстве, влияние экзогенных для текста факторов, характер межтекстовых связей. Например, Im Nachtrab waren wir den anderen voraus (ibid.: 14), когда для носителей культуры очевидно (что не требует дополнительных разъяснений), когда в виду имеется весь комплекс действий коллективного субъекта (= страна) и его политика в

системе межгосударственных отношений. Содержание текстов интерпретируется в социокультурном контексте в целом, в том числе вне политических ассоциаций и/или подтекста: Der Totengräber hat keinen Zorn auf den Tod, nur auf das Graben (ibid.: 94). Dachdecker sind dem Himmel näher. Vor allem, wenn sie abstürzen (ibid.: 94). Ср.: dem Himmel näher sein, abstürzen — в прямом и переносном смыслах, Dachdecker — как человек вообще или как профессионал; тогда и der Himmel осмысляется по-разному — либо как продвижение по карьерной лестнице, либо как часть природного мира, либо как потусторонний мир.

Особую роль в суперсистемном для порождаемого и воспринимаемого текста контексте играют интертекстуальные связи, распознавание и осмысление которых существенно влияет на интерпретацию содержания текста, строящегося на прецеденте,[5] а также — и в первую очередь — на осмыслении послания продуцента текста. Например, Was tun? Resignieren? Oder lieber Pessimist werden? (ibid.: 84), когда высказывание Was tun? является, бесспорно, прецедентным для эпохи ГДР и, следовательно, прецедентным, активизируя и со-активируя значительный пласт разнородных ассоциаций, в том числе и сведения о курсах марксизма-ленинизма, которые назывались Rotbesrahlung.

Комплекс разнородных ассоциаций способен активизировать прецеденты из бытовой сферы:

> Für das Leben in der Zweisamkeit spricht eine Reihe von guten Gründen. Aber der wichtigste ist vermutlich der: Man braucht im Alter unbedingt jemand für den Rücken zum Einreiben (ibid.: 100).

[5] Причины предпочтения прецедентных феноменов как вторичным семиотических образований первичным номинативным средствам: непосредственное соотношение с ценностными ориентациями; коннотированность, экспрессивность, эмотивность; экспликация и импликация социальной критики; способность к эвфемизации; активация и со-активация комплекса сведений о мире; культурная специфичность и маркированность дихотомии «свой ⇔ чужой»; языковая экономия и экономия когнитивных усилий; парольная функция; когнитивный фильтр в целях селекции воспринимаемых сведений о мире; формирование рамки восприятия в количественном и качественном отношении и др.

Очевидно, что под влиянием внешних для языка факторов в текстовом пространстве имеет место:

• уплотнение интертекстуальных связей в пределах и за пределами текста;

• утрата стилистической гомогенности;

• диффузия устной и письменной коммуникации;

• конденсирование информации с уменьшением «материального» объема текста;

• расщепление определенного типа текста и его последующая специализация при реализации конкретных стратегий в условиях специфической коммуникативной среды;

• усиление доли средств выражения эмотивности и экспрессивности на фоне реализации когерентности в конкретном текстовом пространстве;

• специализация содержательной и структурной организации текста, проецируемая на характер коммуникативной среды (устная, письменная, компьютерно-опосредованная) и особенности решаемой коммуникативной и когнитивной задачи.

Под влиянием внутренних для текста факторов также происходят изменения в организации текстов разного типа:

• изменение способов и оснований установления когерентности:

> Ein Wunder. Unerklärlich, daß bei der ständigen angespannten Versorgungslage im Land, bei der unglaublichen Masse von Transparenten in den Demonstrationen in Leipzig nicht die Besenstiele zum Engpaß wurden![6] (ibid.: 42);

• изменение соотношения средств и способов активизации и со-активации сведений о мире, значимых при увеличении доли со-активируемых сведений, не объективируемых в соответствующем тексте: Ist es nicht furchtbar, wenn man sich Sekt leisten muß und lieber Bier trinken würde!? (ibid.: 62);

• изменение конфигурации внутритекстовых, межтекстовых и интертекстуальных связей в культуре и в текстовом простран-

[6] Необходимо обратить внимание на довольно высокую частотность восклицательных предложений по сравнению с конвенциональной функциональной средой данного коммуникативного типа предложений в немецком языке.

стве с увеличением «удельного веса» интертекстуальных связей в той или иной конфигурации: Es gibt Leute, die apportieren Gegenstände, die ihre Vorgesetzten noch gar nicht weggeworfen haben (ibid.: 80).

В анализируемых текстах наглядно проявляются и актуальные тенденции в организации текста, описанные на примере других типов текста, нежели афоризм или максима:

• гибридизация с диффузией текстотипологических границ между текстами того или иного типа в содержательном, формальном, функциональном отношении: Die größten Eigenbrötler sind die Bäcker (ibid.: 94); Um beim Thema zu bleiben: Als ich auf einem Transit-Parkplatz an der Autobahn zum ersten Mal vor der blitzsauberen Toilette aus Edelstahl stand, dachte ich, ich pinkele in eine Spüle (ibid.: 38);

• объединение сведений из реального, фикционального, виртуального миров в одном текстовом пространстве: Es gibt Männer, denen ist kein Haar zu kurz, um es Richtung Stirn zu kämmen (ibid.: 67);

• карнавализация: Neues aus dem Vatikan. Wie wir von unserem Sonderberichterstatter Pater Noster erfahren haben, nahm unlängst der Papst ein Zolibat in der Menge (ibid.: 78);

• семиотическая гетерогенность / креолизация, которая, однако, для афоризмов и/или максим менее ярко выражена в силу их текстотипологических особенностей;[7]

• повышение значимости образности, конструируемой поразному, как неотъемлемой составляющей текстовой ткани: Ein Gewissen läßt sich bequem in einer Brieftasche unterbringen (ibid.: 98);

• (сознательное и/или неосознаваемое) управление информационным потоком: Mir ist keine Frau zu schön, um sie mir an meiner Seite vorzustellen (ibid.: 99); Scheupklappen sind lediglich eine Sehhilfe. Sie korrigieren den Blick nach vorn (ibid.: 57);

• конструирование симулякров, очевидное или неявное для реципиента: Weil der Apparat funktionieren sollte, mußten Menschen dran glauben (ibid.: 9).

[7] В анализируемом издании отмечены иллюстрации, содержание которых перекликается с другими семиотически гомогенными текстами на немецком языке.

Особенности номинативных (в широком смысле) решений

Весьма интересно отметить, что анализируемые тексты являются чрезвычайно вариативными не только с точки зрения соотношения объективируемых и активируемых сведений о мире, но и в отношении средств, с помощью которых соответствующие сведения объективируются. Наиболее востребованными оказываются следующие:

— концептуальная метафора, которая содержательно, формально и функционально весьма разнообразна; ср.: Die Universität ist eine Schmiede der Nation. Darum kommen auch so viele behämmerte heraus (ibid.: 74); Stammen die Gewissensbisse vielleicht nur vom inneren Schweinehund? (ibid.: 84); Einfaltspinsel malen manchmal auch (ibid.: 112);

— игра слов; ср.: Der Kuß: das schönste Lippenbekenntnis (ibid.: 100); Die Wirklichkeit ist in Wirklichkeit viel unwirklicher (ibid.: 84); Wer im Brennpunkt stehen will, muß Hitze vertragen können (ibid.); Das Tor zur Torheit ist breit und hoch (ibid.: 99);

— сравнение, в том числе и имплицитное: Die Schale des Ruhmes ist dünn wie von einem Ei. Sie bietet keinen Schutz, um nicht in die Pfanne gehauen zu werden (ibid.: 112).

При всех различиях в механизмах вербализации культурно специфических сведений в однотипном текстовом пространстве для «афоризма», «максимы», заметным общим, интегральным, признаком является то, что в этих столь разных текстах конструируется аксиологический фон, даже если в тексте отсутствуют первичные и/или вторичные номинативные единицы оценочной и/или аксиологической семантики; ср.: Manchmal lernt man in den Pausen mehr als im Unterricht (ibid.: 74); Manche laufen ein Leben lang in Hemmschuhen herum (ibid.: 58). Аксиологические сведения инферируются. Данный эффект скорее всего основывается на текстотипологических закономерностях и на характере реализуемых когнитивных и коммуникативных стратегий, обусловливающих выбор способов и средств реализации когнитивных стратегий, а не на идиостилистических особенностях продуцента или, например, на особенностях используемого в тексте стилистического приема и/или задействованного когнитивного механизма; ср.: Die CDU spricht dieses System

heilig. Scheinheilig (ibid.: 98); Eine Schnecke hält die Kriechspur für ihr Profil (ibid.: 117).

Анализ номинативных решений, реализующих довольно близкие по своему функционалу когнитивные стратегии при практическом тождестве реализуемых в разных условиях коммуникативных (людических) стратегий, показывает следующее: для осмысления процессов порождения и рецепции описываемых текстов важным оказывается изучение соотношения сведений, объективируемых в коммуникации (в том числе и при порождении текста), и сведений, не объективируемых, но активируемых и со-активируемых при рецепции порожденного текста и/или воспринимаемых в интеракции высказываний.

Осознание этого обстоятельства, несомненно, акцентирует вклад знания, разделяемого всеми носителями языковой культуры, в результат взаимодействия между коммуникантами. Это способствует осмыслению значимости конвенциональных средств и способов решения коммуникативных и когнитивных задач, как они сложились в конкретной языковой культуре. Вместе с тем это выделяет и роль норм разной этиологии в процессе осуществления коммуникации и их вклад в результат последней (см. подробнее в [Парадоксальность… 2025]). В качестве основной причины в связи с приведенными выше размышлениями правомерно признать то, что человек, его образ жизни, деятельность и его восприятие детерминируются культурой, социумом. А это и определяется сегодня в гуманитарном знании в качестве основополагающего тезиса при анализе человека как носителя культуры (Arbeitskreis… 2013: 7).

Проведенный анализ текстов типа «афоризм», «максима», чрезвычайно вариативных в текстосемантическом, текстосинтаксическом, функциональном отношении, убеждает в целесообразности разграничения способов бытования разных по своей этиологии элементов культуры: артефактов, ментефактов, индивидов, как их обсуждает Р. Познер (Posner 2003). Он видит различия между названными элементами культуры в том, что индивиды могут стать членами другого культурного сообщества и привнести туда свои артефакты, идеи и ценности. Артефакты, созданные в одной культуре, могут быть использованы, заим-

ствованы или скопированы членами другого сообщества. Однако это не влияет на социальные отношения между членами сообщества. В отличие от артефактов ментефакты, заимствованные из инокультурного пространства, влияют на индивидов, определяя их поведение в обществе, поскольку члены другого культурного сообщества воспринимают ментефакты, которые вследствие этого так или иначе влияют на поведение людей, воспринимающих ментефакты (ibid.: 49).

Анализ соотношения в текстовом пространстве сведений, объективируемых механизмами вербализации, и сведениями, активируемыми и со-активируемыми, показывает, что в них содержательно представлены прямо и/или опосредованно в подавляющем большинстве случаев ментефакты, в меньшей — артефакты и индивиды. Характерно, что сведения из соответствующих ментальных категорий реже объективируются и в большинстве своем активируются и со-активируются механизмами вербализации. Последние объективируют сведения, которые либо конвенционально вербализуются в разных ситуациях, либо конвенционально не считаются в языковой культуре салиентными в том или ном типе интеракции.

Поэтому соответствующие тексты для не-носителей немецкой культуры так сложны для их адекватной интерпретации и для корректного понимания послания продуцента. Однако именно данное обстоятельство позволяет понять, почему тексты анализируемого типа конструируют аксиологический контекст, в котором они осмысляются, даже если в них отсутствуют первичные номинативные средства вербализации аксиологических сведений.

Выводы

Обобщая наблюдения над способами и средствами решения носителями языка и культуры коммуникативных и когнитивных задач, целесообразно сделать акцент на их высокой вариативности, на множественности последней и явно выраженной адаптивности к различным параметрам коммуникативной ситуации, обусловленной многочисленными факторами, внешними и внутренними по отношению как к интеракции или к порождаемому в ней тексту, так и к способам достижения субъектами своих целей.

Упомянутая вариативность интеракции и ее результатов, с одной стороны, вполне предсказуема, учитывая особенности использования средств культурных кодов при взаимодействии носителей языковой культуры, суть межличностного взаимодействия и субъектов как носителей личностной и коллективной идентичности. С другой стороны, отмеченное свойство в стандартном случае вполне подпадает под закономерность «инвариант ↔ варианты», проявляющую себя феноменологически под разными углами зрения при выборе субъектами средств и способов реализации своих когнитивных, номинативных, коммуникативных стратегий «здесь и сейчас».

Поэтому анализ типов текстов как коммуникативных и когнитивных продуктов позволяет выявить, предельно обобщая, по крайней мере две группы средств решения коммуникативных и когнитивных задач.

Во-первых, это средства, доказавшие носителям языка и культуры, что они экономны, содержательны, оптимальны и в силу этого облегчающие им продуктивное взаимодействие даже в не самых благоприятных коммуникативных условиях.

Во-вторых, коммуниканты порождают и/или распознают креативные способы и средства, выпадающие из соотношения «инвариант ↔ варианты», воспринимаемого в языковой культуре как нечто устоявшееся, нормативное, надежно обеспечивающее им достижение коммуникативных целей. Используемые средства и способы решения коммуникативных и когнитивных задач позволяют им управлять соотношением когнитивного фона и когнитивной фигуры при профилировании актуально воспринимаемого комплекса сведений о мире, объективировать сведения о предмете взаимодействия, которые ранее оставались конвенционально не объективированными или вовсе не активируемыми в тех или иных условиях.

Подобные средства и способы решения коммуникативных и когнитивных задач существенным образом обогащают коммуникативные практики в целом, а также способы и средства фиксации и объективации сведений о мире в конкретном культурном пространстве, в частности. Можно отметить как минимум два следствия из охарактеризованного положения дел.

Названные новации позволяют носителям языка и культуры:

• *варьировать* организацию текста в семантическом, формальном, функциональном, семиологическом отношении, способствуя возникновению, закреплению и конвенционализации еще одного, воспринимаемого в качестве инновативного, варианта для существующего в культуре инварианта некоторого типа текста;

• расширять и *переструктурировать* в культурном и текстовом пространствах систему внутритекстовых, межтекстовых и интертекстуальных связей как по уже известным в культуре, так и по принципиально новым основаниям, совершенствуя тем самым трансфер знаний между носителями культуры в изменяющихся интеракциях и обогащая текстограмматическое и текстотипологическое знание у носителей языка и культуры;

• *переакцентуировать* в конкретном текстовом пространстве соотношение известного и нового, коммуникативно релевантной и несущественной информации, обеспечивая носителей культуры в том числе и новыми способами *структурирования* актуального для них информационного потока через более очевидное для интерактантов разграничение информационного шума и салиентной информации. В современном информационном обществе именно это приобретает все большее значение как в бытовой, так и особенно в профессиональной коммуникации;

• *порождать* способы реализации когнитивных, номинативных, коммуникативных стратегий, которые субъекты впоследствии начинают воспринимать как *маркеры* реального / фикционального / виртуального, «своего» и «чужого». В современных текстах оказывается чрезвычайно востребованным такой способ решения коммуникативных и когнитивных задач, который сознательно или интуитивно со стороны продуцентов учитывает ярко выраженные тенденции к гибридизации и семиологической гетерогенности текстовой ткани, карнавализации взаимодействия коммуникантов разных категорий и гибридизации разных стратегий с людическими и рекреационными в коммуникативных сферах, ранее не «закрепленных» за людическими стратегиями.

Переструктурирование информационного потока «здесь и сейчас» благоприятно сказывается на таких процессах как

• *конденсирование* информации, уплотнение информационного потока в конкретной интеракции, транслируемой в актуальном акте познания и коммуникации, что способствует формированию оптимальных способов максимально продуктивного трансфера знаний в информационном обществе;

• *облегчение* для реципиента его когнитивных и коммуникативных усилий при порождении и восприятии некоторых сведений, при их ментальной обработке, ассоциировании в уже имеющиеся у субъекта ментальные структуры, а также в интерпретацию воспринимаемых сведений;

• потенциальная *оптимизация* взаимодействия между носителями языка и культуры.

Описанные процессы оказываются востребованными в современных условиях, думается, потому, что они позволяют объяснить появление системы импульсов, способствующих реализации в коммуникации ярко выраженной ориентации продуцентов на формирование коммуникативной и когнитивной основы для проектирования / прогнозирования продуцентом способа своего взаимодействия с другими субъектами, обладающими известными ему, продуценту, характеристиками. Это создает благоприятные условия для прогнозирования воздействия порождаемого в интеракции текста на реципиента, наконец, для манипулирования, столь востребованного в условиях современных коммуникативных практик.

Названную тенденцию, следствием которой является изменение принципов содержательной, формальной, функциональной, семиологической организации текстов разного типа, можно проследить в разных коммуникативных сферах: в устной, письменной, компьютерно-опосредованной среде, в бытовой и неофициальной коммуникации, в организации досуга, например, среди хорошо знакомых в полуофициальной среде или среди политически заинтересованных людей, в людической групповой и/или массовой коммуникации, при реализации продуцентом рекреационных интенций, в иронической коммуникации в том числе и в официальном общении, при высказывании социальной критики, при конструировании той или иной дискурсивной реальности, наконец.

Идеальным реципиентом, который корректно декодирует транслируемые продуцентом сведения, адекватно интерпретирует последние, т. е. субъектом, к которому в первую очередь обращается продуцент, является человек образованный, хорошо владеющий языком, обладающий чувством юмора и чувством собственного достоинства. Такой субъект сегодня, как правило, стремится высказаться по разным поводам, хотя и не всегда способен что-то сказать и/или имеет критическое отношение к окружающей действительности. Это, наконец, открытый, активный, интересующийся миром индивид, имеющий широкий кругозор и разнообразные интересы, как традиционно его описывают исследователи актуальных социальных тенденций в современном обществе.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

Блинова Ю. А. Прецедентный ономастикон и лингвокультурные концепты дискурса новейшей немецкой литературы // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2024. № XXI. С. 13—32. [Blinova, Yulia A. (2024) Pretsedentnyy onomastikon i lingvokul'turnyye kontsepty diskursa noveyshey nemetskoy literatury (Precedent Onomasticon and Linguocultural Concepts in Contemporary German Literature). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 21, 13—32. (In Russian)].

Взаимодействие текстов, дискурсов и кодов в семиотическом пространстве культуры / ред. Л. А. Козлова. Барнаул: АлтГПУ, 2025. [Kozlova, Lyubov' A. (ed.) (2025) *Vsaimodeystviye tekstov, diskursov i kodov v semioticheskom prostranstve yazyka* (Interaction of Texts, Discourses and Codes in the Semiotic Space of Culture). Barnaul: Altai State Pedagogical University. (In Russian)].

Гришаева Л. И. Типология прецедентности и культурная континуальность или К вопросу о культурных скрепах // Л. И. Гришаева, Л. В. Цурикова. Теория межкультурной коммуникации: проблемы, подходы, анализ. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2018. С. 371—388. [Grishayeva, Lyudmila I. (2018) Tipologiya precedentnosti i kul'turnaya kontinual'nost' ili K voprosu o kul'turnykh skrepakh (Typology of Precedentness and Cultural Continuity, or On the Issue of Cultural Bonds). In: Grishayeva, Lyudmila I. & Tsurikova, Lyubov' V. (eds) Teoriya mezhkul'turnoy komminikatsii: Prob-

lemy, podhody, analiz (Theory of Intercultural Communication: Problems, Approaches, Analysis). Voronezh: Voronezh State University, 371—388. (In Russian)].

Гришаева Л. И. Диалоги о межкультурной коммуникации. Воронеж: Наука-Юнипресс, 2022. [Grishayeva, Lyudmila I. (2022) *Dialogi o mezhkul'turnoy kommunikatsii* (Dialogues on Intercultural Communication). Voronezh: Nauka-Yunipress. (In Russian)].

Гришаева Л. И. Соотношение объективированных и необъективированных сведений о мире при взаимодействии носителей языка и культуры // Взаимодействие текстов, дискурсов и кодов в семиотическом пространстве культуры / ред. Л. А. Козлова. Барнаул: АлтГПУ, 2025а. С. 127—171. [Grishayeva, Lyudmila I. (2025a) Sootnosheniye obyektivirovannykh i neobyektivirovannykh svedeniy o mire pri vsaimodeystvii nositeley yazyka i kul'tury (The Correlation of Objectified and Non-Objectified Knowledge about the World in the Interaction of Language Speakers within a Culture). In: Kozlova, Lyubov' A. (ed.) *Vsaimodeystviye tekstov, diskursov i kodov v semioticheskom prostranstve yazyka* (Interaction of Texts, Discourses and Codes in the Semiotic Space of Culture). Barnaul: Altai State Pedagogical University, 127—171. (In Russian)].

Гришаева Л. И. О значимости соотношения объективируемых и необъективируемых сведений о мире при рецепции текста // Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете. 2025б. Вып. 15. С. 353—380. [Grishayeva, Lyudmila I. (2025b) O znachimosti sootnosheniya obyektiviruyemykh i neobyektiviruyemykh svedeniy o mire pri retseptsii teksta (On the Significance of the Correlation between Objectifiable and Non-Objectifiable Knowledge about the World in Text Reception). In: Bayeva, Galina A. & al. (eds) *Nemetskaya filologiya v Sankt-Peterburgskom gosudarstvennom universitete* (German Philology at Saint Petersburg State University), 353—380. (In Russian)].

Донец П. Н. Прецедентные или прототипические феномены? К вопросу об одном лингвокультурологическом понятии // Субъект познания и коммуникации: языковые и межкультурные аспекты. Воронеж: Наука-Юнипресс, 2014. С. 429—439. (Donets, Pavel N. (2014) Precedentnyye ili prototipicheskiye fenomeny? K voprosu ob odnom lingvokul'turologicheskom ponyatii (Precedent or Prototypical Phenomena? On a Linguocultural Concept). In: Tsurikova, Lyubov' V. (ed.) *Subyekt kommunikatsii: yazykovyye i mezhkul'turnyye aspekty* (The Subject of Cognition and Communication: Linguistic and Intercultural

Aspects). Voronezh: Nauka-Yunipress, 429—439. (In Russian)].

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. [Karaulov, Yuriy N. (1987) *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'* (The Russian Language and the Linguistic Personality). Moscow: Nauka. (In Russian)].

Парадоксальность нормы в языке и коммуникации / ред. Л. И. Гришаева, И. А. Меркулова. Воронеж: Воронежский гос. пед. ун-т, 2025. [Grishaeva, Lyudmila I. & Merkulova, Inna A. (eds) (2025) *Paradoksal'nost' normy v yazyke i kommunikatsii* (Paradoxicality of the Norm in Language and Communication). Voronezh: Voronezh State Pedagogical University. (In Russian)].

Arbeitskreis Kultur- und Sozialphilosophie. (ed.) (2013) *Der Begriff der Kultur. Kulturphilosophie als Aufgabe. Einleitung*. Bielefeld: transcript Verlag, 7—23.

Fix, Ulla. (2008) *Texte und Textsorten — sprachliche, kommunikative und kulturelle Phänomene*. Berlin: Frank & Timme.

Grishayeva, Lyudmila I. (2022) Konstruktion vom Simulakrum, ludophile Texte, soziale Kritik und Präzedenzphänomene als sekundäres nominatives Ausdrucksmittel (Construction of Simulacrum, Ludic Texts, Social Criticism and culturally Significant Phenomena as Secondary Nominative Means of Expression). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 19, 120—144].

Klix, Friedrich. (1984) *Gedächtnis. Wissen. Wissensnutzung*. Berlin: Deutscher Verlag der Wissenschaften.

Posner, Roland. (2003) Kultursemiotik. In: Nünning, Angar & Nünnig, Vera. (eds) *Konzepte der Kulturwissenschaften*. Stuttgart, Weimar: J. B. Metzler, 39—72.

Reischer, Jürgen. (2002) *Die Sprache. Ein Phänomen und seine Erforschung*. Berlin; New York: Walter der Gruyter.

Список источников / Quellenverzeichnis / List of Sources

Сидоров С. Афоризмы // Литературная газета. 27 авг. — 2 сент. 2025 г. № 34 (6998), С. 32. [Sidorov, Sergey. (2025) Aforizmy (Aphorisms). *Literaturnaya gazeta* (Literary Newspaper), August 27 — September 2, No. 34 (6998), 32. (In Russian)].

Lange, Bernd-Lutz. (2000) *Es bleibt alles ganz anders. Deutsch-deutsche Wunderlichkeiten*. Stuttgart; Leipzig: Hohenheim Verlag.

Lyudmila I. Grishayeva
Voronezh State University

Decoding Information about the World in Interaction: Communicative and Cognitive Tasks

The focus of the comprehensive multidimensional macrotextual analysis is the correlation between information about the world that is objectified within textual space and/or interaction through cultural codes, on the one hand, and, on the other hand, between information that is not objectified in interaction and/or text but is activated and co-activated by the same verbal and non-verbal means. Using texts of aphorisms and maxims written by the German writer B.-L. Lange in connection with his reflections on various processes in both parts of Germany before, during, and after reunification, the study analyzes methods and means of information verbalizing. The discussion substantiates the necessity of consistent distinguishing between encoding and decoding of information about the world, production and reception of communicative products and understanding and interpretation of the generated text: these processes are conceptualized as relatively autonomous, non-linearly interconnected, and not mutually convertible. Special emphasis is placed on the interpretation of associative knowledge required by the recipient as a cognitive background in interpreting a cognitive figure, that is, knowledge about an event, attitudes toward it among native speakers as representatives of social categories, processes, value orientations, etc. Attention is paid to the specific features of decoding culturally significant phenomena in texts whose semantic core consists of culturally significant phenomena of diverse origin, viewed, on the one hand, as axiologically marked and cognitively and communicatively salient within the given language and culture and, on the other hand, as activating a substantial layer of heterogeneous, heterochronic, and heterosubstrate associative knowledge. The activation and co-activation of associative knowledge in reception are described within the framework of systemic, subsystemic, and supersystemic connections in the analyzed text types of aphorisms and maxims. The variability in the selection of means and methods for implementing cognitive, nominative, and communicative strategies when the same subject of cognition and communication solves similar communicative and cognitive tasks is noted. The identified features of the production of texts of a particular type are analyzed in the context of current trends characteristic of the contemporary languages and cultures with respect to the content-related, formal, functional, and semiological organization of various text types.

Keywords: text production and reception; associative knowledge; culturally significant phenomena; subsystemic, systemic, and supersystemic text relations; encoding and decoding of world information; intertextual, intertextual and intercultural connections within cultural and textual space

Для цитирования:
Гришаева Л. И. Декодирование сведений о мире в интеракции как коммуникативная и когнитивная задача // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2026. № XXIII. С. 74—113.
DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2026-23-74-113.

To cite this Article:
Grishayeva, Lyudmila I. (2026) Dekodirovaniye svedeniy o mire v interaktsii kak kommunikativnaya i kognitivnaya zadacha (Decoding Information about the World in Interaction: Communicative and Cognitive Tasks). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 23, 74—113. (In Russian).
DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2026-23-74-113.

Статья поступила в редакцию 21.02.2026; принята к публикации 30.03.2026
The article was submitted 21.02.2026; accepted for publication 30.03.2026

С. А. Жилюк
Санкт-Петербургский государственный университет

ДНЕВНИК Д. Г. МЕССЕРШМИДТА: ПРОБЛЕМА ЖАНРА — ПРОБЛЕМА СТИЛЯ

Статья посвящена определению стилистической принадлежности дневниковых записей Д. Г. Мессершмидта, созданных в ходе его экспедиции по Сибири в 1720—1727 гг. Актуальность исследования обусловлена необходимостью разработки методов диахронического анализа для идентификации функциональных стилей и их разновидностей на ранних этапах формирования немецкого научного дискурса (XVII—XVIII вв.), когда доминирующим языком науки оставалась латынь. Цель работы заключается в выделении в тексте дневника за 1723 г. маркеров, характерных для научного стиля, и в определении его жанровой специфики. Материалом для исследования послужил второй том академического издания дневника. С использованием стилистического, семантического, сопоставительного и контекстуального анализа установлено, что несмотря на наличие субъективных, эмоциональных и бытописательных элементов тексты записей Д. Г. Мессершмидта содержат развернутую систему ссылок на труды предшественников (Турнефора, Лезелиуса, Витсена и др.), перекрестные отсылки в другим дневниковым записям, обширный терминологический аппарат (более 200 терминов из области ботаники, зоологии, астрономии и др.), а также фрагменты разработанных самим Мессершмидтом научных классификаций (например, солей), выполненные на латыни. По своей интенции и функции (черновая фиксация и первичный анализ материала для будущего научного труда) дневник Мессершмидта следует рассматривать как переходный, но, безусловно, научный текст, сочетающий в себе строгость изложения с живостью травелога — жанра, получившего широкое распространение в Европе и особенно в Германии в XVII—XVIII вв. Сочетание выделяемых на современном материале маркеров научного и публицистического стилей было свойственно для естественных наук вплоть до середины XX в. В связи с этим можно утверждать, что записи Мессершмидта представляют ранний научный документ на немецком языке, а их анализ позволяет считать целевое назначение текста, а не формальное его соответствие современным стилевым нормам ключевым критерием диахронической стилистической атрибуции.

Ключевые слова: Даниэль Готлиб Мессершмидт; научный стиль; история немецкого языка; дневник экспедиции; история науки; травелог

Введение

Вопросы исторической стилистики в настоящее время находятся в центре внимания отечественных и зарубежных исследователей немецкого языка, однако и сегодня можно повторить слова Н. Н. Семенюк, сказанные ею более четверти века назад: «Историческая стилистика … еще находится на раннем этапе своего развития» (Семенюк 2000: 5). В своей книге «Очерки исторической стилистики» она подводит итог многолетней и многосторонней деятельности и видит в исторической стилистике потенциал к синтезу знаний различных областей германистики, которые активно исследовались на протяжении второй половины XX в. Функциональные стили немецкого языка были тщательно описаны в ряде отечественных трудов, из которых особо следует выделить книгу М. П. Брандес *Стилистика немецкого языка*, но почти все они отражают ситуацию в синхронии конца XX в. и лишь поверхностно затрагивают проблему формирования функциональных стилей на различных этапах исторического развития немецкого языка.

В XIX в. — первой половине XX в. немецкий язык воспринимался как международный язык науки; свои позиции он стал терять только после Второй мировой войны (Ammon 2001). До XVIII в. доминирующим языком университетского образования в немецких государствах оставалась латынь, несмотря на неоднократные попытки использовать немецкий язык для устной научной коммуникации (Prinz 2021; Иванов & Иванова 2024; Баева 2025). Таким образом, XVII—XVIII вв. представляют особый интерес для изучения процессов становления немецкоязычного научного дискурса.

Статья ставит целью определить маркеры, характерные для немецкого научного стиля начала XVIII в. Достижение этой цели позволит наметить пути анализа исторических текстов для определения их стилистических характеристик, а также разработать методы, которые связывали бы конкретный исторический текст с определенным стилем.

Материал и методы

Несмотря на известное изречение Бертольда Регенсбургского («die ungelêrten liute glauben in tiusche lernen unde die gelêr in bucchischem» [Berthold 1862: 443]. «Необразованные люди должны учить молитву по-немецки, а образованные — по-книжному», т. е. на латыни; цит. по: [Баева 2025: 39]) уже в XIV в. немецкий язык начинает использоваться не только в официально-деловом дискурсе, но и в научных целях. Об этом, в частности, свидетельствует появление на немецком языке трактата Конрада Мегенбергского *Buch von den natürlichen Dingen* (1349—1350 гг.), который является компиляцией ранних латинских источников (Gottschal 2004). В XIII—XV вв. немецкий язык использовался и в церковно-правовой литературе (Бондарко 2014). Однако интерес к античности в эпоху Ренессанса XV—XVI вв. вновь привел к усилению роли древнегреческого и латинского языков в научной сфере.

Одновременно с этим немецкий язык упрочивает свои позиции в качестве письменного языка благодаря Мартину Лютеру и другим деятелям Реформации, в летучих листках религиозных войн зарождается и формируется немецкий публицистический стиль (Stöber 2000: 37), развивается художественная литература на немецком языке, в том числе широкое распространение получает жанр Reisebericht (травелог). Травелоги знакомили читателей с потенциальными маршрутами путешествий и основными достопримечательностями городов, которые встречались на маршруте (Landwehr 2001).

Генезис жанра травелога восходит к античной традиции фиксации впечатлений от путешествий (Huenen 1990). Свою дальнейшую эволюцию жанр обретает в нарративах средневековых паломников и странников. В русской культуре репрезентативными образцами раннего травелога являются *Хождение за три моря* Афанасия Никитина, а также статейные списки — отчеты русских дипломатических миссий (Лихачев 1954: 346). К XVII столетию травелог конституируется как самостоятельный литературный жанр (Doiron 1988), ставший впоследствии катализатором для формирования философских концепций эпохи Просвещения, базирующихся на компаративном анализе раз-

ных цивилизаций (Майга 2014).

В немецкой культурной традиции травелог получает распространение с начала Нового времени, причем его задачей является не только развлечение читателя, но и его просвещение. Постепенно Reisebericht эволюционирует в форму, приближающуюся по своему характеру к энциклопедическому своду сведений:

> Der Reisebericht entwickelte sich zwischen dem 16. und 18. Jahrhundert zu einer fast enzyklopädischen Auskunftsform und wurde damit schließlich zu einem wichtigen Medium der Aufklärung (Bönisch-Brednich 2007: 127).

С некоторой долей допущения к жанру травелога могут быть отнесены два самых известных текста с описанием России XVI—XVII вв.: *Rerum Moscoviticarum Commentarii* («Записки о Московии») Сигизмунда фон Герберштейна и рассказ о путешествии через Россию в Персию Адама Олеария, вышедший в середине XVII в. Оба текста фокусируются на политике, экономике и бытовой стороне жизни в России, однако представляется симптоматичной смена языка: во второй половине XVII в. травелог на немецком языке находил своего читателя.

Для жителей немецких земель второй половины XVII в. Россия, по крайней мере до Волги, была не совсем «экзотикой», чему способствовала активная деятельность Ганзейского союза, который, хотя и утратил свои позиции в общеевропейском масштабе, но все еще выполнял важные торговые функции в Балтийском регионе, способствуя экономическому и межкультурному обмену. Не случайно в XVI—XVII вв. немецкие купцы изучают русский язык (Алексеев 1984: 4), а в Северной Германии появляются немецко-русские разговорники: *Ein Rusch Boek* (1586), разговорник Тонни Фенне (1607), словарь-разговорник Арнольда Брандта (1673). Как отмечает Г. А. Баева, при составлении разговорника Фенне использовалась запись со слуха (Баева 2021: 241), следовательно, между балтийскими немецкими городами и Россией существовали тесные межкультурные контакты, обусловленные общими экономическими интересами.

Едва ли можно считать случайным, что именно в Ганзейском городе Данциге родился автор первого научного описания России — Даниэль Готлиб Мессершмидт (*1685 — †1735), который

по поручению Петра Великого совершил путешествие по Сибири с целью проведения всестороннего научного исследования. Разногласия с Академией наук в лице ее президента Л. Л. Блюментроста, а также смерть Петра I привели к тому, что Мессершмидт не смог опубликовать результаты своих трудов. Однако дневник, который он вел во время экспедиции, был востребован учеными вплоть до конца XIX в.: Г. В. Стеллер, И. Г. Георги, П. С. Паллас и другие восхищались скрупулезностью этих дневниковых записей (PALLAS 1782). В 1960-х гг. дневник Мессершмидта был опубликован в ГДР с купюрами, в настоящее время ведется работа по его переводу на русский язык.

Дневник Мессершмидта представляет интерес не только для исследователей, занимающихся историей науки. Написанный на немецком языке, он содержит подневные записи о событиях, которые происходили с Мессершмидтом, описания предметов, которые путешественник открыл и посчитал новыми для науки. Таким образом, дневник содержит сведения о научной деятельности, что позволяет говорить о научности его стиля.

Для проверки этой гипотезы предлагается обратиться к записям Мессершмидта за 1723 г., в которых он описывает свое пребывание в Красноярске, а также путь вниз по Енисею через Туруханск до реки Лены и вверх по ней до Иркутска. В качестве непосредственного материала исследования используется 2-й том издания D. G. Messerschmidt. *Forschungsreise durch Sibirien. Teil 2: Tagebuchaufzeichnungen Januar 1723 — Mai 1721*, вышедший в Берлине в 1964 г. Несмотря на критику этого издания В. Лефельдтом (LEHFELDT 2023: 418–419) для целей настоящей статьи воспроизведенный в нем текст в полной мере может быть проанализирован с точки зрения наличия в нем маркеров научного стиля.

Достижение поставленной цели на указанном материале предполагает использование методов стилистического и семантического анализа, что свидетельствует о наличии или, наоборот, отсутствии маркеров научного стиля в тексте дневников Мессершмидта. Кроме того, диахронический подход к проблеме стиля диктует необходимость обращения к сопоставительному и контекстуальному анализу.

Результаты исследования и их обсуждение

Научный дискурс объединяет большое количество устных и письменных типов текста, поэтому его характеристики достаточно размыты. Рассматривая дневник экспедиции Мессершмидта, речь идет о письменном тексте, поэтому в первую очередь следует обратить внимание на те признаки, которые характерны для письменных текстов научного стиля. «Специфика научного мышления определяет основное качество научно-технического стиля — его обобщенно-отвлеченный характер… логический характер научного познания и его объективность» (Брандес 1990: 178). Исследователи подчеркивают синтаксическую полноту оформления высказывания, именной характер высказываний, развернутую систему связующих элементов, характерные для научной речи (ibid.: 186). По определению Н. Д. Арутюновой, логическая расчлененность сложного синтаксического целого представляет собой иерархическую прозу (Арутюнова 1972). Для лексики научного текста характерны точность, однозначность толкования, следовательно, вполне оправдано употребление терминов (Брандес 1990: 187; Riesel & Schendels 1975: 82). Отсутствие эмоциональной составляющей в научных текстах подчеркивал В. В. Виноградов:

> Функция научного мышления — осознание мира через логическое освоение его путем понимания, путем превращения фактов познания в смысловые (логические) категории, понятия, лишенные экспрессивных красок и эмоциональной нагрузки (Виноградов 1962: 3).

Научный дневник или дневник экспедиции до настоящего момента не выделялся лингвистами как особый тип текста в рамках научного стиля. Вероятная причина тому — неоднородность, разнообразие видов экспедиционных дневников, многие из которых отражают сиюминутные языковые предпочтения того или иного ученого. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить дневник А. фон Гумбольдта, который тот вел во время путешествия в Россию и в который записывал отрывочные слова и словосочетания, с его же дневником путешествия в Южную Америку, который завоевал популярность среди европейских читателей благодаря сочетанию почти художественного стиля и

научной новизны. Таким образом, определение стиля дневника Мессершмидта и его отнесение к определенному типу текста по-прежнему остаются актуальной задачей.

Прежде, чем перейти непосредственно к анализу текста дневника, следует обратить внимание на указ Петра Великого:

> …Доктора Мессершмидта послать в Сибирь для изыскания всяких раритетов и аптекарских вещей, трав, цветов, кореньев и семен и протчих принадлежащих статей в аптекарские составы… (Первый исследователь Сибири Д. Г. Мессершмидт... 2019: 201).

Иными словами, перед Мессершмидтом ставилась конкретная задача — искать раритеты и лечебные растения и вещества, — которую он по собственному почину расширил и дополнил, поскольку «имел все данные сделаться великим натуралистом» (Вернадский 1988: 158). Мессершмидт уже тогда предполагал, что Сибирь окажется лишь промежуточным этапом в его путешествии в загадочный для европейца его эпохи Китай, однако в поездке в Китай ему было отказано.

Немаловажную роль в определении задач экспедиции сыграли лейб-медик Р. Арескин и И. Ф. Брейне, которые составили перечень конкретных научных вопросов, ответы на которые должна была дать экспедиция Мессершмидта. Таким образом, можно характеризовать задачу, поставленную перед ученым организаторами его путешествия, как по-настоящему научную, следовательно, и отчетные документы Мессершмидта (а к их числу можно отнести и дневник ученого) предполагали научное содержание.

В списке вопросов, подготовленных Брейне, обращает на себя внимание преобладание вопросов естественнонаучного, а не гуманитарного характера, в то время как в дневнике Мессершмидта значительное место занимает описание быта, дорожных происшествий, этнографии и языковых особенностей народов Сибири. В этом отношении дневник Мессершмидта не соответствует современным требованиям к научному тексту: большое место в нем занимают описания природы, пиетистские рассуждения, полные удивления заметки об отношении с местными властями с фиксацией речевых оборотов, в которых вы-

ражались эти отношения: mit sehr harten Worten, Jaebionamatt! Pluth-Moschénnyk, Bledin Ssinn (04.04[1]). Следует подчеркнуть, что подобные крепкие выражения представляли для Мессершмидта безусловный интерес с точки зрения этнографии и лингвистики.[2]

Научные тексты не всегда отличаются сухостью (Брандес 1990: 181–182), и дневник Мессершмидта представляет собой «живой» научный текст, для которого вполне объяснимо использование языкового инструментария научного стиля, например, ссылки на труды других ученых. Это в полной мере относится к анализируемым записям, в которых встречаются отсылки к научному наследию Ж. П. де Турнефора — французского ботаника, одного из основоположников классификации растений: ...eine Art Carvi Tournefortii... (15.02); Calamintham vulgarem exiguo flore (C. B. et Tournefortii sp. 7) (01.06); ...Pinum sativam (Tournefortii sp. 1)... ein mir unbekanntes Kraut... welches ad Classem XV Tournefortii zu referieren (02.06). Инициалы «C. B.» в записи от 1 июня принадлежат швейцарскому ботанику Каспару Баугину, на которого Мессершмидт ссылается и в других местах наряду с де Турнефором: Veronica alpina Bellidis folio hirsuta (C. B., (non est) Tournefortii sp. 14)... (25.07); Potamogeiton foliis latis splendentibus (C. B. et Tournefortii sp. 4)... (27.07). В большинстве случаев ссылки оформляются в круглых скобках, при этом в ряде мест ссылка на автора или конкретную работу интегрирована в текст дневника: wie es Herr Loeselius gar akkurat in seiner „Flora Prussica“ bemerket. (13.06); ...des Herrn van Witsen Karte, in welcher diese Station auf 67°30' angegeben, gar sehr fallieret (14.06).

Необходимо отметить систему перекрестных ссылок на предыдущие или будущие записи, оформленные в том числе в виде маргиналий — примечаний самого Мессершмидта к своим

[1] Здесь и далее после примеров и цитат из дневника Мессершмидта приводится ссылка в формате «дата.месяц» без указания года, так как все примеры извлечены из записей за 1723 г.

[2] В стороне остается вопрос о том, знал ли Мессершмидт русский язык. Судя по тому, как он передает русские слова в своем дневнике, в определенной степени русским языком он владел. Подробнее см. в (Жилюк 2026).

записям. Такие ссылки вводятся с помощью латинского vide: Ihre Sprache betreffend (vide die 17. Iunii) (11.07); die Dostschanik (vide 1. Septembris et 27. Maii)... Denstschik Michajla Bachmet'ev (vide 28. Mai 1722)... (16.09).

Ссылки на работы других исследователей присутствуют также в тех записях, в которых Мессершмидт сравнивает данные своих замеров с ранее полученными. В записях от 21 и 25 мая 1723 г. Мессершмидт определяет широту Енисейска и прямо сопоставляет ее с данными капитана Табберта, а также лейтенанта Маттерна:

> …fand ... latitudo loci in Enisejsk 58°33', ohngeachtet Herr Kapt. Tabbert den 23. Martii 1722 selbige auf 58°44' angesetzet. (21.05);
>
> Gegen Mittagszeit wurd' es schön, klar Wetter, so daß ich abermal elevationem poli nehmen konnte, und fand ... latitudo in Enisejsk (wie vorhin die 21. Mai) 58°33', so daß ich mich wundere, wie Herr Kapitän Tabbert 58°44' und Herr Leutnant Mattern gar 59°11' pro elevatione poli in Enisejsk angesetzt (25.05).

В записи от 21 апреля Мессершмидт сравнивает полученные результаты наблюдений с предыдущими и признает, что не понимает причину их разницы:

> …Und wäre also die latitudo vera in Kranojarskia 56°2'47"15". Ich habe aber voriges Jahr den 6. Octobris laut ebenselbigen Tabellen und calculo latitudinem Krasnojarskiae veram 56°11'30" gefunden, so daß ich nicht wissen kann, woher diese Diskrepanz entstehet… (21.04).

Стремление к систематизации своих знаний проявляется не только в том, что Мессершмидт старается соотнести найденные им растения и животных с известными и описанными видами, но и в том, чтобы классифицировать объекты природы, которые до него еще не подвергались классификации. Ярким примером служит запись от 23 марта, в которой Мессершмидт представляет оригинальную классификацию солей по аналогии с классификацией растений, предложенной де Турнефором. Объем настоящей статьи не позволяет цитировать всю запись, однако имеет смысл обратить внимание на ее вводную часть:

> Bei dieser Gelegenheit meditierte, ob es nicht möglich und sehr zuträglich sein möchte, einen Pinacem mineralogicum oder Institutiones

rei mineralogicae in Form und Methode der Institutionum rei herbariaca Tournefortii durch Classes, Sectiones und Genera einzurichten und alle Species individuas unter ihre nächsten Genera, die Genera aber in gewissen Sektionen und folglich die zusammengehörende Sektionen unter ihre Klasse und endlich die sodann sich eröffnende Klassen in natürliche Ordnung zu rangieren. Sed hoc opus! Hic labor! Eines Mannes Werk, und zwar in desertam, wo keine subsidia literaria, weder vivi noch mortui doctores zu konsultieren sind, möchte es vielleicht nicht sein, doch aber würde es zur andern Zeit anderen Gelehrten Gelegenheit und stimulos geben können, diesen laborem affectum geschickter auszuarbeiten. Und zwar speciminis oder vielmehr tentaminis ergo habe folgenden Entwurf hieher gesetzet:
Classis (indefinitae) Sectio (indeterminata), Genus primum: Sal commune.
Sal commune est mineralis genus solidum pellucidum, in aqua solubile iterumque in crystallos hexaedricas albas maiores minoresve coagulabile, interdum etiam in cubicas.
Eius species sunt sequentes:
1. Sal commune fossile Salzeburgense Carpaticum, Agric. N. F. 3.
2. Sal commune fossile Torrenburgense Carpaticum, Agric. N. F. 3… (23.03)

Далее в записи приводится 79 разновидностей соли. С точки зрения языка, Мессершмидт, использующий в дневниках немецкий язык, всегда переключается на латынь, когда речь идет о сугубо научном описании изучаемого им предмета. Вводная информация представляет собой смешение немецкого и латинского элементов, причем можно утверждать, что ученый проявляет здесь свое чувство юмора: in desertam, wo keine subsidia literaria, weder vivi noch mortui doctores zu konsultieren sind («Там, где нет литературной опоры, нет ни живого, ни мертвого ученого, с коим можно было бы проконсультироваться») (перевод наш — *авт.*).

Подобное включение латинских лексем, словосочетаний, выражений и целых абзацев на латыни в немецкий текст экспедиционного дневника вполне характерно для Мессершмидта. Получивший образование в латиноязычной университетской среде, он ведет дневник в качестве подготовительного, «рабочего» документа, на который он, вероятно, планировал опираться при составлении научного описания Сибири.

С точки зрения лексики, научный стиль всегда характеризуется значительным количеством терминов (Брандес 1990; Riesel & Schendels 1975). В анализируемом материале зафиксировано более 200 терминов из различных областей знания, бóльшая часть из которых являются латинизмами. Наиболее многочисленными являются латинские термины из областей:

- ботаники: Melilotus coerulea (15.02), Fagopyrum Tataricum (08.05), Chamae rhododendros (25.03);
- зоологии: Moschus capreolum (21.01), Bubo maximus (21.07), Anas caudacuta (27.08);
- астрономии: Elevatio poli (21.04), Declinatio solis (21.04), Refractio luminis solaris (22.12);
- медицины и анатомии: Pulvis Purgans (22.01), Injectio (22.01), Terebinthina argentoratensis (12.09).

Наряду с латинскими терминами Мессершмидт пользуется и немецкими обозначениями, особенно часто в области геологии: Bernstein / Succinum (28.02), Eisenstein / Minera Martis (07.02), Rötelstein (08.05), Bergkristall (11.07), Steinkohle / Lithanthrax (01.08), Schiefer (01.08). В приведенных примерах немецкие термины соседствуют с латинскими, и этот факт подтверждает, что дневник Мессершмидта отражает этап становления стиля немецкого научного изложения.

Немецкие лексемы используются Мессершмидтом и при описании географии и погоды: Strom, Landkarte, Sturm, Regen, Grundeis, Gestöber — эти термины используются им многократно, так как практически в каждой записи ученый описывает пройденный путь и фиксирует погодные условия. Любопытно отметить, что среди наименований географических объектов присутствуют заимствования из русского языка: Ostrog (09.01), Werschina (13.01), Wolok (28.01), Porog (24.03), Ozero (27.03). Мессершмидт использует значительное количество русизмов и для описания местных реалий: должностей и титулов (Prawitel — 24.06, Desätnik — 22.11), профессий (Podwodtschiken — 04.05), средств передвижения (Dostschanike — 25.05), документов (Podoroschni — 19.05, Ukasen — 13.02, и даже записанная русскими буквами лексема *сказка* в значении ‘отчет’ — 19.06). Этнографическое изучение Сибири не входило в задачи экспедиции, одна-

ко интерес Мессершмидта к местному населению, их обычаям, традициям, языку вполне очевиден:

> Ihr Habit war ohne Unterschied des Alters, Standes oder Geschlechtes durchgehends von einer Fasson, und Mann und Weib gleich... Die Haut auf der Stirn, am Kinn und zur Seiten der Wangen war mit blauen Figuren bezeichnet... Die Augen waren klein und im innern Winkel zusammengezogen, die Nase breit und platt, wie bei den Kalmuken und Mongolen... (11.07)

На страницах дневника Мессершмидт фиксирует и свои действия по изучению объектов природы, составляет своего рода протоколы. Например, в записи за 29 апреля содержится описание препарирования птиц, в записях за 16-18 ноября протокол вскрытия кабарги, сделанные на латинском языке.

Вместе с тем Мессершмидт включает в дневник сведения, которые не типичны для научного сочинения. Их стиль отличается от стиля записей, посвященных изучению научных предметов. Например, в записи за 3 мая Мессершмидт воспроизводит свой диалог с местным воеводой, который подменил его лодки:

> Ich... verfügte mich derowegen sofort zum Woiwoden und hielt ihm seine Unbilligkeit für, bate ihn auch, entweder mir solche Fahrzeuge anweisen zu lassen, als ich gebrauchte, nicht aber, als er selbst gelüstete, widrigenfalls ich gezwungen wäre, laut Ihrer Majestät Ukasen meine Reise zu poussieren und Böte zu nehmen, wo ich sie fände. Er ließ mir solches endlich frei, ich möchte es in Gottes Namen tun, bessere hätte er jetzno nicht. (03.05)

Мессершмидт ярко описывает бытовые сцены, свидетелем которых он становится. В записи за 11 февраля он рассказывает о карточном шулерстве и пьянстве посетителей кабака и о последовавшем за этим разбирательстве у воеводы; подробно описывает Мессершмидт и визит неприятного ему провинциал-фискала Полуектова (22.12) и свое поведение при его появлении.

В дневнике содержатся многочисленные оценочные суждения, в том числе касающиеся вопросов веры и религии, что несколько противоречит современным представлениям о научном стиле. В записи о празднике Водосвятия Мессершмидт с возмущением рассказывает, что местное духовенство не поощряет чтение Библии простыми людьми:

> Wohl aber von allen Russen bisher informiert worden, es sei ein gefährlich Buch, und diejenigen, so etwas darinnen studieren wollten, würden sofort im Verstande verrücktet… (06.01)

Часто критике подвергаются верования коренного населения Сибири:

> Daß die Tataren ihme eine Wurzel genennet, so alle Wunden heilte, wäre aber fürsichtiglich zu graben nötig, daß des Tages Licht nicht darauf fiele indem man selbige aus der Erden hervorziehet... Mein Diener aber … berichtete uns, daß er … hatten sie diesen Sommer wohl zwanzigmal aus der Erde gerissen, ohne dergleichen Gewitter zu spüren (09.01).

Нельзя утверждать, что подобное отношение к чужой картине мира и чужим представлениям являлось для европейских ученых необычным; даже более поздние авторы эпохи Просвещения противопоставляли европейцев и «дикарей». Однако в настоящее время оценочность и субъективность не соответствуют критериям письменного научного стиля.

Заметим, что инструменты синхронного стилистического анализа далеко не всегда применимы при изучении исторических текстов. В случае с дневником Мессершмидта следует очевидно опираться не только на формальные языковые маркеры, но и на авторский замысел. Подобный анализ применяется в практическом переводоведении: перед переводом текста выполняется его предпереводческий анализ, во время которого следует ответить на ряд вопросов, касающихся обстоятельств создания исходного текста. Кроме того, при переводе важно понимать интенцию автора — с какой целью он создавал свой текст (Алексеева 2004: 257–258). Такой подход в отечественной традиции получил название функциональной теории перевода, а в зарубежной — теории скопос.

Чтобы соотнести конкретный исторический текст с определенным функциональным стилем, следует не только определить доминирующие стилистические черты, но и, проанализировав текст в целом, указать на интенцию автора и функцию всего текста. Главная цель дневника Мессершмидта заключалась в черновой фиксации увиденного и первичном анализе материала — естественнонаучного и гуманитарного. Функция дневника —

это также рассказ о ходе экспедиции, обстоятельствах получения фактического материала и результатов, которые могли бы быть использованы в ходе научного анализа, если бы Мессершмидту удалось составить полноценное научное описание Сибири. Поскольку в силу ряда обстоятельств он не смог написать и опубликовать подобную монографию, именно дневник следует считать основным научным документом его экспедиции.

Заключение

Дневник экспедиции Мессершмидта представляет собой переходный текст в истории становления немецкого научного стиля. До XVIII в. доминирующим языком науки в германских землях была латынь. В дневнике Мессершмидта были зафиксированы части текста на латинском языке, посвященные научным проблемам или являющиеся протоколами исследований образцов. Бóльшая часть текстов написана на немецком языке.

Для дневника Мессершмидта характерна терминологичность: в записях содержится более двухсот терминов на латинском, немецком и даже русском языках, причем последние в основном в виде транслитерированных слов и словосочетаний. Редкие вкрапления слов, написанных кириллицей, подтверждают гипотезу, что Мессершмидт также владел русским языком.

В записях Мессершмидта зафиксировано большое количество ссылок на современников и предшественников, в первую очередь, в области ботаники, зоологии и геологии. Эти сферы находились в фокусе внимания ученого, поскольку именно они были определены в указе Петра Великого о посылке экспедиции для изучения Сибири. Благодаря ссылкам на труды других ученых Мессершмидт помещает свой дневник в контекст международной науки, и это также позволяет говорить о дневнике как о черновом, рабочем, но все-таки научном тексте.

Несмотря на отклонения от современных требований к научному письму по своей функции текст дневника Мессершмидта вполне может быть отнесен к научному стилю. В диахроническом анализе именно функцию текста следует считать ключевым фактором для его отнесения к тому или иному стилю. В дневнике Мессершмидта объективно сочетаются терминологичность и латинизмы, система ссылок, сокращений, а

строгие научные классификации с живостью изложения, характерной для публицистики. Подобный стиль, сочетающий маркеры научного и публицистического стилей, был свойствен естественной науке не только в XVIII в., о чем красноречиво писал уже в XX в. геофизик и писатель О. Куваев:

> Старики-классики писали геологические романы… Они великолепно знали русский язык. Они не ленились описать пейзаж, так чтобы ты проникся их настроением, их образом мыслей (Куваев 1979: 139).

Именно о таком научном «романе» можно говорить применительно к дневнику Мессершмидта, который, если судить по появляющимся в последнее время переводам на русский язык, воспринимается не только как научный документ, но и как увлекательный травелог. И вместе с тем его записи отражают ранний этап становления немецкоязычного научного дискурса, представляя значительный интерес не только для историков, но и для лингвистов.

Благодарности: Гаврилюк М. А. — помощь в изучении вопросов исторической стилистики; Корлыханов Д. И. — идея о применимости методов переводоведения к стилистическому анализу, Давлетшина Л. Р. — помощь в анализе терминологии.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

Алексеев М. П. Русский язык в мировом культурном обиходе // Вопросы языкознания. 1984. № 2. С. 3—14. [Alekseev, Mikhail P. (1984) Russkiy yazyk v mirovom kul'turnom obikhode (The Russian Language in World Cultural Use). *Voprosy yazykoznaniya* (Topics in the Study of Language), 2, 3—14. (In Russian)].

Алексеева И. С. Введение в переводоведение. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Академия, 2004. [Alekseeva, Irina S. (2004) *Vvedeniye v perevodovedeniye* (Introduction to Translation Studies). Saint Petersburg: Filologicheskiy fakul'tet SPbGU; Moscow: Akademiya. (In Russian)].

Арутюнова Н. Д. О синтаксических типах прозы // Общее и романское языкознание. М.: МГУ, 1972. С. 189—200. [Arutyunova, Nina D. (1972) O sintaksicheskikh tipakh prozy (On Syntactic Types of Prose). In: Stepanov, Yuriy S. (ed.) *Obshcheye i romanskoe yazykoznaniye* (General and Romance linguistics). Moscow: Moscow State University,

189—200. (In Russian)].

Баева Г. А. К становлению типа текста «академическая лекция» в Германии // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2025. № XXII. С. 35—58. [Baeva, Galina A. (2025) K stanovleniyu tipa teksta "akademicheskaya lektsiya" v Germanii (To the Formation of the Text Type "Academic Lecture" in Germany). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov*, 22, 35—58. (In Russian)].

Баева Г. А. Национально-культурное своеобразие коммуникативного взаимодействия в отдаленные эпохи (на материале немецко-русского разговорника Т. Фенне 1607 года) // Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете. 2021. Вып. XI. С. 237—259. [Baeva, Galina A. (2021) Natsional'no-kul'turnoye svoeobraziye kommunikativnogo vzaimodeystviya v otdalennyye epokhi (na materiale nemetsko-russkogo razgovornika T. Fenne 1607 goda) (National and Cultural Specificity of Communicative Interaction in Distant Epochs (based on the German-Russian Phrasebook by T. Fenne, 1607)). In: Filippov, Konstantin A. (ed.) *Nemetskaya filologiya v Sankt-Peterburgskom gosudarstvennom universitete* (German Philology at Saint Petersburg State University), 11, 237—259. (In Russian)].

Бондарко Н. А. Языковые стереотипы как конструктивные элементы традиционного языка в немецкой духовной прозе XIII—XV веков // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2014. № 1. С. 429—451. [Bondarko, Nikolay A. (2014) Yazykovyye stereotipy kak konstruktivnyye elementy traditsionnogo yazyka v nemetskoy dukhovnoy proze XIII—XV vekov (Language Stereotypes as Constructive Elements of Traditional Language in German Religious Prose of the 13th—15th Centuries). *Acta Linguistica Petropolitana*, 1, 429—451. (In Russian)].

Брандес М. П. Стилистика немецкого языка. М.: Высшая школа, 1990. [Brandes, Margarita P. (1990) *Stilistika nemetskogo yazyka* (Stylistics of the German Language). Moscow: Vysshaya shkola. (In Russian)].

Вернадский В. И. Очерки по истории естествознания в России в XVIII столетии // Труды по истории науки в России. М.: Наука, 1988. [Vernadskiy, Vladimir I. (1988) Ocherki po istorii estestvoznaniya v Rossii v XVIII stoletii (Essays on the History of Natural Science in Russia in the 18th Century). In: Yanshin, A. L. (ed.) *Trudy po istorii nauki v Rossii* (Works on the History of Science in Russia). Moscow: Nauka. (In Russian)].

Виноградов В. В. О теории поэтической речи // Вопросы языкознания. 1962. № 2. С. 3—17. [Vinogradov, Viktor V. (1962) O teorii poeticheskoy rechi (On the Theory of Poetic Speech). *Voprosy yazykoznaniya* (Topics in the Study of Language), 2, 3—17. (In Russian)].

Жилюк С. А. Лексико-семантическая и грамматическая характеристика заимствований из русского языка в дневниках Д. Г. Мессершмидта // Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете. 2026. Т. XV. С. 220—236. [Zhilyuk, Sergey A. (2026) Leksiko-semanticheskaya i grammaticheskaya kharakteristika zaimstvovaniy iz russkogo yazyka v dnevnikakh D. G. Messershmidta (Lexico-Semantic and Grammatical Characteristics of Borrowings from the Russian Language in the Diaries of D. G. Messerschmidt]. In: Filippov, Konstantin A. (ed.) *Nemetskaya filologiya v Sankt-Peterburgskom gosudarstvennom universitete* (German Philology at Saint Petersburg State University), 15, 220—236. (In Russian)].

Иванов А. В., *Иванова Р. А.* Ist der deutsche wissenschaftliche Diskurs noch am Leben? (= Жив ли еще немецкий научный дискурс?) // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2024. № XXI. С. 171—193. [Ivanov, Andrey V. & Ivanova, Rimma A. (2024) Ist der deutsche wissenschaftliche Diskurs noch am Leben? (Is the German Scientific Discourse Still Alive?). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 21, 171—193. (In Russian)].

Куваев О. Территория. Ижевск: Удмуртия, 1979. [Kuvaev, Oleg. (1979) *Territoriya* (Territory). Izhevsk: Udmurtiya. (In Russian)].

Лихачев Д. С. Повести русских послов как памятники литературы // Путешествия русских послов XVI—XVII вв. Статейные списки / отв. ред. Д. С. Лихачев. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 319—347. [Likhachev, Dmitry S. (1954) Povesti russkikh poslov kak pamyatniki literatury (Tales of Russian Ambassadors as Literary Monuments). In Likhachev, Dmitriy S. (ed.) *Puteshestviya russkikh poslov XVI–XVII vv. Stateynye spiski* (Travels of Russian ambassadors of the 16th—17th centuries. Article lists). Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 319—347. (In Russian)].

Майга А. А. Литературный травелог: специфика жанра // Вестник ТГГПУ. 2014. № 3 (37). С. 254—259. [Mayga, Abdula A. (2014) Literaturnyy travelog: spetsifika zhanra (Literary Travelogue: Specifics of the Genre). *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 3(37), 254—259. (In Russian)].

Малыгин П. Д. Западноевропейские авторы XV—XVII вв. о России: материалы к биобиблиографическому словарю. М.: ИА РАН, 2018. [Malygin, Pavel D. (2018) *Zapadnoevropeyskie avtory XV—XVII vv. o Rossii: materialy k biobibliograficheskomu slovaryu* (Western European Authors of the 15th—17th Centuries about Russia: Materials for a Biobibliographic Dictionary). Moscow: IA RAN. (In Russian)].

Первый исследователь Сибири Д. Г. Мессершмидт. Письма и документы 1716—1721 / ред. Е. Ю. Басаргина. СПб.: Нестор-История, 2019. [Basargina, Yekaterina Yu. & al. (eds) (2019) *Pervyy issledovatel' Sibiri D. G. Messershmidt. Pis'ma i dokumenty 1716—1721* (The First Explorer of Siberia D. G. Messerschmidt. Letters and Documents 1716—1721). Saint Petersburg: Nestor-Istoriya. (In Russian)].

Семенюк Н. Н. Очерки по исторической стилистике немецкого языка. М.: ИЯ РАН, 2000. [Semenyuk, Natalya N. (2000) *Ocherki po istoricheskoy stilistike nemetskogo yazyka* (Essays on the Historical Stylistics of the German Language). Moscow: RAS Institute of Linguistics. (In Russian)].

Ammon, Ulrich. (2001) English as a future language of teaching at German universities? A question of difficult consequences, posed by the decline of German as a language of science. In: Ammon, Ulrich. (ed.) *The Dominance of English as a Language of Science: Effects on Other Languages and Language Communities*. Berlin: Mouton De Gryuter, 345.

Bönisch-Brednich, Brigitte. (2007) Reiseberichte. Zum Arbeiten mit historischen Quellen des 18. Jahrhunderts. In: Göttsch, Silke & Lehmann, Albrecht. (eds) *Methoden der Volkskunde. Positionen, Quellen, Arbeitsweisen der Europäischen Ethnologie*. Berlin: Dietrich Reimer, 124—139.

Doiron, Normand. (1988) L'art de voyager. Pour une définition du récit de voyage à l'époque classique. *Poétique*, 73, 83—108.

Gottschall, Dagmar. (2004) *Konrad von Megenbergs Buch von den natürlichen Dingen: ein Dokument deutschsprachiger Albertus Magnus-Rezeption im 14. Jahrhundert*. Leiden; Boston: Brill.

Huenen, Roland le. (1990) „Qu'est-ce qu'un récit de voyage?" dans Les modèles du récit de voyage. *Littérales*, 7, 11—27.

Landwehr, Achim. (2001) Die Stadt auf dem Papier durchwandern. Das Medium des Reiseberichts im 17. Jahrhundert. *Jahrbuch für Kommunikationsgeschichte*, 3, 48—70.

Lehfeldt, Werner. (2023) *Daniel Gottlieb Messerschmidt*. Göttingen: Universitätsverlag Göttingen.

Messerschmidt, Daniel G. (1964) *Forschungsreise durch Sibirien 1720—1727. Teil 2. Tagebuchaufzeichnungen Januar 1723 — Mai 1724*. In: Winter,

Eduard; Uschmann, Georg & Jarosch, Günther. (eds). Berlin: Akademie-Verlag.

Pallas, Peter S. (1782) Nachricht von D. Daniel Gottlieb Messerschmidts siebenjäriger Reise in Siebirien. *Neue nordische Beiträge zur physikalischen und geographischen Erd- und Völker-Beschreibung, Naturgeschichte und Ökonomie*, 3, 97—158.

Prinz, Michael. (2021) „Buntschäkkigte Universitätsprache" und „gelehrt scheinender Mischmasch": Codeswitching und language mixing in akademischen Vorlesungen der Frühen Neuzeit. In: Glaser, Elvira; Prinz, Michael & Ptashnyk, Stefaniya. (eds) *Historisches Codeswitching mit Deutsch*. Berlin: Walter de Gruyter, 303—330. (Studia Linguistica Germanica; 140).

Riesel, Elise & Schendels, Yevgeniya. (1975) *Deutsche Stilistik*. Moscow: Verlag Hochschule.

Stöber, Rudolf. (2000) *Deutsche Pressegeschichte. Einführung, Systematik, Glossar*. Konstanz: UVK Medien.

Sergei A. Zhiliuk
Saint Petersburg State University

D. G. Messerschmidt's Journal:
The Problem of Genre — The Problem of Style

The paper focuses on determining stylistic affiliation of Messerschmidt's expedition journal written in Siberia in 1720—1727. The relevance of the study stems from the need to develop methods of diachronic analysis for identifying functional styles and their varieties at the early stages of German scientific discourse (17th—18th centuries), when Latin remained the language of science. The paper aims at identifying markers of the scientific style in the 1723 journal entries and determining their genre specificity. The second volume of the academic edition of the journal presents material for study on the base of stylistic, semantic, comparative, and contextual analysis. It has been established that despite subjective, emotional, and common descriptive elements, the text contains an extensive system of references to predecessors (Tournefort, Loeselius, Witsen, et al.), cross-references to other entries, a vast terminological apparatus (over 200 terms from botany, zoology, astronomy, etc.), and fragments of scientific classifications developed by Messerschmidt (e.g., of salts) in Latin. By its intention and function (rough recording and primary analysis of material for further research), the journal is a transitional, but undeniably scientific text, with precision of exposition and vividness of a travelogue — a wide spread gen-

re in Europe and especially in Germany in the 17th—18th centuries. Combination of scientific and journalistic styles' markers, identified against contemporary criteria, was characteristic for nature sciences until the middle of 20th century. In this regard, it can be argued that Messerschmidt's notes represent an early scientific document in German, and their analysis allows us to consider the intended purpose of the text, rather than its formal compliance with modern stylistic norms, as the key criterion for diachronic stylistic attribution.

Keywords: Daniel Gottlieb Messerschmidt; style of scientific discourse; history of the German language; expedition journal; science history; travelogue

Для цитирования:
Жилюк С. А. Дневник Д. Г. Мессершмидта: проблема жанра — проблема стиля // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2026. № XXIII. С. 114—133.
DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2026-23-114-133.

To cite this Article:
Zhiliuk, Sergei A. (2026) Dnevnik D. G. Messershmidta: problema zhanra — problema stilya (D. G. Messerschmidt's Journal: The Problem of Genre — The Problem of Style). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 23, 114—133. (In Russian).
DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2026-23-114-133.

Статья поступила в редакцию 19.03.2026; принята к публикации 20.04.2026
The article was submitted 19.03.2026; accepted for publication 20.04.2026

Ю. Н. Зинцова
Нижегородский государственный лингвистический университет

О. А. Орлова
Санкт-Петербургский государственный университет

КОНВЕРСИЯ КАК ПРОДУКТИВНЫЙ СПОСОБ НЕМЕЦКОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ: СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ И ДИНАМИКА ПРОДУКТИВНОСТИ

Конверсия как способ словообразования без использования специальных аффиксов традиционно считалась периферийным явлением в немецкой дериватологии. Причиной тому служат отсутствие формальных показателей и сложность разграничения с нулевой суффиксацией и синтаксической транспозицией. В последние десятилетия, однако, фиксируется значительный рост лексических новообразований, созданных по конверсивным моделям, что требует пересмотра устоявшихся представлений о продуктивности этого способа. Особое внимание привлекают два типа конверсии — фразовая (субстантивация словосочетаний и предложений) и глагольная по модели N → V, каждый из которых отличается собственными структурными, семантическими и функциональными параметрами. Поэтому целью работы становится выявление структурно-семантических особенностей фразовой и глагольной конверсии, а также определение динамики продуктивности модели N → V на материале неологизмов последних десятилетий. Исследование выполнено с опорой на корпусный и дериватологический методы. Материалом послужили глагольные неологизмы из специализированных словарей, новообразования из немецких журналов и электронных источников. Применялись количественный и качественный анализ, а также анализ словообразовательной активности. Результаты показывают, что фразовая конверсия носит окказиональный характер, тяготеет к письменной речи и выполняет номинативную, компрессивную, когерентную и экспрессивную функции. Глагольная конверсия N → V, напротив, демонстрирует устойчивый рост продуктивности; значительную долю производящих основ составляют англицизмы. Зафиксирована тематическая специализация данной модели (Интернет-коммуникация, спорт, экология). Многие конверсивные глаголы образуют развернутые деривационные ряды, что подтверждает их интеграцию в немецкую словообра-

зовательную систему. В результате можно сделать вывод о том, что конверсия утрачивает статус периферийного явления. Фразовая и глагольная конверсия представляют собой два полюса: первый — экспрессивный, окказиональный, преимущественно письменный; второй — узуальный, динамично развивающийся, тяготеющий к разговорной речи. Полученные результаты уточняют типологию конверсии в немецком языке и вносят вклад в дискуссию о границах этого словообразовательного способа. Материалы могут найти применение в курсах лексикологии и словообразования немецкого языка, а также в лексикографической практике.

Ключевые слова: конверсия; немецкая дериватология; фразовая конверсия; глагольная конверсия; неологизмы

1. Введение

Актуальность исследования конверсии в современном немецком языке обусловлена несколькими факторами. Во-первых, в последние десятилетия наблюдается значительный рост лексических новообразований, среди которых существенную долю составляют продукты конверсии. Во-вторых, сам термин *конверсия* в дериватологии трактуется неоднозначно, что приводит к включению под его понятие все более разнородных явлений (Мурясов 2014: 1471). В-третьих, стремительное развитие цифровых технологий и Интернет-коммуникации порождает новые лексические единицы, многие из которых образуются именно по конверсивным моделям (Nolda 2012: 45).

Цель работы — выявление структурно-семантических особенностей фразовой и глагольной конверсии, а также определение динамики продуктивности модели N → V на материале неологизмов последних десятилетий. Для ее достижения решаются следующие задачи: охарактеризовать структурные, семантические и функциональные параметры фразовой и глагольной конверсии; выявить причины резкого роста продуктивности модели N → V в последние три десятилетия; проанализировать словообразовательную активность конверсивных глаголов и их интеграцию в языковую систему. Гипотеза исследования предполагает, что конверсия утрачивает статус периферийного словообразовательного способа и демонстрирует устойчивый рост продуктивности, особенно по модели N → V. Этот рост обу-

словлен прежде всего потребностью в вербализации новых реалий цифровой коммуникации и адаптацией англицизмов. При этом глагольная и фразовая конверсия проявляются в существенно разных коммуникативных условиях: первая связана с разговорным узусом и демонстрирует системную продуктивность, вторая тяготеет к экспрессивной письменной речи и нередко остается окказиональной.

Исследования конверсии в современной лингвистической науке ведутся в нескольких направлениях: общетеоретическом, типологическом и языкоспецифическом (на материале немецкого и других германских языков). В отечественную лингвистику термин *конверсия* ввел А. И. Смирницкий (Смирницкий 1956, 1959); его трактовка конверсии как смены части речи без материального изменения слова остается отправной точкой для большинства русскоязычных работ. *Лингвистический энциклопедический словарь* определяет конверсию как

> способ словообразования без использования специальных словообразовательных аффиксов; разновидность транспозиции, при которой переход слова из одной части речи в другую происходит так, что назывная форма слова одной части речи (или его основа) используется без всякого материального изменения в качестве представителя другой части речи (Кубрякова 2002: 235).

В немецкоязычной традиции стандартным описанием словообразования, включающим конверсию в систему наряду с имплицитной деривацией (implizite Derivation) и обратным словообразованием (Rückbildung), служит труд В. Фляйшера и И. Барца (Fleischer & Barz 2012). Исследователи подчеркивают, что имплицитная деривация — не прямой синоним конверсии, а смежное явление, обозначающее преимущественно аблаут как словообразовательный инструмент (например, saugen → säugen). Конверсия же (Konversion) выделяется как отдельный тип, характеризующийся сменой части речи без изменения формы. П. Айзенберг рассматривает конверсию, акцентируя морфосинтаксические свойства конвертатов (Eisenberg 2013). П. М. Фогель в фундаментальном исследовании смены частей речи (Wortartenwechsel) в немецком и других языках обосновывает трактовку конверсии как транспозиции (Vogel 1996).

Фразовое словообразование, включая фразовую конверсию, впервые системно описывается в монографии Б. Лавренц *Phrasale Wortbildung im Deutschen* (Lawrenz 2006). Автор различает фразовое словосложение, фразовую деривацию и фразовую конверсию (субстантивацию синтаксических конструкций без добавления аффиксов). Продолжением этой линии исследований являются работы по номинации и неологии, в которых фразовые и конверсивные образования рассматриваются в рамках более широких словообразовательных тенденций (Barz & Schröder 2008; Herberg & al. 2004).

Наиболее полная монографическая разработка немецкой конверсии, включающая корпусные данные и типологическое сравнение, содержится в хабилитационной работе А. Нолды *Konversion im Deutschen — Muster und Beschränkungen* (Nolda 2012). Актуальный типологический обзор конверсии во всех германских языках, фиксирующий ключевые дискуссии (нулевая деривация vs транспозиция, направление конверсии, предсказуемость семантики), представлен в статье «Conversion in Germanic» *Oxford Research Encyclopaedia of Linguistics* (Werner 2022). Когнитивно-ориентированные исследования рассматривают конверсию в контексте интеграции неологизмов в языковую систему и их укоренения (entrenchment) (Schmid 2007).

В отечественной германистике конверсия занимает прочное место в системе описания немецкого словообразования начиная с классических работ М. Д. Степановой, в которых она трактуется как самостоятельный, «безаффиксный» способ словопроизводства (Степанова 1953). Теоретическую базу для анализа семантики конверсивов задает типология словообразовательных значений Е. С. Кубряковой (Кубрякова 1981). Существенный вклад в изучение конверсии как источника пополнения словарного состава внесли исследования Е. В. Розен (Розен 1991; Розен 2000). Современная полемика вокруг самого понятия и типология конверсии в германских языках обстоятельно представлена в работах Р. З. Мурясова (Мурясов 2014; Мурясов 2015).

Научная новизна исследования определяется несколькими аспектами. На материале словаря неологизмов OWID за 1990—

2020 гг. впервые проведен комплексный количественный и качественный анализ глагольной конверсии N → V с выделением динамики по десятилетним срезам. Сопоставлены два структурно и функционально различных типа конверсии — фразовая и глагольная. Выполнен развернутый анализ словообразовательной активности глаголов googeln, twittern, instagrammen с построением деривационных рядов и сопоставлением с английским языком-источником. Данные корпусного анализа (DWDS, DeReKo) позволили выявить жанровые и стилистические закономерности употребления этих единиц.

2. Характеристика материала и методов исследования

Материалом исследования послужили две группы данных. Первая группа — 36 глагольных неологизмов из словаря OWID (Leibniz-Institut für Deutsche Sprache) за 1990—2020 гг., отобранных по критерию «глагольный неологизм, образованный по модели N → V» (OWID: URL). Вторая группа — около 30 примеров фразовой конверсии, собранных из немецкоязычных Интернет-источников (Die Zeit, Spiegel Online, форумы, блоги) и из научных работ (Снежкова 2016; Hentschel 2016). Для верификации частотности привлекались корпусные данные DWDS (Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache) и DeReKo (Deutsches Referenzkorpus) (DWDS: URL; DeReKo: URL).

Исследование опирается на комплекс методов, что обусловлено многоаспектностью объекта анализа. Корпусный метод применялся для сбора эмпирического материала и верификации частотности употребления конверсивов. Обращение к корпусам DWDS и DeReKo позволило не только подтвердить данные словарей неологизмов, но и выявить жанровое распределение конверсивов (газетно-публицистический стиль, художественная литература, социальные сети и форумы).

Дериватологический метод использовался для анализа словообразовательной структуры единиц и построения деривационных рядов. Этот метод включает выявление производящей основы, определение словообразовательного значения и описание словообразовательной парадигмы конверсивного глагола.

В работе применялись следующие конкретные процедуры анализа: (1) количественный анализ — подсчет доли конверси-

вов среди всех глагольных неологизмов по десятилетним срезам (1990—2000, 2000—2010, 2010—2020); (2) качественный анализ — тематическая и стилистическая маркированность конверсивов на основе словарных помет OWID и Duden; (3) анализ словообразовательной активности — подсчет дериватов от каждого конверсивного глагола в корпусе DWDS и построение деривационных рядов с последующей интерпретацией асимметрии между разными единицами; (4) сопоставительный анализ — сравнение деривационного потенциала конверсивов в немецком и английском языках (на примере to google и googeln); (5) функциональный анализ — описание текстовых функций фразовой конверсии (номинативная, компрессивная, когерентная, экспрессивная).

3. Результаты исследования и их обсуждение

При описании конверсии как словообразовательного способа исследователи сталкиваются с определенными противоречиями. Одно из них заключается в отсутствии формальных показателей как необходимого условия конверсии, с одной стороны, и в неизбежном участии при вербализации в немецком языке суффикса -en (Öl → ölen), который осуществляет наряду с грамматической (маркер инфинитива) и словообразовательную функцию, с другой (Мурясов 2014: 1472). Другое противоречие заключается в том, что производное слово — продукт конверсии — не представляет собой словообразовательную конструкцию в классическом понимании, из-за чего некоторые лингвисты относят этот тип к периферии словообразования (Fleischer & Barz 2012: 91). Противоречивый характер конверсии лишь обострился со временем: как отмечает Мурясов, в последнее время дериватологи подводят под понятие конверсии все большее количество разнородных явлений (Мурясов 2014: 1471).

В современной дериватологии существует две основные теоретические рамки для описания конверсии. Сторонники нулевой деривации (Nullableitung) рассматривают конверсию как аффиксальный способ с нулевым словообразовательным морфом, поскольку конверсия сохраняет аргументную структуру производящей основы. Сторонники транспозиции (Wortartenwechsel) подчеркивают отсутствие формального показателя и

рассматривают конверсию как синтаксический механизм смены части речи (Vogel 1996: 87–98). В настоящей статье мы придерживаемся компромиссной позиции: конверсия — это особый тип словообразования, занимающий промежуточное положение между морфологической деривацией и синтаксической транспозицией (Nolda 2012: 50–55).

С семантической точки зрения, среди конверсивов выделяются два основных типа. Транспозиционная конверсия представляет собой смену категориальной принадлежности без изменения категориальной семантики, как в паре laufen → das Laufen (процессуальность сохраняется). Предсказуемость семантики здесь максимальна. Модификационная конверсия характеризуется появлением нового лексического значения, как в примерах süß → süßen («делать сладким») или Wasser → wässern («поливать водой»). Здесь семантический сдвиг менее предсказуем и может включать инструментальные, результативные, локативные и другие компоненты. Для глагольной конверсии N → V характерен преимущественно модификационный тип, тогда как для субстантивации глаголов и прилагательных — транспозиционный. Это различие важно учитывать при анализе семантики неологизмов (Eichinger 2000: 201–205).

Фразовое словообразование (phrasale Wortbildung) охватывает способы создания новых слов на базе синтаксических конструкций (словосочетаний и предложений). В рамках фразового словообразования различают три основных подвида: фразовое словосложение (phrasale Komposition), фразовая деривация (phrasale Derivation), а также фразовая конверсия (phrasale Konversion). Фразовая конверсия представляет собой субстантивацию синтаксической конструкции без добавления аффиксов (Lawrenz 2006).

Продукты фразовой конверсии структурно неоднородны, однако обладают рядом общих признаков. К таким признакам относятся: написание через дефис или слитно (реже), как в примерах dieses Was-wäre-geworden-Wenn или ein Wolltemalundkonntenicht; варьирующееся написание частей речи с маленькой или большой буквы (ср.: das Sich-Verstecken-Wollen); изоморфизм синтаксической структуры, при котором последовательность

компонентов в слове в точности соответствует последовательности слов в исходной синтаксической конструкции; грамматический средний род всех подобных единиц (ср.: Und Gotti heilig will gerade ein Nun-aber-gute-Nacht sagen); наличие флексий падежа и числа, например: eine breite Woge des nationalen Wir-sind-wieder-Wers, Ihre Derzufallwollteessohabens (Снежкова 2016).

Фразовые дериваты такого рода могут осуществлять разнообразные синтаксические функции и сопровождаться определениями, как и любое имя существительное (ср.: für mich ist das ständige sich-Beklagen-über-alles die typisch deutsche Eigenschaft schlechthin; aus dem Rahmen des totalen Seid-nett-zueinander fallen).

Основными особенностями употребления фразовых конверсивов являются их окказиональный характер и принадлежность преимущественно к письменной речи (Hentschel 2016: 13). При этом они обладают широким функциональным потенциалом. Номинативная функция позволяет обозначать сложные, трудно вербализуемые иным способом ситуации. Компрессивная функция обеспечивает свертывание целого предложения или словосочетания в одну лексическую единицу. Когерентная функция служит для обеспечения связности текста (анафорические отсылки), как в примере: An Halloween gehen die Kinder von Tür zu Tür und verlangen Süßes oder Saures. Aber das „von-Tür-zu-Tür-Gehen“ gefällt nicht allen. Экспрессивная функция реализуется за счет необычной внешней формы, которая создает стилистический эффект, часто иронический или полемический. Исследователи подчеркивают высокий стилистический потенциал продуктов фразовой конверсии, определяемый экспрессивностью их внешней формы (Снежкова 2016: 306).

Для проверки выводов о продуктивности и интеграции конверсивов был проведен дополнительный корпусный анализ с использованием доступных инструментов DWDS и частично DeReKo. Анализ позволил выявить в корпусах значительное количество примеров фразовой конверсии. Общее число употреблений невелико: каждый конкретный приведенный выше пример встречается 1-2 раза за десятилетие. Однако корпус демонстрирует значительное количество типов дериватов. Типологи-

чески среди них доминируют дефисные образования (около 95% выборки), представленные субстантивацией: предикативных конструкций (Sich-Verstecken-Wollen), предложно-именных групп (von-Tür-zu-Tür-Gehen), сложных предложений и клише (Waswäre-geworden-Wenn, Wir-sind-wieder-Wer). Слитные образования (Wolltemalundkonntenicht) единичны и служат маркером индивидуально-авторской языковой игры.

Фразовые конверсивы демонстрируют, в основном, качественную динамику развития. Так, в 1990—2000 гг. выявлены единичные конверсивы, используемые преимущественно в литературных цитатах или политических клише. 2000—2010 гг. характеризуются ростом подобных образований в глянцевых журналах и на Интернет-форумах, в их числе появляются англицизмы, встроенные во фразы. В 2010—2020 гг. фразовые конверсивы активно и разнообразно используются в социальных сетях.

На фоне ограниченной, преимущественно окказиональной продуктивности фразовой конверсии глагольная конверсия по модели N → V обнаруживает существенно более выраженную динамику и активно участвует в пополнении словарного состава последних десятилетий (Klosa-Kückelhaus & Wolfer 2023). Результаты количественного анализа материала OWID свидетельствуют о существенном и устойчивом росте продуктивности рассматриваемой модели. В период 1990—2000 гг. доля глаголов N → V среди всех глагольных неологизмов составляла 10 %. В 2000—2010 гг. этот показатель вырос до 25%, а в 2010—2020 гг. превысил 33%. Таким образом, начиная с 2000-х гг. модель N → V догоняет, а затем и опережает многие аффиксальные способы по доле новообразований.

Полученные данные позволяют более четко обозначить закономерности, стоящие за этим ростом. Цифровая революция и сопутствующий приток англицизмов создали благоприятную среду для активизации именно конверсивной модели, которая оказалась наиболее экономным способом вербализации новых реалий. Если в 1990-е гг. доминировала префиксация как способ образования глаголов от заимствованных основ, то в 2000-е и 2010-е гг. конкуренцию ей начинает составлять чистая конверсия, не тре-

бующая дополнительных словообразовательных средств.

Анализ происхождения производящих основ выявил следующие тенденции. В 1990-е гг. английские заимствования составляли 33% производящих основ. После 2000 г. их доля резко возрастает и удерживается на уровне 64–68% в последующие два десятилетия. Это означает, что конверсия выступает не только как «внутренний» словообразовательный ресурс, но и как механизм морфологической адаптации заимствованной лексики, прежде всего из сфер цифровой коммуникации и Интернет-культуры.

Особого внимания заслуживает частотность вербализации имен собственных — не только фамилий, но и названий Интернет-ресурсов, программных продуктов, приложений: facetimen (от FaceTime — программа для видеозвонков), merkeln (от Merkel — фамилия канцлера), parshippen (от Parship — сервис знакомств), tindern (от Tinder — дейтинг-приложение).

Анализ собранного материала позволяет определить стилистическую маркированность отсубстантивных глаголов подобного рода: они, как правило, весьма активно образуются и употребляются именно в разговорной речи (Юшкова 2005: 134). Однако в рассматриваемой выборке такие примеры зафиксированы в незначительном количестве, поскольку источником материала послужил словарь неологизмов OWID, в то время как собственно разговорная конверсивная лексика, остающаяся в зоне окказионального употребления, словарной фиксации, как правило, еще не получает. Несколько глаголов сопровождаются пометой «разговорный» (umgangssprachlich): containern ‘добывать продукты из контейнеров’, schrotten ‘разрушать’, hartzen ‘получать пособие Hartz IV’. К профессиональному жаргону (Fachjargon) принадлежат chippen ‘регистрировать, чипировать’ и stromern ‘ездить на электромобиле’. Остальные единицы являются общеупотребительными.

Подавляющее большинство проанализированных глаголов обладают высокой степенью словообразовательной активности. Она проявляется в образовании от их основ новых производных по различным словообразовательным моделям, по словообразовательным траекториям, характерным для немецкого язы-

ка, что свидетельствует об их уверенном вхождении в языковую систему (Klosa-Kückelhaus 2019: 114).

Для подтверждения этого тезиса на основе данных DWDS и OWID были построены деривационные ряды для изучаемых глагольных конверсивов. Словообразовательный ряд глагола twittern демонстрирует самую разветвленную деривационную сеть: antwittern, austwittern, betwittern, ertwittern, durchtwittern, fremdtwittern, herantwittern, heraustwittern, herübertwittern, herumtwittern, hinaustwittern, lostwittern, mittwittern, vertwittern, wegtwittern. Кроме того, от twittern образуются субстантивные дериваты Getwitter, Twitterei, Twitterer, а также контаминант Twitteratur (Twitter + Literatur). Таким образом, по данным привлекаемых источников (DWDS: URL; OWID: URL), деривационный ряд глагола twittern насчитывает 22 единицы. От глагола klicken образуется 10 префиксальных дериватов: anklicken, durchklicken, einklicken, herumklicken, hineinklicken, reinklicken, verklicken, wegklicken, weiterklicken. Глагол googeln образует ряд из 9 эксплицитных дериватов с превербами: ausgoogeln, herumgoogeln, hinterhergoogeln, nachgoogeln, weitergoogeln, ergoogeln, vergoogeln, а также с двумя субстантивными дериватами Gegoogel, Googelei. Глаголы instagrammen и gendern снижают словообразовательную продуктивность до 5 элементов. Для глагола instagrammen характерны суффиксальные образования: Instagrammer, Instagrammerei, instagrammbar, instagrammabel, instagrammig, для gendern, напортив, эксплицитные дериваты с превербами: durchgendern, kaputtgendern, rumgendern, weggendern, entgendern. Определенную деривационную активность демонстрирует также глагол gaucken: Gauckung, durchgaucken, rausgaucken, weggaucken (4 элемента). Остальные глаголы (texten, riestern, stromern, wischen, merkeln, kiten, simsen, parshippen, youtuben, helikoptern, netzen, schottern, voipen, skypen, containern, hartzen, ritzen) проявляют незначительную или единичную словообразовательную активность (от 1 до 3 дериватов).

Приведенные ряды обнаруживают заметную асимметрию, и не только количественную. Глаголы klicken и gendern образуют исключительно превербальные ряды, тогда как у instagrammen преобладают суффиксальные образования, а у twittern, goo-

geln и gaucken представлен смешанный тип. Это различие не случайно. Единица twittern обозначает коммуникативную деятельность, семантически близкую глаголам говорения, которые традиционно обладают высокой преверб-продуктивностью (ср.: sagen → ansagen, aussagen, hersagen, versagen и т. д.) (FLEISCHER & BARZ 2012: 410). Глагол instagrammen, напротив, несет более специфицированное значение ‘размещать визуальный контент (в Instagram)’, что ограничивает круг возможных превербальных модификаций. В корпусе такие примеры единичны (nachinstagrammen). Часть форм в приведенных рядах носит окказиональный характер (herübertwittern, instagrammig), тогда как другие (ausgoogeln, Googelei, Twitterer) зафиксированы в корпусных источниках и функционируют более регулярно.

Целесообразно отметить, что в английском языке, откуда заимствованы производящие основы, например, от to google возможны лишь googling, googled, googler — крайне ограниченный ряд (всего 3–4 формы, не считая аналитических конструкций) (COCA). В немецком языке тот же корень дает не менее 10 дериватов (включая префиксальные глаголы и субстантивы с *-ei*). Это наглядно иллюстрирует тезис об адаптивном потенциале немецкого словообразования: заимствованное слово не просто принимается, но активно включается в продуктивные словообразовательные парадигмы немецкого языка, многократно расширяя свой деривационный потенциал (ONYSKO 2007; KLOSA-KÜCKELHAUS 2019).

Отдельного внимания заслуживает группа деонимов — глаголов, образованных от фамилий известных политических деятелей. Эта подгруппа особенно интересна тем, что в ней конверсия выполняет одновременно номинативную и оценочную функцию: фамилия становится свернутой характеристикой типового поведения с негативной коннотацией (KLOSA-KÜCKELHAUS 2019). В нашей выборке представлены три деонима: merkeln (от фамилии бывшего канцлера Ангелы Меркель — ‘медлить, избегать решений’), riestern (от имени бывшего министра труда В. Ристера — ‘откладывать деньги на пенсионный план Riester-Rente’), а также gaucken (от фамилии экспрезидента ФРГ Й. Гаука — ‘проверять кого-либо на предмет

работы на органы государственной безопасности ГДР'). Подобные единицы остаются преимущественно окказиональными. Рефлексивные употребления — sie merkelt sich durch die Debatte (DWDS: URL) — показывают, что отдельные деонимы успевают приобретать и собственную словообразовательную и синтаксическую активность.

Для данного типа конверсивов также был проведен дополнительный корпусный анализ (DWDS: URL; DeReKo: URL). Данные по трем показательным единицам за период 2010—2024 гг. (нормированная частота на 1 млн словоупотреблений в письменных корпусах) свидетельствуют о следующем.

Частота употребления googeln выросла с 2,1 в 2010—2014 гг. до 4,2 в 2020—2024 гг., что составляет прирост 100%. Частота twittern увеличилась с 1,8 до 5,1 (прирост 183%). Наиболее драматический рост демонстрирует whatsappen: с 0,2 до 3,8 (прирост 1800%). При этом важно отметить, что для whatsappen начальный показатель (0,2) близок к нулю, что делает его статистически наименее надежным, однако общая тенденция к росту бесспорна. В газетных текстах частотность остается невысокой (около 0,5 на млн), что подтверждает тезис о стилистической маркированности многих конверсивов как разговорных единиц.

Что касается жанрового распределения, то корпусные данные показывают, что в газетно-публицистическом стиле преобладают узуальные конверсивы (googeln, twittern), в художественной литературе встречаются единичные вкрапления, чаще в прямой речи персонажей. В социальных сетях и форумах (по данным субкорпусов) наблюдается максимальная частотность и появление окказиональных форм (herumgoogeln, durchtwittern). Таким образом, глагольная конверсия N → V демонстрирует не только количественный рост частотности, но и функциональное расслоение: узуальные конверсивы обслуживают публицистическую сферу, тогда как деривационная активность (префиксальные окказионализмы) сосредоточена в неформальном Интернет-дискурсе. Это различие подтверждает гипотезу о переходе конверсии из периферийного в системно значимый словообразовательный способ.

4. Заключение

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы о качественных и количественных характеристиках конверсии как словообразовательного способа в современном немецком языке.

В современной немецкой дериватологии наблюдается устойчивая тенденция к расширительному толкованию термина *конверсия*: под него подводится все больше разнородных явлений — от субстантивации инфинитива до фразовой конверсии многокомпонентных синтаксических конструкций. Это свидетельствует как о терминологической гибкости, так и о реальном расширении продуктивных зон данного словообразовательного способа.

Данные по выборке OWID демонстрируют последовательное увеличение доли конверсивных глаголов в общем потоке неологизмов. Это позволяет квалифицировать конверсию по модели N → V как одну из ведущих тенденций в области глагольного словообразования последних десятилетий. Цифровая революция и сопутствующий приток англицизмов создали благоприятную среду для активизации именно конверсивной модели. Значительная доля англицизмов среди производящих основ свидетельствует о том, что конверсия выступает не только как «внутренний» словообразовательный ресурс, но и как механизм морфологической адаптации заимствованной лексики, прежде всего из сфер цифровой коммуникации и Интернет-культуры.

Высокая деривационная активность анализируемых глаголов (разветвленные словообразовательные ряды с суффиксами, превербами, контаминацией) свидетельствует об их прочном вхождении в систему немецкого языка. Асимметрия деривационных рядов объясняется семантикой базовых глаголов: коммуникативные глаголы традиционно обладают высокой превербпродуктивностью. Сравнение с английским языком-источником показывает, что немецкое словообразование значительно расширяет деривационный потенциал заимствований, адаптируя их к своим продуктивным моделям.

Фразовая и глагольная конверсия в современном немецком языке обнаруживают принципиально разные коммуникативные

профили. Фразовая конверсия носит преимущественно окказиональный характер и реализуется главным образом в письменной речи; ее единицы оформляются через дефис или слитно, имеют средний род и выполняют ряд текстовых функций — номинативную, компрессивную, когерентную и экспрессивную. Глагольная конверсия по модели N → V, напротив, тяготеет к разговорному узусу, демонстрирует устойчивый рост продуктивности и высокую словообразовательную активность, выступая основным механизмом вербализации новых цифровых реалий.

Полученные результаты позволяют рассматривать конверсию как один из ведущих способов современного немецкого словообразования: модель N → V устойчиво наращивает продуктивность и обеспечивает основной канал вербальной адаптации заимствованной лексики, тогда как фразовая конверсия, оставаясь в зоне окказионального, обогащает арсенал текстовых и стилистических средств письменного дискурса. Дальнейшее изучение данного словообразовательного способа представляется продуктивным в нескольких направлениях — корпусное расширение материала за счет разговорных и интернет-источников, социолингвистическая дифференциация по возрастным и профессиональным группам носителей, а также мониторинг новых конверсивных образований, появляющихся вслед за новыми цифровыми сервисами и платформами.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

Кубрякова Е. С. Типы языковых значений: Семантика производного слова. М.: Наука, 1981. [Kubryakova, Yelena S. (1981) *Tipy yazykovykh znacheniy: Semantika proizvodnogo slova* (Types of Linguistic Meanings: Semantics of the Derived Word). Moscow: Nauka. (In Russian)].

Кубрякова Е. С. Конверсия // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. М.: Большая Российская энциклопедия, 2002. [Kubryakova, Elena S. (2002) *Konversiya* (Conversion). In: Yartseva, Vera N. (ed.) *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* (Linguistic Encyclopedic Dictionary). Moscow: Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya. (In Russian)].

Мурясов Р. З. К понятию «конверсия» в дериватологии // Вестник Башкирского университета. 2014. Т. 19. № 4. С. 1470—1477. [Muryasov, Rustam Z. (2014) K ponyatiyu “konversiya” v deriva-

tologii (On the Concept of "Conversion" in Derivatology). *Vestnik Bashkirskogo universiteta*, 19 (4), 1470—1477. (In Russian)].

Мурясов Р. З. Типология конверсии в германских языках // Вестник Башкирского университета. 2015. Т. 20. № 1. С. 157—163. [Muryasov, Rustam Z. (2015) Tipologiya konversii v germanskikh yazykakh (Typology of Conversion in Germanic Languages). *Vestnik Bashkirskogo universiteta*, 20 (1), 157—163. (In Russian)].

Розен Е. В. Новые слова и устойчивые словосочетания в немецком языке. М.: Просвещение, 1991. [Rosen, Evgeniya V. (1991) *Novyye slova i ustoychivyye slovosochetaniya v nemetskom yazyke* (New Words and Stable Collocations in German). Moscow: Prosveshchenie. (In Russian)].

Розен Е. В. На пороге XXI века. Новые слова и словосочетания в немецком языке. М.: Менеджер, 2000. [Rosen, Evgeniya V. (2000) *Na poroge XXI veka. Novye slova i slovosochetaniya v nemetskom yazyke* (On the Threshold of the 21st Century. New Words and Collocations in German). Moscow: Menedzher. (In Russian)].

Смирницкий А. И. Лексикология английского языка. М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1956. [Smirnitskiy, Aleksandr I. (1956) *Leksikologiya angliyskogo yazyka* (Lexicology of the English Language). Moscow: Foreign Languages Publishing House. (In Russian)].

Смирницкий А. И. Морфология английского языка. М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1959. [Smirnitskiy, Aleksandr I. (1959) *Morfologiya angliyskogo yazyka* (Morphology of the English Language). Moscow: Foreign Languages Publishing House. (In Russian)].

Снежкова И. А. Особенности фразового словообразования в языке немецкой прессы // Наука и образование на российском Дальнем Востоке: современное состояние и перспективы развития. Хабаровск: Тихоокеанский гос. ун-т, 2016. С. 300—307. [Snezhkova, Irina A. (2016) Osobennosti frazovogo slovoobrazovaniya v yazyke nemetskoy pressy (Peculiarities of Phrasal Word Formation in the Language of the German Press). In: *Nauka i obrazovaniye na rossiyskom Dal'nem Vostoke: sovremennoye sostoyaniye i perspektivy razvitiya* (Science and Education in the Russian Far East: Current Status and Development Prospects). Khabarovsk: Pacific National University, 300—307. (In Russian)].

Степанова М. Д. Словообразование современного немецкого языка. М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1953. [Stepanova, Maria D. (1953) *Slovoobrazovanie sovremennogo nemetskogo yazyka* (Word Formation in Modern German). Moscow: Foreign Languages Publishing House.

(In Russian)].

Юшкова Л. А. Конверсия как продуктивный способ словообразования в современной немецкой молодежной лексике // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2005. № 2. С. 133—140. [Yushkova, Lyudmila A. (2005) Konversiya kak produktivnyy sposob slovoobrazovaniya v sovremennoy nemetskoy molodezhnoy leksike (Conversion as a Productive Way of Word Formation in Modern German Youth Lexicon). *Bulletin of Udmurt University*, 2, 133—140. (In Russian)].

Barz, Irmhild & Schröder, Marianne. (eds) (2008) *Nominationsforschung im Deutschen*. Frankfurt am Main: Peter Lang.

Eichinger, Ludwig M. (2000) *Deutsche Wortbildung*. Tübingen: Gunter Narr Verlag.

Eisenberg, Peter. (2013) *Grundriss der deutschen Grammatik. Das Wort*. 4., aktualisierte Auflage. Stuttgart: Metzler.

Fleischer, Wolfgang & Barz, Irmhild. (2012) *Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache*. Tübingen: Niemeyer.

Hentschel, Elke. (2016) Zwischen Verbalparadigma und Wortbildung. In: Hentschel, Elke. (ed.) *Wortbildung im Deutschen: Aktuelle Perspektiven*. Tübingen: Narr Francke Attempto Verlag, 11—29.

Herberg, Dieter; Kinne, Michael & Steffens, Dorothea. (2004) *Neuer Wortschatz. Neologismen der 90er Jahre im Deutschen*. Berlin: de Gruyter.

Klosa-Kückelhaus, Anette. (2019) From chatten through podcasten to youtuben. Social Media Neologisms from the 1990s to the 2010s in German. *Neologica*, 13, 107—123.

Klosa-Kückelhaus, Annette & Wolfer, Sascha. (2023) Tracking the acceptance of neologisms in German: Psycholinguistic factors and their correspondence with corpus-linguistic findings. *Humanities and Social Sciences Communications*, 10. Art. 547. doi: 10.1057/s41599-023-01977-4.

Lawrenz, Birgit. (2006) *Phrasale Wortbildung im Deutschen: Linguistische Untersuchung und sprachdidaktische Behandlung*. Hamburg: Verlag Dr. Kovač.

Nolda, Andreas. (2012) *Konversion im Deutschen — Muster und Beschränkungen: Mit einem Grundriss einer allgemeinen Theorie der Wortbildung*. Habilitationsschrift, Humboldt-Universität zu Berlin.

Werner, Martina. (2022) Conversion in Germanic. In: *Oxford Research Encyclopedia of Linguistics*. Oxford: Oxford University Press. Retrieved from https://oxfordre.com/linguistics.

Onysko, Alexander. (2007) *Anglicisms in German: Borrowing, Lexical Productivity, and Written Codeswitching*. Berlin; New York: de Gruyter.

Schmid, Hans-Jörg. (2007) Entrenchment, Salience, and Basic Levels. In:

The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics. Oxford: Oxford University Press, 117—138.

Vogel, Petra M. (1996) *Wortarten und Wortartenwechsel. Zur Konversion und verwandten Erscheinungen im Deutschen und in anderen Sprachen*. Berlin; New York: de Gruyter.

Словари / Wörterbücher / Dictionaries

Davies, Mark. The Corpus of Contemporary American English (COCA). 2008–. Retrieved from https://www.english-corpora.org/coca.

DeReKo — Deutsches Referenzkorpus. Leibniz-Institut für Deutsche Sprache. Retrieved from https://www1.ids-mannheim.de/kl/projekte/korpora. (данные за 1990—2024).

DWDS — Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. Berlin-Brandenburgische Akademie der Wissenschaften. Retrieved from https://www. dwds.de (корпусные данные 2010—2024).

OWID — Online-Wortschatz-Informationssystem Deutsch. Leibniz-Institut für Deutsche Sprache. Retrieved from https://www.owid.de (данные за 1990—2020).

Yulia N. Zintsova
Nizhny Novgorod State Linguistics University

Olga A. Orlova
Saint Petersburg State University

Conversion as a Productive Means of German Word Formation: Structural-Semantic Characteristics and Dynamics of Productivity

Conversion as a means of word formation without the use of special affixes has traditionally been regarded as a peripheral phenomenon in German derivational morphology. This is due to the absence of formal markers and the difficulty of distinguishing it from zero suffixation and syntactic transposition. In recent decades, however, a significant increase has been observed in lexical innovations formed according to conversional patterns, which calls for a reconsideration of established views on the productivity of this process. Two types of conversion are of particular interest: phrasal conversion (the substantivization of word combinations and sentences) and verbal conversion according to the N → V model, each of which is characterized by its own structural, semantic, and functional parameters. Accordingly, the aim of this study is to identify the structural-semantic features of phrasal and verbal conversion and to determine the dynamics of the productivity of the N → V model on the

basis of neologisms from recent decades. The study relies on corpus-based and derivational methods. The material includes verbal neologisms from specialized dictionaries, as well as new formations drawn from German magazines and electronic sources. Quantitative and qualitative analysis, along with an analysis of word-formational activity, were employed. The results show that phrasal conversion is occasional in nature, tends to occur in written discourse, and performs nominative, compressive, cohesive, and expressive functions. Verbal N → V conversion, by contrast, demonstrates a steady increase in productivity; a significant proportion of its base forms consists of Anglicisms. Thematic specialization of this model has also been identified (web communication, sport, ecology). Many conversional verbs form extensive derivational series, which confirms their integration into the German word-formation system. It can therefore be concluded that conversion is losing its status as a peripheral phenomenon. Phrasal and verbal conversion represent two poles: the former is expressive, occasional, and predominantly written, whereas the latter is conventional, dynamically developing, and tends toward colloquial speech. The findings refine the typology of conversion in German and contribute to the discussion of the boundaries of this word-formation process. The materials may be used in courses on German lexicology and word formation, as well as in lexicographic practice.
Keywords: conversion; German derivational morphology; phrasal conversion; verbal conversion; neologisms

Для цитирования:
Зинцова Ю. Н., Орлова О. А. Конверсия как продуктивный способ немецкого словообразования: структурно-семантические характеристики и динамика продуктивности // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2026. № XXIII. С. 134—152.
DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2026-23-134-152.

To cite this Article:
Zintsova, Yulia N. & Orlova, Olga A. (2026) Konversiya kak produktivnyy sposob nemetskogo slovoobrazovaniya: strukturno-semanticheskiye kharakteristiki i dinamika produktivnosti (Conversion as a Productive Means of German Word Formation: Structural-Semantic Characteristics and Dynamics of Productivity). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 23, 134—152. (In Russian).
DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2026-23-134-152.

Статья поступила в редакцию 19.05.2026; принята к публикации 15.06.2026
The article was submitted 19.05.2026; accepted for publication 15.06.2026

Andrej V. Ivanov
Staatliche Linguistische Dobroljubov-Universität Nishnij Novgorod

DISKURS ALS BEGRIFF UND TERMINUS: HISTORISCH-LINGUISTISCHE RETROSPEKTION

Der Artikel untersucht den Begriff *Diskurs* im deutschsprachigen Sprach- und Kulturraum. Ziel der Studie ist es, die semantische Entwicklung des Wortes *Diskurs* von seinen allgemeinen sprachlichen Bedeutungen hin zu einer spezialisierten (terminologischen) Bedeutung nachzuzeichnen. Diese Entwicklung spiegelt die allmähliche Evolution des Diskursbegriffs als sprachliche Äußerung oder als eine Reihe solcher Äußerungen wider, die von Muttersprachlern auf Grundlage ihrer schriftlichen und mündlichen Sprachkompetenz realisiert werden. Die Studie identifiziert zudem, wie diese Konzepte lexikographisch repräsentiert werden. Sie verwendet Methoden der historisch-linguistischen, vergleichenden, definitorischen und semantischen Analyse. Gegenstand der Untersuchung ist die semantische Struktur des (Fach)wortes *Diskurs*, die sich seit seiner ersten Verwendung in Lorenz Fries' medizinischer Abhandlung *Spiegel der Arztny* (1518) bis heute herausgebildet hat. Im Laufe von über 500 Jahren hat sich das Wort um eine Reihe allgemeiner sprachlicher Bedeutungen erweitert, darunter 'Darlegung, Erörterung' (16. Jh.), 'Abhandlung, Unterredung', 'Wort, Rede', 'menschliche Rede', 'Geschichte, Erzählung', 'Vortrag', 'Streit' (17.—18. Jh.) sowie 'Gedankenaustausch, Unterhaltung; Erörterung; Wortwechsel' (19.–20. Jh.). Die terminologische Bedeutung des Wortes *Diskurs* entstand in der zweiten Hälfte des 20. Jahrhunderts und war zunächst mit dem sozial-philosophischen Aspekt der intellektuellen Tätigkeit des Menschen und etwas später mit der Sprachwissenschaft verbunden. Die enge Verbindung zwischen Diskurs und dem Begriffsapparat von Philosophie, Soziologie, Linguistik und Literaturkritik führte zur Entstehung einer Gruppe terminologischer Einheiten, die im Laufe der Zeit das terminologische Mikrofeld „Diskurs" bildeten. Das Interesse an Diskurs als Wort und Begriff war nicht konstant; es stieg im 17. und 18. Jahrhundert an und sank auf ein Minimum zwischen dem frühen 19. Jahrhundert und der frühen zweiten Hälfte des 20. Jahrhunderts.

Schlüsselwörter: linguistischer Terminus; Diskurs; Diskurstypologie; Geschichte des Terminus; terminologische Semantik; Begriffsumfang

1. Zweck und Methoden der Forschung, Charakteristik des Sprachmaterials

Der Artikel untersucht das Wort *Diskurs*, das sowohl zum allgemeinen Wortschatz der deutschen Sprache als auch zu den terminologischen Systemen der Linguistik und, in weiterem Sinne, der Philologie gehört. Im letzteren Fall erlangt *Diskurs* den Status eines Terminus und muss den Anforderungen an terminologische Einheiten genügen. Gegenstand der Untersuchung ist die semantische Struktur dieses Wortes.

Der Begriff *Diskurs* ist seit dem frühen 16. Jahrhundert bekannt. Im Laufe von über 500 Jahren hat sich seine Bedeutungsstruktur stetig erweitert und umfasst heute eine Reihe verwandter, aber unterschiedlicher Bedeutungen, die über ein gemeinsames Merkmal verfügen: Bindung an mündliche oder schriftliche Rede. Mitte des 20. Jahrhunderts erlangte der Begriff eine terminologische Bedeutung, zunächst im Zusammenhang mit dem sozial-philosophischen Aspekt der intellektuellen Tätigkeit des Menschen und etwas später mit der Sprachwissenschaft. Die enge Verbindung zwischen Diskurs und dem Begriffsapparat der Sprach- und Literaturwissenschaft hat eine Reihe von terminologischen Einheiten erzeugt, die in gewisser Weise mit Diskurs verwandt sind, und die Frage der Diskurstypologie aufgeworfen — ein Problem, das bis heute ungelöst bleibt.

Ziel dieser Studie ist es, die Entwicklung der Semantik des Wortes *Diskurs* von seiner allgemeinen sprachlichen Bedeutung hin zu einer spezialisierten (terminologischen) Bedeutung nachzuzeichnen. Dabei wird die allmähliche Entwicklung von Vorstellungen über den Diskurs als Redeäußerung oder als eine Reihe solcher Äußerungen reflektiert, die von Muttersprachlern auf Grundlage ihrer sprachlichen Kompetenz in mündlicher und schriftlicher Form hervorgebracht werden. Zudem wird untersucht, wie diese Vorstellungen lexikographisch repräsentiert werden. Die Studie verwendet Methoden der historisch-linguistischen, vergleichenden, definitorischen und semantischen Analyse.

Auf der Suche nach Kontexten, die das Wort *Diskurs* enthalten, wurden rund zweihundert textliche und lexikographische Quellen in deutscher Sprache untersucht, darunter fiktionale Werke, wissenschaftliche Abhandlungen, einsprachige, zweisprachige und mehrsprachige

Wörterbücher und Glossare sowie etymologische Wörterbücher. Die untersuchten Quellen umfassen den Zeitraum ab 1518, dem Erscheinungsjahr von Lorenz Fries' Abhandlung *Spiegel der Arztny*, bis heute.

2. Forschungsergebnisse und Diskussion

2.1. Beschreibung und Interpretation des Wortes Diskurs in Textquellen

Das Wort *Diskurs* in der Form „discurs" wurde erstmals Anfang des 16. Jahrhunderts in einer medizinischen Abhandlung von Lorenz Fries *Spiegel der Arztny* in den Bedeutungen 'Darlegung, Erörterung' vorgefunden: „So den menschen endrent vß dē gesatzten worten des ersten bůchs / in welchē du ein langē discurs diser ding gesehen hast" (FRIES 1518: 79 rev.).

Die erste Verwendung des Wortes, die auf das 17. Jahrhundert zurückgeht, datiert aus dem Jahr 1607, und findet sich im *Kriegsbuch, darin die Alte und Neue Militaria eigentlich beschrieben* von Wilhelm Dilich. Der Autor verwendete das Wort *Diskurs* in der Pluralform „discursen" in der Bedeutung von 'Abhandlung' in Bezug auf die Werke antiker Autoren, die über die Kriegskunst schrieben:

> Demnach ich aber auß ernēter authorum discursen, so wohl auch oberzelter Griechischer und Lateinischer scribenten hinderlahssenen bůchern erlernet unnd gesehen / daß sich die alte und newe Militia in vielen dingen vergleichet / und dero altē lǒbliche anordnungen anheut nůtzlich kǒnnen imitiret werden... (DILICH 1607: 5).

1610 kommt das Wort *Diskurs* im religiösen Werk von Johann Arndt *Vom wahr Christenthumb* in der Bedeutung 'Unterredung' in Bezug auf Stil oder Methode der Kommunikation zwischen dem Schöpfer und der Schöpfung:

> Also ist auch sein verstandt [vnwandelbar u. vnbeweglich]: Derselbe darff nit von einer Creatur zur andern lauffen / vnd einen discurs halten / wie wir Menschen in vnserm verstande (ARNDT 1610: 211).

Es wird auch in der gleichen Bedeutung von Aegidius Albertinus im Schelmenroman *Der Landstörtzer: Gusman von Alfarche Oder Picaro genannt* benutzt: „Discurs von der wahren Weißheit vnnd von der weltlichen Fůrsichtigkeit / deßgleichen von jhrer Thorheit" (ALBERTINUS 1615: 277). Die Analyse der Kontexte, diesem Roman entnommen, offenbart noch eine Bedeutung des Wortes — 'Worte, Rede': „AVff disen meinen discurs' gab der Herr Graf kein andere antwort" (ibid.: 170).

Ein engeres Verständnis von Diskurs als Unterweisung oder Gespräch im politischen Bereich zeigt Georg Obrecht in seinen Ausführungen über Geheimnisse in der Politik:

> Discurs / Von Verbesserung Land vnd Leut / Anrichtung guter Policey / vnd fůrnemblich von nutzlicher Erledigung grosser Außgaben / vnnd billicher Vermehrung eines jeden Regenten vnd Oberherren Jåhrlichen Gefållen vnd Einkommen (OBRECHT 1617: 8).

Obrecht ist nicht der einzige Autor jener Zeit, der das Wort *Diskurs* mit dem Beinamen „politisch" verwendet. Diese Verbindung findet sich auch in Sigismundus Freybergers Abhandlung *Germania. Pertubata et Restaurata*: „Jch verstund verwichener Zeit einen Politischen Discurß / der diese gegenwårtige Zeiten gegen der Verflossenen hielte" (FREYBERGER 1650: 167). Dieser Auszug ist interessant, weil er eine neue orthographische Variante des Wortes — „Discurß" — enthält.

Neben Diskussionen über politische Themen entsteht *Diskurs* auch im Kontext philosophischer Reden und Gespräche (vgl.: „Was ich allhier in diesem Philosophischen Discurs engezogen / hått ich wol kőnnen verbleiben lassen" [GLAUBER 1658: 84]), sowie Gespräche über das Klima (vgl.: „aber einen Moren trågt sie gern / bis ins hundertste Jahr / und drůber: wie vor diesem / bey unserem climatischem Discurse / gedacht worden" [ERASMUS 1676: 455]).

Neben den oben genannten findet sich eine weitere Bedeutung des Wortes *Diskurs* in Johann Conrad Dannhauers Werk *Catechismus Milch*, veröffentlicht 1653 in Straßburg:

> Vnd wer kan außsprechen die miracula der menschlichen discurs, der wundersamen memoria vnnd Gedåchtniß / wie behend ist ein subtiler / sinnreicher vnd låuffiger Kopff / wie scharff kan er auß geringen Fußstapffen die Natur / Vrsachen vnd Geheimnissen eines Dinges durchspåen vnd spůren (DANNHAUER 1653: 351).

Hier wird Diskurs als menschliche Sprache verstanden, die physische Fähigkeit eines Menschen, mithilfe von Sprache zu kommunizieren und Gedanken auszudrücken, was der Autor als Wunder bezeichnet.

Im Jahr 1696 verwendete Matthias Krämer das Wort *Diskurs* in seiner *Kunst-Probe einer recht-gründlichen bishero ermanglenden Frantzösischen Grammatica* in der Bedeutung 'Geschichte, Erzählung': „ich will euch beylåuffig seinen Discours erzehlen" (KRAEMER 1696: 553). Das obige Zitat enthält noch eine Schreibweise des Wortes, diesmal in

französischer Art, mit dem Digraphen *ou*.

Verschiedene Aspekte und Eigenschaften des Diskurses, insbesondere im weitesten Sinne von 'Gespräch, Unterredung', werden in einer Vielzahl von Werken des 17. Jahrhunderts reichlich offenbart. Diskurs kann privat, heiter, vertraulich, schön, tiefgründig, gesellig usw. sein:

> ...geselleten sie sich zu jhme / liessen sich in allerley freundliche discurs mit jhm eyn (CALVI 1627: 62);
>
> Vnnd Bodinus in seinem schönen Discurs sagt also... (KENTZ 1629: 162);
>
> Diesen deß Authoris lustigen discurs, laß ich passiren (SCHWENTER 1636: 436);
>
> So hab ich auch in privat discursen eben dergleichen / von eyfferigen vngehaltenen Leuten gehöret (SPEE: 1647: 42);
>
> ...führete Er allerhand lustige vnd sinnreiche discourse, daß wir vns / weil es in Rußland frembd / über jhn verwundern musten (OLEARIUS 1647: 207);
>
> Diß war all unser Discurs über Tisch / und ich stellte mich / als ob ich kein Frantzösisch Wort verstünde (GRIMMELSHAUSEN 1669: 406).

Die obigen Zitate schöpfen nicht die gesamte Bandbreite an Beispielen aus, in denen das fragliche Wort in verschiedenen Kontexten verwendet wird. Um einen Einblick in die Kollokationsmöglichkeiten des Wortes *Diskurs* im 17. Jahrhundert zu gewinnen, betrachten wir eine Liste von Wendungen, die anhand einer fortlaufenden Stichprobe ausgewählt und nach Jahren aufgeschlüsselt wurden.

In Verbindung mit Adjektiven und Partizipien, die *Diskurs* in den Bedeutungen von 'Unterredung, Gespräch, Rede, Worte, Vortrag' definieren, lässt sich der Letztere aus verschiedenen Perspektiven charakterisieren. Eine Analyse ausgewählter Beispiele in Bereichen, in denen eine diskursive Komponente, die in irgendeiner Form zum Ausdruck kommt oder vorausgesetzt wird, erlaubt uns, in erster Näherung den semantischen Umfang des Wortes *Diskurs* unter Berücksichtigung von folgenden Parametern zu klassifizieren.

1. Dauer (*abgekürtzt*, *kurtz*, *kurtzweilig*, *lang*, *continuirlich*, *außgedähnt*).

2. Aktivitätenbereich (*mathematisch*, *geographisch*, *medicinalisch*, *climatisch*, *philosophisch*, *evangelisch*, *theologisch*).

3. Nationale Zugehörigkeit (*teutsch*).

4. Innere Struktur (*an etw. gekettet*, *ordentlich*, *nachtheilig*, *übelgereimt*, *ungereimbt*, *erbaulich*, *wolgefast*, *wolaußgearbeitet*, *wohlgeordnet*).

5. Semantische Integrität (*sinnreich*, *wolgegründt*).

6. Objektivität (*vnwarhafft*, *vernünfftig*).

7. Ausdrucksform (*mündlich*).

8. Subjektive Wahrnehmung (*alber*, *bäst*, *seltzsam*, *hochtrabend*, *klug*, *angenehm*, *närsch*, *schulfüchsisch*, *unnöthig*, *vnnütz*, *verdrießlich*).

Beispiele: *angefangener (kurtzweiliger, langer) discurs* (1636); *geographischer (medicinalischer, teutscher) discurs* (1639); *etlicher (freundlicher harter, hochverständiger, nachdencklicher, schmählichster, sinnreicher, vertraulicher, vnbedachter) Discours* (1647); *zierlicher discurs* (1648); *enger (gerichteter, lautereyteler, vngleicher, vnwarhaffter, vorgesetzter) Discurß (Discurs)* (1652); *geringer (hochverständiger, menschlicher, nachtheiliger) Discurß (Discurs)* (1653); *anmüthiger (vnverfänglicher) Discurs* (1656); *ärgerlicher (außgedähnter, unnöthiger, vnnützer) Discurs* (1657); *kotiger (verwirrlicher) Discurs* (1659); *angenehmer (außfürlicher, durchgehender, evangelischer, herfliessender, hergeflossener, höflicher, melancolischer, närscher, practicierter, schöner, schulfüchsischer, tröstlicher, vornehmer, weitläufftiger, wolgefaster, wolgegründter) Discurß (Discurs)* (1663); *gesämbtlicher Discurs* (1668); *seltzsamer (variabler) Discurs* (1669); *außgezierter (Christlicher, erlesenster, wolaußgearbeiteter) Discurs* (1673); *an etw. geketteter (ausführlicher, climatischer, einfältiger, eingetretener, erbaulicher, ersreulicher, (unlängst) gepflogener, geregter, geschlossener, geschwinder, gehemmeter, lebendiger, mathematischer, nachfolgender, ordentlicher, privat(er), sinnreicher, vernünfftiger, vorangezogener, vorfallender) Discurs* (1676); *bäster (liebvoller) discurs* (1680); *abgekürtzter (curioser, theologischer, vernünfftiger, etlicher, gehaltener) Discurs* (1682); *kurtzer (rechter) Discurs* (1688); *geistlicher (vnderschiedlicher) Discurs* (1689); e*rbaulicher (gelehrter, geschickter, großmüthiger, langer, lieblicher, schöner, verdrießlicher, virtueuser, währender, weitläufftiger) Discurs* (1690); *absonderlicher (continuirlicher, mündlicher, wohlgeordneter) Discurs* (1691); *freundlicher (unnützer, unnützlicher, unzüchtiger, vollbrachter) Discurs* (1692); *angenehmer (kluger) discours (Discurs)* (1693); *vnterschiedlicher Discurs* (1695); *alberer (gespannter, langer, liebkosender, ordinairer, schicklicher, übelgereimter) Discours (Discurs)* (1696); *curieuser (freyer, hochgelehrter, hochwichtiger, krafftloßer, moralischer, mühsamer, nutzloßer, philosophischer, possierlicher, scharffsinniger, sinnreicher, theologischer, wichtiger, wolgefaster,) Discurs (Discours)* (1698); *angefangener (ärgerlicher, beylsamer,*

oberwehnter, erfreulicher, ergötzlicher, hochtrabender, schädlicher, spitzfindiger, übel anstehender, ungereimbter, weltlicher) Discurs (1699); *bescheidener (Christlicher, dencklicher, eyteler, frembder, gedachter, geistlicher, kluger, lesenswürdiger, privater, theologischer, unzüchtiger, vorgegangener, weltlicher) discurs (discours)* (1700).

In Verbindung mit Verbformen zeigt *Diskurs* ebenfalls seine Polysemie. Unter Rücksicht auf Klassifizierung von Verben nach Bedeutung lassen sich die folgenden Wortverbindungen grob nach den bestimmten Merkmalen gruppieren (was eine detailliertere Klassifizierung sowohl in diesem Fall, als auch bei Wortvebindungen mit Adjektiven und Partizipien nicht ausschließt).

1. Anfang, Ausführung und Ende einer Sprechhandlung (*den Discurs anfangen*, *den discurs anstellen*, *den discurs erbawen*, *dem Discurs ein Ende machen*, *den Discurs zu ende beybringen*, *den Discurs anbringen*).

2. Grad der Beteiligung an einer Sprechhandlung (*sich mit j-m in einen Discurs vertiefen*, *in den Discurs verfallen*).

3. Modus des Engagements zu einer Sprechhandlung (*j-n in den Discurs ziehen*, *auf (in) einen Discurs gerathen*).

4. Bildung von Eigenschaftsmermalen einer Sprechhandlung (*den Discurs mit etw. zieren*).

5. Form oder Modus der Aufzeichnung einer Sprechhandlung (*den discours (in die Feder) dictieren*, *den discours schreiben*).

Beispiele: *etw. auß dem discurs erlernen* (1607); *den discurs anstellen (auff die Bahn bringen, außlassen)* (1636); *den Discurs vernoen* (1643); *sich mit dem Discurß gnügen lassen* (1649); *den Discurß erläutern, etw./j-n in den Discurs ziehen* (1650); *etw. im Discurs vermelden* (1652); *den discurs erbawen* (1656); *dem Discurs ein Ende machen, den Discurs zu ende beybringen* (1658); *den Discurs erläutern (mit etw. zieren, stellen, verrichten), etw. auß dem Discurs (er)lernen, sich mit dem Discurs genügen lassen, den discours (in die Feder) dictieren* (1659); *den Discurs anbringen (anhören, aufflegen, drucken, durchlesen, einführen, formieren, lesen, refutiren, schreiben, tractieren, verrathen); der discurs bringt auff den Gedancken (kommt zu Ohren)* (1663); *den Discurs anfangen* (1666); *den Discurs zum Ende bringen* (1668); *den Discurs auff etw. verwenden (auffhalten, vollführen)* (1669); *auf (in) einen Discurs gerathen, den Discurs formiren (fortsetzen, heraußgeben verstören anhängen), der Discurs geht herumb, der Discurs hatte seinen Fortgang, j-m in den Discurs fallen, sich mit j-m in einen Discurs ver-*

tiefen (1673); *den discours richten (fortstrecken, in etw. hemmen, lesen, schliessen (beschleussen), vernehmen), der Discurs hengt sich ein, etw. im Discurs erleuchten (melden, berühren, reden), in Discurs geraten, j-n zum Discurs veranlassen* (1676); *den Discurs einmengen (formiren)* (1680); *auff den Discurs kommen, den Discurs einrichten, mit j-m einen Discurs machen* (1682); *den Discurs continuiren, in Discurs gelangen, mit j-m in Discurs begreiffen* (1683); *den Discurs fortsetzen* (1688); *den Discurs abbandeln (anfangen, anführen, anhören, beschliessen, debattiren, endigen, formiren, haben, halten, unterhalten, vofallen, vollenden, vorbringen), in den Discurs verfallen; sich im Diskurs vertieffen, sich in den Discurs heraußlassen, sich mit j-m in einen Discurs (ein)lassen* (1690); *dem discurs zuhören, den discurs accommodiren (continuiren, destiniren, excipiren, hersagen, memoriren, nachschreiben, vortragen), in Discursen disputiren* (1691); *den discurs erhalten* (1692); *den Discours beweisen (hinterbringen, hören, vornehmen)* (1693); *der Discurs schmecket nach etw.* (1695); *den Discurs anbieten (erklären, erzehlen, verstehen), der Discours dienet zu etw., der Discurs befremdet (beunruhiget, machet abwendig) j-n, etw. in Discursen ausprechen, j-n im Discurs entreteniren, zum Discurs kommen* (1696); *den Discurs außschlagen (umwenden)* (1698); *den Discurs einrichten (auff etw. bringen, fortsetzen, führen, verlängern), der Discurs mißfället* (1699); *den discurs hersetzen (anfangen, anstellen, erbauen, machen, unterbrechen, zulassen), der discurs lautet..., etw. im discurs tractiren (melden), mit j-m in discurs kommen, sich etw. im discurs heraus lassen* (1700).

Im 18. Jahrhundert behält das Wort *Diskurs* die zuvor genannten Bedeutungen in seiner semantischen Struktur bei und erweitert die Liste von Bedeutungen, indem es ähnliche Kollokationsmöglichkeiten aufweist. In den *Theologischen Bedencken* von Philipp Spener erscheint *Diskurs* auch in der Bedeutung 'Streit': „daher wo auch nicht allemal die nöthige accuration in den davon führenden discoursen angetroffen wird..." (SPENER 1715: 462).

Zu jener Zeit wird *Diskurs* neben seinen bereits bekannten Beinamen auch als *ernsthaftig* (1701), *gemein* (1702), *dunckel*, *critisch* (1703), *gesellschafftlich* (1708), *frey*, *curieus*, *fruchtreich*, *eyfrig* (1715), *nutzbahrlich*, *schertzhafft* (1719), *keusch*, *honnett*, *familiair* (1721), *unartig* (1728), *merkwürdig* (1729), *fruchtlos*, *düster* (1731), *admirabel*, *abstract* (1733), *hüpsch* (1736), *unvorsichtig* (1738), *garstig*, *unrein* (1740), *geistreich* (1741), *zeitvertreibend* (1743), *öconomisch* (1753), *prosaisch*, *akade-*

misch (1767), usw. charakterisiert.

Zu den oben aufgezählten Verbverbindungen kommen noch Wendungen hinzu wie *vom Discurs profitiren* (1727), *mit Discoursen entreteniren*, *mit Discoursen unterhalten (zu Wege bringen)* (1728), *Discurse aufnotiren* (1737), *den Diskurs aufwecken* (1743), *den Discurs abbrechen* (1767), *den Discurs unterbrechen* (1774), *vom Diskurse abkommen* (1776) usw. Die Analyse der ausgewählten Beispiele zeigt den wachsenden Einfluss der französischen Sprache auf das Deutsche.

Es ist anzumerken, dass die meisten der untersuchten Kontexte aus der Fiktion stammen. Dieses Genre setzt keine Erklärungen der Wortbedeutungen voraus. Umso interessanter und unerwarteter ist daher die einzige Interpretation des Wortes *Diskurs* in der *Philosophischen Oratorie* von Johannes Fabricius:

> Discurse sind unterredungen, da einer mit andern seine gedancken conferiret entweder nöthige geschäfte und nützliche sachen auszumachen, oder die zeit zu verkürtzen, dabey bißweilen complimente mit einfliessen können. b) Briefe sind endlich wann man seine complimente, und was man in discurse etwas sagen könte, zu papier bringet, und dem andern, weil er abwesend ist, communiciret (FABRICIUS 1724: 410).

In diesem Zitat beschreibt Fabricius zwei Formen der Kommunikation — die mündliche und die schriftliche. Der Diskurs, verstanden als mündliches Gespräch, setzt einerseits den Austausch von Meinungen über wichtige und nützliche Angelegenheiten voraus, andererseits die oberflächliche weltliche Unterhaltung, die darauf abzielt, die Zeit zum gegenseitigen Vergnügen angenehm zu verbringen. Die schriftliche Kommunikation besteht aus Briefen, die es ermöglichen, auch aus der Ferne mit einem abwesenden Gesprächspartner zu verkehren.

Zu Beginn des 19. Jahrhunderts findet sich in Goethes *Zur Farbenlehre* eine indirekte Interpretation des Wortes *Diskurs*, wo der Autor den Diskurs in seiner schriftlichen Form mit dem Wort *Vortrag* vergleicht:

> Betrachtet man es aber als einen Diskurs, als einen Vortrag, so ist es, besonders Stellenweise, angenehm und unterhaltend, und weil es uns mit Klarheit und Genauigkeit in frühere Zeiten zurückführt, auf manche Weise belehrend (GOETHE 1810: 265).

Im 19. Jahrhundert behielt das Wort *Diskurs* seine semantische Struktur bei und wurde durch neue Beiwörter bereichert, von denen

ein bedeutender Teil mit spezifischen Bereichen und Arten menschlicher Tätigkeit verbunden war: *miserable* (1816), *galant* (1826), *enthusiastisch* (1832), *ästhetisch* (1834), *medizinalisch* (1843), *militärisch* (1855), *historisch* (1872) und sogar *revolitionär* (1899). Das letzte Beiwort findet sich bei Theodor Fontane in seinem Roman *Der Stechlin*: „Und nun erlauben Sie mir, nach diesem unserm revolutionären Diskurse, zu den Hütten friedlicher Menschen zurückzukehren“ (FONTANE 1899: 359).

In der ersten Hälfte des 20. Jahrhunderts kommt *Diskurs* in folgenden Bedeutungen vor.

1. ‘Streit, Geschimpf’: „Und als die zwanzig Burschen... den jungen Waldhofer sahen, verstummten sie plötzlich in ihrem schreienden Diskurs“ (GANGHOFER 1917 (1900): 142).

2. ‘Gespräch’: „Es wird bei derartigen Besuchen oft ein Diskurs vom Hauswesen, von Welt und Politik angefangen“ (REILE 1939 (1903): 46).

3. ‘Rede’ (im Gegensatz zur Sprache):

> Die drei Dimensionen oder Ordinaten dürften also doch dem Raume selbst nicht zugehören, sondern nur der Sprache, dem Diskurs, dem diskursiven Denken, das gelernt hat, mit diesem Minimum von Richtungen zur Ortsbestimmung im Raume auszukommen (MAUTHNER 2000 (1910): 26840).

4. ‘Erörterung, Überlegung’: „Schnitzlersche Diskurse über Phantasmagorie des Theaters und erotische Illusion umrahmen ein nachgeahmtes Goethe-Fragment...“ (DIE FACKEL 1924).

In der philosophischen Literatur der zweiten Hälfte des 20. Jahrhunderts sind interessante Überlegungen entstanden, die verschiedene Aspekte des Diskurses beleuchten. Jürgen Habermas beispielsweise untersucht den Diskurs im kommunikativen Kontext und betrachtet ihn als eine Form der Argumentation (HABERMAS 1981, I: 44), ein Grundkonzept der Kommunikationsethik (ibid., II: 147). Niklas Luhmann versteht ihn als mündlichen Meinungsaustausch (LUHMANN 1984: 224).

Die linguistische Interpretation des Begriffs und des Fachwortes *Diskurs*, die etwa zur gleichen Zeit entstanden, wird im nächsten Abschnitt des Artikels erörtert.

Im 20. Jahrhundert verwendete Epitheta, die mit dem Wort *Diskurs* verbunden sind, betreffen hauptsächlich einen beruflichen

oder speziellen Bereich menschlicher Tätigkeit und zeugen von der Universalisierung dieses Begriffs im deutschen Sprachraum: *politisch* (1932), *diplomatisch* (1937), *wissenschaftlich*, *rational* (1972), *theoretisch* (1973), *explikativ*, *universell*, *philosophisch*, *geisteswissenschaftlich*, *(inner)literarisch*, *Meta-*, *literaturtheoretisch* (1981), *öffentlich* (1987), *historisch-politisch*, *gesellschaftlich*, *akademisch* (1991), *tagespolitisch* (1993), *intellektuell*, *künstlerisch*, *ostdeutsch*, *marktwirtschaftsdemokratisch*, *biologistisch* (1999). Während der Diskurs in der ersten Hälfte des 20. Jahrhunderts — angesichts der damaligen Ereignisse in Europa — mit dem militärisch-politischen und diplomatischen Bereich assoziiert wurde, zeichnete sich in der Nachkriegszeit ein deutlicher Trend ab, der den Begriff in den wissenschaftlichen, geistlichen, künstlerischen und philosophischen Bereich verlagerte. Der Diskurs wurde zum Domäne der Intellektuellen. Seine militärisch-politische Komponente trat in den Hintergrund und spiegelt heute vor allem innenpolitische Probleme in Deutschland wider, die einerseits mit der deutschen Wiedervereinigung und dem wirtschaftlichen Aufstieg im Osten des Landes, andererseits mit den gescheiterten Versuchen der Angleichung der Mentalitäten von West- und Ostdeutschen zusammenhängen.

2.2. Lexikographischer Aspekt der Beschreibung des Wortes und des Begriffs Diskurs

Lexikographische Beschreibung des Lexems *Diskurs* sollte mit Informationen aus deutschen etymologischen Wörterbüchern beginnen. Hermann Paul, mit implizitem Bezug auf *Das Deutsche Wörterbuch* der Brüder Grimm, führt zwei Bedeutungen dieses Lexems an: 1) (gelehrte Darlegung), Erörterung; 2) Gespräch, Unterhaltung. Was die erste Bedeutung angeht, wird dabei der Name Lorenz Fries erwähnt (siehe oben). Bezüglich der zweiten Bedeutung, die dem untersuchten Lexem zugeschrieben wird, merkt Paul an, dass sie bis ins 19. Jahrhundert erhalten blieb, zusammen mit der französischen Schreibweise dieses Wortes (d. h. durch *ou*). Um 1970 erlangte das Lexem eine spezielle Bedeutung, in deren Rahmen der *Diskurs* vor allem als Gegenstand einer linguistischen Analyse auftritt. Gleichzeitig wird eine der ursprünglichen Bedeutungen ‘Gespräch, Unterhaltung, Unterredung, Besprechung’ wiederhergestellt (z. B. „im internationalen Diskurs“), die mittlerweile recht häufig wird (PAUL 2002: 225).

Friedrich Kluge teilt im Allgemeinen Pauls Ansatz bei der Interpretation der Bedeutung dieses Lexems im historisch-etymologischen Aspekt ('Abhandlung, Unterhaltung, Erklärung'), indem er dessen Auftreten im deutschen Wortschatz zu Beginn des 16. Jahrhunderts als Ergebnis einer direkten Entlehnung aus dem Lateinischen betrachtet (KLUGE 2011: 205).

Wolfgang Pfeifer erläutert den Weg, auf dem dieses Lexem in den deutschen Wortschatz gelangte, und legt nahe, das Wort würde nicht direkt aus dem Lateinischen, sondern über das Französische übernommen (EWD 2014: 230). Diese Annahme erscheint plausibler angesichts des Einflusses des Französischen auf die damalige deutsche Sprache, insbesondere im Hinblick auf lexikalische Entlehnungen.

Kommen wir nun zur Beschreibung der Ergebnisse einer Untersuchung von Wörterbüchern, in denen die deutsche Sprache ab dem 16. Jahrhundert entweder als Beschreibungsgegenstand oder als Übersetzungssprache (in zweisprachigen und mehrsprachigen Wörterbüchern) erscheint.

Das Lexem *Discurs* wurde bereits in der ersten Hälfte des 16. Jahrhunderts Gegenstand indirekter lexikographischer Beschreibung. In dieser Zeit wurde in lateinisch-deutschen Wörterbüchern das Lexem *discursus* verzeichnet, für das es kein deutsches Äquivalent gab und das auf das Verb „discurro" 'hin vnnd wider lauffen, vmbhin lauffen' zurückgeht. In Frisius' *Dictionarivm Latinogermanicvm* erscheint *discursus* in der Bedeutung 'gelǒuff' (FRISIUS 1541: 285). In derselben Bedeutung erscheint dieses Lexem 1625 im *Dictionarium septem linguarum* (CALEPINUS 1625: 116 об.) und 1640 in der Bedeutung 'ein vnordentlich Gelǎuff' im *Dictionarium Latino-Germano-Gallico-Italicum* (HULSIUS 1640: 100). Diese Bedeutung ('das Hin- und Herlaufen, das Umherlaufen, das Auseinanderlaufen, das Geläuf') lässt sich treffen in den Wörterbüchern bis zum Beginn des 19. Jahrhunderts.

Es ist zu beachten, dass das Lexem *Discursus* in einzelnen Fällen von einem Verweis auf das Lexem *Disputation* begleitet, das interpretiert wird wie etwa „von einem Fremden sprechen oder gehört werden" (ROTH 1571), „von einem Fremden sprechen oder gehört werden" (HENISCH 1616: 715) und „von einem Fremden sprechen oder

gehört werden“ (HEUPOLD 1620: 142). Daraus lässt sich schließen, dass *discursus* eine weitere Bedeutung hatte, die in den Wörterbüchern des 16. Jahrhunderts nicht verzeichnet war. Diese Annahme scheint logisch zu sein, wenn man bedenkt, dass das lateinische Wort *discursus* unter Berücksichtigung einer seiner Randbedeutungen in der semantischen Struktur als ‘Gespräch, Rede’ verstanden wird (DVORETSKY 2002: 257). Erst 1665 trifft sich im *Thesaurus germanicae latinae hispanica* ein Eintrag für das lateinische Stichwort *discours*, der dessen deutsche Entsprechung *vnderredung* enthält (SUMARAN 1665: 22).

Zum ersten Mal findet sich *Discurs* als direkte Entlehnung männlichen Geschlechts aus dem Lateinischen ins Deutsche in der oben genannten Bedeutung 1678 im *Neuen Dictionarium oder Wort-Buch in Teutsch-Italiaenischer Sprach* von Matthias Kraemer: „Diskurs / m. Unterredung / f. Discorso. V. Gespråch. mit einem in Discurs kommen / entrar in parlamento con uno“ (KRAEMER 1678: 342).

Friedrich Weigand war der erste, der den Verweis auf diese Quelle empfiehl: «†discurieren = hin- und herreden. der Discúrs, Gen. Discúrses, Pl. Discúrse: Unterredung, 1678 „Discurs“ (Kramer)» (WEIGAND 1878: 373). ...empfiel und wurde sofort zum Ziel der Kritik von Rezensenten. 1878 bemerkte Albert Gombert in einer ausführlichen Rezension von Weigands Wörterbuch Folgendes zum Lexem *Discurs*: «discurs findet Weigand 1678 bei Kramer; doch muss es schon im anfang des 17 jhs. ganz gewöhnlich gewesen sein» (GOMBERT 1878: 171). Zur Untermauerung seiner Aussage verweist Gombert auf die deutsche Übersetzung eines der ersten Schelmenromane — *Der Landstörzer Gusman von Alfarache oder Picaro*, verfasst von Mateo Alemán. Eine deutsche Übersetzung des Romans machte 1615 Aegidius Albertinus, ein von Jesuiten ausgebildeter deutscher Schriftsteller, der am Münchner Hof lebte. Im deutschen Text des Romans trifft sich das Wort *Discurs*.

1669 wird der Roman *Der abenteuerliche Simplicissimus* veröffentlicht, in dem das Wort *Discurs* mehrfach in der Bedeutung ‘Gespräch, Unterredung’ vorkommt. Gombert erwähnt auch diese Quelle in einer Rezension von Weigands Wörterbuch. Vgl.: „Diß war unser Discurs, unter welchem mich der Einsiedel oft mit den allertiefsten Seufzen anschauete“ (GOEDEKE & TITTMANN 1874: 23).

Indem wir zur Praxis der lexikographischen Beschreibung des

Lexems *Discurs* zurückkehren, bemerken wir, dass Kraemer 1693 *Neu ausgefertigtes Italienisch-Teutsches Sprach- und Wörterbuch* veröffentlichte, in dem der Wörterbucheintrag, gewidmet dem seiner Meinung nach veralteten Lexem *discorso* („†Discorso, discorsi, Plural. Discurs / Gespräch / Unterredungen"), eine große Anzahl italienischer Wendungen und deren Übersetzungen ins Deutsche enthielt (KRAEMER 1693: 365). Wir führen hier nur solche Beispiele an, in denen das deutsche Lexem *Discurs* vorkommt, und lassen jene davon aus, in denen das Wort *discorso* anders übersetzt wird (Rede, Reden *Pl.*, Gespräch, Unterredung):

> entrar' in discorso, in Discurs kommen. <...> far' un discorso, einen Discurs thun. <...> giache fiamo su quefto discorso, weil wir eben auf diesem Discurs seynd. <...> finir' il discorso, den Discurs oder Gespråch enden. <...> scriver, componer discorsi, Discursen / id est, Predigten und dergleichen componiren / schreiben. <...> discorso politico, Teologico &c. ein politisches / Theologisches Gespräch oder Discurs (ibid.).

1796 schloß Johann Ebers das fragliche Lexem in *Das neue und vollständige Wörterbuch der deutschen und englischen Sprache* ein: „Discurs, der, Gespråch, Unterredung, a Discourse" (EBERS 1796, I: 600). Dies ist wohl der letzte belegte Fall einer lexikographischen Fixierung dieses Lexems im 18. Jahrhundert.

Im 19. Jahrhundert wurden mehrere Aufnahmen des Lexems *Discurs* in deutsche Wörterbücher verzeichnet. So erklärt beispielsweise Johann Vollbeding 1816 in seinem *Gemeinnützlichen Wörterbuch* die Bedeutung des Wortes: „Discurs: Gespråch, Rede, Vortrag, — Gedanken" (VOLLBEDING 1816: 164). Wie man sieht, wird die semantische Struktur des Lexems um eine weitere Bedeutung ('Vortrag') erweitert.

Wie die Studie zeigt, war Eucharius Oertel der erste Lexikograph, der 1830 im Vergleich zu anderen orthographischen Varianten die germanisierte Form des untersuchten Lexems durch die Schreibweise mit *k* in sein Wörterbuch aufnahm: „Diskurs, discursus, a) Gespräch, Unterredung, b) Rede, Vorlesung" (OERTEL 1830, I: 248) (vgl.: „weltlichen Discursen, Comödien besuchen" [Arnold 1700: 653]). Dabei wandelte sich die oben von Vollbeding aufgezeichnete Bedeutung 'Vortrag' zu 'Vorlesung', verschwand aber

nicht vollständig, da sie später von Daniel Sanders im *Wörterbuch der deutschen Sprache* erwähnt wurde: „Diskúrs, m., -es, -e: Vortrag, Unterredung über Etwas“ (SANDERS 1860, I: 302).

Im *Praktischen Handwörterbuch des deutschen Sprachgebrauchs* Johann Weyhs spiegelte die Schreibweise des Lexems ein graphisches Merkmal wider, das auf den offensichtlichen Einfluss der französischen Sprache zurückzuführen war (die Übertragung des langen /u:/ mittels des Digraphen *ou*): „Discours (-kuhr) od. Discurs der, VII, Gespräch, Unterred.“ (WEYH 1843, I: 301). Da der Klang des Lehnwortes für Deutsche Ausspracheschwierigkeiten bereiten konnte, transkribierte Weyh einen Teil des Wortes („- kuhr“). Darüber hinaus verzeichnete der Autor des Wörterbuchs zwei orthographische Varianten des Lexems (mit *ou* und *u*), die zum Zeitpunkt der Veröffentlichung des Wörterbuchs eine gewisse Häufigkeit aufwiesen.

In der zweiten Hälfte des 19. Jahrhunderts existierten Varianten des Wortes mit *c* und *k* problemlos nebeneinander. Ein passendes Beispiel hierfür ist der Eintrag im *Vollständigsten Wörterbuch der deutschen Sprache* von Wilhelm Hoffmann:

> Discurs, -se, ein Gespräch; Goethe „nein, ein Discurs wie dieser da, Ist grade der, den ich am liebsten führe!“; JPaul „sie bauen demnach auf Ihren Diskurs und dessen Gewalt?“; v. Hippel „ein Discurs über das Gebet und Beten“ (HOFFMANN 1853, I: 721).

Der Autor des Wörterbuchs führt Beispiele für die Verwendung des Wortes an, indem er Zitate von Goethe und Jean Paul, in denen wir beide Schreibweisen des Wortes sehen, in den Wörterbucheintrag einschließt.

Gegen Ende des 19. Jahrhunderts verdrängt die Schreibweise mit *k* allmählich die Schreibweise mit *c*. Vgl.: „Diskúrs (franz. Discours), Unterredung“ (MKL 1886, IV: 1016).

Die moderne Lexikographie befasst sich auch mit dem Lexem *Diskurs*. Bei der Analyse von Wörterbucheinträgen, die diesem Lexem gewidmet sind, ist es hilfreich, alle relevanten Verwendungsfälle auf zwei Arten zu klassifizieren: das Lexem *Diskurs* als (1) Objekt der lexikographischen Beschreibung in allgemeinen Wörterbüchern und (2) spezialisierte linguistische Einheit (Fachwort) in Wörterbüchern der linguistischen Terminologie.

1. *Diskurs* in allgemeinen Wörterbüchern.

Das große Wörterbuch der deutschen Sprache legt drei Bedeutungen in der semantischen Struktur des Lexems *Diskurs* fest, von denen die ersten zwei als allgemeinsprachlich klassifiziert werden können und keine besonderen Kennzeichnungen erhalten:

> **1.** *methodisch aufgebaute Abhandlung über ein bestimmtes / wissenschaftliches Thema*. **2. a)** *Gedankenaustausch*, *Unterhaltung*: ein lebhafter D.; einen D. mit jmdm haben, führen; **b)** *heftiger Wortstreit*, *Wortwechsel*: es gab einen heftigen D.; das letzte erregte Stück des -es auf der Brücke war nicht ungehört geblieben (Fallada, Herr 64); Sie ... gedachte der beiden Kaffeetassen, die erst neulich bei einem solchen D. zertrümmert worden waren (Fussenegger, Haus 172) (DUDEN 1977, II: 543).

Es liegt auf der Hand, dass diese beiden Bedeutungen des Lexems mit seinen ursprünglichen Bedeutungen verglichen werden können, die bereits 1665 (sieh in: [SUMARAN 1665: 22]) (= Bedeutung 2 in *Duden*) und 1816 (sieh in: [VOLLBEDING 1816: 164]) (= Bedeutung 1 in *Duden*) identifiziert wurden. Beachtenswert ist, dass die lexikographische Festlegung einer bestimmten Wortbedeutung objektiv verzögert erfolgt, da Wörterbücher im Rahmen ihrer Hauptfunktion (der Beschreibung) lediglich bewährte und wiederholt bestätigte Fälle des Wortgebrauchs in einer bestimmten Bedeutung festhalten. Diese Praxis wird durch Kontexte aus Textquellen, die bis zum Beginn des 17. Jahrhunderts zurückreichen, vollumfänglich belegt.

Die dritte Bedeutung des Lexems *Diskurs* im *großen Wörterbuch der deutschen Sprache* ist spezialisierter Natur und weist eine Verbindung zur Sprachwissenschaft auf: „3. (Sprachw.) *die von einem Sprachteilhaber auf der Basis seiner sprachlichen Kompetenz tatsächlich realisierten sprachlichen Äußerungen*“ (DUDEN 1977, II: 543).

Aufgenommen ist der Wörterbucheintrag *Diskurs* auch in das *Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache*, das in der DDR von Ruth Klappenbach und Wolfgang Steinitz herausgegeben wurde:

> **Diskurs,** der; -es, -e <griech.> veraltend *Gedankenaustausch*, *Unterhaltung*; *Erörterung*: ein kurzer, langer D.; einen behaglichen, gemütlichen, angeregten D. <mit jmdm.> haben, führen; Ich knüpfte allerlei galanten Diskurs mit ihr an EICHENDORFF 3, 50 (*Taugenichts*); einen lebhaften D. (an)hören; einen D. mit steigendem Interesse verfolgen; er ließ sich selten in große Diskurse ein; *Wortwechsel*, *Streit*; ein lauter, ernster. heftiger D.; Bis unter die Dorflinden schallte ... der

hitzige Diskurs VIEBIG *Die vor d. Toren* 40 (WDG 1980, II: 827–828).

Abgesehen von der Frage, warum die Herausgeber dieses Wörterbuchs *Diskurs* als aus dem Griechischen entlehntes Wort einstufen, analysieren wir die empfolene Interpretation des Lexems. Wie man sieht, fehlen in diesem Wörterbuch die erste und dritte Bedeutung des Wortes, wie sie im *Duden* verzeichnet sind, während das Lexem selbst als veraltet gilt. Der Grund für diese „Veralterung" scheint teils im wissenschaftlichen, teils im sozialpolitischen Bereich zu liegen. Ersteres bezieht sich lediglich auf eine wissenschaftliche Studie, deren Struktur und Inhalt den für solche Arbeiten anerkannten methodischen Prinzipien entsprechen, während Letzteres sich auf eine Redeäußerung oder eine Reihe solcher Äußerungen bezieht, die von einem Muttersprachler auf Grundlage seiner sprachlichen Kompetenz verfasst wurden.

Die 1960er und 1970er Jahre waren die Blütezeit der sozialwissenschaftlichen und sozialphilosophischen Arbeiten zahlreicher berühmter westeuropäischer Denker wie Habermas, Adorno, Popper und anderer. In den Werken dieser Gelehrten erlangte der Begriff *Diskurs* nach und nach die Merkmale eines wissenschaftlichen Fachbegriffs und fand schließlich Eingang in viele Bereiche intellektueller Tätigkeit. So betrachtete Habermas den Diskurs als eine Form der Kommunikation, wodurch dieser zum Gegenstand linguistischen Interesses wurde („Der Diskurs läßt sich als... erfahrungsfreie und handlungsentlastete Form der Kommunikation verstehen..." [HABERMAS 1973: 148]) .

In sozialistischen Ländern wurden die Ideen der „bürgerlichen" Wissenschaft oft skeptisch aufgenommen und gerieten ins Visier ideologischer Angriffe. Die Verbreitung dieser Ideen und der dazugehörigen Terminologie in Osteuropa verzögerte sich oder wurde als veraltet abgetan, ohne auch nur Zeit zu haben, Gegenstand unvoreingenommener kritischer Reflexion zu werden. Übersetzungen von Habermas' Werken ins Russische erschienen erst Anfang der 1990er Jahre und wurden einem breiten Publikum zugänglich. Die vierte Auflage des *Sowjetischen Enzyklopädischen Wörterbuchs* (1989) enthält keinen Eintrag zum Thema Diskurs. Auch für die DDR, die der sowjetischen Politik folgte, mag der Begriff des „bürgerlichen" intellektuellen Diskurses ideologisch fremd gewesen sein

und wurde daher in irgendeiner Weise im *Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache* nicht definiert. Allerdings war ideologisch geprägte wissenschaftliche Kommunikation schon immer eine Einbahnstraße, in dem Sinne, dass jeder da seinen eigenen Weg ging.

Linguistik und Literaturwissenschaft agierten in ihrer sowjetisch geprägten Form typischerweise ontologisch als geisteswissenschafte Ableitungen, die sich auf die philosophischen und ideologischen Basis der bolschewistischen Staatsaufbaukonzeption stützten. Aus diesem Grund bemühten sie sich auch, „fremden" Sprachgebrauch zu vermeiden. Dies erklärt möglicherweise das Fehlen der dritten Bedeutung des Lexems *Diskurs* im Wörterbucheintrag von Klappenbach und Steinitz, die im *Duden* verzeichnet ist.

2. *Diskurs* in Wörterbüchern der linguistischen Terminologie.

Im *Sprachwissenschaftlichen Wörterbuch* Johann Knoblochs wird Diskurs als Rede verstanden, die schriftlich oder mündlich in Textform gestaltet ist („gesprochener oder geschriebener Text"), „eine reine Form der Sprachäußerung" mit Bezug auf Willy Sanders' Stiltheorie, „der Ort wahrhafter, aufrichtiger, sachlicher, unemotionaler sprachlicher Kommunikation" (KNOBLOCH 1977, 8: 640–641). Im letzteren Fall kann Kommunikation unter Berücksichtigung ihrer Pragmatik zum Gegenstand der Analyse werden, was uns ermöglicht, zwischen monologischen und dialogischen Kommunikationsformen zu unterscheiden, von denen jede zu einem bestimmten Zeitpunkt in der Rede als „Diskurs-Ereignis" betrachtet werden kann.

Ein diskursives Ereignis kann ein bestimmtes Ziel erreichen, wie etwa Erzählung, Darstellung oder Auslösung. Daraus ergeben sich Diskursarten, die in der deutschen Linguistik als *designativer Diskurs* und *initiativer Diskurs* bezeichnet werden. Andererseits kann Diskurs nur als sprachliche Äußerung verstanden werden, in der die kommunikative Handlung durch Konnotationen nicht verkompliziert wird. In diesem Sinne befasst sich der Forscher mit dem *metakommunikativen Diskurs*, dessen charakteristisches Merkmal sei die vollständige kommunikative Symmetrie, die allein durch das Thema des Diskurses bestimmt wird. Aussagen, die sich im Rahmen der Wortbildungstheorie empirisch überprüfen lassen, werden dem *faktischen Diskurs* zugeschrieben. Im Rahmen des poetischen Diskurses lassen sich Varietäten wie der *beschreibende* oder der *erzählende* Diskurs

(*dicours descriptif* oder *discours narratif*) unterscheiden. Man könnte die Typologie von Diskursarten aus verschiedenen Gründen ausführlich diskutieren, etwa unter Berücksichtigung des Übertragungskanals, des Informationsträgers, der Genremerkmale des Diskurses, der Art des Themas, des Zeitraums, der nationalkulturellen Zugehörigkeit des Diskurses oder anderer Parameter. Dies wäre jedoch kaum zielführend, da es keine einheitliche Perspektive auf die Diskurstypologie gibt. Lediglich ein terminologisch relevanter Umstand ist hier von Bedeutung: das Aufkommen einer Gruppe von Fachwörtern, die sich um den Diskurs als Begriff drehen und in verschiedenen Gebieten der intellektuellen Tätigkeit unterschiedlich definiert werden.

Karl Heupel interpretiert Diskurs in seinem *Linguistischen Wörterbuch* gemäß Habermas' Theorie als „metasprachliche Verständigung über naive Äußerungen im Gegensatz zum kommunikativen Handlungstext" (HEUPEL 1978: 37).

Theodor Lewandowski greift in seinem *Linguistischen Wörterbuch* auch auf Habermas' Theorie des kommunikativen Handelns zurück, der zwischen kommunikativem Handeln und Diskurs unterscheidet. Im Diskurs wird die metakommunikative Verständigung durch den Aufbau der „naiv vorausgesetzten" Sinnzusammenhänge um das herum erreicht, was wir für „verständlich, begründet, vernünftig" halten, mit anderen Worten, um das, was keiner empirischen Überprüfung bedarf (LEWANDOWSKI 1990, I: 154).

Abschließend wollen wir die Standpunkte zum Diskurs betrachten, der durch das entsprechende Fachwort in *Metzler Lexikon Sprache* (MLS 2000: 162–163) und im *Lexikon der Sprachwissenschaft* von Hadumod Bußmann (BUßMANN 2002: 171–172) bezeichnet wird. Beide Quellen sollten als spezialisierte sprachliche Wörterbücher enzyklopädischer Art betrachtet werden.

Die Verfasser des *Metzler Lexikon Sprache* (im Folgenden *Metzler* genannt), wenden sich neben der allgemeinsprachlichen Interpretation des Fachwortes („Ausdruck für eine (themat.) Erörterung oder allgemein eine Unterhaltung; bes. auf das wahrheitssuchende philosoph. Gespräch eingeschränkt") einer gründlichen Analyse dessen Semantik zu, da es in den 1960er Jahren einen neuen (vorwiegend philosophischen) Inhalt erhielt, der sich in den nächsten zwei Jahr-

zehnten ausweitete. Dadurch erreichte das Fachwort eine solche semantische Ambiguität, die es ihm ermöglichte, seine ursprüngliche Position im allgemeinen Sprachraum wieder einzunehmen.

Die Geschichte der semantischen Entwicklung des Terminus *Diskurs* lässt sich somit als lineare Abfolge von Prozessen der Terminologisierung, Reterminologisierung und Determinologisierung beschreiben. Es ist zu beachten, dass die Determinologisierung im allgemeinen Sprachraum lokalisiert ist, ohne das Funktionieren dieser sprachlichen Einheit innerhalb der terminologischen Systeme der Sozial- und Geisteswissenschaften zu beeinträchtigen. Anders ausgedrückt: Die sprachliche Einheit *Diskurs* existiert sowohl als Fachwort als auch als Nicht-Fachwort.

Metzler stellt fest, dass sich die Semantik des deutschen Terminus als vielschichtig erwiesen hat, da sie mit der Interpretation dieses Fachwortes in der englischen (*discourse*) und französischen (*discours*) Linguistik „amalgamiert" ist. Im ersteren Fall erstreckte sich der Diskursbegriff zunächst auf „transsententiale (satzübergreifende) sprachliche Erscheinungen", die sich im weitesten Sinne auf Text als kommunikative Einheit beziehen, und wurde später mit praktisch jeder Form alltäglicher Kommunikation assoziiert. Die Semantik des französischen Terminus, die auch von seinem deutschen Äquivalent übernommen wurde, ist stärker auf den erkenntnistheoretischen Aspekt seiner Existenz sowie Funktionsweise ausgerichtet, indem sie Zusammenhänge zwischen Sprache und Denken definiert und ausdrückt.

Somit wird das Fachwort bei *Metzler* einerseits im Rahmen von Habermas' Theorie des kommunikativen Handelns und andererseits unter Berücksichtigung der Grundsätze der Pragmatik interpretiert. In der Pragmatik wird Diskurs als Ausdruck verstanden, verwendet zur Bezeichnung strukturierter Ansammlungen von „Sprechhandlungen", die unterschiedlichen Komplexitätsgrad aufweisen. Kommunikativ betrachtet werden diese Sprechhandlungen in komplexere kommunikative Einheiten transformiert. Die Strukturierung dieser Einheiten basiert auf den Zielen der kommunikativen Handlungen. Unter Berücksichtigung dieses Umstands wird es möglich, Diskursarten zu klassifizieren, was, wie bereits erwähnt, in der Praxis noch nicht umgesetzt wurde. Zunächst muss mindestens versucht werden, zwischen den Begriffen Diskurs und Text zu unterscheiden.

Bußman betrachtet den Terminus *Diskurs* als Oberbegriff in Bezug auf den Terminus *Text*, der eine sprachliche Einheit bezeichnet, die einerseits als „zusammenhängende Rede" verstanden wird, andererseits als Ergebnis des Kommunikationsprozesses in einem soziokulturellen Kontext ("interaktiver Prozess in soziokulturellem Kontext"), drittens, als realisierter Text oder Textäußerung („geäußerter Text") im Gegensatz zum Text, der als formale grammatikalische Struktur betrachtet wird, viertens, als Interaktion im Kommunikationsprozess („konversationelle Interaktion"), fünftens, als ein „Prozess" im Gegensatz zum Text als ein „Produkt" der Sprechtätigkeit.

Die zweite Bedeutung des Fachwortes *Diskurs* ist mit dem philosophischen Konzept von Habermas verbunden.

Die dritte Bedeutung basiert auf dem Konzept der Intertextualität. In diesem Sinne bezeichnet *Diskurs* eine bestimmte Anzahl von Texten oder Aussagen (Korpus), die sinngemäß miteinander verbunden sind und nicht im Rahmen einer realen Sprechsituation, sondern in Form eines intertextuellen Dialogs in einer bestimmten Kommunikationsgemeinschaft realisiert werden. Die Aussagen bilden in ihrer Gesamtheit das übergreifende Thema des Diskurses und sind durch thematische und konzeptionelle Gemeinsamkeit, eine gemeinsame Wertposition, Zitate usw. vereint.

2.3. Häufigkeitsparameter des Wortes Diskurs

Die Häufigkeitsparameter des Fachwortes *Diskurs* unter Berücksichtigung aller Schreibweisen sind in Abb. 1 unten dargestellt. Quelle dieses Diagramms sowie des folgenden ist *Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache* (DWDS: URL). Der Zeitraum umfasst die Jahre 1600 bis 1999; DWDS enthält keine Informationen zum 16. Jahrhundert.

Die Häufigkeit des betreffenden Wortes stieg seit seiner ersten schriftlichen Erwähnung im Jahr 1518 allmählich an, erreichte 1690 ihren Höhepunkt und sank kontinuierlich in den folgenden hundert Jahren. Um 1790 stabilisierte sich die Häufigkeit und blieb bis Ende der 1950er Jahre auf einem annähernd gleichbleibenden Niveau. Die geringste Häufigkeit wurde während des Zweiten Weltkriegs verzeichnet. Anfang der 1960er Jahre wurde ein Anstieg der Häufigkeit beobachtet, der mit der Entwicklung sozialphilosophischer Konzepte in Westeuropa in Zusammenhang stand.

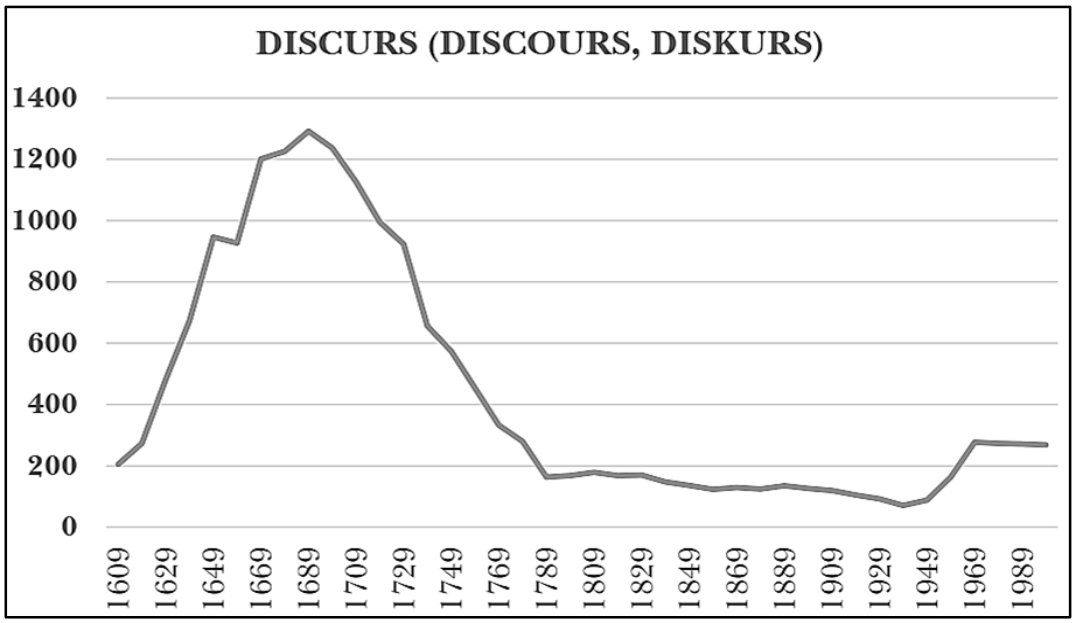


Abb. 1. Häufigkeit des Wortes *Diskurs* von 1600 bis 1999

Eine Analyse der Worthäufigkeit anhand des Parameters „Zugehörigkeit zur Textklasse“ (Abb. 2) zeigt, dass das Wort *Diskurs* seit dem frühen 17. Jahrhundert am häufigsten in der wissenschaftlichen Literatur verwendet wurde. Der Höhepunkt der Verwendung liegt in der frühen zweiten Hälfte des 17. Jahrhunderts, nimmt aber in den folgenden hundert Jahren allmählich ab. Bis Mitte des 20. Jahrhunderts blieb das Interesse an dem Wort und Begriff mäßig, danach nahm die Verwendung wieder zu.

Die Kurve zur Häufigkeit des Wortes *Diskurs* in fiktionalen Texten zeigt, dass es zu Beginn des 17. Jahrhunderts in dieser Textgattung häufiger vorkam als in wissenschaftlichen Texten. Dies lässt sich dadurch erklären, dass das Wort häufiger in seiner ursprünglichen (nicht-terminologischen) Bedeutung ‘Gespräch, Unterredung’ verwendet wurde. Zwischen 1610 und 1620 war die Häufigkeit in fiktionalen und wissenschaftlichen Texten gleich hoch; ab Mitte des 17. Jahrhunderts sank das Interesse an *Diskurs* in diesen Textklassen rapide, um dann gegen Ende des Jahrhunderts ein absolutes Maximum zu erreichen. Vom Beginn des 18. Jahrhunderts bis in die 1930er-Jahre fiel die Häufigkeitskurve allmählich ab, was das geringe Interesse an dem Wort während des Zweiten Weltkriegs widerspiegelt. Ab Anfang der 1950er-Jahre stieg die Häufigkeit wieder an.

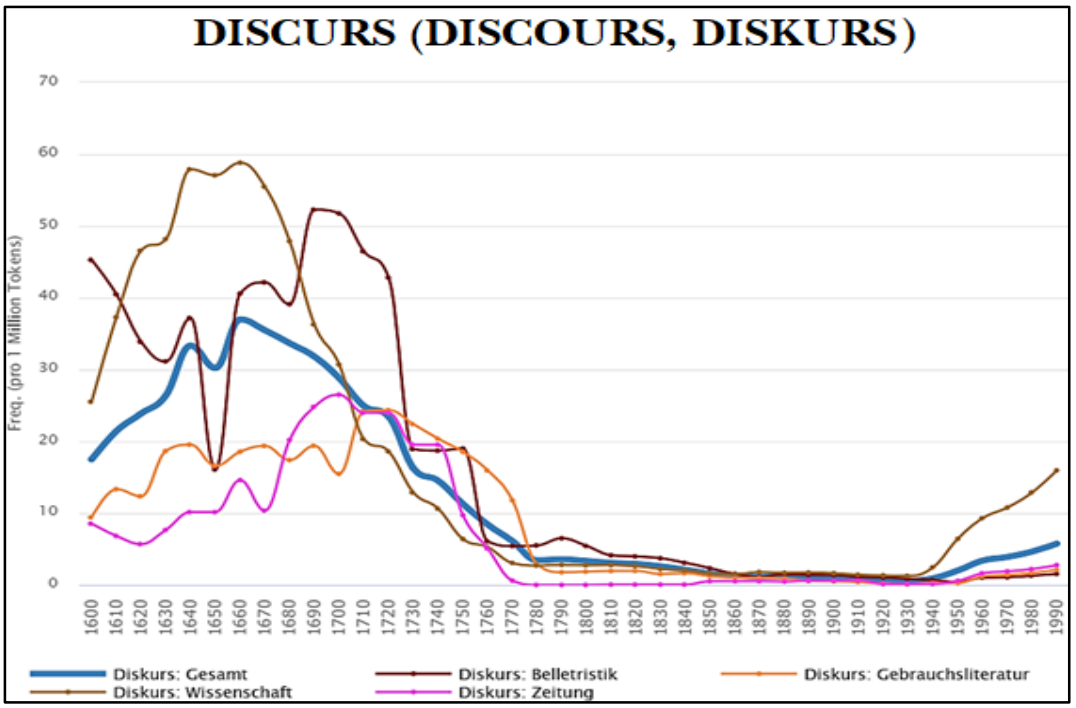


Abb. 2. Häufigkeit des Wortes *Diskurs* von 1600 bis 1999 nach dem Parameter „Textklasse“

In Zeitungen und Zeitschriften bleibt die Gebrauchshäufigkeit bis Mitte des 18. Jahrhunderts relativ konstant und sinkt dann bis zum Ende des Jahrhunderts nahezu auf null. In der ersten Hälfte des 19. Jahrhunderts steigt die Anzahl der Wortverwendungen bis in die 1930er Jahre leicht an. Danach ist ein leichter Rückgang zu verzeichnen, gefolgt von einem erneuten Anstieg der Wortgebrauchsfälle in den 1950er Jahren und später.

3. Fazit

Diskurs wurde erstmals 1518 im Deutschen mit der Bedeutung ‘Darlegung, Erörterung’ belegt. Im 17. und 18. Jahrhundert erweiterte sich der semantische Umfang des Wortes um weitere Bedeutungen (‘Abhandlung, Unterredung’, ‘Worte, Rede’, ‘menschliche Rede’, ‘Geschichte, Erzählung’, ‘Vortrag’, ‘Streit’). Diese Bedeutungsvielfalt blieb bis zum Beginn des 20. Jahrhunderts weitgehend unverändert und reduziert sich heute auf wenige Bedeutungen, die zusammen eine allgemeinsprachliche Definition des Begriffs *Diskurs* widerspiegeln, wie sie in gängigen Wörterbüchern verzeichnet ist (‘Gedankenaustausch, Unterhaltung; Erörterung; ‘Wortwechsel’).

Eine spezialisierte (vorwiegend linguistische) Interpretation des

Begriffs *Diskurs*, die durch das betreffliche Fachwort bezeichnet wird, entstand in der zweiten Hälfte des 20. Jahrhunderts. Linguisten begannen, Diskurs als eine Sprechäußerung oder eine Reihe solcher Äußerungen zu verstehen, die von einem Muttersprachler auf Grundlage seiner sprachlichen Kompetenz sowohl schriftlich als auch mündlich realisiert werden. Parallel zur Etablierung des Fachwortes *Diskurs* in der linguistischen Terminologie wurde der Diskursbegriff in Philosophie, Soziologie, Kulturwissenschaften und Literaturkritik neu bewertet.

In dieser Zeit entwickelte sich *Diskurs* allmählich zum Zentrum eines terminologischen Clusters, der verschiedene Arten und Typen diskursiver Ereignisse vereint, die anhand unterschiedlicher Kriterien identifiziert werden. Dies deutet auf die Bildung eines gleichnamigen terminologischen Mikrofelds hin. Mangels einer einheitlichen Auffassung zur Typologie des Diskurses bleiben die Grenzen dieses Mikrofelds derzeit offen.

Die Häufigkeit von *Diskurs* als (Fach)wort wird durch historische Meilensteine in der Entwicklung des Landes, der Sprache und Kultur vermittelt und schwankt über fünf Jahrhunderte hinweg, wobei sie von der Mitte des 17. bis zur Mitte des 18. Jahrhunderts zunimmt und im Zeitraum vom Beginn des 19. Jahrhunderts bis zum Beginn der zweiten Hälfte des 20. Jahrhunderts auf ein Minimum abnimmt.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

Albertinus, Aegidius. (1615) *Der Landtstörtzer: Gusman von Alfarche oder Picaro genannt*. Bd 1. München: Nicolaum Henricum.

Arndt, Johann. (1610) *Vom wahren Christenthumb*. Bd 4. Magdeburg: Johan Francken.

Arnold, Gottfried. (1700) *Unpartheyische Kirchen- und Ketzer-Historie*. Bd 2. Frankfurt (Mayn): Thomas Fritsch.

Calvi, François. (1627) *Beutelschneider, oder newe warhaffte vnd eigentliche Beschreibung der Diebs Historien*. Frankfurt (Main).

Dannhauer, Johann Conrad. (1653) *Catechismus Milch*. Bd 4. Straßburg: Friedrich Spoors.

Die Fackel. 1924. Nr. 649-656. Bd 30. Schnitzlersche Diskurse über Phantasmagorie des Theaters und erotische Illusion umrahmen ein nachgeahmtes Goethe-Fragment mit den charakteristischen Versfolgen und Reimbindungen von 1796.

Dilich, Wilhelm. (1607) *Kriegsbuch, darin die Alte und Neue Militaria eigentlich beschrieben*. Kassel, Bey Wilhelm Wessell.

Erasmus. (1676) *Das eröffnete Lust-Haus Der Ober- und Nieder-Welt*. Nürnberg: Wolffgang Moritz Endter.

Fabricius, Johann Andreas. (1724) *Philosophische Oratorie*. Leipzig: Bey denen Coernerischen Erben, in der Grimmischen Gasse.

Fontane, Theodor. (1899) *Der Stechlin*. Berlin: W F. Fontane & Co.

Freyberger, Sigismundus. (1650) *Germania Pertubata et Restaurata*. Bd 1. Frankfurt (Main): Johann-Godtfrid Schoenwettern.

Fries, Lorenz. (1518) *Spiegel der Arztny*. Straßburg: Grüninger.

Ganghofer, Ludwig. (1917) *Der Dorfapostel*. Stuttgart: Adolf Bonz.

Glauber, Johann Rudolf. (1658) *Philosophi & Medici Celeberrimi Opera Chymica*. Frankfurt (Main): Thomæ-Matthiæ Goetzens.

Goedeke, Karl, & Tittmann, Julius. (1874) (Hrsg.) *Deutsche Dichter des siebzehnten Jahrhunderts*. Bd 7. Leipzig: F. A. Brockhaus.

Goethe, Johann Wolfgang. (1808) *Faust. Eine Tragödie*. Tübingen: in der J. G. Cotta'schen Buchhandlung.

Goethe, Johann Wolfgang. (1810) *Zur Farbenlehre*. Bd 2. Tübingen: in der J. G. Cotta'schen Buchhandlung.

Gombert, Albert. (1878) (Rez.) Weigand Deutsches Wörterbuch. *Anzeiger für deutsches Alterthum und deutsche Litteratur* IV, 157–186.

Grimmelshausen, Hans Jakob. (1669) *Der Abentheurliche Simplicissimus Teutsch*. Nürnberg.

Habermas, Jürgen. (1973) *Legitimationsprobleme im Spätkapitalismus*. Frankfurt a. M.: Suhrkamp.

Habermas, Jürgen. (1981) *Theorie des kommunikativen Handelns*. In 2 Bdn. Frankfurt a. M.: Suhrkamp.

Kentz, Paul. (1629) *Güldener Handwercksboden*. Leipzig: In Verlegung des Autoris.

Kraemer, Matthias. (1696) *Kunst-Probe einer recht-gründlichen bishero ermanglenden Frantzösischen Grammatica*. Nuernberg: Johann Andreä Endters Seel. Söhne.

Luhmann, Niklas. (1984) *Soziale Systeme*. Frankfurt a. M.: Suhrkamp.

Mauthner, Fritz. (1910) Wörterbuch der Philosophie. In: Bertram, Mathias. (ed.) *Geschichte der Philosophie*. Berlin: Directmedia Publ. 2000.

Obrecht, Georg. (1617) *Fünff Vnderschiedliche Secreta Politica*. Straßburg.

Olearius, Adam. (1647) *Offt begehrte Beschreibung Der Newen Orientalischen Rejse*. Schleswig: Jacob zur Glocken.

Reile, Bonifaz. (1939) (ed.) *Kneipp, Sebastian. Das große Kneippbuch*. München: Beckstein.

Schwenter, Daniel. (1636) *Deliciae physico-mathematicae oder mathematische und philosophische Erquickstunden*. Nürnberg: Jeremiæ Dümleis.
Spee, Friedrich. (1647) *Gewissens-Buch: Von Processen Gegen die Hexen*. Bremen: Jacob Koehler.
Spener, Philipp Jakob. (1715) *Theologische Bedencken*. Halle (Saale): in verlegung des Waeysen-Hauses.

Словари / Wörterbücher / Dictionaries

Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. М.: Русский язык, 2022. [Dvoretskiy, Iosif Kh. (2002) *Latinsko-russkiy slovar'* (Latin-Russian dictionary). Moscow: Russkiy yazyk. (In Russian)].
Bußmann, Hadumod. (2002) *Lexikon der Sprachwissenschaft*. Stuttgart: Alfred Kröner Verlag.
Calepinus, Ambrosius. (1625) *Dictionarivm septem lingvarvm*. Venetiis: Apud Georgium Valentinum.
Duden — Drosdowski, Günther. (1977) (Hrsg.) *Das Große Wörterbuch der deutschen Sprache*. In 6 Bdn. Mannheim: Bibliographisches Institut; Dudenverlag.
DWDS — Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. Retrieved from https://www.dwds.de.
Ebers, Johannes. (1796) *The New and Complete Dictionary of the German and English Languages*. In 3 vols. Leipzig: Printed for Breitkopf and Haertel.
EWD — Pfeifer, Wolfgang, & al. (Hrsg.) (2014) *Etymologisches Wörterbuch des Deutschen*. Koblenz: Edition Kramer.
Frisius, Johannes. (1541) *Dictionarivm Latinogermanicvm*. Zürich: Tigvri apvd Cristophorvm Froschouerum.
Henisch, Georg. (1616) *Teütsche Sprach vnd Weiszheit*. Thesaurvs Lingvae et Sapientiae Germanicae. Augustæ Vindelicorum: Typis Davidis Franci.
Heupel, Carl. (1978) *Linguistisches Wörterbuch*. München: Deutscher Taschenbuch Verlag GmbH & Co. KG.
Heupold, Bernhard. (1620) *Dictionarivm*. Basel: In verlegung Johann Jacob Genaths.
Hoffmann, Wilhelm. (1853) *Vollständiges Wörterbuch der deutschen Sprache*. In 6 Bdn. Leipzig: A. M. Colditz (Bd I).
Hulsius, Levinus. (1640) *Dictionarium Latino-Germano-Gallico-Italicum*. Francofvrti: Typis Wolfgangi Hofmanni.
Kluge, Friedrich. (2011) *Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache*. Berlin; Boston: Walter de Gruyter GmbH & Co. KG.
Knobloch, Johann. (1977) *Sprachwissenschaftliches Wörterbuch*. Lief. 8. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag.

Kraemer, Matthias. (1678) *Das neue Dictionarium oder Wort-Buch in Teutsch-Italiaenischer Sprach*. Nuernberg: Johann Andreä Endters Seel. Söhne.
Kraemer, Matthias. (1693) *Neu-ausgefertigtes herrlich grosses und allgemeines Italiänisch-Deutsches Sprach- und Wörter-Buch*. Nürnberg: Joh. Andreæ Endters Seel. Söhne.
Lewandowski, Theodor. (1990) *Linguistisches Wörterbuch*. In 3 Bdn. Heidelberg-Wiesbaden: Quelle & Meyer Verlag.
MKL — *Meyers Konversationslexikon*. (1886). Leipzig: Verlag des Bibliographischen Instituts.
MLS — Glück, Helmut. (2000) (Hrsg.) *Metzler-Lexikon Sprache*. Stuttgart-Weimar: Verlag J.B. Metzler.
Oertel, Eucharius. (1830) *Gemeinnütziges Fremdwörterbuch zur Erklärung und Verdeutschung der in unsrer Sprache vorkommenden fremden Wörter und Ausdrücke*. In 2 Bdn. Ansbach: Gassert.
Paul, Hermann. (2002) *Deutsches Wörterbuch*. Tübingen: Max Niemeyer.
Roth, Simon. (1571) *Ein Teutscher Dictionarius*. Augsburg: bey Michael Manger.
Sanders, Daniel. (1860) *Wörterbuch der deutschen Sprache*. In 3 Bdn. Leipzig: Otto Wigand.
Sumaran, Juan Angel. (1665) *Thesaurus quinque Germanicæ, Latinæ, Hispanicæ, Gallicæ et Italicæ linguarum fundamentalis*. Viennæ: Typis Svsannæ Rickesin, Viduæ.
Vollbeding, Johann. (1816) *Gemeinnützliches Wörterbuch zur richtigen Verdeutschung und verständlichen Erklärung der in unserer Sprache vorkommenden fremden Ausdrücke*. Berlin: Carl Friedrich Amelang.
WDG — Klappenbach, Ruth & Steinitz, Wolfgang. (1980) (Hrsg.) *Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache*. In 6 Bdn. Berlin: Akademie-Verlag.
Weigand, Friedrich. (1878) *Deutsches Wörterbuch*. Gießen: Ricker.
Weyh, Johann Baptist. (1843) *Praktisches Handwörterbuch des Deütschen Sprachgebrauchs*. In 2 Bdn. Regensburg: Friedrich Pustet.

Andrey V. Ivanov
Nizhny Novgorod State Linguistics University

***Diskurs* as a Concept and Term: Historical-linguistic Retrospection**

This article explores the concept and term *Diskurs* in German. The aim of the study is to trace the semantic development of the word *Diskurs* from its general linguistic meanings to its terminological meaning. The word *Diskurs* was first recorded in the German language in 1518 as meaning 'Darlegung, Erörterung'. In the 17th and 18th cent., the semantic structure of the word acquired new meanings ('Abhandlung, Unterredung', 'Worte,

Rede', 'menschliche Rede', 'Geschichte, Erzählung', 'Vortrag', 'Streit'). This set of meanings, in general, did not undergo significant changes until the early 20th cent. and is currently reduced to several meanings, which together reflect the general definition of the concept of *Diskurs*, recorded in dictionaries of general vocabulary ('Gedankenaustausch, Unterhaltung'; 'Erörterung'; 'Wortwechsel'). A specialized (primarily linguistic) interpretation of the concept of *Diskurs*, designated by the corresponding term, arose in the second half of the 20th cent. Linguists began to understand discourse as a speech utterance or a set of such utterances that are actually realized by a native speaker based on his linguistic competence, both in written and oral form. Parallel to the entry of the term *Diskurs* into the linguistic terminology system, the concept of discourse in philosophy, sociology, cultural studies, and literary criticism is being rethought. For this period, *Diskurs* gradually became the center of a terminological cluster, uniting various types and kinds of discursive events, identified on various grounds, which suggests the formation of a terminological microfield of the same name. In the absence of a unified perspective on discourse typology, the boundaries of this microfield currently remain open. The number of usages of the word (term) *Diskurs* is mediated by historical milestones in the development of the country, language, and culture and fluctuates over five centuries, experiencing a peak from the mid-17th to the mid-18th cent. and declining to a minimum between the early 19th and early 20th cent.
Keywords: linguistic term; discourse; typology of discourse; history of the term; terminological semantics; scope of the concept

А. В. Иванов
Нижегородский государственный лингвистический университет

Понятие и термин *Diskurs*: историко-лингвистическая ретроспекция

Статья посвящена исследованию понятия и термина *Diskurs* в немецком языке. Цель исследования заключается в попытке проследить развитие семантики слова *Diskurs* в направлении от совокупности его общеязыковых значений к терминологическому значению. Впервые в немецком языковом пространстве слово *Diskurs* зафиксировано в 1518 г. в значении 'Darlegung, Erörterung'. В XVII–XVIII вв. семантическая структура слова обзавелась новыми значениями ('Abhandlung, Unterredung', 'Worte, Rede', 'menschliche Rede', 'Geschichte, Erzählung', 'Vortrag', 'Streit'). Этот набор значений в целом не претерпел серьезных изменений до начала XX в. и в настоящее время сводится к нескольким значениям, в совокупности отражающим неспециали-

зированное определение понятия Diskurs, фиксируемое словарями общей лексики (‘Gedankenaustausch, Unterhaltung; Erörterung; ‘Wortwechsel’). Специализированная (прежде всего лингвистическая) трактовка понятия *Diskurs*, обозначенного соответствующим термином, возникла во 2-й пол. XX в. Под дискурсом лингвисты стали понимать речевое произведение или совокупность таких произведений, которые фактически реализуются носителем языка на основе его языковой компетенции как в письменной, так и в устной форме. Параллельно вхождению термина *Diskurs* в лингвистическую терминосистему переосмысливается понятие дискурса в философии, социологии, культурологии и литературоведении. В этот период *Diskurs* постепенно становится центром терминологического кластера, объединяющего выделяемые на различных основаниях те или иные типы и виды дискурсивных событий, что позволяет говорить о формировании одноименного терминологического микрополя. При отсутствии единой точки зрения на типологию дискурса в настоящее время границы такого микрополя остаются открытыми. Количество слово- и терминоупотреблений *Diskurs* опосредовано историческими вехами развития страны, языка и культуры и колеблется в течение пяти веков, переживая подъем с середины XVII до середины XVIII в. и снижаясь до минимума в период с начала XIX в. и до начала 2-й пол. XX в.

Ключевые слова: лингвистический термин; дискурс; типология дискурса; история термина; терминологическая семантика; объем понятия

Для цитирования:
Ivanov A. V. Diskurs als Begriff und Terminus: Historisch-linguistische Retrospektion (Понятие и термин *Diskurs*: историко-лингвистическая ретроспекция) // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2026. № XXIII. С. 153—181.
DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2026-23-153-181.

To cite this Article:
Ivanov, Andrey V. (2026) *Diskurs* als Begriff und Terminus: Historisch-linguistische Retrospektion (*Diskurs* as a Concept and Term: Historical-linguistic Retrospection). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 23, 153—181. (In Russian).
DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2026-23-153-181.

Статья поступила в редакцию 09.04.2026; принята к публикации 10.05.2026
The article was submitted 09.04.2026; accepted for publication 10.05.2026

О. А. Кострова
Самарский государственный социально-педагогический университет

ЯЗЫКОВЫЕ ЗНАКИ ЭТНОМЕНТАЛЬНОСТИ В НЕМЕЦКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Рассматриваются языковые единицы, характеризующие ментальность немецкого этноса. Методом когнитивного анализа исследуется роль пространственного фактора в поведении немецкой языковой личности, функционирующей в условиях низкоконтекстной индивидуалистской культуры, в которой ее (само)идентификация определяет дистанцию в межличностном взаимодействии и при формировании отношений с внешней средой. Цель статьи — определение роли направительных наречий в этом процессе. Материалом исследования выступают наречия направительной семантики, реализуемые в блогах за период 2000—2010 гг. Блог как особый жанр, сочетающий персонализированное и неперсонализированное общение, накладывает отпечаток на функционирование избранных единиц анализа. Выбор обусловлен тем, что в немецком языке в достаточной степени категоризирован опыт фиксации направленности движения объекта: его отдаления от языковой личности-субъекта речи или взаимодействующих с ней языковых личностей и его приближения к другим языковым личностям. Этот опыт фиксируется в разветвленной системе направительных наречий hin / her в самостоятельном употреблении и в сочетаниях с предлогами, имеющими пространственную семантику, обозначающими направления движения вверх / вниз, изнутри / снаружи. В результате исследования установлено, что в блогах их частотность возрастает по сравнению с беллетристикой в десятикратном размере. Наречие hin значительно превышает по частотности наречие her, обозначая взаимодействие активного человека с внешней средой, включая его передвижение, движения корпуса и продолжительность действия до определенного предела. Наречие her манифестирует негативное или неожиданное воздействие на человека внешней среды, которое он пассивно воспринимает. Специфика функционирования направительных наречий в блогах состоит в употреблении идиоматических выражений разговорного характера, не зафиксированных в словаре идиом, а также в использовании прототипических моделей эллиптических предложений с этими наречиями. Во всех случаях проявляется устойчивая связь направительных наречий с немецким менталитетом, присущим рациональному, инди-

видуалистскому этносу в соответствии с ценностно-архетипическим восприятием мира. Идиоэтничность рассматриваемых единиц позволяет рассматривать их в качестве знаков этноментальности, отражающих стремление к точности выражения пространственной идентификации немецкой языковой личности.
Ключевые слова: немецкий этнос; лингвокультура; идиоэтничность; блог; языковая личность; направительные наречия; направленность движения; внешняя среда; оценочность

1. К постановке проблемы

Актуальность заявленной темы отвечает интересу лингвистов к идиоэтнической трактовке грамматических феноменов языка. На материале английского языка проблема взаимосвязи грамматического строя и языкового мышления раскрывается в монографии (Савицкая 2021), на материале немецкого языка идиоэтничность рассматривается как проявление отличительных (национальных) черт в грамматическом строе (Бабенко 2022а; Бабенко 2022б).

Идиоэтничность — комплексное понятие, изучение которого опирается на данные смежных, тесно связанных друг с другом наук, среди которых отметим психологию, социологию, философию, когнитивистику, этнолингвистику, лингвокультурологию. Остановимся кратко на характеристике смежных областей, релевантных для исследования идиоэтничности направительных наречий.

Связь с психологией, философией и когнитивистикой проявляется в признании архетипа как основы формирования менталитета и специфики культуры этноса (Перунова 2011: 66). Понятие архетипа тесно взаимодействует с ценностными ориентациями социума, образуя ценностно-архетипический комплекс как символ осмысления предшествующих этапов и восприятия условий жизни (ibid.: 67). Ценностно-архетипический комплекс германских народов складывается на основе их мифологии и героических эпосов. В формировании ценностно-архетипического комплекса немецкого этноса решающую роль сыграло взаимодействие женского и мужского начал в *Песни о Нибелунгах*, где в образах Брунхильды и Кремхильды заложено разрушительное начало, а герой, побеждающий это начало, сам погибает (ibid.: 68).

Архетипическая противоречивость национального характера воспроизводится И. В. Гете в образе Фауста.

> Размышления над путями фаустовского сюжета в Германии помогают проникнуть в скрытое ядро ментальности и культуры немецкого народа, позволяет разгадать и определить его своеобразие, уяснить глубинные свойства национального художественного сознания (Ишимбаева 2019).

Исследуя процесс развития фаустовского сознания, ученые приходят к выводу, что он «неразрывно связан с актуализацией индивидуалистической концепции личности» (Степанова 2019: 6). Романтический тип Фауста-ученого превращается в образ фаустовского типа, «сверхчеловека», Фауста-демиурга (ibid.: 17). В философском понимании этническая ментальность детерминирует состояние сознания и поведение человека (Кукоба 2004: 17).

В западноевропейской традиции «менталитет направлен на рассудок и мысль» (Колесов 2012: 8). Основу рационального мировосприятия немецкого этноса выразил один из главных представителей рационалистического истолкования познания Г. Лейбниц: «Истины разума необходимы… Основание для необходимой истины можно найти путем анализа» (Лейбниц 1982: 418).

В отечественной традиции понятие ментальности не отделяется от этноса, поскольку мировосприятие происходит «в категориях и формах родного языка» (Колесов 2012: 8). В этом обнаруживается языковая ментальность грамматического типа, представляемая локальными, темпоральными и другими фокусами, закрепленными в языковой системе (Почепцов 1990: 113). Этноспецифика языка изучается на материале репрезентации концептов, обозначающих значимые типизируемые фрагменты опыта (Иная ментальность... 2005: 8). Для нашего исследования особую значимость представляет концепт ПУНКТУАЛЬНОСТЬ / PÜNKTLICHKEIT, определяющий речеповеденческие тактики, связанные с концептами ПОРЯДОК, ВРЕМЯ и др. (Зубкова 2005: 230). Роль направительных наречий в процессе формирования речеповеденческих тактик в рамках немецкого этноменталитета до сих пор не выявлена в достаточной мере. Тем не менее их употребительность в разных жанрах немецкой лингвокультуры требует объяснения.

Цель статьи — определение роли направительных наречий в процессе пространственной идентификации немецкой языковой личности в жанре «блог».

2. Материал и методы исследования

Выбор в качестве материала исследования направительных наречий обусловлен их необычайной продуктивностью в немецком языке, в системе которого представлены многочисленные антонимические пары: hin — her, hinauf — herauf, hinaus — heraus, hinein — herein, hinab — herab, которые активно используются как в письменной, так и в устной речи. Осмелимся высказать осторожное предположение о причине популярности этих наречий: не следует ли ее искать в противоречивом германском архетипе? Это, однако, тема специального исследования.

Материал собран направленной выборкой из блогов, приводимых в электронном корпусе немецкого языка (DWDS). Составленный таким образом корпус содержит более ста высказываний с направительными наречиями hin и her как в самостоятельном употреблении, так и в сочетаниях с пространственными предлогами. Исследование проводилось методом когнитивно-прагматического анализа, требующим выяснения условий употребления интересующих нас единиц и позволяющим выявить их идиоэтнический характер. К таким условиям относятся этноментальность, лингвокультура и блог как тип текста. Роль этноментальности, определяющей лингвокультуру, освещена выше. Уточним наше понимание специфики немецкой лингвокультуры и блога как относительно нового жанра.

Специфическое восприятие условий существования, свойственное определенному этносу, формирует его картину мира, культуру и национальное сознание, в том числе языковое. Приобретаемый на этой основе опыт категоризируется и хранится в рамках складывающихся культурных традиций в языковых единицах (ср. Кравченко 2009: 21).

Известно, что языковое поведение личности находится под влиянием таких базовых культурных категорий, как время и пространство (Hall 1981: 55), понимание которых варьирует от этноса к этносу. Немецкий этнос функционирует в условиях *низкоконтекстной индивидуалистской культуры*, в которой (само)идентифика-

ция личности определяет дистанцию в межличностном взаимодействии и в ее отношениях с внешней средой. Для выражения этого взаимодействия в немецком языке используется категоризированный опыт фиксации направленности движения объекта: его отдаления от языковой личности-субъекта речи или взаимодействующих с ней других языковых личностей и его приближения к языковым личностям. Этот опыт фиксируется разветвленной системой направительных наречий hin / her в самостоятельном употреблении и в сочетаниях с предлогами, имеющими пространственную семантику, обозначающими направления движения вверх / вниз, изнутри / снаружи. Идиоэтничность функционирования этих языковых единиц в немецкой лингвокультуре позволяет рассматривать их в качестве знаков этноментальности, отражающих тенденцию к точности выражения.

Рассмотрим особенности активно развивающегося речевого жанра Интернет-коммуникации — блога. В настоящем исследовании используется широкое понимание блога как сайта или раздела сайта, содержащего датированные записи текстового и мультимедийного характера, расположенные в обратном хронологическом порядке и открытые для чтения и комментирования (Баженова & Иванова 2012: 125). Специфика Интернет-коммуникации, которая относится и к блогам, состоит в том, что в ней закреплены черты письменной и устной речи, общения персонального и публичного, информативного и бытового (Дементьев 2010: 278). Все эти особенности отражаются в материале нашего исследования — направительных наречиях в немецкоязычных блогах.

Материал исследования отбирался методом автоматического и ручного поиска характерных для блогов языковых форм выражения пространственной ориентации. Автоматический поиск позволил определить тенденции предпочтения через общее количество искомых единиц в определенный период времени; ручная выборка обеспечила фильтрацию единиц, в которых hin / her функционируют в качестве именных приставок (Hingabe). Отобранные единицы интерпретировались в соотнесении с ментальными и культурными характеристиками немецкого этноса.

3. Результаты исследования

3.1. Частотность направительных наречий в разных жанрах

Сопоставление частотности направительных наречий в блогах с их употребительностью в проведенных ранее исследованиях беллетристики и политического дискурса [Кострова 2023а; Кострова 2023б] показывает существенные различия. См. Табл., где приводятся данные автоматического поиска в DWDS в заданный период времени (10 лет):

Таблица. Частотность направительных наречий в 2000—2010 гг.

Жанры речи	Частотность наречия hin	Частотность наречия her
Беллетристика	1257	876
Политический дискурс	2111	1022
Блоги	11778	8466

Данные Табл. показывают, что в блогах направительные наречия используются примерно в 10 раз чаще, чем в беллетристике; в политическом дискурсе, который исследовался на материале речей политиков, разница не столь велика, но все же значительна. Кроме того, приведенные данные иллюстрируют различия в употребительности самих наречий. Попробуем объяснить выявленные различия.

3.2. Доминантные значения и функции наречий направления

Доминантные значения направительных наречий основаны на противопоставлении компонентов -in и -er в их составе, за счет которых создаются значения удаления и приближения (Admoni 1986: 208) во всех рассмотренных жанрах коммуникации. Они определяются для наречия hin как направление движения «удаление от говорящего», для наречия her как противоположное направление «приближение к говорящему» (Добровольский & Падучева 2008: 140; Fandrych & Thurmair 2018: 171). При этом противоположность кодируется дважды: не только направлением движения, но и положением собеседников относительно друг друга, учитывая параметры «выше — ниже» или «внутри — снаружи». И в том, и в другом случаях проявляются дейктические свойства наречий (Добровольский & Падучева 2008: 140).

Оба наречия часто встречаются в виде глагольных компонентов, функция которых в немецких грамматиках интерпре-

тируется по-разному. Так, одни исследователи считают такие наречия и их сочетания с предлогами типа herbeikommen, herumlaufen словообразовательными средствами, с помощью которых создаются композитные сочетания наречия с глаголом ADV+V-Verbindungen (Elsen 2011: 206). Другие полагают, что наречия hin / her и их композитные варианты типа hinauf, hinein в глагольном словообразовании выполняют функцию частиц, называя ее «Partikelverbbildung» (Fandrych & Thurmair 2018: 32). В противоположность этому У. Энгель считает соединения глаголов с наречиями типа hingehen, hinausgehen структурированными словосочетаниями (strukturierte Wortgruppen), в которых первые элементы представляют направительные дополнения (Direktivergänzungen), которые пишутся слитно с глаголами вследствие орфографических конвенций (Engel 1996: 442). Позиция Энгеля представляется убедительной; принимая ее, мы считаем наречия hin / her и их производные в сочетаниях с глаголами связанным употреблением. Такие сочетания продуктивны в разных жанрах. Ср. примеры из блогов:

(1) Da *gehe* ich nun nie wieder *hin*, da kannst du machen, was du willst (DWDS). Я никогда больше не пойду туда, что хочешь, то и делай.

(2) Ich bin auch ganz gut darin *nach außen hin* zu funktionieren (DWDS). Я довольно хорошо умею работать и на публику.

(3) Nen eigenen Monitor, *wo denkst Du hin* — wir müssen sparen! (DWDS). Собственный монитор, о чем ты думаешь, — нам надо экономить!

(4) Wo *kommen* die Rufzeichen *her*?… Werden auch bald verboten sein!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!! (DWDS). Откуда берутся позывные?... Их тоже скоро запретят!

Когнитивная интерпретация примеров. В примере (1) проявляется активность говорящего, выраженная глаголом hingehen. Примечательно, что в русском переводе направительный компонент выделяется в отдельно стоящее слово, не обязательное к употреблению: ‘идти (туда)’ (ABBY Linguo). Активность субъекта речи типична для так называемой монохромной немецкой культуры, в которой человек ориентирован на дело (Schroll-Machl 2013: 40–51). В примере (2) активность личности представлена глаголом funktionieren. Кроме того, в этом

примере направление выражается дважды: через предложное сочетание nach außen, которое уточняется направительным наречием hin. Словарь фиксирует антонимичные выражения nach außen (hin) ‘наружу’ и von außen (her) ‘снаружи, извне’ (LANGENSCHEIDT 2000). При этом направительные наречия даются в скобках как факультативные, которые тем не менее употребляются. Сверхточное выражение мысли соответствует базовому культурному концепту PÜNKTLICHKEIT. Пример (3) содержит имплицитную рациональную оценку: если думать не в том направлении, то это плохо.

В примере (4) роль личности говорящего не представлена в поверхностном тексте; она больше подразумевается как пассивная, воспринимающая информацию извне. Движение информации происходит по направлению к говорящему и приводит его в возбужденное состояние, что выражается на письме знаками препинания: вопросительным знаком и многоточием, показывающими недоумение говорящего, и многочисленными восклицательными знаками, демонстрирующими его крайнее возмущение. Все это вместе имплицирует отрицательную оценку, типичную при употреблении наречия her.

В функционировании исследуемых наречий можно выделить следующие доминантные черты, подтверждающиеся во всех рассмотренных жанрах. Так, компонент hin, функционируя самостоятельно, в составе глагольных лексем или в сочетании с предлогами, объективирует неотъемлемую часть самоидентификации немецкой языковой личности, определяющей свою позицию по отношению к внешнему миру (КОСТРОВА 2023б: 118–119). В аналогичных условиях компонент her кодирует влияние внешней среды на субъект речи или на деятеля, который, как правило, непроизвольно реагирует на это влияние, имплицитно оценивая его негативно (ibid.: 129).

Перейдем к анализу специфического использования направительных наречий в блогах.

3.3. Специфика употребления направительных наречий в блогах

Когнитивно-прагматический анализ блогов тесно связан с их стилистическим оформлением. Стилистические особенности блогов допускают использование различных функциональных

стилей и приемов. Публицистический стиль может сочетаться в них с деловым или разговорным, элементы заранее продуманного текста сочетаются с фрагментами письменно фиксированной устной речи (Кислицына & Чернявская 2019: 371).

3.3.1. Когнитивно-прагматический анализ ситуаций с наречием hin

Сочетание с особенностями публицистического функционального стиля проявляется в нескольких форматах, один из которых — употребление стандартизованных выражений, облегчающих процесс коммуникации как для автора, так и для реципиента. Поскольку в блогах отсутствует редакторская правка, репертуар таких выражений в них шире, чем в зарегистрированных источниках. Так, сопоставления ряда идиоматических выражений с наречием hin, употребляемых в блогах, отсутствуют в словаре. К ним относится в том числе выражение bis hin zu, которое, по данным DWDS, зафиксировано в блогах 5458 раз. Ср.:

(5) Sie bieten Dienstleistungen für alle Bereiche der Unternehmenskommunikation, von klassischen Printprodukten *bis hin zu* neuen elektronischen Medien. Они предлагают услуги во всех областях корпоративных коммуникаций, от классической печатной продукции до новых электронных медиа.

(6) Von der einfachen Grippe bis hin zu PatientInnen, die einfach nur noch ihr Dasein in einem vegetativen Status fristen. От простого гриппа до пациенток, просто прозябающих в вегетативном состоянии.

В примерах (5, 6) видим перспективу развития ситуации до определенного предела; словарь фиксирует только идиом bis zu без компонента hin (Duden 1992: 111). Добавление этого компонента в блогах усиливает экспрессивность выражения эмоций, присущую виртуальному жанру, как бы фиксируя тот предел, который воспринимается как предел (не)возможного.

С другой стороны, такие выражения как hin und her reden / reichen / sausen / gerissen sein (ibid.: 337–338) не представлены в блогах, где предпочтение отдается идиоматическому сочетанию hin und her überlegen. Ср.:

(7) Ich habe lange *hin und her überlegt*. Я долго об этом думал.

(8) Da standen wir also lange davor und haben *hin und her überlegt*. Так мы долго стояли и обдумывали разные варианты.

Разнонаправленность выражения hin und her демонстрирует, как мы и предполагали, всю противоречивость германского архетипа. Его сочетаемостные возможности, зафиксированные в словарях и блогах, на наш взгляд, подтверждают это предположение. Идиоматичность выражений, содержащих hin und her, затрудняет перевод на русский язык, но допускает варьирование. Словарь Langenscheidt (2000: 839) дает варианты перевода hin und her überlegen, соответствующие русскому архетипу мышления: 'со всех сторон', 'всесторонне'.

Широко представлено в блогах в раздельном написании выражение darauf hin. В словаре оно дается слитно, но с двойным ударением 'darauf'hin и переводится как 'после этого/чего', 'вследствие этого', 'в ответ на это' (ibid.: 705). В русском переводе раздельно оформленность представлена эксплицитно. Ср.:

(9) *darauf hin* hab ich mir ettliche bücher aus der bücherei ausgeliehen und kam aus dem staunen nicht mehr heraus! После этого / в ответ на это я взял в библиотеке несколько книг и был просто поражен!

(10) *Darauf hin* habe ich den FAZ-Artikel untersucht. Затем я изучил статью в FAZ.

(11) *Darauf hin* behauptete Dr. Lautsch, dass… Вслед затем доктор Лаутш заявил, что…

В (9) представлена (с сохранением орфографии) фраза из интервью с граффитистом, но это, как сказано выше, не единичный случай раздельного написания darauf hin; в (10, 11) выражение тоже написано раздельно. Возможно, здесь в соответствии с рациональным типом мышления реализуется стремление блогеров к анализу. В своей внутренней речи они делают паузу, обозначая ее на письме пробелом. Прототипом для раздельного написания служит стандартизованное связанное употребление наречия с глаголами: auf etw. hinweisen / hindeuten, ср.:

(12) *Darauf weist* das Bundesministerium für Arbeit und Soziales *hin*. На это указывает Федеральное министерство труда и социальных дел.

(13) Sie *weist* mich *darauf hin*, ich würde doch keine Weste tragen. Она указывает мне на то, чтобы я не носил жилет.

(14) Andere Studien *deuten* allerdings *darauf hin*, dass die Fernsehzeit bei Kindern deutlich höher sein dürfte. Однако другие исследования показывают, что время, которое дети проводят за просмотром телевизора, вероятно, значительно выше.

Употребления, подобные (12-14), составляют 331 случай, т. е. примерно одну треть из общего количества использования darauf hin, зафиксированного DWDS в блогах за анализируемый период (1151 единица).

Отмеченная выше склонность немецкого этноса к порядку, который, среди прочего, состоит и в единообразии, и может служить мотивацией для раздельного написания конструкции, как в случаях (9-11). Еще одним фактором в пользу раздельного оформления служит орфографическая реформа 1996 г., основанная на морфологическом принципе. Один из разделов этой реформы посвящен нормированию слитного и раздельного написания слов, что вызывает много вопросов. Так, швейцарский германист Р. Вахтер объясняет, что слитно и раздельно написанные слова могут иметь разные значения, например, wohlbekannt ‘хорошо известно’ и wohl bekannt ‘вероятно, известно’, frisch gebackene Brötchen ‘свежеиспеченные булочки’ и frischgebackener Konditormeister ‘новоявленный кондитер’ (Wachter 2016/17). В связи с этим возникает вопрос: не свидетельствует ли раздельное написание darauf hin об изменении значения в отличие от слитного? Во всяком случае, акцентуация однозначно меняется; завершая проспективным наречием синтагму, говорящий подчеркивает важность следующего за ней действия. В (9) важность следствия обозначается восклицательным знаком, а выделение синтагмы облегчает процесс коммуникации.

Наречие hin в сочетании с глаголами служит маркером активности говорящих. В такой функции выступают глаголы sich hingeben, hinkriegen / bekommen, hinhören, hin sein, hin gehören и др. Ср.:

(15) Ich hab’s *hingekriegt*, hab jetzt auch einen Blog-Netzwerk-Button. Я сделал это (мне это удалось), теперь у меня есть кнопка для подключения к сети блогов.

(16) Ich habe meinen Kopf für sie *hingehalten*. Я рисковал ради нее головой.

(17) Wenn Amazon es schon nicht *hin bekommt*, die angebotene Software aktuell zu halten, dann eben andere. Если Amazon не может поддерживать предлагаемое программное обеспечение в актуальном состоянии, то это сделают другие.

Характерно, что в других случаях (ср. 15, 16) такие глаголы стоят в перфектной форме и обозначают результат активного действия.

3.3.2. Когнитивно-прагматический анализ ситуаций с наречием her

Частотность высказываний с направительным наречием her в блогах составляет, согласно DWDS, 8466 единиц, что почти в 8 раз превышает употребительность наречия hin. В этом проявляется специфика жанра, поскольку и в художественной, и в публицистической речи соотношение обратное. Причину этого можно усмотреть в функционировании наречия her в блогах имеет амбивалентный характер. С одной стороны, в ситуациях направительного перемещения к субъекту или объекту речи прослеживается компонент негативной оценки. Оказываясь перед лицом внешних обстоятельств, субъект становится пассивным, что становится мотивом его растерянности (18), недовольства или страха (19). С другой стороны, источник действия может оказаться полезным для говорящего и тогда он имплицитно оценивается как положительный (20). Ср.:

(18) … nur *wo bekommen* sie einen Content *her*? Только где им добыть какой-то контент?

(19) Verschiedene Geheimdienste sind *hinter mir her*. За мной охотятся разные тайные агентства.

(20) Für heute Abend hat Horst diesen H.-Salat gemacht, den auch er von Muttern her kennt! На сегодняшний вечер Хорст приготовил этот салат, рецепт которого он тоже знает от своей матери!

В примере (18) компонент her может интерпретироваться как по отношению к глаголу (herbekommen), так и по отношению к наречию (woher); тем самым акцент делается как на месте, так и на процессе его получения. В примере (20) положительная оценка эксплицируется восклицательным знаком.

В профессиональных блогах не редки побудительные предложения (Кислицына & Чернявская 2019), которые выступа-

ют в эллиптической форме. Ср.:

(21) Wer anderssprachige Bücher hat und sie gerne weiterreichen möchte, *immer her damit*. Если у кого-то есть книги на других языках и желание передать их другим, всегда присылайте их нам.

(22) Wegen der vermeintlichen Kritik: *Nur her damit*. Что касается предполагаемой критики: давайте, дерзайте.

(23) Ein Zurück zur „sozialen Marktwirtschaft" *müsse her*. Надо вернуться к «социально-рыночной экономике».

Переводы примеров (21-23) показывают, что в русском языке используются описательные конструкции, что свидетельствует об идиоэтничности немецких выражений. Их этнический компонент проявляется в побудительности, свидетельствующей об активности говорящего.

Еще одна характерная черта использования наречия в блогах — выражение субъектом речи временной ориентации из прошлого в настоящее. Здесь также типичны устойчивые выражения как seit je her, lang ist's her. Ср.:

(24) Ich war — damals, *lang lang ist's her* — ein paar Mal bei diesen Esseinrichtungen. Я бывал тогда в этих ресторанах несколько раз — очень-очень давно.

(25) So heute ist es schon *einen Monat her* seit ich diesen Blog erstellt hab. Сегодня уже месяц с момента, когда я создал этот блог.

Русские переводы в (24, 25) так же не дословны.

4. Выводы

Направительные наречия являются идиоэтническими средствами немецкого языка, функционирующими в рамках низкоконтекстной немецкой культуры, которые используются для выражения пространственного взаимодействия говорящего с внешней средой. Они служат знаками сформированного в этой культуре и неразрывно связанного с ней этноменталитета. Специфика их использования в блогах раскрывает немецкий менталитет как рациональный, характеризующий индивидуализм этноса и противоречивость в ценностно-архетипическом восприятии мира. Если hin передает активность субъекта при взаимодействии с внешней средой, то наречие her аксиологически амбивалентно: в побудительных высказываниях требуется действие в интересах субъекта речи. В случаях, когда говорящий или другое

лицо становятся пассивным объектом внешнего воздействия, это оценивается негативно. Замечено, что, формируя специфику блогов, hin / her используются в них большей частью в экономно-экспрессивных побудительных высказываниях.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

Бабенко Н. С. Феноменология безличности и ее синтаксические проекции в немецком языке // Русская германистика: ежегодник Российского союза германистов. 2022а. № 19. С. 29—49. [Babenko, Nataliya S. (2022a) Fenomenologiya bezlichnosti i ee sintaksicheskie proektsii v nemetskom yazyke (Phenomenology of impersonality and its syntactic projections in the German language). *Russkaya germanistika: ezhegodnik Rossijskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 19. 29—49. (In Russian)].

Бабенко Н. С. Грамматический строй немецкого языка в аспекте идиоэтничности // V Международная научная конференция «Германистика 2022: nove et nova». М.: МГЛУ, 2022б. С. 32—35. [Babenko, Nataliya S. (2022b) Grammaticheskiy stroy nemetskogo yazyka v aspekte idioetnichnosti (Grammatical structure of the German language in terms of idiomaticity). In: KLinovskaya, Anna A. (ed.) *V Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya "Germanistika 2022: nove et nova"*. (The 5th International Scientific Conference "Germanistics 2022: nove et nova". Moscow: Moscow State Linguistic University, 32—35. (In Russian)].

Баженова Е. А., Иванова А. И. Блог как Интернет-жанр // Вестник Пермского университета, 2012. Вып. 4 (20). С. 125—131. [Bazhenova, Yelena A. & Ivanova, Anna I. (2012) Blog kak Internet-zhanr (Blog as an Internet Genre). *Vestnik Permskogo universiteta* (Bulletin of Perm University), 4 (20), 125—131. (In Russian)].

Дементьев В. В. Теория речевых жанров. М.: Знак, 2010. [Dementyev, Vadim V. (2010) *Teoriya rechevykh zhanrov* (Theory of speech genres). Moscow: Znak. (In Russian)].

Добровольский Д. О., Падучева Е. В. Дейксис в отсутствие говорящего: о семантике немецких дейктических элементов hin и her //Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по мат-лам ежегодной межд. конф. «Диалог» (2008). Вып. 7 (14). М.: РГГУ, 2008. С. 140—146. [Dobrovol'skiy, Dmitriy O. & Paducheva, Yelena V. (2008) Deyksis v otsutstviye govoryashchego: o semantike nemetskikh deykticheskikh elementov *hin* i *her*. In: *Komp'yuternaya*

lingvistika i intellektual'n·yye tekhnologii: «DialoG» (2008) (Computer Linguistics and Intellectual Technologies: after Materials of Yearly International Conference "Dialog" (2008). Issue 7 (14). Moscow: Russian State University for the Humanities, 140—146. (In Russian)].

Зубкова Я. В. Концепт «Пунктуальность» // Иная ментальность. М.: Гнозис, 2005. С. 203—250. [Zubkova, Yana.V. (2005) Kontsept «Punktual'nost'» (Concept "Punctuality"). In: Karasik, Vladimir I. & al. (eds). *Inaya menta'nost'* (A Different Mentality). Moscow: Gnozis. 203—250. (In Russian)].

Иная ментальность. М.: Гнозис, 2005. [*Inaya mental'nost'* (A Different Mentality). (2005). Moscow: Gnozis. (In Russian)].

Ишимбаева Г. Г. Образ Фауста в немецкой литературе XVI—XX веков. М.: Флинта, 2019. [Ishimbaeva, Galina G. (2019) *Obraz Fausta v nemetskoy literature XVI—XX vekov* (The Image of Faust in German Literature of the 16th — 20th Centuries. Moscow: Flinta. (In Russian)].

Кислицына Н. Н., Чернявская О. Г. Композиционные, стилистические и лексические особенности интернет-коммуникации (на материале англоязычных блогов профессиональной направленности) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. Вып. 6. С. 368—373. [Kislitsyna, Natalya N. & Chernyavskaya, Olga G. (2019) Kompozitsionnyye, stilisticheskie i leksicheskie osobennosti internet-kommunikatsii (na materiale angloyazychnykh blogov professional'noy napravlennosti) (Compositional, stylistic and lexical features of Internet communication (based on English-language professional blogs). *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* (Philology Theory & Practice), 12, 6, 368—373. (In Russian)].

Колесов В. В. Русская ментальность в языке и тексте. СПб.: Петербургское востоковедение, 2007. [Kolesov, Vladimir V. (2007) *Russkaya mental'nost' v yazyke i tekste* (Russian mentality in language and text). Saint Petersburg: Peterburgskoye Vostokovedeniye. (In Russian)].

Кострова О. А. Немецкие направительные наречия в политическом дискурсе // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2023а. Т. 20. С. 194—215. [Kostrova, Olga A. (2023a) Nemetskiye napravitel'nyye narechiya v politicheskom diskurse (German directional Adverbs in political Discourse). *Russkaya germanistika: ezhegodnik Rossijskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 20, 194—215. (In Russian)].

Кострова О. А. Концептуальная грамматика хронотопа в немецкой лингвокультуре. М.: Флинта, 2023б. [Kostrova, Olga A. (2023b)

Kontseptual'naya grammatika khronotopa v nemetskoy lingvokul'ture (Conceptual Grammar of Chronotope in German Linguoculture). Moscow: Flinta (In Russian)].

Кравченко А. В. Об адекватности понятия грамматики в традиционном языкознании (взгляд с позиций биологии познания) // Fontańsky, H., Lubocha-Kruglik, J. (red.). Gramatyka a Tekst. Tom II. Katowice, 2009, 7—48. [Kravchenko, Aleksandr V. (2009) Ob adekvatnosti ponyatiya grammatiki v traditsionnom yazykoznanii (vzglyad s pozitsij biologii poznaniya) (On the Adequacy of the Concept of Grammar in traditional Linguistics (a view from the standpoint of the Biology of Knowledge)). In: Fontańsky, Henrik & Lubocha-Kruglik, Jolanta. (eds) *Gramatyka a Tekst* (Grammar and text), II, 7—48. (In Russian)].

Кукоба О. А. Природа и структура этнического менталитета // Философия и общество, 2004. № 4. С. 1—18. [Kukoba, Olga A. (2004) Priroda i struktura etnicheskogo mentaliteta (The Nature and Structure of the ethnic Mentality). *Filosofiya i obshhestvo* (Philosophy and Society), 4, 1—18. (In Russian)].

Лейбниц Г. В. Сочинения. Т.1. М.: АН СССР, институт философии; изд-во «Мысль», 1982. [Leibnitz, Gottfried. (1982) *Sochineniya* (Essays). Vol. 1. Moscow: USSR Academy of Sciences; Publishing House "Mysl"). (In Russian)].

Перунова Н. В. Введение понятия ценностно-архетипического комплекса на материале русской и германской культур //Вестник Томского гос. ун-та, 2011. № 352. С. 66—69. [Perunova, Natalya V. (2011) Vvedeniye ponyatiya tsennostno-arkhetipicheskogo kompleksa na materiale russkoy i germanskoy kul'tur (Introduction of the Concept of value-archetypal Complex based on the Russian and German Cultures). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* (Bulletin of Tomsk State University), 352, 66—69. (In Russian)].

Почепцов О. Г. Языковая ментальность: способ представления мира // Вопросы языкознания, 1990. № 6. С. 110—122. [Pocheptsov, Oleg G. (1990) Yazykovaya mental'nost': sposob predstavleniya mira (Linguistic Mentality: a Way of Representing the World). *Voprosy yazyknaniya* (Topics in the Study of Language), 6, 110—122. (In Russian)].

Савицкая Е. В. Когнитивный субстрат семантической системы английского языка и английского языкового мышления. Самара: Самарский гос. соц-пед. ун-т; ООО «Порто-принт», 2021. [Saviczkaya, Yekaterina V. (2021) *Kognitivnyy substrat semanticheskoy sistemy angliyskogo yazyka i angliyskogo yazykovogo myshleniya*. (Cognitive

Substrate of the Semantic System of the English language and English linguistic thinking). Samara: Samara State University of Social Sciences and Education; Porto-print. (In Russian)].

Степанова А. А. Образ фаустовского сознания в культуре и литературе XX века: от архетипа к идеологеме // Polilog. Studia Neofilologicze, 2019. № 9. С. 5—20. [Stepanova, Anna A. (2019) Obraz faustovskogo soznaniya v kul'ture i literature XX veka: ot arkhetipa k ideologeme (The Image of Faustian Consciousness in the Culture and Literature of the Twentieth Century: From Archetype to Ideology). *Polilog. Studia Neofilologicze*, 9, 5—20. (In Russian)].

Admoni, Wladimir G. (1986) *Der deutsche Sprachbau*. Moscow: Prosvesheniye.

DUDEN. (1992) *Redewendungen und sprichwörtliche Redensarten: Wörterbuch der deutschen Idiomatik*. Bd 11. Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag,

DWDS — Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. Retrieved from https://www.dwds.de/d/korpora/blogs.

Elsen, Hilke. (2011) *Grundzüge der Morphologie des Deutschen*. Berlin; Boston: Walter de Gruyter.

Engel, Ulrich. (1996) *Deutsche Grammatik*. Heidelberg: Julius Groos Verlag.

Fandrych, Christian & Thurmair, Maria. (2018) *Grammatik im Fach Deutsch als Fremd- und Zweitsprache. Grundlagen und Vermittlungen*. Berlin: Erich Schmidt Verlag.

Hall, Edward. (1981) *Beyond Culture*. Garden City, New York: Anchor Press/Doubleday.

LANGENSCHEIDT. (2000) *Langenscheidts Taschenwörterbuch Russisch. Russisch — Deutsch. Deutsch — Russisch.* Berlin; München; Wien; Zürich; New York: Langenscheidt.

Schroll-Machl, Sylvia. (2013) *Die Deutschen — Wir Deutsche. Fremdwahrnehmung und Selbstsicht im Berufsleben*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.

Wachter, Rudolf. (2016/17) Rückblick und Ausblick. Die Aktivitäten der Schweizer Orthographischen Konferenz 2009/2014. *Unsere Sprache. Beiträge zur Geschichte und Gegenwart der deutschen Sprache*, Nr. 7/8, 44—67.

Olga A. Kostrova
Samara State University of Social Sciences and Education

Linguistic Signs of Ethnomentality in German Linguoculture

This article examines linguistic units that characterize the mentality of the German ethnic group. Using cognitive analysis, the author explores the

role of spatiality in the linguistic behavior of German linguistic individuals, who act within a low-context, individualistic culture where self-identification determines the distance in interpersonal interactions and relationships with the external environment. The article aims to determine the role of directional adverbs in this process. The study focuses on adverbs with directional semantics exampled on blogs between 2000 and 2010. Blogs, as a distinct genre combining personalized and impersonal communication, influence the functioning of the selected units of analysis. This choice reflects the following fact: the German language categorizes the experience of capturing the direction of an object's movement; it is distancing from the linguistic individual — the subject of speech or other linguistic individuals interacting with it — and its approach to linguistic individuals. This experience mostly determines the extensive use of directional adverbs *hin* and *her*, studied in this paper separately and in combination with spatially semantic prepositions denoting the directions of movement, up/down, and inside/outside. The study results show that their frequency in blogs increases tenfold compared to fiction. The adverb *hin* significantly exceeds the adverb *her* in frequency, denoting the interaction of an active person with the external environment, including their movement, body movements, and the duration of an action up to a certain point. The adverb *her* denotes a negative or unexpected impact of the external environment on a person, which they passively perceive. The specific functioning of directional adverbs in blogs consists of the use of colloquial idiomatic expressions not recorded in the dictionary of idioms, as well as the use of prototypical elliptical sentence models with these adverbs. In all cases, a close connection between the directional adverbs and the German mentality is evident, characteristic of a rational, individualistic ethnic group, in accordance with its value-based and archetypal perception of the world. The idioethnicity of the units allows to be viewed as sign of ethnomentality, embodying the precise expression of the spatial identity of the German linguistic personality.

Keywords: German ethnic group; linguoculture; idioethnicity; blog; linguistic personality; directional adverbs; direction of movement; external environment; evaluativeness

Для цитирования:
Кострова О. А. Языковые знаки этноментальности в немецкой лингвокультуре // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2026. № XXIII. С. 182—200.
DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2026-23-182-200.

To cite this Article:
Kostrova, Olga A. (2026) Yazykovyye znaki etnomental'nosti v nemetskoy lingvokul'ture (Linguistic Signs of Ethnomentality in German Linguoculture). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 23, 182—200. (In Russian).
DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2026-23-182-200.

Статья поступила в редакцию 04.04.2026; принята к публикации 10.05.2026
The article was submitted 04.04.2026; accepted for publication 10.05.2026

М. В. Петрова
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

ПОЭТИКА «ЗЛОВЕЩЕЙ ДЕТАЛИ» В АНАЛИТИЧЕСКИХ ФИЧЕ САБИНЫ РЮКЕРТ

Документально точная деталь в журналистском расследовании может нести смысл, выходящий за пределы единичного случая. В текстах журналистки еженедельника «Die Zeit» Сабины Рюкерт такие детали фиксируют переход от обыденного к катастрофическому и в нашей работе получают определение «зловещей детали». Цель исследования — выявить и систематизировать функции «зловещей детали» в расследованиях Рюкерт о преступлениях. Эмпирическую базу составили публикации (2001—2010), представляющие два типа тематической организации жанра «фиче» — «как-темы» (развертывание события) и «тренд-темы» (анализ социальных явлений). Теоретическая рамка исследования соединяет в себе немецкую теорию журналистских жанров (М. Халлер, Ф. Вольф, Кр. Блеер, П. Линден), поэтику документального письма (Л. Я. Гинзбург, Е. Г. Местергази), нарратологический аппарат (событийность Лотмана, точка зрения Успенского, фокализация Женетта и Шмида) и уликовую парадигму К. Гинзбурга. В работе используются структурно-функциональный, контекстуальный и лингвопоэтический анализ, охватывающий лексический, семантический и прагматический аспекты. На основе сплошного анализа 32 смысловых единиц выделены три типа «зловещей детали». Предметные детали (медальон, наручники, хот-дог) обретают символическую связь с травматическим событием. Телесные детали (гематомы, шрам на ухе, застывшая поза ребенка) выступают документальными маркерами ущербности, страха, отчуждения. Вербальные детали (прямая речь, интертекстуальные отсылки) вводят в повествование чужой голос, расходящийся с фактической реальностью. Каждый из этих типов фиксирует момент пересечения семантической границы между нормой и ее нарушением. Выявлены три функции детали: визуализация абстрактного (конкретная подробность делает отвлеченную мысль зримой), выход за пределы частного случая (единичный факт обретает обобщающее значение) и формирование эмоционально-нравственной оценки через отбор и композиционное расположение деталей. В статье делается вывод о том, что аналитическая сила детали сохраняется лишь при условии ее документальной фиксации и контекстуальной привязки; избыточная выразительность ве-

дет к эстетизации насилия и разрушению обобщающей функции. Тем самым деталь обеспечивает оптимальный переход от единичного случая к социальной закономерности и служит важнейшим конститутивным признаком жанра «фиче».
Ключевые слова: зловещая деталь; Сабина Рюкерт; фиче; журналистское расследование; поэтика документального письма

1. Введение

Хот-дог, съеденный семнадцатилетним гимназистом перед убийством соседской пары. Золотой медальон с лицами мужа и сына, который заказчица убийства носит на шее. Спичечные кораблики, сделанные серийным убийцей в камере. В зарисовках Сабины Рюкерт, журналистки еженедельника «Die Zeit» и лауреата премии Эгона Эрвина Киша (2002),[1] подобные детали перестают быть просто бытовыми подробностями. Сохраняя документальную достоверность, они работают на обобщение, маркируя семантическую границу между привычным и необратимым, и вполне заслуженно называются «зловещими деталями».

В фокусе внимания Рюкерт — не сенсационность преступления, а его генезис: условия, формирующие готовность переступить черту, слепота окружающих, не замечающих очевидного. Ее тексты, написанные, согласно немецкой журналистской традиции, в жанре «фиче» (Feature), нацелены не на сопереживание событию, а на объяснение сложного явления через отбор типичных ситуаций. По выражению теоретика жанра Ф. Вольфа, фиче — это «история о сути явления для вдумчивого взрослого читателя» (Wolff 2006: 192). В таких текстах документально точная деталь приобретает особую значимость: она оказывается способна нести смысл, выходящий за пределы единичного случая.

Актуальность исследования заключается в том, чтобы понять, как литературные приемы (прежде всего, выразительная деталь, выступающая в роли документальной улики) работают в документальном тексте, не разрушая, а усиливая его достовер-

[1] Престижная немецкая журналистская премия за лучший репортаж, учрежденная в 1977 г. Генри Нанненом (основателем журнала «Stern»), в честь классика репортажа Эгона Эрвина Киша.

ность. Эмпирическим материалом послужили работы Рюкерт в жанре немецкоязычного «фиче», признанные немецким профессиональным сообществом как образцовые.[2]

Цель исследования — выявить и систематизировать функции «зловещей детали» в текстах Рюкерт о преступлениях. С этой целью уточняется жанровая природа этих текстов, в том числе в контексте российской и немецкой жанровых классификаций, предлагается типология «зловещей детали» на основе анализа шести отобранных публикаций и, наконец, производится сравнительный анализ выявленных функций с теоретическими подходами к природе документального повествования.

2. Материалы и методы исследования

Материалом для анализа послужили шесть текстов Сабины Рюкерт, опубликованных в еженедельнике «Die Zeit» с 2001 по 2010 год. Корпус включает следующие публикации: *Die Mörderin* — историю женщины, заказавшей убийство своего мужа (RÜCKERT 2001); *Unrecht im Namen des Volkes* — расследование судебной ошибки (RÜCKERT 2002); *Gequält, begafft, vergessen* — анализ социального статуса жертв преступлений (RÜCKERT 2006); *Wie das Böse nach Tessin kam* — историю несовершеннолетнего, совершившего двойное убийство (RÜCKERT 2007); *Todfreunde* — историю отношений следователя и серийного убийцы (RÜCKERT 2009); *Schuldig auf Verdacht* — рефлексию резонансного уголовного дела телеведущего Йорга Кахельманна (RÜCKERT 2010). Общий объем проанализированного материала составил около восьми авторских листов (320 тыс. знаков).

Теоретическая рамка исследования опирается на три взаимодополняющих подхода. Во-первых, на немецкую и отечественную теории журналистских жанров: с одной стороны, работы М. Халлера, Ф. Вольфа, К. Блеера и П. Линдена, разграничивающие репортаж и фиче по функциональному критерию; с другой — труды А. А. Тертычного, А. В. Колесниченко, позволяющие соотнести анализируемые тексты с системой российских публицистических

[2] С. Рюкерт — лауреат премии имени Эгона Эрвина Киша (2002), премий Генри Наннена (2008), Немецкой репортерской премии (2009), премии имени Теодора Вольфа (1996) и премии Союза немецких уголовных следователей (2023).

жанров. Во-вторых, теоретические исследования в области поэтики документального письма и соотношения в нем факта и художественной условности (Л. Я. Гинзбург, Е. Г. Местергази). В-третьих, теоретический аппарат нарратологии и лингвистики текста, а именно категории *точки зрения* (Б. А. Успенский), понятия *событийности* (Ю. М. Лотман), теории *повествовательных инстанций* В. Шмида (включая разработанное Ж. Женеттом и М. Бал понятие фокализации). Все они позволяют определить роль и место «зловещей детали» как маркера смены угла зрения на происходящее, который фиксирует момент пересечения семантической границы и управляет читательским восприятием. Термин *зловещая деталь* («unheimliches Detail») происходит, вероятно, от психоаналитического понятия das Unheimliche ‘жуткое’, т. е. знакомое и привычное, но внезапно становящееся пугающим (FREUD 1919).[3]

В соответствии с поставленными задачами в работе применен комплекс методов качественного анализа. Структурно-функциональный анализ позволяет выявить место детали в композиции текста и ее роль в реализации авторской интенции. Контекстуальный анализ изучает окружение детали — от микроконтекста (абзац) до макроконтекста всего текста. Лингвопоэтический анализ включает три аспекта: лингвистический (языковые средства создания детали), семантический (актуализируемые значения) и прагматический (воздействующий потенциал детали). При отборе материала учитывались следующие критерии: деталь должна обладать чувственной достоверностью; фиксировать момент сопряжения обыденного с катастрофическим; нести смысловую нагрузку, выходящую за рамки номинативной функции, а именно: обеспечивать переход от единичного случая к обобщению, переводя читателя с уровня частного на уровень закономерности.

[3] Заметим, что устойчивого и общепринятого определения понятия «unheimliches Detail» не существует. В литературном анализе наряду с психоаналитическим das Unheimliche (З. Фрейд) используются описательные обороты вроде unheimliches Motiv или unheimliches Element. Ср. также англоязычное обозначение uncanny detail (например, в работах о готическом романе или об Эдгаре Аллане По).

3. Результаты исследования и их обсуждение

3.1. Жанровая природа текстов Рюкерт и место детали в фиче

Уточнение природы любого жанра необходимо для корректного функционального анализа «зловещей детали», поскольку именно жанр определяет, какую роль деталь выполняет в тексте. В репортаже деталь служит созданию «эффекта присутствия» и погружению читателя в уникальное событие (Haller 2020: 114–125). Фиче, по определению Вольфа, ориентировано не на сопереживание, а на объяснение и увлекательность изложения. В таком тексте деталь приобретает иное значение — она переводит абстрактный тезис в наглядную плоскость (Wolff 2006: 193).

В российской журналистике понятие «фиче» прочно вошло в научный обиход: Колесниченко включает его в группу жанров эмоциональной публицистики наряду с репортажем и портретом, определяя его как «историю, написанную от третьего лица, но дающую возможность пережить случившееся» (Колесниченко 2008). Отдельно выделяется жанр ньюс-фиче — «рассказ о тенденции, которую журналист подметил за единичными событиями» (ibid.). Как видно, определение Колесниченко акцентирует внимание на эмоциональном переживании («пережить случившееся»), тогда как немецкое — на аналитическом объяснении и фасцинативности. В настоящем исследовании мы следуем немецкоязычной жанровой типологии, поскольку она точнее соответствует задачам анализа текстов Рюкерт, нацеленных на объяснение сложных феноменов на основе типичных ситуаций, делая акцент на аналитической составляющей. В зависимости от избранной классификации тексты Рюкерт могут быть соотнесены либо с аналитическим очерком (Тертычный 2014), либо, согласно жанровой системе Колесниченко, обнаруживают признаки ньюс-фиче и собственно фиче, оставаясь при этом аналитическими по своей основной коммуникативной задаче. Для нашего исследования принципиальным является не терминологическое размежевание, а функциональная доминанта: тексты Рюкерт строятся как аналитическое расследование, в котором деталь работает на обобщение, а не на создание «эффекта

присутствия».

К. Блеер отмечает, что фиче — одна из наиболее часто используемых повествовательных форм в немецкой журналистике, однако тексты этого жанра почти никогда не выходят под рубрикой «Фиче»; их можно найти под заголовками: «Досье» («Dossier»), «заглавная история» («Titelgeschichte») или «журнальная история» («Magazinstory») (Bleher & Linden 2015: 125). Для «журнальной истории» характерно объяснение сложных явлений через примеры, отчетливо выраженная авторская оценка, или даже публицистическая заостренность. Блеер подчеркивает:

> Журнальная история живет преимущественно за счет жесткого расследовательского тона. Собственное расследование, нередко выполненное в команде, может становиться такой же темой для обсуждения, как и личная оценка автора. Так возникает масштабное персонализированное произведение с ярко выраженной авторской позицией (Tendenzstück) (ibid.: 199).

Это описание во многом соответствует текстам Рюкерт: они базируются на глубокой документальной проработке, но при этом не скрывают авторской интерпретации, а порой и открытой оценки.

По мнению Блеера, фиче решает три основные задачи: объяснение трудно постигаемых феноменов, представление трендов и формирование дискурса на основе «персонализированных тезисов» — обобщений, воплощенных в конкретных людях и ситуациях (ibid.: 125). В соответствии с этим он выделяет три разновидности жанра: объяснительное фиче («Erklär-Feature»), трендовое фиче («Trend-Feature») и тезисное фиче («Thesen-Feature»). В терминологии Вольфа эти разновидности соответствуют «как-темам» и «тренд-темам» фиче (Wolff 2006: 192–195). Исходя из этого, тексты Рюкерт могут быть классифицированы как образцы объяснительного и трендового фиче: они не только описывают единичные случаи, но и вскрывают стоящие за ними социальные закономерности. Эту задачу — сделать сложное наглядным, превратить абстрактные проблемы в доступный для понимания текст — Вольф считает одной из главных в фиче, подчеркивая, что данный жанр «справляется с темами, которые в иной форме едва ли можно было бы читать с удовольствием» (ibid.: 194).

Еще один принцип фиче — это «типизация и наглядное представление» (Bleher & Linden 2015: 126). Фиче интересуется не столько судьбой уникальных героев, сколько показательными примерами, за которыми просматривается общее. Этот переход от конкретного к общему часто оформляется так называемым «мостиком» («F-Brücke»), который опосредует связь между единичным примером и более широким контекстом (ibid.: 177). В текстах Рюкерт такую роль «мостика» выполняет как раз «зловещая деталь»: оставаясь документальной по сути, она становится символически нагруженным носителем общего смысла — что будет подробно показано ниже в типологии (см. разд. 3.3–3.4).

3.2. Теоретические основания анализа: поэтика документального письма и нарратологические категории

Прежде чем перейти к типологии «зловещей детали», необходимо обосновать сам подход. Ключевой вопрос заключается в том, почему к документальным журналистским текстам применимы понятия поэтики и нарратологического анализа, разработанные прежде всего для художественной литературы.

В широком смысле поэтика охватывает всю теорию литературы и не ограничена художественным вымыслом; она включает анализ языка, стилистики, формы и композиции текста независимо от его документальной или вымышленной природы (Гинзбург 1999; Местергази 2007). Как показывают работы по поэтике документального письма, к такому тексту применимы те же подходы, что и к художественному, важно лишь учитывать его жанровую специфику. Классическое обоснование этой позиции дает Гинзбург в работе *О психологической прозе*. Исследовательница подчеркивает, что граница между художественной и документальной литературой не является непроницаемой:

> Литература вымысла черпает свой материал из действительности, поглощая его художественной структурой; фактическая достоверность изображаемого <...> становится эстетически безразличной. Документальная же литература живет открытой соотнесенностью и борьбой этих двух начал (Гинзбург 1999: 8),

давая тем самым «никаким искусством не возместимое переживание подлинности жизненного события» (ibid.: 9). Хотя Гинзбург рассматривает преимущественно мемуары, дневники и

письма, ее выводы вероятно применимы и к журналистским, и к художественно-публицистическим жанрам.

Методологическую опору для анализа того, как деталь формирует и организует нарратив и направляет читательское восприятие, дает исследование Н. Бернинг. В своей работе она использует категории структурной нарратологии для анализа немецкоязычных репортажей, адаптируя их к специфике этого текстового типа (Bernning 2011). На конкретном эмпирическом материале Бернинг подтверждает, что такие понятия как «фокализация», «тип нарратора» и «темпоральная структура» позволяют системно описывать документальный текст, не смещая его в область художественного вымысла (ibid.: 56–78). Кроме того, современный репортаж — это, без сомнения, гибридный тип текста, который стремится не только информировать, но и увлекать, фасцинировать читателя. В исследовании три нарратологических понятия взаимодополняют друг друга: событийность (Лотман), точка зрения (Успенский) и фокализация (Женетт, Бал, Шмид).

Понятие событийности, разработанное Лотманом, является ключевым для анализа рассматриваемых текстов. Событие в тексте он определяет как «значимое уклонение от нормы» (Лотман 1970: 282). В контексте криминальных сюжетов таким событием становится совершение преступления — радикальное нарушение этических, социальных и правовых норм. Это нарушение организует нарративную логику фиче: автор выстраивает повествование вокруг момента перехода от нормы к ее нарушению. «Зловещая деталь» в текстах Рюкерт как раз фиксирует момент пересечения «запрещающей границы» (ibid.: 288), либо его неотвратимые последствия.

Для анализа того, как именно автор управляет восприятием события читателем, необходимо обратиться к категории «точки зрения». Успенский выделяет четыре плана, в которых может проявляться точка зрения автора, рассказчика или персонажа: план оценки (идеологический), план фразеологии (языковой), план пространственно-временной характеристики и план психологии (Успенский 1970). Хотя автор разработал свою модель на материале художественной литературы и активно оперирует термином *персонаж*, в нашем исследовании она применяется к доку-

ментальному тексту, где на месте вымышленных персонажей находятся реальные люди — участники и жертвы описываемых событий. В текстах Рюкерт «зловещая деталь» становится местом, где указанные планы сталкиваются или сменяют друг друга.

В отличие от широкого понятия «точка зрения» у Успенского, фокализация отвечает на более узкий вопрос: чьими глазами читатель видит событие? Термин был введен французским теоретиком литературы Женеттом, который определяет фокализацию как «ограничение поля», т. е. отбор нарративной информации по отношению к тому, что традиционно называлось всеведением повествователя (Женетт 1998: 206). Ключевое нововведение Женетта состояло, среди прочего, в разграничении двух вопросов: «Кто видит?» (фокализация) и «Кто говорит?» (голос повествователя) (ibid.: 208). На основе этого различения он выделяет три типа фокализации. Нулевая фокализация предполагает всеведущего повествователя, который знает больше, чем любой из персонажей; в документальной журналистике такой тип невозможен, поскольку автор-расследователь не обладает всеведением. Внутренняя фокализация означает, что нарративная информация ограничена тем, что воспринимает, знает и чувствует конкретное действующее лицо: читатель видит события его глазами. В журналистском тексте такая фокализация достигается за счет прямого цитирования или реконструкции внутренних монологов на основе интервью. Внешняя фокализация фиксирует только внешние действия, жесты и слова участников событий, вынуждая читателя интерпретировать их мотивы по внешним проявлениям. Женетт связывал внешнюю фокализацию с «бихевиористским» стилем, напоминающим работу кинокамеры; в журналистике этот тип соответствует более сдержанному, фактологическому изложению, при котором автор избегает прямого вторжения во внутренний мир героев (ibid.: 208–209).

Важно подчеркнуть, что данная типология была исходно разработана для анализа художественных текстов, где повествовательные инстанции являются конструктами автора. Однако в случае с журналистскими текстами справедливо будет говорить о функциональной аналогии: автор реконструирует внут-

ренний мир героя на основе его прямых реплик в интервью, и это создает эффект, функционально подобный внутренней фокализации, но, строго говоря, не тождественный ей. Когда же автор просто фиксирует внешние события, действия персонажей или документы, оставаясь за кадром, — это внешняя фокализация, при которой объем информации об объективном положении дел заметно превышает знание отдельных участников событий. В нашем случае понятие «фокализация» используется как средство описания технических приемов управления читательским восприятием, которыми пользуется автор-расследователь.

Фокализация, однако, не фиксирует авторской оценки, лексического выбора, пространственного приближения или эмоциональной окраски изображаемого. Эти аспекты позволяют «реализовать» на практике повествовательные планы Успенского — идеологический, языковой, пространственно-временной и психологический. В анализе «зловещей детали» оба подхода находятся рядом: первый фиксирует ценностные и пространственные сдвиги, второй отражает переключения между внешним и внутренним восприятием.

Перечисленные нарратологические категории позволяют лучше понять, как деталь организует повествование и как она управляет восприятием. Однако остается вопрос, почему именно незначительные, на первый взгляд, подробности могут быть столь значимыми. Ответ на него дает так называемая «уликовая парадигма» (evidential paradigm), предложенная К. Гинзбургом. В работе *Приметы. Уликовая парадигма и ее корни*, ставшей методологической вехой, он описывает гуманитарный метод познания, уподобляя его работе детектива, врача-диагноста или искусствоведа. Так, Гинзбург приводит в пример метод Джованни Морелли — итальянского искусствоведа, который по незначительным, на первый взгляд, деталям (форме ушей, строению ногтей, контуру пальцев) определял подлинность картин великих мастеров, распознавая их среди копий и подделок. «Мелкие подробности, обычно считающиеся незначительными или даже “низкими”, недостойными, — пишет Гинзбург, — оказывались ключами, дающими доступ к самым возвышенным творениям

человеческого духа» (Гинзбург 1994: 51). Согласно этому подходу, ключом к пониманию глубинных, системных явлений служат периферийные детали — «улики», и этот метод напрямую соотносится с манерой письма Рюкерт, которая извлекает значимые смыслы из незначительных, на первый взгляд, деталей, зафиксированных в документах и протоколах.

Перечисленные категории будут подробно описаны ниже применительно к «зловещим деталям» из текстов Рюкерт.

3.3. Типология «зловещей детали»

Под «зловещей деталью» в нашем исследовании понимается документально зафиксированная, чувственно воспринимаемая подробность, которая отмечает момент пересечения семантической границы между привычным и необратимым, несет смысловую нагрузку сверх номинативной и служит опорой для аналитического обобщения.

Для выявления устойчивых типов «зловещей детали» использовались следующие критерии. Первый — чувственная достоверность: отобранные смысловые единицы должны обладать конкретностью, визуальной ощутимостью, т. е. опираться на чувственно воспринимаемые детали, зафиксированные в документах, протоколах, интервью или авторских наблюдениях. Вторым критерием выступила фиксация момента, когда обыденное оборачивается катастрофическим, что является ключевым для фиче, т. е. обеспечивает переход от единичного случая к обобщению, в терминологии Блеера и Линдена, — «F-Brücke». Третий критерий — смысловая нагрузка, выходящая за рамки номинативной функции, и связанная с ней способность к обобщению. Деталь не просто называет предмет или признак, но служит проводником обобщающего смысла, переводя читателя с уровня единичного случая на уровень закономерности. Теоретической опорой здесь служат понятия «открытой соотнесенности» факта и художественного осмысления (Гинзбург 1999: 8), а также положение Местергази о художественности в документальном тексте, которая создается отбором, композицией и смысловым акцентированием материала (Местергази 2007).

На основе сплошного анализа текстов (Rückert 2001; 2002; 2006; 2007; 2009; 2010) были выявлены 32 смысловые единицы,

каждая из которых удовлетворяла всем трем критериям. Группировка отобранных единиц проводилась по предметно-референциальному принципу, т. е. по тому, к какой сфере действительности относится деталь: материальные объекты, телесные характеристики человека или речевые / текстовые феномены.

В результате сформировались три кластера: предметные детали (14 единиц) — вещи, артефакты, предметы быта (медальон, наручники, спичечные кораблики, хот-дог, кухонные ножи); телесные детали (10 единиц) — физические признаки человека: следы на теле, жесты, позы (гематомы, шрам на ухе, застывшая поза ребенка); вербальные детали (8 единиц) — единицы, относящиеся к сфере языка и речи: прямая речь героев, письменные тексты, интертекстуальные отсылки, авторски маркированные реплики.

Объединение вербальных деталей и интертекстуальных отсылок в один тип требует своего пояснения. Прямая речь действительно дает читателю ощущение непосредственного присутствия в описываемой сцене, тогда как отсылка к чужому тексту — через цитату, пересказ или аллюзию — вплетает этот текст в общую смысловую ткань повествования. В анализируемом материале обе разновидности выполняют единую функцию: они вводят в документальное повествование «чужой голос», создавая тем самым смысловое напряжение с документальной реальностью. Именно это сходство по функции, а не только по формальному признаку, позволило объединить их в один типологический класс.

Дальнейший анализ каждого типа в свете нарратологических категорий представлен в подразделах 3.3.1–3.3.3.

3.3.1. Предметные детали

Предметные детали — это наиболее частотный тип в текстах Рюкерт. Обыденные вещи обретают символическую связь с травматическим событием, фиксируя его в зримой, осязаемой форме. Так, в статье *Die Mörderin* (RÜCKERT 2001) фигурирует золотой медальон: его носит на шее Валери Люке, заказавшая убийство собственного мужа. Это тот же медальон, который был на муже в день его смерти. На одной стороне медальона выгравировано лицо их общего сына, на другой — ее собственное. Рюкерт описывает украшение нейтральной лексикой, не используя эмоциональной оценки: um den Hals («на шее»),

umhing («носила»), eingeprägt («выгравировано»). На этом фоне резко выделяется фраза: Man gehört zusammen («Они принадлежат друг другу»), звучащая как приговор. Эта оценка автора, вплетенная в описание, обнажает центральный парадокс истории: убийство не разорвало связь между заказчицей и жертвой, а навсегда скрепило ее. Рюкерт не объясняет это противоречие, а представляет его через наглядное воплощение — медальон. С точки зрения категории событийности Лотмана, такая деталь фиксирует результат уже совершенного пересечения границы: убийца и ее жертва оказываются неразрывно связанными через вещь, принадлежавшую погибшему.

Наручники в статье *Todfreunde* (RÜCKERT 2009) фиксируют вынужденный характер отношений между обвиняемым и следователем. Рюкерт использует описание фотографии:

> Große Schwarz-Weiß-Abzüge, auf denen man Jöris und Debisch aneinandergekettet zu Tatorten gehen und von Tatorten kommen sieht. Крупные черно-белые снимки, на которых видно, как Йорис и Дебиш, прикованные друг к другу, идут к местам преступлений и возвращаются оттуда.

Наручники запечатлены на снимках, сделанных после ареста, во время совместных выездов следователя и обвиняемого на места преступлений. В этом контексте они перестают быть лишь технической деталью, а становятся зримым воплощением неразрывных, но пока еще вынужденных отношений. Их эволюцию — от физического принуждения к добровольной человеческой привязанности — раскрывают другие предметные детали.

Позже, во время следствия, Дебиш, обвиняемый в серийных убийствах, мастерит в камере спичечные кораблики и дарит их Йорису на память. Рюкерт фиксирует контраст между возвышенной эстетикой поделок (herrliche Segelschiffe «великолепные парусники») и шокирующим контекстом их появления: изящные модели кораблей созданы в тюремной камере руками серийного убийцы, ожидающего суда за зверские преступления. Благодаря этому контрасту спичечные кораблики превращаются в полифонический символ. В нем заключен кропотливый труд, терпение, попытка упорядочить хаос, но одновременно это жест привязанности, обращенный к конкретному человеку. Дебиш спустя чет-

верть века помнит каждую деталь их совместной жизни, а Йорис хранит кораблики на своем служебном шкафу. Эти хрупкие поделки — свидетельство неразрывной, уже добровольной связи между преступником и следователем. Деталь позволяет увидеть в Дебише человеческое начало, не снимая с него вины: читатель видит в нем не только разрушительное начало, но и потребность в созидании и привязанности, которая находит отклик у следователя.

Понятие фокализации уточняет нарративную перспективу. Читатель видит кораблики с внешней позиции (внешняя фокализация) — Рюкерт не вторгается в сознание Дебиша. Как отмечает К. Ааре, эмпатия в литературной журналистике возникает из сложного взаимодействия голоса и точки зрения, а не определяется исключительно выбором фокализации (Aare 2016). В данном случае даже внешняя позиция наблюдателя предоставляет читателю материал для самостоятельной интерпретации внутреннего мира персонажа — через наблюдаемые действия и их контекст, а не через прямое описание чувств.

Спустя 25 лет связь между преступником и следователем обретает уже бытовое, почти семейное измерение. Во время встречи в психиатрической клинике Дебиш приходит к Йорису с термосом кофе, молоком, сахаром и даже приносит собственную посуду в большом красном рюкзаке:

> Er schenkt aus der Thermoskanne nach, Milch und Zucker, selbst das Geschirr hat er in seinem großen roten Rucksack hergeschleppt. Он разливает кофе из термоса, молоко и сахар, даже посуду он принес с собой в большом красном рюкзаке (ibid.).

Этот жест гостеприимства показывает, что он воспринимает их встречу не как формальное свидание, а как дружеское чаепитие. Так, наручники, кораблики и термос образуют цепочку предметных деталей, которая показывает развитие вынужденной связи в глубокую человеческую привязанность.

Иной принцип — фиксацию мгновенного разрыва между обыденным и зловещим — иллюстрирует пример с хот-догами в тексте о Феликсе (Rückert 2007). Рюкерт описывает обычный семейный ужин: Es gibt Hotdogs, und die Kinder greifen mit gutem Appetit zu («Сегодня хот-доги, и дети набросились на них

с большим аппетитом»). Затем она замечает, что подростки вызываются мыть посуду и наводят образцовый порядок, и лишь из прямой речи отца читатель узнает истинную причину этого усердия: они хотели остаться на кухне одни, чтобы взять ножи (um an die Messer zu kommen). В терминах Лотмана, деталь маркирует момент, предшествующий пересечению границы: лексический контраст между бытовой идиллией (greifen zu, mit gutem Appetit) и прямым называнием орудия убийства фиксирует переход от обыденного к катастрофическому.

3.3.2. Телесные детали

В статье *Schuldig auf Verdacht* (RÜCKERT 2010) речь идет о деле телеведущего Йорга Кахельманна, обвиненного в изнасиловании. Ключевой уликой были гематомы на внутренней стороне бедер заявительницы, которые, по версии обвинения, возникли в результате нападения. Защита обратилась к независимому эксперту-криминалисту Бернду Бринкманну, который усомнился в достоверности этих следов. В ходе экспертного самоэксперимента сотрудница Бринкманна окрасила свои кулаки, нанесла удары по собственным бедрам и получила отпечатки, идентичные предъявленным обвинением. С. Рюкерт приводит этот эксперимент в нейтральном, протокольном изложении:

> In einem Selbstversuch mit eingefärbten Fäusten ist es einer Mitarbeiterin des Sachverständigen Brinkmann ohne Weiteres gelungen, ähnliche Abdrücke auf ihren eigenen Schenkeln hervorzurufen. В ходе самоэксперимента с подкрашенными кулаками сотруднице эксперта Бринкманна без труда удалось вызвать похожие отпечатки на собственных бедрах.

Телесное повреждение, которое обвинение считало следствием нападения, оказывается инсценировкой. Читатель видит, что такие гематомы можно воспроизвести самостоятельно. Рюкерт подкрепляет этот аргумент еще одной фактологической деталью: по показаниям самой заявительницы, накануне она приняла аспирин — антикоагулянт, усиливающий образование гематом, что сделало самодельные кровоподтеки более обширными. Применяя категорию «точки зрения» Успенского, в этом эпизоде можно увидеть столкновение двух идеологических планов: обвинение (гематомы как следствие насилия) и защита (ге-

матомы как симуляция). При этом Рюкерт использует внешнюю фокализацию, последовательно приводит аргументы эксперта и предоставляет читателю самому сделать вывод о симулятивном характере улик. Лингвистически автор контрастирует осторожные формулировки судебно-медицинского института (mochte sich nicht festlegen «не могла определиться») с категоричными выводами Бринкманна (legt sich fest «заявляет определенно», hält es für unmöglich «считает невозможным»), подводя читателя к выводу, что улики, представленные обвинением, несостоятельны, а их происхождение объясняется самоповреждением.

В статье *Wie das Böse nach Tessin kam* (RÜCKERT 2007) шрам на ухе Феликса — след пластической операции — для самого подростка становится знаком уродства: Ich bin verkrüppelt! («Я искалечен!»). Сам по себе шрам — мелкий дефект, заметный разве что при близком рассмотрении, но Феликс реагирует на него как на чудовищное уродство. Это пример психологического плана «точки зрения» по Успенскому: деталь показана через внутреннее восприятие участника событий. В этом контрасте между реальной незаметностью шрама и его гиперболическим переживанием проявляется глубокое ощущение Феликсом собственной ущербности. Убежденность в своем ничтожестве, по версии автора, становится движущей силой преступления. Шрам здесь не причина, а симптом: внешний знак внутреннего разлада, который никто из взрослых не заметил или не придал ему значения.

Застывшая поза маленького Волкера в статье *Die Mörderin* (RÜCKERT 2001) — пример телесной детали, когда травматическое состояние показывается не через повреждение тела, а через неподвижность. Ребенок дни напролет стоит на одном месте, ожидая арестованную мать. Рюкерт формулирует эту сцену скупой, почти протокольной фразой:

> Als sie die Mutter holten, stand er klein am Zaun und wartete: den ganzen Samstag, den Sonntag, den Montag. Am Dienstag sagte ihm jemand, dass die Mama nicht wiederkommen wird. Когда за матерью пришли, он стоял маленький у забора и ждал: всю субботу, все воскресенье, весь понедельник. Во вторник кто-то сказал ему, что мама не вернется.

Лингвистически эффект «растянутого времени» достигается анафорическим перечислением дней («den ganzen Samstag, den Sonntag, den Montag») в сочетании с глаголами, обозначающими длительное состояние (stand, wartete), которые фиксируют длительное, статичное состояние без указания на его завершение. Повествование останавливается, имитируя отсутствие временной границы ожидания. Эта неподвижность выражает отказ принять случившееся, надежду, которая не может исчезнуть, и одновременно полную беспомощность. С точки зрения категорий Успенского, здесь доминирует пространственно-временной план: автор выбирает крупный план (ребенок, забор, ожидание) и растягивает время, перечисляя дни. Понятие фокализации помогает уточнить механизм читательского восприятия: внешняя фокализация показывает ребенка со стороны, но временная протяженность, организованная повествователем, создает эффект субъективного переживания — мы словно сами ждем вместе с ним.

Во всех трех представленных случаях телесная деталь выступает как знак в семиотическом смысле: она указывает на нечто иное, чем она сама (Пирс 2000). Рюкерт активно использует телесные детали как документальные маркеры ущербности, страха, отчуждения.

3.3.3. Вербальные детали

Третий тип — вербальные детали, которые включают прямую речь действующих лиц (зафиксированную в протоколах допросов, интервью или письмах) и интертекстуальные отсылки к фильмам, компьютерным играм, книгам, библейским сюжетам и т. п. Такие детали служат документальными свидетельствами скрытых мотивов, самообмана или подмены реальности вымыслом.

Один из видов интертекстуальных деталей — отсылки к компьютерным играм. В статье *Wie das Böse nach Tessin kam* (Rückert 2007) кодовое слово «Reno» имя персонажа игры Final Fantasy VII — становится для двух подростков сигналом к нападению:

> „Reno“, sagt Felix, das ist ein Name aus Final Fantasy und das Codewort zum Losschlagen. „Reno“, — говорит Феликс, — это имя из Final Fantasy и кодовое слово для нападения.

Рюкерт фиксирует эту отсылку как доказательство того, как игровая логика подменяет собой реальность: для подростков граница между виртуальным сценарием и реальным поступком стерта. Деталь усиливает авторский тезис о том, что жестокие игры формируют иную систему ценностей, замещающую социальные нормы. Именно из этих игр подросток черпал «мужские образцы для подражания, которые были полной противоположностью его отца». Так под влиянием игр и положения аутсайдера в школе «из Феликса-трусишки вырос Феликс-убийца».

Другой пример интертекстуальной детали — отсылка к *Тайному дневнику Лоры Палмер* («Das geheime Tagebuch der Laura Palmer») в расследовании судебной ошибки *Unrecht im Namen des Volkes* (RÜCKERT 2002). Автор цитирует соседку Амели по палате в психиатрической клинике, которая видела у нее эту книгу, и развернуто описывает ее содержание:

> Es ist der alptraumhafte, erotikgeladene Ich-Erzählung eines jungen Mädchens, das seit dem zwölften Lebensjahr vom Vater sexuell heimgesucht und schließlich ermordet wird. Это кошмарный, эротизированный монолог молодой девушки, которая с двенадцати лет подвергалась сексуальному насилию со стороны отца и в конце концов была убита им.

Эта, казалось бы, незначительная деталь указывает на один из возможных литературных источников выдуманной Амели истории изнасилований.

Наряду с интертекстуальными отсылками важную роль играет прямая речь героев статей. В *Die Mörderin* (RÜCKERT 2001) описывается сцена домашнего конфликта: Валери, постоянно терпящая угрозы и унижения от мужа, в какой-то момент хватается за кухонный нож. В ответ муж кричит:

> Bevor du zustichst, lang ich dir eine, und dann wird es dunkel. Прежде чем ты ударишь ножом, я врежу тебе и тогда станет темно.

Это лишь одна из многих угроз, которые представлены в этом тексте:

> Du kommst mir nicht vom Hof! Du kommst in den Teich mit einer Gehwegplatte am Fuß. Ты не сойдешь с моего двора! Ты окажешься в пруду с бетонной плитой на ноге.

> Ich lass dich abknallen, das kostet mich 10 000 Mark — und ein Lächeln. Я прикажу тебя пристрелить, это обойдется мне в десять тысяч марок — и улыбку.

Слова выступают средством контроля и запугивания. Основной вербальной деталью в этой сцене является ответная реплика Валери: Pass auf, dass ich dir nicht zuvorkomme («Смотри, как бы я тебя не опередила»). Рюкерт комментирует ее как «жалкую угрозу», «чахлую шутку» (eine läppische Drohung, ein schwindsüchtiger Scherz).

Идеологический план «точки зрения» (авторская оценка) вторгается таким образом в изображение, подсказывая читателю интерпретацию. И эта оценка неожиданная: ведь читателю с самого заголовка («Убийца») известно, что Валери в конце концов найдет в себе силы на решительные действия. Однако автор не предвосхищает будущее, а фиксирует реальность бытового конфликта: в тот момент, лицом к лицу с мужем, Валери беспомощна, ее «сопротивление» — лишь жалкая шутка. Именно это бессилие в открытой схватке и заставляет женщину в итоге прибегнуть к скрытому, радикальному способу — заказному убийству.

Наконец, вербальная деталь может прозвучать как обличительный вывод, вынесенный всей истории. Описывая семейное прошлое, мать убийцы с горечью признает:

> Wir waren eine ganz normale Familie, jedenfalls haben wir das geglaubt. Мы были совершенно нормальной семьей, по крайней мере, мы так думали.

Эта фраза показывает, что «нормальность» семьи была лишь видимостью.

Указанные примеры демонстрируют, как Рюкерт с помощью задокументированных слов позволяет читателю самостоятельно увидеть скрытую логику происходящего — подмену реальности вымыслом, бессилие спрятано под маской угрозы, а благополучие иллюзорно.

Таким образом, предметные, телесные и вербальные детали фиксируют катастрофическое, но все они реализуют движение от конкретного к типическому, формируя важнейший конститутивный признак жанра «фиче».

3.4. Функции «зловещей детали»

В ходе анализа были выявлены три основные функции «зловещей детали»: визуализация абстрактного, обобщение (выход за пределы частного случая) и формирование эмоционально-нравственной оценки.

Первая функция — визуализация абстрактного — согласуется с концепцией «деления образа» П. В. Палиевского (Палиевский 1962). Художественный образ, по мысли ученого, строится как сложная система взаимоотражений, в которой отдельные детали подсвечивают друг друга, делая зримым скрытый смысл реальности (ibid.). В аналитических текстах Рюкерт эту роль берет на себя «зловещая деталь»: она высвечивает абстрактную мысль через столкновение конкретных, противопоставленных друг другу подробностей. Так конкретная деталь превращает отвлеченную идею в нечто осязаемое. Например, в статье *Gequält, begafft, vergessen* (Rückert 2006) Рюкерт описывает, как жертва изнасилования невольно связывает солнечную погоду с мыслью о своем обидчике:

> Scheint die Sonne, fragt Silvia sich unwillkürlich, ob er jetzt vielleicht Hofgang hat. Когда светит солнце, Сильвия невольно спрашивает себя, не на прогулке ли он сейчас.

Парадоксальная связь между хорошей погодой и вопросом героини показывает, как травма перекраивает восприятие жертвы: безобидный солнечный день становится неотделимым от мысли о тюремном режиме насильника. Читатель видит это не в виде теоретического рассуждения, а через деталь — случайную связь погоды и вопроса, которая выдает глубокое нарушение нормального восприятия.

Вторая функция — обобщение — опирается на концепцию «открытой соотнесенности» Л. Я. Гинзбург (Гинзбург 1999). Единичный факт обретает значение, выходящее за рамки частного случая, и начинает означать нечто общее. В статье *Schuldig auf Verdacht* (Rückert 2010) эксперимент с подкрашенными кулаками описан нейтральным, протокольным языком. Само по себе описание — это фиксация того, как сотрудница эксперта воспроизвела гематомы на собственных бедрах. В контексте некомпетентного обвинения и медийного давления оно демон-

стрирует не только конкретный случай возможной фабрикации улики, но и всю логику системы, в которой правосудие оказывается уязвимым для подобных инсценировок. Документально точная деталь работает как обобщающее свидетельство. Через единичный случай она позволяет читателю увидеть более широкую проблему: как легко сконструировать ложное обвинение, поставив под удар судьбу невиновного человека.

Третья функция — формирование эмоционально-нравственной оценки — реализуется через композицию и отбор речевого материала. Согласно Местергази, художественность в документальном тексте создается не вымыслом, а отбором, композицией и смысловым акцентированием (МЕСТЕРГАЗИ 2007). В статье *Unrecht im Namen des Volkes* (RÜCKERT 2002) Рюкерт описывает, как персонал психиатрической клиники пытался задокументировать гематомы на теле пациентки Амели — улики, которые должны были подтвердить рассказ об ее изнасиловании. Первая серия снимков на Polaroid не удается (все черное). На следующий день главный врач приносит свою любительскую камеру, снимки получаются пересвеченными и сделанными непрофессионально. Полиция формирует из них досье, однако позже в суде путают фотографии, сделанные в разное время. Рюкерт перечисляет эти факты сухо, без комментариев, но сам их отбор — некомпетентность, любительщина, путаница — заставляет читателя увидеть, как системная ошибка следствия и суда разрушает судьбы людей. Деталь работает как наглядное свидетельство, не требуя от автора прямого морализаторства.

Таким образом, три функции «зловещей детали» находят теоретическое обоснование в концепциях Палиевского, Гинзбург и Местергази. Документальная точность детали не ослабляет, а усиливает ее смысловую нагрузку. Именно многослойность «зловещей детали» и позволяет автору выполнять главную жанровую задачу — объяснять сложное через наглядное.

3.5. Ограничения исследования

Проведенное исследование имеет ряд ограничений, которые следует учитывать при интерпретации его результатов и которые определяют направления для дальнейших изысканий. Во-первых, корпус ограничен шестью текстами одного автора, что не позво-

ляет сделать вывод о природе жанра «фиче» в целом; полученные выводы релевантны прежде всего для работ Рюкерт и требуют проверки на более широком материале. Во-вторых, анализ синхроничен, так как охватывает период 2001—2010 гг. и не прослеживает возможную эволюцию метода за пределами этого временного отрезка. В-третьих, в работе отсутствует сравнительный анализ с текстами других немецкоязычных авторов, работающих в жанре «фиче» (например, лауреатов премии Эгона Эрвина Киша), что оставляет открытым вопрос о месте «зловещей детали» в текстах Рюкерт в описываемой жанровой традиции. Все эти ограничения задают направления для будущих исследований: расширение корпуса, диахронический анализ и компаративистика.

4. Заключение

Проведенное исследование показало, что «зловещая деталь» в журналистских расследованиях Рюкерт служит осознанным аналитическим приемом, органично вписанным в жанровую природу фиче. На материале шести текстов (RÜCKERT 2001; 2002; 2006; 2007; 2009; 2010) выделены три типа деталей (предметные, телесные и вербальные), каждый из которых фиксирует переход от обыденного к катастрофическому. Выявлены три функции: визуализация абстрактного (Палиевский), обобщение (Гинзбург) и эмоционально-нравственная оценка через композицию (Местергази).

«Зловещая деталь» выступает неотъемлемым элементом аналитического фиче: она переводит отвлеченные рассуждения в плоскость документально подтвержденных фактов, и именно конкретность этих фактов делает их убедительными для читателя.

Однако избыточная выразительность детали несет в себе риск эстетизации насилия, а ее отрыв от аналитического контекста превращает обобщение в сенсационную подробность, работающую на эмоциональное потрясение, а не на понимание причин явления. Тексты Рюкерт остаются на аналитической стороне этой границы благодаря сдержанной лексике и тому, что деталь почти всегда включена в смысловой контекст, а не существует сама по себе. Осознание подобных ограничений необходимо главным образом для различения аналитического расследования и сенсационной журналистики.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

Гинзбург К. Приметы: уликовая парадигма и ее корни // Новое литературное обозрение. 1994. № 8. С. 32—61. [Ginzburg, Carlo. (1994) Primety: ulikovaya paradigma i yeyo korni (Clues: Roots of an Evidential Paradigm). *Novoye literaturnoye obozreniye*, 8, 32—61. (In Russian)].

Гинзбург Л. Я. О психологической прозе. М.: Intrada, 1999. [Ginzburg, Lidiya Ya. (1999) *O psikhologicheskoy proze* (On Psychological Prose). Moscow: Intrada. (In Russian)].

Женетт Ж. Фигуры. Работы по поэтике: В 2 т. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. [Genette, Gérard. (1998) *Figury. Raboty po poetike* (Figures: Works on Poetics). In 2 vols. Moscow: Sabashnikov Publishing House. (In Russian)].

Колесниченко А. В. Прикладная журналистика. М.: МГУ, 2008. [Kolesnichenko, Aleksandr V. (2008) *Prikladnaya zhurnalistika* (Applied Journalism). Moscow: Moscow State University. (In Russian)].

Лотман Ю. М. Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970. [Lotman, Yuriy M. (1970) *Struktura khudozhestvennogo teksta* (Structure of the Literary Text). Moscow: Iskusstvo. (In Russian)].

Местергази Е. Г. Документальное начало в литературе XX века. М.: Флинта: Наука, 2007. [Mestergazi, Elena G. (2007) *Dokumental'noye nachalo v literature XX veka* (Documentary Principle in 20th Century Literature). Moscow: Flinta: Nauka. (In Russian)].

Палиевский П. В. Внутренняя структура образа // Теория литературы: Основные проблемы в историческом освещении. Кн. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 72—114. [Palievskiy, Petr V. (1962) Vnutrennyaya struktura obraza (Internal Structure of the Image). In: *Teoriya literatury: Osnovnye problemy v istoricheskom osveshchenii* (Theory of Literature: Main Problems in Historical Perspective), Vol. 1. Moscow: USSR Academy of Sciences, 72—114. (In Russian)].

Пирс Ч. С. Избранные философские произведения. М.: Логос, 2000. [Peirce, Charles S. (2000) *Izbrannyye filosofskiye proizvedeniya* (Selected Philosophical Writings). Moscow: Logos. (In Russian)].

Тертычный А. А. Жанры периодической печати. М.: Аспект Пресс, 2014. [Tertychny, Aleksandr A. (2014) *Zhanry periodicheskoy pechati* (Genres of Periodical Press). Moscow: Aspekt Press. (In Russian)].

Успенский Б. А. Поэтика композиции. М.: Искусство, 1970. [Uspenskiy, Boris A. (1970) *Poetika kompozitsii* (Poetics of Composition). Moscow: Iskusstvo. (In Russian)].

Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003.

[Schmid, Wolf (2003) *Narratologiya* (Narratology). Moscow: LRC Publishers. (In Russian)].
Aare, Cecilia. (2016) A Narratological Approach to Literary Journalism: How an Interplay between Voice and Point of View May Create Empathy with the Other. *Literary Journalism Studies*, 8 (1), 106—139.
Bal, Mieke. (2009) *Narratology: Introduction to the Theory of Narrative*. 3rd ed. Toronto: University of Toronto Press.
Berning, Nora. (2011) *Narrative Means to Journalistic Ends: A Narratological Analysis of Selected Journalistic Reportages*. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften.
Bleher, Christian & Linden, Peter. (2015) *Feature: Theorie und Praxis*. Köln: Herbert von Halem Verlag.
Freud, Sigmund. (1919) Das Unheimliche. *Imago. Zeitschrift für Anwendung der Psychoanalyse auf die Geisteswissenschaften*, Bd V, Heft 5/6, 297—324.
Haller, Michael. (2020) *Die Reportage: Theorie und Praxis des Erzähljournalismus*. Köln: Herbert von Halem Verlag. (Praktischer Journalismus; 8).
Wolff, Volker. (2006) *Das Feature. Eine Einführung in Theorie und Praxis*. Konstanz: UVK Verlagsgesellschaft.

Список источников / Quellenverzeichnis / List of Sources

Rückert, Sabine. (2001) Die Mörderin. *Die Zeit*, 26.07.2001.
Rückert, Sabine. (2002) Unrecht im Namen des Volkes. *Die Zeit*, Nr. 19/2002. 02.05.2002.
Rückert, Sabine. (2006) Gequält, begafft, vergessen. *Die Zeit*, Nr. 47/2006.16.11.2006.
Rückert, Sabine. (2007) Wie das Böse nach Tessin kam. *Die Zeit*, Nr. 26/2007. 21.06.2007.
Rückert, Sabine. (2009) Todfreunde. *Die Zeit*, Nr. 40/2009. 24.09.2009.
Rückert, Sabine. (2010) Schuldig auf Verdacht. *Die Zeit*, Nr. 26/2010. 24.06.2010.

Maria V. Petrova
Lomonosov Moscow State University

Poetics of the "Sinister Detail" in the Analytical Features by Sabine Rückert

A documentary precise detail in journalistic investigation can convey a meaning that goes beyond the individual case. In the texts of Sabine Rückert, a journalist for the weekly "Die Zeit", such details mark the transition from the ordinary to the catastrophic and are defined in this study as "sin-

ister details". The aim of the research is to identify and systematize the functions of the "sinister detail" in Rückert's crime reports. The empirical basis comprises six publications (2001—2010), representing both types of thematic organization of the feature: "how-topics" (Wie-Themen) and "trend topics" (Trend-Themen). The theoretical framework combines German journalistic genre theory (Haller, Wolff, Bleher, Linden), the poetics of documentary writing (L. Ginzburg, E. Mestergazi), narratological apparatus (Lotman's eventfulness, Uspensky's point of view, Genette's and Schmid's focalization) and Carlo Ginzburg's evidential paradigm. The study employs structural, functional, contextual and linguopoetic analysis, covering a wide range of lexical, semantic and pragmatic aspects. On the basis of a comprehensive analysis of 32 meaningful units, three types of "sinister details" are identified. Object details (locket, handcuffs, hot dog) acquire a symbolic connection with a traumatic event. Corporeal details (haematomas, scar on the ear, frozen posture of a child) act as documentary markers of damage, fear and alienation. Verbal details (direct speech, intertextual references) introduce a foreign voice into the narrative, diverging from factual reality. Each type records the moment of crossing the semantic boundary between the norm and its violation. Three functions of detail consider revealing: visualization of the abstract (concrete detail makes an abstract idea visible), generalization (single fact can transcend the individual case) and formation of emotional and moral assessment through the selection and compositional arrangement of details. The analytical power of a detail is preserved only if it is documented and contextually anchored; excessive expressiveness leads to an aesthetization of violence and destroys the generalizing function. Thus, the detail ensures the transition from the individual case to social regularity — a constitutive feature of the feature genre.

Keywords: sinister detail; Sabine Rückert; feature; journalistic investigation; poetics of documentary writing

Для цитирования:
Петрова М. В. Поэтика «Зловещей детали» в аналитических фиче Сабины Рюкерт // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2026. № XXIII. С. 201—226.
DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2026-23-201-226.

To cite this Article:
Petrova, Maria V. (2026) Poetika "Zloveshchey detali" v analiticheskikh fiche Sabiny Ryukert (Poetics of the "Sinister Detail" in the Analytical Features by Sabine Rückert). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov*

(Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 23, 201—226. (In Russian).
DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2026-23-201-226.

Статья поступила в редакцию 11.05.2026; принята к публикации 10.06.2026
The article was submitted 11.05.2026; accepted for publication 10.06.2026

Т. А. Сухова
Нижегородский государственный лингвистический университет

СРЕДСТВА ВЕРБАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА «ИМПЛИЦИТНОЕ» В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ (КОГНИТИВНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Исследование посвящено проблеме языковой репрезентации концепта ИМПЛИЦИТНОЕ в современном немецком языке. Актуальность работы связана с необходимостью комплексного описания разноуровневых языковых средств, служащих для передачи скрытых смыслов, которым отводится ключевая роль в коммуникативных процессах. До настоящего времени в лингвистике не предпринималось попытки системного описания средств вербализации имплицитности на материале немецкого языка: существующие работы рассматривают лишь отдельные ее аспекты. Данное исследование призвано восполнить эту лакуну, в чем и заключается его новизна. В рамках когнитивно-семантического анализа рассматриваются лексические единицы прямой номинации (прилагательные implizit, versteckt, unausgesprochen; глаголы andeuten, implizieren; существительные Andeutung, Subtext, Implikation), логико-семантические механизмы (пресуппозиции, импликатуры), а также грамматические и дискурсивные маркеры немецкого языка (модальные глаголы, частицы, коннекторы). Теоретической базой исследования являются положения когнитивной лингвистики и теории концептуальной интеграции, что позволяет интерпретировать имплицитные смыслы как результат сложных когнитивных процессов, а не просто как лакуны в эксплицитном выражении. Особое внимание в статье уделяется разграничению неотменяемых пресуппозиций (на примере немецких глаголов kennen и wissen) и отменяемых импликатур (на примере квантора einige), что способствует более точному пониманию разных типов имплицитных смыслов. В статье показывается, как эти средства формируют иерархически организованную полевую структуру, обеспечивающую реализацию концепта ИМПЛИЦИТНОЕ в речи. Выделяются три концентрические зоны: ядро (лексика прямой номинации), ближняя периферия (универсальные логико-семантические механизмы) и дальняя периферия (специфические грамматические и дискурсивные маркеры немецкого языка). Предлагаемая модель позволяет преодолеть разрозненность существующих описаний и представить имплицитность как единый феномен, охватывающий все уровни языковой си-

стемы — от морфологии до дискурса. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования результатов работы в области преподавания немецкого языка как иностранного, в теории перевода и в лингвокриминалистике.
Ключевые слова: имплицитность; концептуальная модель; средства вербализации; пресуппозиция; импликатура

1. Введение

Исследования последних десятилетий, ориентированные на изучение проблемы имплицитности, убеждают в том, что скрытые смыслы являются не периферийным, а фундаментальным свойством естественного языка. Это свойство неразрывно связано с когнитивными механизмами восприятия, переработки и интерпретации информации, поскольку именно способность сознания извлекать невыраженное содержание обеспечивает эффективность коммуникации (Бондарко 2006: 22; Бегинина 2014: 18).

Существует целый ряд работ, посвященных отдельным аспектам имплицитности (О. В. Александрова, О. Д. Вишнякова, А. А Липгарт, Н. А. Голубева, Л. В. Екшембеева, М. В. Ларионова). Однако практически все эти работы сосредоточены либо на отдельных механизмах, либо на материале конкретных дискурсов, либо на лексических или грамматических средствах в их изолированном рассмотрении. Вопрос о системном описании разноуровневых средств вербализации имплицитности как единого комплекса, в частности, на материале немецкого языка, остается открытым. Не менее важно и то, что немецкий язык обладает рядом специфических грамматических и дискурсивных средств выражения имплицитных смыслов — модальные частицы, коннекторы в инициальной позиции, особые синтаксические конструкции пассива, импликативных предложений, — которые требуют особого внимания при построении целостной модели. Отсутствие такой модели затрудняет не только описание языковой картины мира носителей немецкого языка, но и сопоставительные исследования, что указывает на *актуальность* обсуждаемой в статье проблемы.

Целью статьи являются выявление и систематизация языковых средств репрезентации концепта ИМПЛИЦИТНОЕ в со-

временном немецком языке по модели иерархической полевой структуры (ядро — ближняя периферия — дальняя периферия). Такой подход позволяет преодолеть фрагментарность описаний и представить имплицитность как целостный когнитивный феномен, функционирующий на всех уровнях языковой системы — от лексики до синтаксиса и дискурса и свидетельствует о *новизне* полученных результатов.

2. Характеристика материала и методов исследования

Актуальным для анализа средств вербализации рассматриваемого концепта является полевой подход воронежской научной школы (Бабушкин & Стернин 2018), выстраивающий систему языковых единиц по принципу «ядро (прямые номинации) — периферия (контекстуальные средства)». Выбор такого подхода обусловлен несколькими причинами. Полевой подход в рамках настоящего исследования дает возможность систематизировать разнородные языковые единицы (от лексем до синтаксических конструкций и дискурсивных маркеров) по единой модели. В его основе лежит принцип «ядро — периферия», где ядро составляют единицы прямой номинации концепта (лексические средства с семантическим компонентом «невыраженность»), а периферию — средства, которые актуализируют имплицитный смысл в конкретном контексте (грамматические, дискурсивные, логико-семантические механизмы). Заявленный подход отличается гибкостью, поскольку он допускает перемещение единиц из периферии в ядро и обратно в зависимости от контекста и коммуникативных факторов, что является существенным для такого динамичного феномена, как имплицитность.

В рамках предлагаемой полевой модели мы выделяем три зоны: ядро (лексика прямой номинации, например, implizit, unausgesprochen, Andeutung и др.), ближнюю периферию (универсальные логико-семантические механизмы, а именно пресуппозиции и импликатуры) и дальнюю периферию (грамматические и дискурсивные маркеры, специфические для немецкого языка: модальные глаголы, частицы, коннекторы, пассивные конструкции). Подобная трехуровневая модель позволяет, с одной стороны, обеспечить целостность описания, а с другой — наглядно продемонстрировать переход между явными и скрытыми спосо-

бами выражения смысла.

В ходе исследования использовались специальные методы когнитивной лингвистики: объяснительное описание, интерпретация, когнитивное моделирование, методы концептуального и концептуально-дефиниционного анализа.

3. Результаты исследования и их обсуждение

В современной когнитивной лингвистике существует несколько подходов к пониманию концепта. Мы рассматриваем концепт, вслед за (Воркачев 2003; Карасик 2004) и др., как сложное ментальное образование по причине того, что концепту ИМПЛИЦИТНОЕ присуща высокая степень абстракции и интерпретируемости.

Концепт ИМПЛИЦИТНОЕ обладает двумя ключевыми семантическими особенностями. Во-первых, высокая степень обобщения, так как он не связан непосредственно с физическим миром, а отражает фундаментальное свойство мышления и коммуникации — способность передавать и правильно интерпретировать вербально невыраженное содержание. Во-вторых, этот концепт неразрывно связан со способностью человеческого сознания, извлекать и понимать неявные смыслы, т. е. с механизмами инференции, пресуппозиции и импликатуры (Дейк & Кинч 1988; Залевская 2005) в подтверждение тезиса о том, что «значение слова живет двойной жизнью». И эта двойственность языкового знака — эксплицитное / имплицитное — лежит в основе когнитивной обработки языковой информации (Залевская 2010).

Рассмотрим систему средств вербализации имплицитных смыслов в немецком языке в русле избранной нами методологии исследования.

3.1. Ядро концепта: лексические средства прямой номинации

Ядро концепта ИМПЛИЦИТНОЕ в немецком языке составляют языковые единицы, в семантической структуре которых идея недосказанности, скрытости или подразумевания закреплена на словарном уровне. Эти слова выступают в роли когнитивных ключей, прямо активируя в сознании ментальный образ, связанный с невыраженными смыслами, и тем самым задают направление для последующего понимания текста.

Среди таких единиц, в первую очередь, выделяются имена прилагательные, обозначающие качество невыраженности. Это лексемы implizit ‘неявный, подразумеваемый’, versteckt ‘скрытый’, latent ‘латентный, присутствующий, но не проявляющийся’ и unausgesprochen ‘невысказанный’, например:

(1) …das Entscheidende schwingt mit, bleibt aber *unausgesprochen*: die Soigniertheit großbürgerlicher Gemessenheit, der Gleichmut… …самое главное подразумевается, но остается невысказанным: изысканность буржуазной степенности, невозмутимость... (MÜLLER: URL) (здесь и далее перевод и выделение наши — *авт.*).

В примере (1) самое существенное звучит в подтексте, но остается невыраженным. Здесь лексема unausgesprochen не просто фиксирует отсутствие прямой вербализации; она подчеркивает, что именно эта невысказанная часть является наиболее важной для понимания авторской позиции.

В примере (2) ниже таким прагматическим маркером служит прилагательное latent. В публицистических или экономических текстах latente Gefahr маркирует угрозу, которая не проявляется явно, но может быть выявлена в контексте. Это ключ к пониманию того, что речь идет не об очевидной угрозе, а о возможной, существующей в виде скрытого потенциала:

(2) Die Landtagswahlen sind eine *latente Gefahr* für den Plan von Kanzler Karl Nehammer. Выборы в земельные парламенты представляют собой скрытую угрозу для плана канцлера Карла Нехаммера (LANDTAGSWAHLEN: URL).

Помимо прилагательных, в ядро концептуального поля входят перформативные глаголы, которые передают процессуальный аспект имплицитности — само действие создания или восприятия неполно выраженной информации. К ним относятся andeuten ‘намекать’, implizieren ‘подразумевать’, например:

(3) Was will der Autor mit dieser Metapher *andeuten*? На что автор хочет намекнуть этой метафорой?

В приведенном примере (3) с вопросом глагол andeuten побуждает реципиента к интерпретации, подчеркивая, что смысл не исчерпывается буквальным значением образа.

Кроме прилагательных и глаголов к ядерной группе можно отнести имена существительные, которые фиксируют результат

имплицитной коммуникации: die Andeutung (намек), der Subtext (подтекст), die Implikation (импликация):

(4) Die Gräfin war durch *die Andeutungen*, welche Anna Michailowna während des Mittagessens gemacht hatte, bereits hinreichend vorbereitet. Графиня была уже достаточно подготовлена намеками, сделанными Анной Михайловной во время обеда (TOLSTOI: URL).

Здесь форма множественного числа Andeutungen показывает, что имплицитное воздействие может быть дискретным, состоящим из нескольких отдельных сигналов, которые в совокупности подготавливают реципиента к восприятию важной, но не высказываемой прямо информации, как представлено также в примере (5) с существительным Subtext:

(5) Der *Subtext* dieses 'Polizeirufs' ist klar: Pflegenotstand in der Rentnerrepublik Deutschland. Подтекст этого «крика полиции» ясен: кризис ухода за престарелыми в Германии (SEDLMAIER: URL).

Слово Subtext в современной публицистике маркирует публицистический смысл, который лежит за пределами буквального сюжета. Как отмечается в рецензии на телесериал «Крик полиции», «подтекст этого фильма ясен: кризис в сфере ухода за пожилыми людьми». Здесь Subtext вербализует итог инференции реципиента, который выполняет функцию когнитивного ключа, направляющего интерпретацию.

Таким образом, ядерные средства вербализации концепта ИМПЛИЦИТНОЕ в немецком языке охватывают три взаимодополняющих аспекта: качество невыраженности (прилагательные), процессуальную сторону намека или подразумевания (глаголы) и результат — собственно намек или подтекст (существительные). Эти языковые единицы являются «языковыми ключами» интерпретации концепта ИМПЛИЦИТНОЕ.

3.2. Ближняя периферия: универсальные механизмы порождения имплицитности

Ближнюю периферию концепта ИМПЛИЦИТНОЕ составляют логико-семантические механизмы, которые присутствуют в большинстве языков и способствуют возникновению скрытых смыслов. Прежде всего, следует упомянуть пресуппозиции и импликатуры: две фундаментальные категории, подробно изучаемые прагматикой и когнитивной семантикой.

Под *пресуппозицией* в лингвистике понимается компонент смысла предложения, который должен быть истинным, чтобы предложение воспринималось как осмысленное и уместное. т. е. речь идет о фоновом знании, которое является общим и единым для адресанта и адресата. В (Голубева 2022) пресуппозиция обоснована как «когнитивная прецедентная модель». Так, в числе других грамматических средств в немецком языке маркерами пресуппозиции выступают определенный артикль и придаточные предложения в позиции подлежащего, например:

(6) Es ist erstaunlich, dass er die Prüfung bestanden hat. Удивительно, что он сдал экзамен.

Пресуппозицией в примере (6) является знание о том, что он действительно сдал экзамен, которое подается как данность, а не как новая информация. Даже если мы представим отрицательную версию — Es ist nicht erstaunlich, dass er die Prüfung bestanden hat — пресуппозиция (он сдал экзамен) сохранится. Именно это свойство устойчивости к отрицанию отличает пресуппозицию от обычного утверждения. Такие пресуппозиции вводятся фактивными предикатами erstaunlich sein ‘быть удивительным’, bedauern ‘сожалеть’, wissen ‘знать’ и др., которые заставляют слушающего воспринимать содержание высказывания, полностью доверяя говорящему, не нуждаясь в дополнительной проверке. Кроме пресуппозиций, маркированных определенным артиклем или фактивными предикатами, в немецком языке присутствуют лексические пресуппозиции, которые закреплены в семантике отдельных глаголов, например, в глаголе aufhören ‘перестать, прекратить’:

(7) Peter hat aufgehört zu rauchen. Петер бросил курить.

Пресуппозиция в примере (7) заключается в том, что Петер курил раньше. Сообщение о том, что кто-то прекратил делать что-то, осмысленно только в том случае, если известно, что он это что-то делал ранее. Утверждение «er hat aufgehört zu rauchen» содержит в себе пресуппозицию «er hat früher geraucht». Когнитивный контекст, передаваемый в примере (7), указывает на то, что, если бы Петер не курил раньше, фраза была бы абсурдной. *Когнитивный контекст* понимается в этом случае как «дискретное объединение элементов и их признаков при пред-

ставлении знания о мире, осмыслении соответствующего объекта или явления» (Болдырев 2009: 32).

Пресуппозиция сохраняется и при отрицании. Ср.: Er hat nicht aufgehört zu rauchen (Он не перестал курить). Она тем не менее подразумевает, что он курил. Таким образом, глагол aufhören относится к классу импликативных глаголов, которые вводят в высказывание неотменяемое фоновое знание о предшествующем положении дел.

Роль неотменяемой пресуппозиции при импликации смысла прослеживается также в глаголах kennen ‘знать’ и wissen ‘знать’. Глагол kennen имплицирует предварительное знание о какой-либо сущности (лице, предмете и др.), наделяя ее признаком «известно из опыта» (пример 8), а wissen имплицирует знание на решение какой-либо проблемы «в голове» (пример 9):

(8) Ich kenne diese Kopfschmerzen. Эти головные боли мне известны.

(9) Ich weiß einen Ausweg / eine Antwort / ein Rezept. Я знаю выход (из положения) / ответ / рецепт (Kars & Häussermann 1992: 44)

В рамках полевой структуры концепта ИМПЛИЦИТНОЕ такие лексические пресуппозиции входят в ближнюю периферию, поскольку они порождают неявный смысл не на уровне грамматики (как определенный артикль) и не на уровне выводных стратегий (как импликатуры), а непосредственно в лексической семантике слова.

Другим немаловажным механизмом порождения скрытых смыслов являются импликатуры (термин Г. П. Грайса). В отличие от пресуппозиций импликатуры рассматриваются как выводное знание, которое реципиент извлекает из высказывания, учитывая когнитивный контекст и принципы общения. Ключевое свойство импликатуры — ее аннулируемость. При необходимости говорящий может добавить уточнение, которое снимет имплицитный вывод, не создавая противоречия. Рассмотрим пример импликатуры в немецком языке:

(10) *Einige* Studenten haben die Arbeit abgegeben. Некоторые студенты сдали работу.

В буквальном значении утверждается лишь то, что как минимум несколько студентов выполнили задание. Однако в обычной коммуникативной ситуации адресат делает вывод:

«сдали не все». Почему возникает этот вывод? Потому что, если бы работу сдали все, говорящий, скорее всего, употребил бы слово alle ‘все’. Выбор более слабого квантора einige имплицирует, что более сильное утверждение было бы ложным.

Показательно, что данную импликатуру можно отменить:

(11) Einige Studenten haben die Arbeit abgegeben — eigentlich *alle*. Некоторые студенты сдали работу — вообще-то все.

Хотя такая отмена звучит неестественно, она не приводит к логическому противоречию, что и демонстрирует различие между отменяемой импликатурой и неотменяемой пресуппозицией.

Таким образом, пресуппозиции и импликатуры составляют ближнюю периферию концепта ИМПЛИЦИТНОЕ, так как они представляют собой универсальные когнитивные операции, лежащие в основе любого акта непрямой коммуникации. Если ядерные средства (лексика прямой номинации) лишь называют скрытый смысл, то пресуппозиции и импликатуры являются теми механизмами, которые этот смысл порождают или обнаруживают. В немецком языке эти механизмы реализуются через конкретные грамматические маркеры (определенный артикль, фактивные предикаты, кванторы), однако сами по себе они имеют общечеловеческий, когнитивный характер.

3.3. Дальняя периферия: грамматические и дискурсивные средства немецкого языка

Дальнюю периферию концепта ИМПЛИЦИТНОЕ составляют такие языковые механизмы, которые непосредственно встроены в грамматическую структуру немецкого языка и нацелены на передачу неявных смыслов. В отличие от лексических единиц ядра, которые прямо называют невыраженность, и от универсальных логико-семантических механизмов ближней периферии (пресуппозиций и импликатур), эти механизмы являются грамматически обусловленными и часто действуют на уровне целого высказывания или дискурса. К наиболее значимым относятся модальные глаголы, модальные частицы, коннекторы, а также пассивные конструкции.

Модальные глаголы являются тонким инструментом выражения имплицитной оценки. Они способствуют интерпретации

отношения говорящего к информации и позволяют говорящему дистанцироваться от сообщаемого или выразить сомнение, не вербализуя его прямо, например:

(12) Er *will* den Unfall selbst gesehen haben. Он утверждает, что сам видел аварию.

Модальный глагол wollen в (12) имплицирует, что говорящий не берет на себя ответственность за истинность слов носителя действия (er — третьего лица) и, возможно, ставит их под сомнение. Если бы говорящий хотел передать уверенность в актуализируемом содержании, он использовал бы другую конструкцию, например, Er hat den Unfall selbst gesehen. Таким образом, модальный глагол становится сигналом непрямого свидетельства, и слушающий самостоятельно формирует степень доверия к сообщению.

Аналогичным примером наряду с другими модальными глаголами может быть mögen для выражения предположения с оттенком неуверенности. В данной функции глагол выражает значение частиц wohl или vielleicht ‘по-видимому, возможно’, например:

(13) *Mag* sein, dass er recht hat, aber ganz überzeugt bin ich nicht. Возможно, он и прав, но я не совсем убежден.

В (13) глагол mögen имплицирует предположение адресанта. Порождаемый здесь имплицитный смысл многослоен: с одной стороны, говорящий не исключает истинность чужого мнения, с другой, выражает сомнение, которое эксплицируется последующей отрицательной конструкцией ganz überzeugt bin ich nicht.

Еще более специфичным и аутентичным для немецкого языка средством являются модальные частицы ja, schon, mal, denn, doch и др., которые придают высказыванию многообразные дополнительные коннотации (апелляция к общему знанию, смягчение категоричности, усиление эмоциональности). Эти смыслы почти невозможно выразить эксплицитно без потери коммуникативной связи, например:

(14) Das kann *doch* nicht wahr sein. Этого же не может быть!

Частица doch в (14) вносит имплицитно семантический компонент удивления, возмущения, апелляции к собеседнику.

Частица ja в (15) подобным образом выражает солидаризацию адресанта и адресата, для которых семантическая ситуация на основе их общего знания является очевидной, ср.:

(15) Das ist ja eine Überraschung! *Вот так сюрприз!*

Модальные частицы не обладают самостоятельным лексическим значением, но их присутствие или отсутствие кардинально меняет прагматический вектор высказывания, так как имплицируемый ими смысл передается через их эмоционально-модальную оболочку.

Определенный интерес в нашем случае представляют коннекторы, другими словами, союзы и союзные слова. Как отмечается в (Голубева 2017), они могут являться формальными маркерами имплицитных смыслов, направляя интерпретацию адресата в нужное русло. Так, коннектор und ‘и’ в инициальной позиции (на материале религиозного дискурса) позволяет выделить несколько функций, одна из которых — маркирование «семантической дыры», т. е. имплицированного когнитивного контекста, который должен быть восстановлен адресатом, например;

(16) *Und* die Bibel hat doch recht. А Библия все-таки права.

В примере (16) коннектор указывает на связь с имплицированным знанием, выступая знаком «разрыва», который должен быть восстановлен реципиентом (ibid.: 424). Такое употребление und выходит за рамки соединения однородных членов или предложений, оно приобретает метадискурсивную функцию управления выводными процессами адресата.

К числу грамматических форм немецкого языка, имплицирующих смыслы, относятся пассив действия (Vorgangspassiv) и пассив состояния (Zustandspassiv), главной коммуникативной стратегией которых является намеренное сокрытие субъекта действия. Когнитивной доминантой в пассиве выступает само действие. В результате создается эффект объективности, безличности или подчиненности обстоятельствам, например:

(17) In diesem Jahr *wird* in der Stadt viel *gebaut*. В этом году в городе много строят.

Имплицитный смысл, порождаемый пассивным залогом, может быть разным: от указания на всеобщность действия (много

строят) до снятия ответственности с конкретного исполнителя:

(18) Im zweiten Weltkrieg (1939—1945) *sind* (von den Faschisten) einige Millionen Juden *vernichtet worden*. Во Второй мировой войне (1939—1945) (фашисты) уничтожили несколько миллионов евреев.

Как можно заметить, в «творческой функции сознания» Субъекта познания (Н. Н. Болдырев) пассивные структуры в немецком языке достаточно активны в импликации смысла. Как показано в (Голубева 2021), глагол überraschen в пассиве выступает синонимом глагола ertappen и предполагает вопрос wobei ‘застать кого-либо за каким-то неудобным состоянием или занятием’, а в активе предполагает вопрос womit ‘удивить чем?)’. Таким образом, нейтральный глагол überraschen ‘удивлять’ имплицирует в пассиве семантический эффект пейоративного признака:

(19) Paul *wurde* von Peter *überrascht*. Петр неприятно удивил Пауля.

Не менее интересный лингвистический факт в этом смысле автор констатирует на примере модального глагола können ‘мочь’. Если с активом (пример 20) спрягаемый глагол связан с признаками «способность» и «возможность» в зависимости от когнитивного контекста, то в пассиве (пример 21) активированным оказывается только признак «возможность». Таким образом, имплицируется грамматическая информация о том, что глагол с признаком «возможность» может иметь семантическое согласование как с лексемой Sitzung ‘заседание’, так и с лексемой Herr Müller ‘господин Мюллер’, а глагол с признаком «способность» может сочетаться только с лексемой, наделенной признаком «одушевленность» (ibid.). Ср.:

(20) Herr Müller *kann* Sitzungen *leiten*. Господин Мюллер способен / может проводить заседания.

(21) Sitzungen *können* von Herrn Müller *geleitet werden*. Заседания могут проводиться господином Мюллером.

Итак, все перечисленные грамматические и дискурсивные средства (модальные глаголы, модальные частицы, коннекторы и пассив) объединяет то, что они порождают, направляют и модифицируют имплицитный смысл. Они относятся к дальней, наиболее динамичной и наименее очевидной для неподготовленного наблюдателя периферии концепта ИМПЛИЦИТНОЕ

в немецком языке, демонстрируя, насколько глубоко неявные смыслы могут быть укоренены в самой грамматической системе.

4. Заключение

Проведенный анализ показал, что концепт ИМПЛИЦИТНОЕ обладает двумя семантическими доминантами — высокой степенью абстракции и интерпретируемости. Средства вербализации концепта ИМПЛИЦИТНОЕ в немецком языке обусловлены действием когнитивных механизмов (инференция, импликация, интерпретация), не представляют собой хаотичный набор разрозненных факторов, а образуют иерархически организованную когнитивную модель поля, которая объективируется лексическими единицами прямой номинации (ядро), универсальными семантическими механизмами (ближняя периферия) и специализированными грамматическими и дискурсивными маркерами (дальняя периферия). При этом универсальные механизмы ближней периферии демонстрируют принципиальное различие: пресуппозиции являются неотменяемыми (сохраняются при отрицании, как в случае с глаголом kennen), тогда как импликатуры могут быть отменены дополнительным контекстом (например, импликатура квантора einige снимается уточнением eigentlich alle). Данная системность позволила раскрыть специфику немецкого языка, располагающего богатым инструментарием для передачи скрытых смыслов на всех языковых уровнях.

Перспективой дальнейшего исследования является изучение функционирования данных средств в различных типах дискурса и его жанровой разновидности. Это особенно важно для германистики, поскольку многие из рассмотренных средств не имеют прямых аналогов в других языках, и их осмысленное употребление требует от носителя глубокого владения когнитивными и языковыми механизмами при импликации смыслов. Кроме того, разработанная концептуальная модель поля может быть использована в научно-дидактических целях для экспериментальных исследований, а также для успешного усвоения иностранного языка, в переводческой практике и лингвокриминалистике.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

Бабушкин А. П., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика и ономасиология: монография. Воронеж : ООО «Ритм», 2018. [Babushkin, Anatoliy P. & Sternin, Iosif A. (2018) Kognitivnaya lingvistika i onomasiologiya (Cognitive Linguistics and Onomasiology). Voronezh: Ritm. (In Russian)].

Бегинина А. О. Имплицитность и средства ее выражения // Гуманитарные исследования. 2014. № 1 (49). С. 15—19. [Beginina, Alena O. (2014) Implitsitnost' i sredstva ee vyrazheniya (Implicitness and Means of its Expression). *Gumanitarnye issledovaniya*, 1 (49), 15—19. (In Russian)].

Болдырев Н. Н. Концептуальная основа языка // Когнитивные исследования языка: Концептуализация мира в языке. М: ИЯ РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2009. Вып. IV. С. 25—77. [Boldyrev, Nikolay N. (2009) Kontseptual''naya osnova yazyka [Conceptual basis of language]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka* (Cognitive Language Research), IV, 25—77. (In Russian)].

Бондарко А. В. Эксплицитность / имплицитность в общей системе категоризации семантики // Семантико-дискурсивные исследования языка: эксплицитность / имплицитность выражения смыслов: материалы междунар. науч. конф. Калининград: Российский гос. ун-т им. Иммануила Канта, 2006. С. 22—33. [Bondarko, Aleksandr V. (2006) Eksplitsitnost' / implitsitnost' v obshchey sisteme kategorizatsii semantiki (Explicitness / Implicitness in the General System of Categorization of Semantics). In: Vaylina, S. S. (ed.) *Semantiko-diskursivnye issledovaniya yazyka: eksplitsitnost' / implitsitnost' vyrazheniya smyslov* (Semantic-discursive studies of language: explicitness/implicitness of expression of meanings). Kaliningrad: Immanuel Kant State University of Russia, 22—33. (In Russian)].

Воркачев С. Г. Концепт как «зонтиковый термин» // Язык, сознание, коммуникация. 2003. Вып. 24. С. 5—12. [Vorkachev, Sergey G. (2003) Kontsept kak "zontikovyy termin" (Concept as an "Umbrella Term"). *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya* (Language, consciousness, communication), 24, 5—12. (In Russian)].

Голубева Н. А. Немецкие коннекторы как маркеры концептов скрытого смысла // Когнитивные исследования языка. 2017. Вып. XXX. С. 423–426. [Golubeva, Nadezhda A. (2017) Nemetskiye konnektory kak markery kontseptov skrytogo smysla (German Connectors as Markers of Concepts of Hidden Meaning). *Kognitivnye issledovaniya yazyka* (Cognitive Language Research), XXX, 423—426. (In Russian)].

Голубева Н. А. Прецедентность в парадигматике и синтагматике (на примере сравнений немецкого языка) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2022. № 1. С. 85—101. [Golubeva, Nadezhda A. (2022) Pretsedentnost' v paradigmatike i sintagmatike (na primere sravneniy nemetskogo yazyka) (Precedent Phenomena in Paradigmatics and Syntagmatics: Based on German Comparisons). *Issues of Cognitive Linguistics*, 1, 85—101. (In Russian)].

Голубева Н. А. Прецедентные единицы в когнитивном аспекте (на материале пассива) // Языки и культуры: междисциплинарные исследования: сб. ст. / под ред. С. Ю. Рубцовой, Е. К. Рохлиной. СПб.: СПбГУ, 2021. С. 269—282. [Golubeva, Nadezhda A. (2021) Pretsedentnye edinitsy v kognitivnom aspekte (na materiale passiva) (Precedent Units in the Cognitive Aspect: Based on Passive Voice). In: Rubtsova, Svetlana Yu. & Rokhlina, Elena K. (eds) *Yazyki i kul'tury: mezhdistsiplinarnye issledovaniya* (Languages and Cultures: Interdisciplinary Studies). Saint Petersburg: Saint Petersburg University Press, 269—282. (In Russian)].

Дейк Т. А. ван., Кинч В. Стратегия понимания связанного текста // Новое в зарубежной лингвистике. 1988. Вып. 23: Когнитивные аспекты языка. С. 153—211. [Dijk, Teun A. van & Kintsch, Walter. (1988) Strategiya ponimaniya svyazannogo teksta (Strategies of Discourse Comprehension). *Novoye v zarubezhnoy lingvistike* (New in Foreign Linguisitcs), 23, 153—211. (In Russian)].

Залевская А. А. Двойная жизнь значения слова и возможности ее исследования // Язык, сознание, коммуникация. 2010. Вып. 40. С. 9—15. [Zalevskaya, Aleksandra A. (2010) Dvoynaya zhizn' znacheniya slova i vozmozhnosti ee issledovaniya (The Double Life of Word Meaning and Possibilities of its Study). *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya* (Language, consciousness, communication), 40, 9—15. (In Russian)].

Залевская А. А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: избранные труды. М.: Гнозис, 2005. [Zalevskaya, Aleksandra A. (2005) *Psikholingvisticheskie issledovaniya. Slovo. Tekst* (Psycholinguistic Studies. Word. Text). Moscow: Gnozis. (In Russian)].

Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. [Karasik, Vladimir I. (2004) *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* (Language Circle: Personality, Concepts, Discourse). Moscow: Gnozis. (In Russian)].

Kars J. & Häussermann U. (1992) Grundgrammatik Deutsch. Frankfurt a. M.: Diesterweg; Sauerländer.

Landtagswahlen — *Landtagswahlen als latente Gefahr für Kanzler-Plan*. Re-

trieved from https://www.krone.at/3547604.
Müller, M. Theodor Fontane: Reise nach Italien. *Literaturportal Bayern*. Retrieved from https://www.literaturportal-bayern.de/themen?task=lpbtheme.default&id=1472.
Sedlmaier, Tobias. Das Siechtum der Unsichtbaren. *Neue Zürcher Zeitung*. Retrieved from https://www.nzz.ch/feuilleton/polizeiruf-110-muenchen-die-unsichtbaren-siechen-auf-der-bahre-ld.1290296.
Tolstoi, Lew N. (2002) *Krieg und Frieden*. Düsseldorf : Albatros Verlag.

Tatyana A. Sukhova
Nizhny Novgorod State Linguistics University

Means of Verbalizing the Concept *Implicit* in the German Language (Cognitive-Semantic Aspect)

This study investigates the problem of linguistic representation of the concept IMPLICIT in modern German. The relevance of the work stems from the need for a comprehensive description of multi-level linguistic means used to convey implicit meanings, which play a key role in communicative processes. To date, linguistics has not made any attempt at a systematic description of the means of verbalizing implicitness based on German language material: existing studies address only its individual aspects. The present research aims to fill this gap, which constitutes its novelty. Within the framework of cognitive-semantic analysis, the paper examines lexical units of direct nomination (adjectives *implizit*, *versteckt*, *unausgesprochen*; verbs *andeuten*, *implizieren*; nouns *Andeutung*, *Subtext*, *Implikation*), logical-semantic mechanisms (presuppositions, implicatures), as well as grammatical and discourse markers of the German language (modal verbs, particles, connectors). The theoretical basis of the research is formed by the principles of cognitive linguistics and conceptual integration theory, which allow interpreting implicit meanings as the result of complex cognitive processes rather than simply as gaps in explicit expression. Special attention is paid to the distinction between non-cancellable presuppositions (exemplified by the German verbs *kennen* and *wissen*) and cancellable implicatures (exemplified by the quantifier *einige*), which contributes to a more precise understanding of different types of implicit meanings. The article shows how these means form a hierarchically organized field structure that ensures the realization of the concept IMPLICIT in speech. Three concentric zones are distinguished: the core (lexis of direct nomination), the near periphery (universal logical-semantic mechanisms), and the far periphery (specific grammatical and discourse markers of the German

language). The proposed model makes it possible to overcome the fragmentation of existing descriptions and to present implicitness as a unified phenomenon encompassing all levels of the language system — from morphology to discourse. The practical significance of the research lies in the possibility of applying its results in the field of teaching German as a foreign language, in translation theory, and in forensic linguistics.
Keywords: implicitness; conceptual model; means of verbalization; presupposition; implicature

Для цитирования:
Сухова Т. А. Средства вербализации концепта «Имплицитное» в немецком языке (когнитивно-семантический аспект) // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2026. № XXIII. С. 227—243.
DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2026-23-227-243.

To cite this Article:
Sukhova, Tatyana A. (2026) Sredstva verbalizatsii kontsepta “Implitsitnoye” v nemetskom yazyke (kognitivno-semanticheskiy aspekt) (Means of Verbalizing the Concept *Implicit* in the German Language (Cognitive-Semantic Aspect)). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 23, 227—243. (In Russian).
DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2026-23-227-243.

Статья поступила в редакцию 11.05.2026; принята к публикации 10.06.2026
The article was submitted 11.05.2026; accepted for publication 10.06.2026

Е. О. Туманова
Московский городской университет управления
Правительства Москвы им. Ю. М. Лужкова

ЭОНИМЫ КАК СРЕДСТВО ЭКСПЛИКАЦИИ МОДНЫХ ФЕНОМЕНОВ В КУЛЬТУРЕ ГЕРМАНИИ

Статья посвящена исследованию эонимов (ключевых слов эпохи) и подготовлена на стыке социолингвистической и лингвокультурологической парадигм. Эонимы рассматриваются как класс лексических единиц, обладающих высоким прагматическим потенциалом и способных вербализовать социокультурные трансформации, ценностные сдвиги, коллективные эмоциональные реакции и модные феномены прежде всего в культурно-досуговой жизни немецкоязычного социума. Особое внимание уделяется их роли в формировании «языкового вкуса эпохи» как индикатора динамических социальных установок и исторического времени. Цель статьи заключается в выявлении и систематизации эонимов как лексических средств экспликации модных феноменов в Германии, а также в определении закономерностей их функционирования в дискурсе. Для достижения поставленной цели применяется комплекс методов, включающий сплошную выборку эонимов из ежегодных рейтинговых списков «Слово года», публикуемых Обществом немецкого языка. В работе также используются методы лексико-семантического, лингвокультурологического и социолингвистического анализа. В целях систематизации материала проводятся количественные измерения, анализ дискурсивных практик, корпусный анализ и т. п. В ходе описания эмпирического материала были выделены три концептуальных поля, формируемых эонимами: цифровая культура, потребительская культура и медиатизация культуры. В результате корпусного анализа установлены три основные закономерности функционирования эонимов. Устойчивость «модных» слов в языке определяется не медийной «громкостью», а их функциональной необходимостью в повседневной коммуникации. Для анализа неологизмов в публичном дискурсе и их фиксации в корпусных ресурсах характерна некоторая временная задержка, что свидетельствует о постепенном характере языковой интеграции. Частотность употребления эонимов зависит не от «возраста» лексемы, а от ее способности отвечать коммуникативным потребностям социума, особенно в эпоху глобальной цифровизации. Теоретическая значимость работы отражает представления ученых о механизмах взаимо-

действия языка и социокультурной среды, а также развитие концепции «языкового вкуса эпохи» в рамках социолингвистического и лингвокультурологического подходов. Практическая ценность проявляется в создании методологической основы для прогнозирования лингвистических тенденций и интерпретации различных дискурсов через призму модной лексики. Полученные данные подтверждают активную позицию языка в качестве агента социокультурной динамики, способного избирательно фиксировать социально значимые и исторические события, а также их роль в формировании коллективного сознания.

Ключевые слова: эонимы; модная лексика; немецкоязычный дискурс; концептуальное поле; лингвокультурология; социолингвистика; «Слово года»

1. Введение

Эонимы представляют собой языковые средства, используемые для экспликации модных феноменов в культурно-досуговой жизни Германии. Сам термин *эоним* является сравнительно новым и был предложен нами в качестве универсального обозначения языковых символов эпохи или ключевых слов, в которых запечатлены значимые события и явления в культурной, общественно-политической, экономической, спортивной и т. п. сферах жизни социума (Туманова 2024: 85).

Благодаря особому культурному коду эонимы приобретают уникальное символическое значение, помогая идентифицировать и анализировать модные явления в их временном контексте. Посредством описания механизмов их функционирования в немецкоязычном дискурсе можно определить степень влияния исторических событий и социальных медиа на моду.

В данном контексте целесообразно обратиться к определению и коннотациям понятия «мода». В немецком языке и культуре лексема Mode обозначает совокупность преобладающих в определенный исторический период вкусов и предпочтений, особенно в области одежды, причесок и поведения; в более широком смысле — «обычай, нрав», а также «современный вкус» или «то, что считается актуальным» (Duden: URL).

Согласно словарной статье в этимологическом словаре Duden, данное понятие восходит к французскому слову mode,

заимствованному в немецкий язык в XVII в. Во французском языке оно обозначало «манеру, способ, обычай, нрав, господствующее направление в одежде». В свою очередь, французская лексема происходит от латинского modus ‘мера, граница, правило, способ, образ действия’, что этимологически связано с термином Modus в грамматике и философии (DUDEN 2001: 534). Этимология понятия Mode в немецком языке демонстрирует тесную связь между языковыми изменениями и социокультурными трансформациями, а также устойчивое влияние французской культурной модели на немецкоязычное пространство в период Нового времени.

В философско-культурологической перспективе отечественными учеными мода трактуется как «символ новизны, актуальности и свободы, а также как инструмент культурной политики» (УСПЕНСКИЙ & ЛОТМАН 1994: 332). Интересным представляется также действие дихотомий «эстетика — власть», «индивидуальный выбор — социальное давление» и др., которое сохраняется и в современной детерминации понятия моды.

В современном языкознании «мода» рассматривается не как эфемерная стилистическая тенденция, а как регулятивный механизм, опосредующий связь между языком и социокультурной средой. Модные слова становятся особым классом лексических единиц, статус которых определяется не столько частотностью употребления, сколько их прагматическим потенциалом и/или символической составляющей. Данные номинации часто ассоциируются с престижем, новизной, технологическим или культурным прогрессом и служат маркерами социальной идентичности. Их употребление в узусе сигнализирует о принадлежности говорящего к определенной социальной, возрастной или профессиональной группе, а также о стремлении соблюдать дистанцию через отказ от «устаревших» или «немодных» языковых форм. Таким образом, понятие «мода» в контексте лингвистических изысканий представляет собой сложный социокультурный феномен, отражающий динамику взаимодействия языка и общества.

Феномен модного слова традиционно рассматривается в рамках исторической социолингвистики и исследований динамики литературного языка как экспликатор связи языковой си-

стемы и социокультурного контекста (Басовская 2014: 122). Эмпирические наблюдения свидетельствуют о том, что значительную долю актуальной лексики составляют номинативные неологизмы, среди которых множественно фиксируются имена существительные, обозначающие новые материальные и социальные реалии, например, наименования продуктов питания и напитков, предметов одежды и аксессуаров, цифровых устройств и технологических инноваций. Использование неологизмов становится лингвистическим инструментом создания имиджа и поддержания престижа, так как они служат «индикацией социального статуса говорящего, который тем самым заявляет о своей принадлежности к престижным слоям общества» (Китанина 2004: 63).

Отдельную категорию образуют так называемые ключевые слова эпохи (Шмелева 1993) или эонимы, функционирующие в роли дискурсивных маркеров, отражающих важнейшие трансформации и новации в общественно-политической сфере. Их появление обусловлено не столько номинативной необходимостью, сколько потребностью в вербализации актуальных социальных тревог, ценностных сдвигов и идеологических конфликтов.

Третью группу модной лексики составляют слова, не вводящие принципиально новые денотаты, но несущие коннотативную нагрузку и выполняющие функцию стилистической маркировки (Новиков 2007). К данной группе относятся лексемы с оценочной семантикой, а также термины с повышенным престижным статусом, часто обусловленным их заимствованным происхождением.

Таким образом, модное слово выступает многофункциональным речевым феноменом, интегрирующим номинативные, дискурсивные и социосимволические измерения языковой динамики. Мода в языке выступает не маргинальным явлением, а интегративным механизмом адаптации языковой системы к изменяющимся условиям социокультурной реальности. Она отражает и одновременно формирует коллективное сознание, будучи индикатором ценностных ориентаций, социальных иерархий и исторического времени.

Язык, как социальный феномен, органически включен в общую систему культурных практик и, как и любой аспект человеческой жизни, подвержен влиянию моды. Подобно тому, как в отдельные эпохи широкие слои населения одновременно принимают определенные стили одежды, цветовые предпочтения или фасоны, язык в немалой степени проявляет склонность к установлению моды, например, посредством частоты употребления тех или иных лексических единиц.

Феномен моды проявляется не только в лексике, но и на других уровнях языка: в словообразовании (актуализация определенных моделей), фразеологии (активное употребление идиом), стилистике и орфографии. При этом мода может способствовать как соблюдению, так и целенаправленному нарушению нормы вплоть до того, что последнее со временем институционализируется как новая норма.

В лингвистике подобные процессы связываются с актуализацией словообразовательной модели. Но если проследить динамику ее распространения, то налицо характерная траектория: сначала новая модель возникает и активно используется в речи интеллектуальной элиты, затем, достигнув пика популярности, проникает в массовое употребление, постепенно приобретая разговорно-просторечную окраску и в конечном итоге обесценивается до уровня стереотипного штампа. С учетом такой эволюции представляется более корректным трактовать подобные явления не просто как лингвистическую актуализацию, а именно как языковую моду (Культура речи 2003: 805).

В традиционных лингвистических подходах социальные детерминанты речевой деятельности долгое время рассматривались в качестве экстралингвистических переменных, влияние которых на языковую систему считалось второстепенным. Однако современные междисциплинарные направления языкознания, в особенности социолингвистика и лингвокультурология, показывают, что социальные факторы глубоко проникают в структуру речевого поведения и, опосредованно, в семантику и функционирование языковых единиц в дискурсе. При этом источники социального влияния могут быть разнообразными: от профессиональной и возрастной принадлежности до политической ориен-

тации и культурного «капитала» говорящего. В подобных условиях ключевое значение приобретает не только фиксация самого факта социальной обусловленности языковых единиц, но и выявление природы и механизмов речевого действия.

2. Характеристика материала и методов исследования

Эмпирические наблюдения динамического развития современного языка позволяют выявить многочисленные проявления влияния социума на речевые практики отдельных возрастных и социальных групп. Наиболее ярко данный процесс отражается в феномене, обозначаемом словосочетанием «языковой вкус эпохи», предложенным В. Г. Костомаровым. Как подчеркивает автор этого выражения, каждая эпоха обладает своим «языковым вкусом», формируемым под влиянием социальных и политических установок (Костомаров 1999: 5). Тем самым становится очевидной взаимосвязь моды и нравов, а мода воспринимается как главная составляющая политики (Вьеллар 2014: 21).

К числу наиболее заметных проявлений «языкового вкуса» относятся: динамика молодежного жаргона, волны заимствований или, напротив, возврат к исконной лексике, а также циклическая актуализация словообразовательных моделей и дискурсивных клише. Помимо перечисленных очевидных тенденций, существуют и более тонкие, рекуррентные речевые особенности, характерные для отдельных возрастных групп или поколений, которые формируют соответствующие языковые идентичности. Таким образом, язык выступает и как средство коммуникации, и как индикатор социокультурной динамики, когда «вкус эпохи» становится важнейшим маркером коллективного сознания и исторического времени.

Целью исследования стало определение «языкового вкуса» современного немецкого общества посредством выделения эонимов, отражающих модные тенденции и предпочтения немцев в период с 2000 по 2025 гг.

Материалом исследования послужили рейтинговые списки «Слово года» за обозначенный период, ежегодно публикуемые Обществом немецкого языка (Gesellschaft für deutsche Sprache).

В качестве методов исследования применялись метод сплошной выборки «модных» эонимов из списков «Слово года»,

методы лексико-семантического, социолингвистического и лингвокультурологического анализа, метод систематизации, метод количественного измерения, а также метод корпусного анализа (электронный корпус современного немецкого языка — DWDS).

В общей сложности было отобрано 20 лексических единиц — эонимов в сфере модных общественных тенденций, а также проанализировано 19559 словоупотреблений в структуре корпуса современного немецкого языка, имеющегося в свободном доступе (Gegenwartskorpora mit freiem Zugang).

3. Результаты исследования и их обсуждение

Отобранный эмпирический материал из рейтинговых списков Общества немецкого языка в г. Висбаден представляется целесообразным разделить на три большие группы, вербализующие соответствующие концептуальные поля и отражающие базовые модные тенденции немецкоязычного лингвокультурного сообщества на территории современной Германии.

Под концептуальными полями, вслед за Е. С. Кубряковой, нами понимается системно организованная когнитивная структура, репрезентирующая обобщенный опыт освоения действительности и зафиксированная в языковых единицах (Кубрякова 1997: 22). Его архитектура характеризуется многообразием внутренних семантических, метафорических, метонимических и ассоциативных связей (Алиференко 1999: 31–32; Тарасова 2004: 66). Структура поля определяется совокупностью мотивирующих, образных, понятийных и ценностных признаков (Пименова 2008: 294–295), интегрирующих различные формы ментальных репрезентаций в целостное когнитивное пространство (Стойкович & Гусева 2010: 220; Балашова 2013: 503). Содержание поля детерминировано этнокультурными ценностями и формируется под влиянием экстралингвистических факторов, отражая специфику концептуальной системы данного социума и действующие культурные коды (Добровольская 2005: 23).

Лингвокультурологический анализ эонимов, отражающих модные тенденции и этнокультурные ценности, и формируемых ими концептуальных полей позволил охарактеризовать каждое

поле в отдельности, т. е. во всем многообразии их языковой репрезентации. Подобное описание имеет своей целью представление единой классификации «модных» эонимов по частоте их употребления. На основании анализа эмпирического материала стало возможным предложить собственную типологию модной лексики, так как представленная ранее классификация не в полной мере отражает особенности и иллокутивный потенциал эонимов как ярких примеров модного новаторства в языке.

3.1. Концептуальное поле «Цифровая культура»

Данное концептуальное поле вбирает в себя ключевые языковые неологизмы, в которых отражаются *стремительный* прогресс в развитии цифровых технологий и Интернет-платформ, ставших неотъемлемой частью повседневной культуры в Германии.

К этой группе мы относим следующие эонимы: SMS (список слов 2000 г.), simsen (список слов 2001 г.), googeln (список слов 2003 г.), twittern (список слов 2009 г.), Selfie-Stab (список слов 2015 г.), gegengoogeln (список слов 2019 г.), KI-Boom (список слов 2023 г.), generative Wende (список слов 2024 г.), KI-Ära (список слов 2025 г.).

Глаголы twittern ‘публиковать сообщения в социальной сети Twitter’ и simsen ‘отправлять SMS-сообщения’ символизируют эпоху новой компьютерно-опосредованной коммуникации, моментальный обмен сообщениями, возможность в режиме реального времени делиться своими идеями и размышлениями с другими пользователями. Глагол simsen образован от аббревиатуры SMS (англ. short message service ‘служба коротких сообщений’), занимающей пятую строчку в социолингвистическом рейтинге «Слово года — 2000». Новый вид коммуникации посредством скоростных сообщений именовался в дискурсе масс-медиа лексемой SMS-Fieber (Mannheimer Morgen, 20.12.2000), где речь шла о сумасшествии («SMS verrückt»), вызванном мобильными телефонами, и связанной с этим зависимостью («SMS-Süchtige») (ibid., 21.09.2000).

Новый этап развития технологий привел к популярности использования поисковых систем для размещения запросов в Сети, а также потребности в уточнении полученных сведений,

что было закреплено в эонимах googeln ‘осуществлять поиск информации в Интернете с помощью поисковой системы Google’, «гуглить») и *gegengoogeln* ‘перепроверить результаты поиска в системе Google’ (Туманова 2023: 177).

Эоним Selfie-Stab, размещенный на седьмой строке рейтинга актуальной лексики 2015 г., стал обозначением технического устройства, представляющего собой телескопическую «руку на штативе». Данное устройство позволяет фиксировать смартфон или камеру на удалении от тела для создания автопортретов, или селфи. Массовое использование «селфи-палки» в публичном пространстве свидетельствует не столько о технологической, сколько о социокультурной трансформации действующих в лингвосообществе практик самопрезентации, особенно в виртуальном пространстве.

В немецком языке эоним Selfie-Stab представляет собой кальку с английского языка, в котором заимствованная лексема Selfie уже сама по себе является продуктом распространенной словообразовательной модели с суффиксом -ie. Данная словообразовательная модель стала основой целого ряда дериватов, отражающих дифференциацию селфи-практик по их содержательным и функциональным параметрам. Среди возникших в связи с этим неологизмов выделим следующие.

• Композит Helfie, возникший в результате блендинга лексем Haar ‘волосы’ и Selfie, обозначает фотографию собственных волос (чаще всего речь идет о демонстрации прически или средств ухода за волосами).

• Лексема Drelfie образована от английского причастия drunk ‘пьяный’ и Selfie и фиксирует состояние алкогольного опьянения пользователя (используется в хэштег-культуре как маркер неформального, спонтанного поведения).

• Понятие Belfie, появившиеся от английских лексем backside ‘задняя часть тела, ягодицы’ и Selfie, обозначает автопортрет, акцентирующий внимание на физическую форму или эстетику тела сзади (пример вербализации телесной самопрезентации в молодежной цифровой культуре).

Представленные дериваты демонстрируют достаточно высокую продуктивность англоязычной словообразовательной модели, которая в условиях глобальной медиатизации показывает реакцию языка на новые формы социального поведения, порождая лексические новации в соответствующих сферах. При этом каждое из подобных образований несет в себе не только денотативную, но и прагматическую, оценочную и идентификационную нагрузку, участвуя в конструировании цифровой личности и демонстрации социальных ролей в онлайн-среде.

Таким образом, эоним Selfie-Stab и сопутствующая ему деривационная цепочка (Helfie, Drelfie, Belfie) являют собой не собственно лексические новообразования, а выступают индикаторами глубинных изменений в коммуникативных практиках, где визуальный автопортрет языковой личности становится ключевым модусом участия в социальной жизни. Язык в этом случае служит гибким инструментом кодирования все более дифференцированных речевых форм самовыражения.

Стремительное развитие цифровых инструментов и платформ уже привело к массовому использованию технологий искусственного интеллекта (ИИ), как в повседневной, так и в профессиональной коммуникации. Масштабное общественное и технологическое влияние искусственного интеллекта было отмечено жюри Общества немецкого языка в 2023 г., что нашло отражение во включении понятия KI-Boom ‘бум ИИ’ в список «Слово года».

Спустя год внимание лингвистов вновь было обращено на динамику развития искусственного интеллекта, что было вербализовано в словосочетании generative Wende ‘генеративный поворот’. Это словосочетание манифестирует принципиальный переход от аналитических систем искусственного интеллекта, ориентированных на обработку и классификацию существующих данных, к генеративным моделям, обладающим более высокой способностью к автономному созданию нового контента. Новые модели не просто имитируют, но и репродуцируют ключевые аспекты человеческой когнитивной и креативной деятельности. Они способны генерировать связные тексты, выполнять стилистическую редактуру, делать перевод, создавать

изображения, музыку и аудиовизуальные произведения, в соответствии с заданными эстетическими или функциональными параметрами. При этом интеграция новых моделей в поисковые платформы, офисные приложения и повседневные цифровые практики уже воспринимается как норма. Эоним generative Wende символизирует таким образом не только технологический прорыв, но и глубокую трансформацию коммуникативных, творческих и познавательных практик, в которых все более сложно провести демаркацию границ между человеческим и компьютерным творчеством, между инструментом и агентом.

В 2025 г. первую строчку рейтинга занял эоним KI-Ära ‘эра ИИ’ как символ повсеместной интеграции искусственного интеллекта. Общество немецкого языка подчеркивает, что генеративный поворот уже свершился, а бум продолжается с неослабевающей силой. Начало эры ИИ сопряжено как с безграничными возможностями, так и с потенциальными рисками, обусловленными злоупотреблением технологиями и утратой способности к самостоятельному, критическому мышлению, а также когнитивной лени. Социум находится в состоянии тревоги из-за неизведанных последствий неограниченного и неконтролируемого внедрения технологий искусственного интеллекта для дальнейшего развития общества и языка.

Проанализированные эонимы, формирующие концептуальное поле «Цифровая культура» в современном немецкоязычном дискурсе, представляются нам примерами антропоцентрически ориентированной лексики, возникающей в ответ на трансформацию коммуникативных и когнитивных практик. В условиях цифровизации они показывают, как язык адаптируется к новым технологическим реалиям, создавая экспрессивные и функционально точные обозначения новых видов деятельности, предметов и явлений в виртуальной среде, ставших неотъемлемой частью повседневной жизни немцев.

3.2. Концептуальное поле «Потребительская культура»

Во втором десятилетии XXI в. в немецком языке отмечается формирование устойчивого концептуального поля «Потребительская культура», свидетельствующего о глубинных изменениях ценностных установок, повседневных практик и социаль-

ных норм немецкоязычного социума. Это поле охватывает лексику, связанную с гастрономическими привычками, досугом, эмоциональной атмосферой, ролью государства и т.п. Лексические новации в данном концептуальном поле возникают также как реакция на социально-культурные дискурсы, законодательные инициативы, экономические вызовы и глобальные тренды.

Лингвистическими маркерами социальных трансформаций, вербализующих концептуальное поле «Потребительская культура» в современном немецком языке, являются эонимы, включенные в рейтинги «Слова года» и ставшие лингвистическими индикаторами современных трансформаций: Alcopops (список слов 2003 г.), Raucherkneipe (список слов 2007 г.), hyggelig (список слов 2017 г.), Flexitarier (список слов 2018 г.), Waschlappentipps, Glühwein-WM, 9-Euro-Ticket (список слов 2022 г.).

Эоним Alcopops, буквально означающий ‘алкогольные леденцы’, быстро вошел в широкое употребление и стал объектом интенсивного общественного обсуждения, связанного с подростковым здоровьем и регулированием рынка спиртосодержащих напитков. Заимствованное из английского языка обозначение сладких алкогольных напитков с низким содержанием этанола изначально было ориентировано на молодежную аудиторию. Всплеск популярности лексемы в начале 2000-х гг. сопровождался введением специального налога на подслащенные алкогольные напитки (Alcopop-Steuer), что подчеркивает связь лексической новации с политико-экономическим контекстом.

Тематика культуры потребления алкоголя была вновь затронута в 2022 г., что нашло отражение в появлении на 9 строчке рейтинга «Слово года» понятия Glühwein-WM, именуемого также в дискурсе как Winter-WM. Этот эоним отличается своей экспрессией: он стал популярен в ироническом контексте Чемпионата мира по футболу в Катаре. Из-за жаркого климата турнир был перенесен на ноябрь, что знаменует собой в известном смысле конфликт с традиционными немецкими зимними ритуалами. Общественный просмотр матчей совпадал с сезоном рождественских ярмарок и традиционным употреблением глинтвейна. Отсутствие алкоголя на стадионах и «непраздничная» атмосфера турнира вызвали у многих болельщиков ощуще-

ние культурного диссонанса. Термин Glühwein-WM стал лингвистическим маркером ритуализации потребления, когда традиционные алкогольные напитки немцев стали противоположным представлением о национальном досуге и коллективной идентичности жителей Катара.

Эоним Raucherkneipe представляет собой языковую реакцию на введение в Германии законов о запрете курения в общественных заведениях (Nichtraucherschutzgesetze). Эта лексема образована от существительных Raucher ‘курильщик’ и Kneipe ‘пивная, бар’ и обозначает заведение, где курение остается разрешенным, например, в специально отведенных зонах или в рамках федеральных исключений. Термин быстро стал маркером социального раскола между сторонниками общественного здоровья и приверженцами личной свободы.

Неологизм Flexitarier, образованный от лексем flexibel ‘гибкий’ и Vegetarier ‘вегетарианец’, обозначает человека, придерживающегося преимущественно растительной диеты, но не отказывающегося полностью от мяса. Эоним отражает рост популярности гибких, этически мотивированных моделей питания, объединяющих заботу об экологии, здоровье и этике в отношении животных. Его употребление стало нормой для культуры общественного питания в Германии, так как в современных местах общественного питания повсеместно представлены как вегетарианские, так и веганские блюда.

Прилагательное hyggelig ‘уютный, комфортный’ представляет собой заимствование из датского / норвежского языков и является символом уюта, теплой атмосферы, эмоционального комфорта и т. п. В отличие от немецкоязычных эквивалентов gemütlich, behaglich, эоним hyggelig содержит коннотацию скандинавского образа жизни, ассоциирующегося с минимализмом, устойчивым потреблением и культом домашнего пространства. Появление эонима в немецкой культуре обусловлено его активным использованием в дискурсе масс-медиа, что свидетельствует о распространении эмоциональной экономики и акценте на субъективном благополучии как форме потребительского поведения.

Ироничный композит Waschlappentipps возник в ответ на рекомендации премьер-министра земли Баден-Вюртемберг В. Кречманна к экономии энергии. Ср.: «Auch der Waschlappen ist eine brauchbare Erfindung» (Spiegel, 19.08.2022; Tagesspiegel, 19.08.2022). Хотя совет был дан всерьез, общественность восприняла его как символ чрезмерной аскезы и бюрократического патернализма. Термин быстро приобрел оценочный, сатирический оттенок и стал маркером критики подобных подходов к решению кризисов.

Временная государственная инициатива по повышению доступности общественного транспорта эксплицирована в эониме 9-Euro-Ticket ‘билет за 9 евро’. В рамках данной меры летом 2022 г. за символическую плату в 9 евро продавались месячные проездные билеты на внутригородской и пригородный транспорт. В общей сложности было реализовано около 52 миллионов подобных билетов. Несмотря на предельную загруженность транспортной системы и технические ограничения, инициатива была в целом воспринята обществом как успешная, что стимулировало политические дискуссии о внедрении ее в долгосрочной перспективе, поэтому речь зашла о выпуске так называемого 49-Euro-Ticket. Лексема 9-Euro-Ticket символизирует не только сниженный тариф на проезд, но и новую социальную политику, отражает стремление государства к поиску баланса между доступностью транспортной инфраструктуры, идеями сохранения климата и повседневными потребностями граждан.

Представленные выше эонимы формируют таким образом многомерное концептуальное поле «Потребительская культура», в рамках которого язык демонстрирует высокую адаптивность к социальным изменениям, фиксирует эволюцию ценностей, норм и повседневных практик современного общества, а также вербализует эмоциональное восприятие повседневных событий.

3.3. Концептуальное поле «Медиатизация культуры»

Концептуальное поле «Медиатизация культуры» включает лексические единицы, которые выступают маркерами модных тенденций в сфере культурного досуга. Это поле отражает процесс проникновения медиаформатов, телевизионной эстетики и культурных кодов во все сферы общественной и личной жизни.

Языковые единицы, формирующие это концептуальное поле, свидетельствуют не только о доминировании медиа в качестве ключевого института формирования общественного сознания, но и об адаптации языковой системы к новым режимам восприятия и эмоциональной вовлеченности. Эонимами, ставшими индикаторами названной тенденции, являются: basta (список слов 2000 г.), DSDS (список слов 2003 г.), Problembär, Telenovela (список слов 2006 г.), Alles wird Knut (список слов 2007 г.), ziemlich beste… (список слов 2011 г.), Gruselclown (список слов 2016 г.), Triell (список слов 2021 г.), Vertiktokung (список слов 2025 г.).

Включение аббревиатуры DSDS в список «Слова года» свидетельствует о массовом проникновении формата реалити-шоу в культурный мейнстрим. Шоу «Deutschland sucht den Superstar» стало немецкой версией американского телешоу «Pop Idol». Оно воспринимается не только как развлекательная программа, но и как социальное явление, породившее новых знаменитостей, изменивших традиционные представления о таланте и карьере. В дискурсе масс-медиа маркируется его метафорическое употребление, например, в контексте выборов в Бундестаг: «Deutschland sucht den Kanzler» (Die Zeit, 03.02.2022).

Заимствованный из испанского языка эоним Telenovela служит обозначением латиноамериканского мелодраматического телесериала с отчетливо выраженной эмоциональной структурой. В немецкий язык это модное слово вошло одновременно с выходом в эфир оригинальных немецкоязычных телеверсий на каналах RTL и Sat.1. Использование эонима Telenovela указывает на импорт и последующую адаптацию международных телевизионных форматов в немецкой аудитории и смещение общественных вкусов в сторону эмоционально насыщенного, гиперболизированного нарратива. Употребление эонима сопровождается выражением иронии и отражает двойственное отношение к сниженной массовой культуре.

В 2025 г. отмечены изменения культуры медиапотребления под влиянием формата коротких вертикальных видео, доминирующих в цифровой коммуникации у молодого поколения и изменяющих восприятие контента. Данная динамика стала замет-

ной в эониме Vertiktokung. К новому культурному феномену, когда современная молодежь в качестве главного источника информации использует преимущественно социальные медиа в отличие от информации от политических институтов или образовательных организаций. Особой популярностью в Германии пользуется платформа коротких видео «TikTok». Неологизм Vertiktokung служит примером неограниченного словообразовательного потенциала современного немецкого языка, хотя эоним пока еще не достаточно закрепился в языковом узусе.

Возникновение эонима Problembär ‘проблемный медведь’ обусловлено случаями появления в 2006 г. бурого медведя по кличке Бруно на территории Баварии. Бруно считается первым за последнее столетие диким медведем на территории Германии. Его перемещения, нападения на домашний скот и последующий отстрел вызвали широкий общественный резонанс, что породило в медиадискурсе дискуссию о необходимости восстановления биоразнообразия, границах дикой природы и ответственности государства за управление экологическими рисками. Неологизм Problembär представляет собой эвфемизм, направленный на смягчение восприятия конфликта между человеком и природой. Лексема Problem ‘проблема’ в составе композита выражает социальную оценку естественного природного явления.

Фразеологизм Alles wird Knut возник вокруг медийного феномена, а именно появления на свет в Берлинском зоопарке белого медвежонка Кнута. Эта история получила глобальный резонанс и даже породила мемы, дала толчок к производству сувенирной продукции и т. п. Эонимическое выражение стало ироническим обозначением гипермедиатизации тривиальных событий, которые в медиадискурсе становятся объектом массового культурного потребления. Термин отражает социальную тенденцию к антропоморфизации и эмоционализации сообщений в масс-медиа, когда сочувствие к животному доминирует над рациональной дискуссией о более насущных проблемах.

Продуктивная языковая модель ziemlich beste… представляет собой нарушение традиционных норм градации, создавая стилистически маркированную, разговорно-ироническую форму. Данный эоним появился на волне популярности француз-

ской киноленты «Ziemlich beste Freunde» (в отечественной культуре фильм стал известен под названием «1+1»). Конструкция, в которой наречие ziemlich ‘довольно’ усиливается посредством суперлатива beste ‘лучшие’, быстро распространилась в рекламе, медиа и повседневной речи. Примерами популярных словосочетаний в узусе могут быть ziemlich beste Pizza, ziemlich beste WG. Этот пример наглядно показывает, как модный кинематографический продукт становится источником в том числе грамматических новаций и служит иллюстрацией возможного влияния медиаиндустрии на процессы речепроизводства.

Появление в дискурсе композита Gruselclown, образованного от лексем Grusel ‘жуть’ и Clown ‘клоун’, связано с популяризацией «страшных клоунов» в общественных местах и социальных сетях. Хотя этот феномен не был связан с какой-либо официальной медийной кампанией, он стал «вирусным» мемом, активно освещавшимся в медиаречи. Эоним отражает пересечение поп-культуры (обращение к образу клоуна из фильмов ужасов) и тревоги в виртуальной среде в тот момент, когда чувство страха является объектом коллективного обсуждения. Лексема Gruselclown демонстрирует тенденцию к возникновению устойчивых лексических единиц на фоне общественной паники.

Эоним Triell представляет собой контаминацию лексемы Duell ‘дуэль’ с заменой числовой основы du- ‘два’ на tri- ‘три’. Лексема не является неологизмом, однако ее массовое употребление связано с теледебатами трех кандидатов на выборах в Бундестаг в 2021 г. По нашему мнению, термин отражает тенденцию к адаптации языка к новым форматам публичного спора, полемики. Модное слово Triell отражает комплексность современных социальных конфигураций, когда члены лингвокультурного сообщества выходят за рамки привычного бинарного выбора и вынуждены сталкиваться с множественностью транслируемых позиций.

В начале 2000-х гг. в политическом дискурсе зафиксировано заимствованное из итальянского языка междометие basta ‘хватит! довольно!’. Модное слово послужило эмоционально-экспрессивным индикатором завершения дискуссии, выражением категорического отказа или морального осуждения. Эоним

указывает на стремление к лаконичной, категоричной и эмоциональной риторике в условиях информационной перегрузки. Являясь прямым заимствованием, basta сохраняет свой экзотический оттенок, хотя и воспринимается в качестве универсального прагматического маркера, не требующего перевода в силу своего эмоционального воздействия.

Особенностями концептуального поля «Медиатизация культуры» становятся таким образом проявления следующих экстралингвистических факторов:

- доминирование медиа как агента смыслопорождения;
- гибридизация жанров (политика как шоу, животное как медийная звезда);
- высокая продуктивность заимствований, аббревиатур и контаминаций;
- ироничность и рефлексивность употребления;
- трансформация языка под воздействием визуального, эмоционального и «вирусного» новостного контента.

Очевидной становится влияние популярной культуры не только на актуальный вокабуляр, но и на новую вербализуемую посредством эонимов реальность, в которой активно артикулируются потребности в развлечениях, ярких эмоциях и т. п. даже в таких сферах как политика.

4. Заключение

Несмотря на принадлежность к различным концептуальным полям все эонимы объединяет общая медийная природа их возникновения и функция консолидации общественного внимания вокруг конкретного события или фигуры. Они демонстрируют, как в начале XXI в. язык все активнее становится инструментом медийной драматургии, в котором поп-культура и политическая риторика порождают устойчивые лексические форматы, способные к трансформации и модификации в самых разных контекстах. Лексические новации отличаются как восторженной, так и тревожной эмоциональной окрашенностью, что свидетельствует о трансформации медиасобытий в языковой феномен, в котором отражается эпоха.

Статистический анализ частотности и устойчивости модных лексических новаций на основе корпусных данных позволил выявить закономерности употребления эонимов в современном немецком языке и соотнести их частотность с социальной релевантностью, медийной видимостью и степенью интеграции в повседневную коммуникацию.

На основе количества вхождений в корпус DWDS все рассмотренные эонимы распределяются по трем условным группам: высокочастотные (≥1000 упоминаний), среднечастотные (100-500) и низкочастотные (<100). Такое распределение отражает не только хронологию появления слов, но и их функциональную роль в медиадискурсе.

Высокочастотные лексемы формируют ядро современного немецкого лексикона. К ним относятся модные понятия, связанные с цифровыми технологиями и массовой культурой: SMS (8829 упоминаний, первое из них фиксируется в 1940 г.), twittern (4082 упоминания с 2006 г.), googeln (1043 упоминания с 2001 г.), а также Telenovela (2225 упоминаний с 1994 г.) и Deutschland sucht den Superstar (1273 упоминания с 2002 г.).

Несмотря на раннее появление в дискурсе эонимов SMS и Telenovela, их массовое употребление пришлось на конец XX — начало XXI в., что объясняется активным распространением мобильной связи и глобализацией телевизионных форматов. Эонимы прочно вошли в повседневную речь, утратив статус неологизмов и став нейтральными обозначениями устоявшихся явлений. Особое место занимает междометие basta (1162 упоминания с 1990 г.), заимствованное из итальянского языка и закрепившееся в качестве экспрессивного маркера завершения дискуссии.

Среднечастотные лексемы представляют термины, связанные с социальными дискуссиями или событиями, не достигшие повсеместного употребления. Эту группу образуют эоним Problembär (134 упоминания с 2006 г.) как ироническое обозначение «проблемного» дикого животного и эоним Alcopops (424 упоминания с 1997 г.) для обозначения молодежного алкогольного тренда, сопровождавшегося общественными дебатами и законодательными инициативами. Несмотря на высокую ме-

дийную распространенность такие слова остаются контекстуально связанными. Их употребление ограничено контекстом, что снижает их коммуникативную универсальность.

Низкочастотные лексемы составляют наиболее многочисленную и разнородную группу. Большинство из них функционирует не как инструмент повседневного общения, а в цитатах как отсылка к скандальным и меметическим событиям. Особое внимание заслуживает тот факт, что ряд лексем, несмотря на широкое освещение в медиадискурсе, отсутствует в корпусе (generative Wende, Glühwein-WM, Waschlappentipps, ziemlich beste…, Vertiktokung). Это явление указывает на преимущественно устную или исключительно визуальную природу их распространения (мемы, хэштеги), либо на то, что их употребление пока не зафиксировано в медийных или литературных источниках, составляющих основу корпуса DWDS.

На основании проведенного анализа корпусных данных выявляются три ключевые тенденции в динамике модной лексики немецкого языка.

1. *Дихотомия устойчивых заимствований и эфемерных неологизмов*. Слова, обозначающие устойчивые технологические или социокультурные практики (SMS, twittern, googeln), демонстрируют высокую частотность и закрепляются в языке навсегда. Ситуативные неологизмы, возникающие в связи с краткосрочными событиями (Alles wird Knut), напротив, остаются маргинальными и не выходят за пределы эпизодического употребления.

2. *Временной разрыв между появлением эонима в медиадискурсе и его фиксацией в корпусе современного немецкого языка*. Новейшие неологизмы из списка «Слово 2025 года» (KI-Ära, Vertiktokung) либо отсутствуют в корпусе DWDS, либо имеют минимальную частотность, что свидетельствует о временном лаге между появлением эонима и его интеграцией в корпусные ресурсы. Собственно, включение лексемы в рейтинговый список «Слова года» вовсе не гарантирует ее долгосрочного закрепления в дискурсивных практиках.

3. *Корреляция между возрастом неологизма и его частотностью*. Слова, зафиксированные в корпусе до 2000 г. (Alcopops), демон-

стрируют умеренную, но стабильную частотность, тогда как более поздние заимствования (simsen) показывают меньшую степень закрепленности в языке. Исключение составляют цифровые термины с универсальной функцией (googeln, twittern), частотность которых обусловлена семантической необходимостью.

В совокупности проведенное исследование отражает сложившиеся тенденции функционирования «модных» слов в дискурсе. Опора на анализ корпуса позволяет дифференцировать «медийный шум» и лингвистическую релевантность, подтверждая, что устойчивость каждой лексической новации определяется не столько ее медийным резонансом, сколько способностью интегрироваться в повседневные дискурсивные практики как нейтральный, необходимый и программируемый коммуникативный инструмент.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

Алиференко Н. Ф. Спорные проблемы семантики. Волгоград: Перемена, 1999. [Aliferenko, Nikolay F. (1999) *Spornye problemy semantiki* (Controversial Issues in Semantics). Volgograd: Peremena. (In Russian)].

Балашова Е. Ю. Концептуальное поле как основа моделирования дискурса (на материале текста Евангелия) // Фундаментальные исследования. № 4 (часть 2). 2013. С. 503—506. [Balashova, Elena Yu. (2013) Kontseptual'noye pole kak osnova modelirovaniya diskursa (na materiale teksta Evangeliya) (Conceptual Field as the Foundation for Discourse Modeling (Based on Gospel Texts)). *Fundamental'nye issledovaniya* (Fundamental Research), part 2, 503—506. (In Russian)].

Басовская Е. Н. От «ПО» до «ОТ»: О странной моде на предлоги // Мода в языке и коммуникации. М.: РГГУ, 2014. С. 122—132. [Basovskaya, Yevgeniya N. (2014) Ot «PO» do «OT»: O strannoy mode na predlogi (From «PO» to «OT»: On the Peculiar Vogue of Prepositions). In: Fedorova, L. L. (ed.) *Moda v yazyke i kommunikatsii* (Fashion in Language and Communication). M.: Russian State University for the Humanities, 122—132. (In Russian)].

Въеллар С. Борьба против «иностранных мод» // Мода в языке и коммуникации. М.: РГГУ, 2014. С. 11— 28. [V'ellar, Stefan. (2014) Bor'ba protiv "inostrannykh mod" (The Struggle Against "Foreign Fashions"). In: Fedorova, L. L. (ed.) *Moda v yazyke i kommunikatsii*

(Fashion in Language and Communication). M.: Russian State University for the Humanities, 11—28. (In Russian)].

Добровольская Е. В. Концептуализация семьи в русской языковой картине мира: дис. … канд. филол. наук: 10.02.01. Томск: Томский гос. ун-т. 2005. [Dobrovol'skaya, Elena V. (2005) *Kontseptualizatsiya sem'i v russkoy yazykovoy kartine mira* (Conceptualization of Family in the Russian Linguistic Worldview). PhD thesis in Philology. Tomsk: Tomsk State University. (In Russian)].

Китанина Э. А. Феномен модного слова (на материале галлицизмов в русском языке конца XX века) // Механизмы реализации образовательных потенциалов текста. Таганрог: Таганрогский гос. пед. ин-т, 2004. С. 62—66. [Kitanina, Ella A. (2004) Fenomen modnogo slova (na materiale gallitsizmov v russkom yazyke kontsa XX veka) (The Phenomenon of Vogue Words: Gallicisms in the Russian Language of the Late Twentieth Century). In: Yurov, A. K. (ed.) *Mekhanizmy realizatsii obrazovatel'nykh potentsialov teksta*. Taganrog: Taganrog State Pedagogical Institute, 62—66. (In Russian)].

Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи: Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. СПб.: Златоуст, 1999. [Kostomarov, Vitaliy G. (1999) *Yazykovoy vkus epokhi: Iz nablyudeniy nad rechevoy praktikoy mass-media* (Linguistic Taste of the Epoch: Observations on Mass Media Speech Practices). Saint Petersburg: Zlatoust. (In Russian)].

Кубрякова Е. С. Части речи с когнитивной точки зрения. М.: Ин-т языкознания РАН, 1997. [Kubryakova, Elena S. (1997) *Chasti rechi s kognitivnoy tochki zreniya* (Parts of speech from a cognitive point of view). Moscow: Institute of Language Studies. (In Russian)].

Новиков В. И. Из «Словаря модных слов». // Язык в движении: Сб. статей к 70-летию Л. П. Крысина. М.: Языки славянской культуры, 2007. С. 478—490. [Novikov, Vladimir I. (2007) Iz «Slovarya modnykh slov» (From the «Dictionary of Vogue Words»). In: Zemskaya, E. A. & al. (eds) *Yazyk v dvizhenii* (Language in Motion). Moscow: LRC Publishers, 478—490. (In Russian)].

Пименова М. В. Образные и символические признаки луны в русской концептосфере. // Концепт и культура. Материалы III Международной конференции. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2008. С. 294—303. [Pimenova, Mariya V. (2008) Obraznyye i simvolicheskiye priznaki luny v russkoy kontseptosfere (Imagery and Symbolic Features of the Moon in the Russian Conceptosphere). In: Lushnikova, G. I. (ed.) *Kontsept i kultura* (Concept and Culture). Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 294—303. (In Russian)].

Стойкович В. Г., Гусева Э. Ю. Концепт Бизнес в английском языке в свете полевого подхода // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 12. № 5, 2010. С. 218—222. [Stoykovich, Valentina G. & Guseva, Ekaterina Yu. (2010) Kontsept Biznes v angliyskom yazyke v svete polevogo podkhoda (The Concept of Business in English in the Light of the Field Approach). *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk*, vol. 12, no. 5, 218—222. (In Russian)].

Тарасова И. А. Поэтический идиостиль в когнитивном аспекте (на материале поэзии Г. Иванова и И. Анненского). дис. … доктора филол. наук: 10.02.01. Саратов: Сарат. гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского, 2004. [Tarasova, Irina A. (2004). *Poeticheskiy idiostil' v kognitivnom aspekte (na materiale poezii G. Ivanova i I. Annenskogo)* (Poetic Idiolect in the Cognitive Aspect: Evidence from the Poetry of G. Ivanov and I. Annenskiy). Advanced PhD thesis in Philology. Saratov: Saratov State University. (In Russian)].

Туманова Е. О. Реализация языковой игры в немецкоязычных эонимах (на примере глагольных единиц) // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 3 (34). С. 174—181. [Tumanova, Ekaterina O. (2023) Realizatsiya yazykovoy igry v nemetsko-yazychnykh eonimakh (na primere glagol'nykh edinits) (Implementation of Wordplay in German-Language Eonyms: A Case Study of Verbal Units). *Verkhnevolzhskiy filologicheskiy vestnik*, no. 3 (34), 174—181. (In Russian)].

Туманова Е. О. Эоним как новый лингвистический термин (на материале немецкого языка) // Вестник ГСГУ. 2024. № 1 (53). С. 83—93. [Tumanova, Ekaterina O. (2024). Eonim kak novyy lingvisticheskiy termin (na materiale nemetskogo yazyka) (Eonym as a New Linguistic Term: Evidence from German). *Kolomna University Bulletin,* 1 (53), 83—93. (In Russian)].

Успенский Б. А., Лотман Ю.М. Споры о языке в начале XIX в. как факт русской культуры («Происшествие в царстве теней, или судьбина российского языка» — неизвестное сочинение Семена Боброва) // Успенский Б.А. Избранные труды. Т. 2. Язык и культура. М.: Гнозис, 1994. С. 331—466. [Uspenskiy, Boris A. & Lotman, Yuriy M. (1994). Spory o yazyke v nachale XIX v. kak fakt russkoy kultury ("Proisshestviye v tsarstve teney, ili sud'bina rossiyskogo yazyka" — neizvestnoye sochineniye Semena Bobrova) (Language Debates in the Early 19th Century as a Fact of Russian Culture: "An Incident in the Kingdom of Shadows, or the Fate of the Russian

Language" — an Unknown Work by Semyon Bobrov). In: Uspenskiy, Boris A. *Izbrannyye trudy* (Selected Works). Vol. 2. Yazyk i kultura (Language and Culture). Moscow: Gnozis, 331—466. (In Russian)].

Шмелева Т. В. Ключевые слова текущего момента // Collegium. 1993. № 1. С. 33—41. [Shmelyova, Tatyana V. (1993) Klyuchevyye slova tekushchego momenta (Keywords of the Current Moment). *Collegium*, no. 1, 33—41. (In Russian)].

Шмелева Т. В. Кризис как ключевое слово текущего момента // Политическая лингвистика. 2009. Вып. 2. (28). С. 63—67. [Shmelyova, Tatyana V. (2009) Krizis kak klyuchevoye slovo tekushchego momenta (Crisis as a Keyword of the Current Moment). *Politicheskaya lingvistika*, 2 (28), 63—67. (In Russian)].

Duden. (2001) Der Duden in 12 Bänden. *Herkunftswörterbuch*; Bd 7. Mannheim: Dudenverlag.

Duden. Retrieved from https://www.duden.de.

DWDS — Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. Retrieved from https://www.dwds.de.

Gesellschaft für die deutsche Sprache. Wort des Jahres. Retrieved from https://gfds.de/aktionen/wort-des-jahres.

Yekaterina O. Tumanova
Moscow Metropolitan Governance Yury Luzhkov University

Eonyms as Linguistic Means of Explicating Actual Phenomena in German Culture

This article investigates eonyms (epoch-defining keywords) at the intersection of sociolinguistic and linguocultural paradigms within a multiparadigmatic framework. Eonyms are examined as a distinct class of lexical units possessing high pragmatic potential and capable of verbalizing sociocultural transformations, shifts in values, collective emotional responses, and fashionable phenomena within the cultural and leisure practices in German-speaking society. Particular attention is given to their role in shaping the "linguistic taste of the epoch" as a dynamic indicator of social attitudes and historical temporality. The study aims to identify and systematize eonyms as linguistic instruments for explicating fashionable phenomena in contemporary Germany and to determine patterns governing their discursive functioning. To achieve this objective, a methodological complex was employed, comprising continuous sampling of eonyms from the annual "Word of the Year" rankings published by the Society for the German Language, lexical-semantic analysis, linguocultural analysis, sociolinguistic

analysis, material systematization, quantitative measurement, and corpus-based investigation. Three conceptual fields formed by eonyms were delineated during the empirical analysis: digital culture, consumer culture, and media-driven cultural practices. Corpus analysis revealed three key patterns in the functioning of eon-words. Firstly, the linguistic stability of "actual words" is determined not by media prominence but by functional necessity in everyday communication. Secondly, a temporal lag exists between a neologism's emergence in public discourse and its fixation in corpus resources, reflecting the gradual nature of linguistic integration. Thirdly, frequency of usage depends not on the lexical item's chronological age but on its capacity to meet the communicative needs of society, especially in the era of global digitalization. The theoretical significance of the research lies in the understanding of language — society interaction mechanisms and advancing the concept of "linguistic taste of the epoch" as an analytical tool for sociolinguistic and linguocultural studies. Its practical value is manifested in establishing a methodological foundation for forecasting linguistic trends and interpreting contemporary discourse by the actual vocabulary. The findings confirm language's active role as an agent of sociocultural dynamics, selectively encoding historically significant events while simultaneously participating in the formation of collective consciousness.

Keywords: eonym; actual lexicon; linguistic taste of the epoch; German-language discourse; conceptual field; linguoculturology; sociolinguistics; Word of the Year

Для цитирования:
Туманова Е. О. Эонимы как средство экспликации модных феноменов в культуре Германии // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2026. № XXIII. С. 244—268.
DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2026-23-244-268.

To cite this Article:
Tumanova, Yekaterina O. (2026) Eonimy kak sredstvo eksplikatsii modnykh fenomenov v kul'ture Germanii (Eonyms as Linguistic Means of Explicating Actual Phenomena in German Culture). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 23, 244—268. (In Russian).
DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2026-23-244-268.

Статья поступила в редакцию 16.02.2026; принята к публикации 20.03.2026
The article was submitted 16.02.2026; accepted for publication 20.03.2026

А. К. Филиппов, К. А. Филиппов
Санкт-Петербургский государственный университет

ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ В НЕМЕЦКОЙ ГЕРМАНИСТИКЕ ПОЗДНЕГО ПРОСВЕЩЕНИЯ*

В период позднего Просвещения в Германии происходят значительные общественные изменения, отражающиеся на языке — становление литературной нормы, развитие новых подходов к описанию грамматики и стилистики с опорой на эстетический и узуальный критерии. Изучение немецких гуманитарных текстов указанного периода методами гипотетико-дедуктивного, историко-культурного, компонентного, контекстологического и стилистического анализа позволяет оценить степень интеграции этих тенденций в устоявшуюся традицию описания немецкого языка. Одно из направлений немецкой германистики конца XVIII в. состоит в переходе от прескриптивной к дескриптивной модели описания языка, связанном прежде всего с научной деятельностью И. К. Аделунга. Параллельно с лингвистическим описанием возрастает роль эстетической категории вкуса, сформулированной И. Кантом в *Критике способности суждений* как способности судить о прекрасном. Ярким примером апелляции к эстетическому критерию может служить широкое применение понятия благозвучия (Wohlklang) в гуманитарных текстах. И. К. Аделунг рассматривает его как неотъемлемое качество хорошего стиля. Обращаясь к вопросам словарного состава немецкого языка, он также оперирует более общим понятием Wohllaut (потенциальная способность чего-либо хорошо звучать). В области фонетики с категорией благозвучия связаны гипотетическая идея изменения формы немецких глаголов, выдвинутая Фридрихом Великим, рекомендация К. Ф. Моритца о звонком произношении g на конце слова и перед глухим согласным, учение И. Г. Зульцера о типах ударения. Благозвучие как параметр оценки целого речевого произведения получило характеристику в работах И. Г. Гердера, Д. Тидеманна, И. А. Эберхарда. В качестве определяющих факторов благозвучия этими авторами рассматриваются порядок слов и ритмическое построение фразы. Таким образом, понятия Wohlklang и Wohllaut применяются для характеристики обширного круга явлений, принадлежащих различным уровнях немецкого языка и

* Филиппов К. А. — концепция исследования, сбор и обработка материала; Филиппов А. К. — анализ полученных данных, написание текста.

находящих свое выражение в разных его жанрах.
Ключевые слова: Немецкое Просвещение; немецкая грамматика; немецкая стилистика; эстетика; благозвучие; вкус

1. Введение

М. М. Бахтин оценивал XVIII век как «эпоху могучего пробуждения чувства времени, прежде всего чувства времени в природе и в человеческой жизни» (Бахтин 1986: 217). Именно в этот период появляются многочисленные специальные тексты как документальные свидетельства достижений в науке, культуре и образовании (подробнее см. [Адмони 1994; Филиппов 2015; Filippov & Filippov 2018; Schiewe 2007]).

Немецкий философ М. Мендельсон, говоря о Просвещении в Германии, призывал к «рациональному осмыслению вопросов человеческой жизни в соответствии с их важностью и влиянием на судьбу человека» («zum vernünftigen Nachdenken über Dinge des menschlichen Lebens nach Maßgebung ihrer Wichtigkeit und ihres Einflusses in die Bestimmung des Menschen») (Mendelssohn 2006: 4). Ф. Шиллер связывал «просвещение разума» («Aufklärung des Verstandes») с развитием способности к восприятию («Ausbildung des Empfindungsvermögens»), причем, по его словам, «путь к разуму должен открываться через сердце» («der Weg zu dem Kopf durch das Herz muß geöffnet werden») (Schiller 2006: 55–56).

Применительно к ситуации в Германии приходится согласиться с характеристикой отечественных германистов, признающих, что «сам текстовый и языковой материал данного периода настолько многообразен, что охарактеризовать его во всех аспектах не представляется возможным» (Гухман & al. 1984: 176). Необходимо также добавить, что представленная выше ситуация остается практически неизменной до настоящего времени. Так, по оценке современных немецких исследователей, сегодня (как и ранее) отсутствуют сколько-нибудь полные данные о состоянии лексического состава немецкого языка того периода; ср.:

> Die Wortschatzentwicklung der Epoche lässt sich in ihrer gesamtsprachlichen Dimension derzeit kaum mit wissenschaftlichem An-

> spruch beschreiben, da entsprechende Untersuchungen bzw. Darstellungen nicht verfügbar sind (FLEISCHER & al. 2001: 626). Развитие словарного состава этой эпохи вряд ли можно описать с научной точки зрения в его полном языковом объеме, так как отсутствуют соответствующие исследования или наблюдения» (перевод здесь и далее наш, если не указано иное — авт.).

Дополнительным аргументом в пользу обстоятельного и актуального для современного изучения историко-культурной, социолингвистической и языковой ситуации в Германии в период позднего Просвещения является тот факт, что именно в это время в немецком языке происходят значительные изменения, связанные с процессом становления литературного языка, с появлением новых методологических тенденций в германистике.

Новизна исследования заключается в интеграционном подходе к оценке двух взаимосвязанных тенденций развития немецкой германистики в период позднего Просвещения, в основе которых лежат эстетические взгляды Иммануила Канта, с одной стороны, и практика речевого узуса Иоганна Христофа Аделунга, с другой.

Цель исследования состоит в лингвистическом анализе историко-культурных и лингвотипологических характеристик немецких документальных памятников, свидетельствующих об интеграции эстетических и узуальных тенденций в описании немецкого языка в период позднего Просвещения.

Соответственно цели исследования формулируются конкретные задачи исследования: (1) определить основные черты эстетической концепции Канта; (2) выявить влияние категории вкуса (Geschmack) в описании языковых феноменов; (3) описать подход Аделунга к интерпретации речевого узуса (der herrschende Sprachgebrauch) применительно к речевому поведению участников коммуникации; (4) оценить семантический и прагматический потенциал понятия «благозвучие» (Wohlklang) в различных функциональных сферах употребления немецкого языка; (5) определить степень интеграции эстетических и узуальных тенденций в немецкой германистике периода позднего Просвещения.

Гипотеза исследования предполагает, что эстетический критерий и, в частности, понятие благозвучия оказали мас-

штабное влияние на развитие гуманитарной мысли деятелей немецкого Просвещения в самых разных областях науки о языке, включая стилистику, фонетику, лексикологию и синтаксис.

2. Характеристика материала и методов исследования

Материалом исследования послужили немецкие документальные памятники второй половины XVIII в., в которых в том или ином виде содержатся сведения об историко-культурных, социолингвистических и эстетико-стилистических особенностях немецкого языка. К таким памятникам относятся: программная работа по теории эстетики И. Канта *Critik der Urtheilskraft* (1790); учебники по грамматике, стилистике и орфографии немецкого языка И. Хр. Аделунга *Umständliches Lehrgebäude der deutschen Sprache* (1782), *Ueber den Deutschen Styl* (1785), *Vollständige Anweisung zur Deutschen Orthographie* (1788); энциклопедические словари *Grammatisch-kritisches Wörterbuch der Hoch-Deutschen Mundart* (4 Bde, 2. Ausgabe. 1793—1801) И. Хр. Аделунга и *Allgemeine Theorie der schönen Künste* (1771—1774) И. Г. Зульцера, а также работы И. Г. Гердера, Г. Э. Лессинга и других авторов (см. список источников).

В соответствии с целью и задачами исследования в работе применяются следующие *методы*: гипотетико-дедуктивный, использованный при знакомстве с немецкой справочной и специальной литературой XVIII в. и отборе иллюстративного материала; историко-культурный метод, раскрывающий историческую специфику эстетико-культурных и лингвистических феноменов немецкоязычных текстов по германистике; компонентный анализ, в ходе которого было выяснено влияние отдельных структурных элементов на семантику всего слова; контекстологический анализ, способствующий установлению историко-культурных и семантико-прагматических особенностей лексических и грамматических единиц в документальных источниках; стилистический анализ, позволивший оценить эстетический потенциал благозвучия в различных жанрах и регистрах речи.

3. Результаты исследования и их обсуждение

3.1. От предписания к описанию

В немецкой германистике позднего Просвещения одно из направлений ее развития заключается в переходе от прескриптивной модели описания языка (Soll-Zustand) к дескриптивному

описанию (Ist-Zustand) (подробнее см. [AUER 2013: 24]). В центре внимания лингвистов оказываются факты, относимые к сфере речевого узуса, а не предписывающей модели грамматики немецкого языка.

Один из разделов двухтомной грамматики Аделунга *Umständliches Lehrgebäude der deutschen Sprache* (1782) носит название «Der herrschende Sprachgebrauch». Далее в § 38 Аделунг конкретизирует свою мысль об этом своеобразном «произволе говорящего», который выступает в качестве «главного законодателя в любом языке»:

> es ist der herrschende allgemeine Sprachgebrauch, welcher der höchste Gesetzgeber in allen Sprachen ist, und auch in allen Jahrhunderten und in allen Zonen dafür erkannt worden (ADELUNG 1782: 98).

В § 41 Аделунг говорит об исключительной силе этого языкового фактора:

> Der Sprachgebrauch als die höchste und unumschränkeste Macht; was dieser einmahl entschieden hat, ist unwiderruflich entschieden, er müsste es denn selbst für gut befinden, in seinem einmahl getroffenen Verfügungen eine Änderung zu treffen (ibid.: 109).

Таким образом, слова Аделунга об использовании языка («Sprachgebrauch») как «высшей и неограниченной власти» («als die höchste und unumschränkeste Macht») выдвигает речевой узус на передовые позиции в описании процессов коммуникации, что является абсолютно новой тенденцией в немецкой германистике. Тем не менее приходится признать, что указанное изменение подхода к описанию языковых явлений находится в начальной стадии своего развития в позднем Просвещении. По свидетельству А. Весте, в результате усилий Аделунга процесс становления грамматики как подлинно научной дисциплины «становится обозримым, но еще совсем не завершенным» («absehbar, aber noch keineswegs vollendet ist») (VOESTE 2008: 189).

3.2. Вкус (Geschmack) как эстетическая категория

Наряду с названием эпохи Просвещения как «века разума» («Jahrhundert des Verstandes») этот период называют иногда «веком вкуса» («Jahrhundert des Geschmacks»). Ниже приводится список немецких журналов второй половины XVIII в., тематика

которых так или иначе связана с этой философской категорией: «Geschmack und Sitten» (Göttingen 1752), «Bibliothek für Denker und Männer von Geschmack» (Gera 1783-1791), «Berlinisches Archiv der Zeit und Ihres Geschmacks» (Berlin 1795-1800), «Amalthea. Zeitschrift für Wissenschaft und Geschmack» (Leipzig 1788-1789), «Monatsschrift für Deutsche: Zur Veredelung der Kenntnisse, zur Bildung des Geschmacks, und zu froher Unterhaltung» (Leipzig 1800–1802) (см. [ZIEGLER 2008: 218]).

Представление вкуса (Geschmack) как эстетической категории связано, в первую очередь, с философией Канта. Уже в названии первого параграфа работы *Критика способности суждения* («Critik der Urtheilskraft») (1790) Кант фиксирует свое понимание вкуса как эстетической категории: «Das Geschmackurtheil ist ästhetisch» (KANT 1790: 3). Далее, в сноске на этой же странице Кант дает определение вкуса как «способности судить о прекрасном» («das Vermögen der Beurtheilung des Schönen») (ibid.) и сразу отвечает на вопрос, «что требуется для того, чтобы назвать предмет прекрасным» — это «анализ суждений о вкусе»: «Was aber dazu erfordert wird, um einen Gegenstand schön zu nennen, das muß die Analyse der Urtheile des Geschmacks entdecken» (ibid.).

Нельзя сказать, что обращение к категории вкуса как критерию эстетической оценки встречает безоговорочную поддержку во всех слоях немецкого научного общества. Так, Гердер обращается к современникам с призывом:

> Wenn in manchen Ständen und Berufsarbeiten der Name Geschmack noch ein Vorwurf ist, eilt hinzu, rottet die Dornen, auch mit blutigen Händen, aus, und der Geschmack wird über neue Provinzen herrschen) (HERDER 1978: 86). Если в некоторых сословиях и профессиях слово ‘вкус’ все еще является порицанием, поспешите искоренить эти тернии, даже окровавленными руками, и хороший вкус воцарится в новых провинциях.

Конечно, для определения того, что можно считать прекрасным в науке о языке, германистам требовалось обращение к каким-либо образцам речевого творчества, a priori обладавшим чертами прекрасных литературных произведений. Один из самых известных немецких грамматистов И. Хр. Готшед считал такими образцами классические тексты «лучших авторов прошлого и

настоящего», что зафиксировано в полном названии его грамматики *Grundlegung einer Deutschen Sprachkunst, nach den Mustern der besten Schriftsteller des vorigen und jetzigen Jahrhunderts abgefasset* (1748).

К сказанному следует добавить, что, по словам А. Гриба, «эстетика Просвещения есть по преимуществу эстетика театра» (ГРИБ 1936: IX). Именно в театральном представлении актеры могли наглядно показать, каким образом совершается «путь к разуму через сердце» (см. выше [SCHILLER 2006: 55–56]). Лессинг так объясняет главную причину эстетики поведения на сцене, согласно которой актер должен сдерживать свои эмоции:

> Во всяком случае ни зрения, ни слуха не следует оскорблять. При выражении сильных страстей должно избегать всего того, что может неприятно подействовать на то или другое чувство (ЛЕССИНГ 1936: 25).

Таким образом, ориентация на речевой узус и эстетические предпочтения говорящего составляют методологическую основу для практического описания фактов немецкого языка на всех уровнях языковой системы, включая звуковой облик высказывания, выбор того или иного слова, а также использование грамматической структуры, обеспечивающей гармоничное соединение речевого высказывания с мыслительным содержанием.

3.3. Благозвучие (Wohlklang) — операционное понятие немецкой германистики периода позднего Просвещения

Важнейшее операционное понятие в немецких работах позднего Просвещения, связанное с эстетической категорией вкуса — благозвучие (Wohlklang). В труде *Ueber den Deutschen Styl* (1785) Аделунг определяет Wohlklang как свойство чего-либо к приятному звучанию. В качестве синонима он указывает также слово Harmonie, а затем дает определение благозвучия стиля: «der Wohlklang des Styles oder der Schreibart» — это способность речи и всех ее отдельных частей быть воспринятыми на слух. Здесь же приводится антоним Mißklang. Ср.:

> § 1. Der *Wohlklang* oder die *Harmonie* überhaupt genommen, ist diejenige Eigenschaft eines Dinges, nach welcher es wohl klinget, d. i. auf eine angenehmen Art durch das Gehör empfunden wird. Der *Wohlklang des Styles* oder der *Schreibart* ist folglich diejenige Vollkommenheit, nach welcher eine Rede und alle einzelnen Theile derselben

> auf eine angenehme Art durch das Gehör empfunden werden. Sein Gegensatz ist der *Mißklang*. Daß diese Eigenschaft zu einer schönen Rede nothwendig ist, darf wohl nicht erst erwiesen werden, indem es unmittelbar aus dem Begriffe derselben folgt. Eine schöne Rede muß wie Wohlgefallen verstanden werden; sie schließt folglich alles aus, was irgend einem Theile des Empfindungsvermögens, und besonders dem Gehöre Mißfallen erwecken kann, weil dadurch die höheren Absichten der Rede nur gehindert werden (ADELUNG 1785: 225–226).

В словаре *Grammatisch-kritisches Wörterbuch der hochdeutschen Mundart*, наряду с понятием Wohlklang, понимаемым как «приятное звучание» («ein angenehmer Klang»), как свойство речи, «воспринимаемое на слух приятным образом» («auf eine angenehme Art durch das Gehör empfunden wird») (ADELUNG 1801: 1598), Аделунг описывает еще одно понятие, близкое к Wohlklang, а именно Wohllaut ‘приятный звук’; ср: «**Der Wohllaut**. 1. Ein angenehmer Laut. 2. Die Eigenschaft, da etwas wohl lautet, die Euphonie; ohne Plural. Viele Konsonanten stören den Wohllaut» (ibid.).

Эти два термина достаточно близки по значению, однако между ними несложно заметить существенную разницу. В примечании к словарной статье Wohllaut Аделунг поясняет:

> Wohllaut und Wohlklang sind wie Laut und Klang, d. i. wie Genus und Spezies, unterschieden. Laut bezeichnen überhaupt die Eigenschaft, das etwas durch das Gehör empfunden wird; Klang aber bezeichnet dieses allgemeine Etwas schon näher (ibid.).

Иными словами, эти два понятия соотносятся по значению так же, как слова Laut и Klang (звук и звучание), т. е. как родовой и видовой термины; в них имеется нечто общее, а именно: опорный элемент Klang «более точно обозначает это общее нечто».

Следует подчеркнуть, что в современной акустической фонетике звуки речи рассматриваются в трех физических разновидностях: 1) «как звучание» («Laute als Klänge»), 2) «как шумы» («Laute als Rauschen»), 3) «как щелчки» («Laute als Knall») (подробнее см. [BERGMANN 2013: 48–52]). Однако уже само неясно сформулированное противопоставление понятий Wohllaut — Wohlklang в концепции Аделунга напоминает дихотомию «язык — речь», в явном виде сформулированную Ф. де Соссюром более чем столетие спустя (см. [СОССЮР 1999]).

Конкретным примером того, как Аделунг оперирует родо-

вым понятием Wohllaut при описании фактов немецкого языка, может служить формула «um des Wohllautes willen» («ради благозвучия»), которую ученый использует при объяснении феномена контактной диссимиляции в немецком языке, наблюдаемого при образовании отглагольных существительных на -niß и имеющего n в конце основы. В результате между корневой морфемой и суффиксом добавляется t, что способствует благозвучию всего слова: Erkenntniß, Bekenntniß. Ср.:

> Wenn sich die Wurzel des Verbi bereits auf ein n endigt; so wird, um des Wohllautes willen, noch ein t zwischen beyde eingeschoben, Erkenntniß, Bekenntniß. Die meisten bekommen den Umlaut, viele aber nicht; manche sind aus dem Participio Präteriti gebildet, und werfen alsdann das t und en gemeiniglich weg (ADELUNG 1782: 337).

Безусловно, в оценке «приятности» производимого впечатления есть субъективный момент, однако немецкие мыслители эпохи Просвещения глубоко верили в силу человеческого разума и в его способность выносить такие суждения на общественное обсуждение.

Важнейшая область, при обращении к которой деятели немецкого Просвещения регулярно апеллируют к понятию благозвучия — *фонетика*. Этой темы касается Фридрих II в своем сочинении *Ueber die deutsche Litteratur*. Прусский король пишет о том, как воспринимаются на слух гласные и согласные звуки: гласные приятны слуху, в отличие от скоплений согласных. Фридрих даже высказывает мысль о том, что немецкие глаголы стали бы благозвучнее, если бы к их окончанию добавить -a: sagena, gebena, nehmena. Однако Фридрих признает, что даже монаршая воля не способна заставить народ отказаться от привычных форм sagen и geben, поскольку «правитель не имеет власти над грамматиками».

> Schwieriger wird es sein, die harten Laute, von denen es in den meisten Wörtern unserer Sprache wimmelt, zu mildern. *Die Vokale sind den Ohren angenehm; zu viele beieinanderstehende Konsonanten beleidigen sie, sie sind schwer auszusprechen und sind nicht klangvoll*. Dazu haben wir eine Menge Hilfs- und Hauptverben, deren Endsilben tonlos und unangenehm sind, wie sagen, geben, nehmen; man setze ein a an den Schluss dieser Endungen, mache daraus sagena, gebena, nehmena, und schon schmeicheln diese Laute den Ohren. Aber ich weiß auch: gäbe selbst der Kaiser mit seinen acht Kurfürsten in einer feierlichen Reichstags-

> sitzung ein Gesetz heraus, das vorschreibt, man solle so sprechen, dann würden eifrige Verfechter des Teutonischen über sie spotten und in bestem Latein schreien: Caesar non est super grammaticos; „Der Kaiser steht nicht über den Grammatikern." und das Volk, das in jedem Land über die Sprachen entscheidet, würde weiterhin wie gewohnt sagen und geben sprechen (FRIEDRICH II 1780: 28–29).

Латинская фраза Caesar non est super grammaticos («И Цезарь не выше грамматиков») показывает, что проблема внешнего вмешательства в реальные процессы коммуникации имеет давнюю историю (подробнее о происхождении этой крылатой фразы см. [БАБИЧЕВ & БОРОВСКИЙ 1982: 480]), однако такое вмешательство не имеет шансов на успех, потому что решающим фактором языковых изменений выступает в любом случае непосредственная практика речевой коммуникации.

Еще одним примером апелляции к благозвучию отдельных звуков немецкой речи является мнение К. Ф. Моритца, высказанное в его учебнике *Deutsche Sprachlehre für die Damen* (1782). Оно касается оглушения звонкого согласного g в абсолютном конце слова, что, по словам автора, является обычной практикой такого произнесения» («pflegt man auch das g wie k auszusprechen»). Одновременно Моритц, вполне в духе времени, указывает на то, что, если учитывать благозвучие и происхождение слова, то произнесение flugs более предпочтительно, чем fluks, поскольку в этом случае видна связь с однокоренными словами типа Fluge. Попутно отметим также, что немецкий ученый использует в своем тексте оба варианта обозначения благозвучия: как номинацию Wohllaut, так и дериват слова Wohlklang — форму wohlklingend.

> In den Wörtern flugs, und Weg pflegt man auch das g wie k auszusprechen; allein es scheinet doch immer wohlklingender zu seyn, Wej, als Wek, zu lesen; eben so scheinet es auch dem Wohllaut und der Abstammung des Worts gemäßer zu seyn, wenn man flugs so liefet, daß man die Zusammenziehung dieses Worts aus Fluge, bemerken kann, als wenn man es fluks ausspricht (MORITZ 1782: 515–516).

В свою очередь, Зульцер в своей *Allgemeine Theorie der Schönen Künste* («Всеобщая история изящных искусств») связывает благозвучие главным образом с таким фонетическим инструментом как ударение, учитывая его решающую функцию в риторике и поэтике. По мнению автора, ударение превосходит возможно-

сти других просодических элементов и способствует звуковому многообразию («Mannigfaltigkeit») речи. Ср.:

> Von der Beobachtung der Accente hängt ein großer Theil des Wolklangs ab. Der Redner und der Dichter, der seine Worte und Redensarten so zu setzen weis, daß alle Gattungen der Accente sich nicht nur unter dem lesen selbst darbieten, sondern mit dem Gedanken selbst so genau verbunden sind, daß sie nothwendig werden, ist unfehlbar wolklingend. Denn daß der Wolklang mehr von den verschiedenen Accenten, als blos von der richtigen Beobachtung der Prosodie herkommt, scheinet eine ausgemachte Sache zu seyn (SULZER 1771: 10).

Зульцер выделяет три разновидности ударения: *грамматическое* (der grammatische Accent), т. е. словесное ударение с явно выраженной делимитативной функцией, *ораторское* (der oratorische Accent), т.е. фразовое ударение, выполняющее одновременно контрастивную и эмфатическую функции, и *патетическое* ударение (der pathetische Accent), используемое для усиления эмфатической функции ораторского ударения (ibid.).

В трудах Аделунга можно найти некоторые замечания, касающиеся благозвучия на лексическом уровне, а конкретно — в области терминологии. В предисловии к работе *Umständliches Lehrgebäude der deutschen Sprache* он перечисляет требования, которым должен удовлетворять хороший термин («Kunstwort»): он

> должен исчерпывать правильное понятие о предмете, быть легким для понимания и в то же время не оскорблять ни употребления языка, ни вкуса, ни благозвучия. («Ein gutes Kunstwort muß den richtigen Begriff der Sache erschöpfen, leicht verständlich seyn, und dabey weder den Sprachgebrauch, noch den Geschmack und Wohllaut beleidigen») (ADELUNG 1782: XII).

Попутно отметим, что так же, как и у Моритца, родовой термин *Wohllaut* используется для обозначения регулярных языковых явлений.

В приведенной цитате из работы Аделунга легко различима квинтэссенция речевых характеристик, составляющих понятийную основу нового этапа развития немецкой германистики, а именно, понятность (Verständlichkeit), употребительность (Sprachgebrauch), вкус (Geschmack), благозвучие (Wohllaut).

С тех пор благозвучие как эстетическая характеристика речи распространяется не только на отдельные звуки и слова, но и

затрагивает *целые речевые произведения*. Гердер в своей работе *Über die neuere deutsche Literatur* (1766), пишет о влиянии порядка слов и ритмического построения фразы на стиль целого прозаического произведения. Он считает, что ритмическое построение высказывания, свойственное поэтической речи, прослеживается также в благозвучии прозы, а свободное расположение слов обеспечивает ей своеобразную круговую структуру периода.

> Jetzt ward der Periode der Prosa geboren und in die Runde gedrehet, durch Übung und Bemerkung ward diese Zeit, da sie am besten war, das Alter der schönen Poesie, die den Reichtum ihrer Jugend mäßig brauchte, die den Eigensinn der Idiotismen einschränkte, ohne ihn ganz abzuschaffen, die die Freiheit der Inversionen mäßigte, ohne doch noch die Fesseln einer philosophischen Konsruktion über sich zu nehmen, die den poetischen Rhythmus zum Wohlklang der Prosa herunterstimmte und die vorher freie Anordnung der Worte mehr in die Runde eines Periode einschloß. Dies ist das männliche Alter der Sprache (HERDER 1978: 10–11).

Похожие мысли высказывает Тидеманн в книге *Versuch einer Erklärung des Ursprunges der Sprache* (1772). Он отмечает такое свойство языка, как гибкость («Biegsamkeit»), заключающееся в том, что в языке слова всегда можно расположить в соответствии с порядком и последовательностью мыслей, а также в соответствии с их благозвучием («nach ihrem Wohlklange»). Ср.:

> Die Biegsamkeit besteht demnach darin, daß in einer Sprache die Worte sich nach der Ordnung und Folge der Gedanken in jedem Fall richten kann, und daß man nicht gezwungen ist, nach den Regeln der Sprache zu denken. Sie giebt den Perioden eine Annehmlichkeit, indem man die ähnlichen Endungen, oder sonst hart zusammenklingende Ausdrücke, durch Zwischensetzung anderer vermeiden, und die Worte nach ihrem Wohlklange ordnen kann. Sie hebt das Mißvergnügen und das Langweilige, welches aus der Einförmigkeit zu entspringen pflegt. Sie ist auch geschickt, uns die Sachen deutlich und lebhaft darzustellen, weil sie es uns überläßt, die Worte so zu ordnen, wie sie am meisten Eindruck machen und rühren können (TIEDEMANN 1772: 78–79).

По мнению Эберхарда, высказанному им в труде *Vermischte Schriften* (1784), именно порядок слов выступает решающим фактором благозвучия, позволяющим наиболее заметно выразить опре-

деленную эмоцию («wie durch ihre Folge ein gewisser Affekt am fühlbarsten ausgedrückt»). Он считает, что в речи можно выделить несколько разновидностей порядка слов, обеспечивающих, помимо ясности, также другие функциональные потребности говорящего:

> …so kann es mehrere natürliche Wortstellungen geben, die von der ersten natürlichen Wortstellung, die bloß durch den höchsten Grad der Deutlichkeit bestimmt wird, abweichen können (цит. по: [Haßler & Neis 2009: 1131]).

4. Заключение

Обозначим две основные линии, характеризующие немецкую германистику в указанный исторический период. Это, во-первых, переход от прескриптивной модели описания языка (Soll-Zustand) к дескриптивной (Ist-Zustand). Фокус внимания лингвистов смещается в сторону сферы речевого узуса — того, что Аделунг назвал «преобладающей манерой речи» («der herrschende Sprachgebrauch»). Во-вторых, это представление вкуса («Geschmack») как эстетической категории в духе философии Канта. Данное понятие Кант фиксирует уже в первом параграфе своей *Критики способности суждений*. В качестве эстетических эталонов в немецком Просвещении рассматриваются лучшие произведения литературы, а также сфера театра.

С категорией вкуса связываются два операционных понятия — Wohllaut и Wohlklang, лишь приблизительно соотносимые с языковой и речевой сферами. Эти термины способствуют объяснению самых разных феноменов, проявляющихся на всех уровнях языковой системы и во всех речевых жанрах немецкого языка:

— в фонетическом и ритмическом облике высказывания;

— в использовании ударения и мелодики для достижения определенного интеллектуального и эмоционального эффекта;

— в выборе слова или синтаксической структуры с целью достижения наилучшего восприятия речи;

— в специальной аранжировке прозаического текста с применением приемов построения классических стихотворных произведений.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

Адмони В. Г. Система форм речевого высказывания. СПб.: Наука, 1994. [Admoni, Vladimir G. (1994) *Sistema form rechevogo vyskazyvaniya*

(System of Speech Utterance Forms). Saint Petersburg: Nauka. (In Russian)].

Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. 2-е изд. М.: Искусство, 1986. [Bakhtin, Mikhail M. (1986) *Ehstetika slovesnogo tvorchestva* (Aesthetics of verbal creativity). Moscow: Iskusstvo. (In Russian)].

Гриб В. Р. Эстетические взгляды Лессинга и театр // Лессинг Г. Э. Гамбургская драматургия. М.; Л.: Academia, 1936. С. VII—XLVIII. [Grib, Vladimir R. (1936) Esteticheskiye vzglyady Lessinga i teatr (Lessing's aesthetic views and the theatre). In: Lessing, Gotthold E. *Gamburgskaya dramaturgiya* (Hamburg drama). Moscow; Leningrad: Academia, VII—XLVIII. (In Russian)].

Гухман М. М., *Семенюк Н. Н.*, *Бабенко Н. С.* История немецкого литературного языка XVI—XVIII вв. М.: Наука, 1984. [Gukhman, Mirra M.; Semenyuk, Nataliya N. & Babenko, Nataliya S. (1984) *Istoriya nemetskogo literaturnogo yazyka XVI—XVIII vv.* (History of the Standard German Language of 16th to 18th Centuries). Moscow: Nauka. (In Russian)].

Кант И. Критика способности суждения. М.: Искусство, 1994. [Kant, Immanuel. (1994) *Kritika sposobnosti suzhdeniya* (Critique of Judgment). Moscow: Iskusstvo. (In Russian)].

Лессинг Г. Э. Гамбургская драматургия. М.; Л.: Academia, 1936. [Lessing, Gotthold E. (1936) *Gamburgskaya dramaturgiya* (Hamburg drama). Moscow; Leningrad: Academia. (In Russian)].

Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики / ред. Ш. Балли и А. Сеше; пер. с франц. А. Сухотина. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1999. [Saussure, Ferdinand de (1999). *Kurs obshchey lingvistiki* (Course in General Linguistics) / ed. by Bally, Charles & Sechehaye, Albert. Yekaterinburg: Ural State University. (In Russian)].

Филиппов К. А. Наблюдения над метаязыком концептуальных научных текстов эпохи немецкого Просвещения // Материалы метаязыкового семинара ИЛИ РАН. 2014 г. / отв. ред. С. С. Волков, Е. М. Матвеев. СПб.: Геликон-Плюс, 2015. С. 41—58. [Filippov. Konstantin A. (2015) Nablyudeniya nad metayazykom kontseptual'nykh nauchnykh tekstov ehpokhi nemetskogo Prosveshcheniya (German Enlightenment: a remark on metalanguage of original grammar texts). In: Volkov, Sergey S. & Matveev, Evgeniy M. (eds) Materialy metayazykovogo seminara ILI RAN. 2014 g. (Proceedings of the metalinguistic seminar of the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences. 2014). Saint Petersburg: Gelikon-Plyus, 41—58. (In Russian)].

Adelung, Johann Chr. (1782) *Umständliches Lehrgebäude der deutschen Sprache, zur Erläuterung der Deutschen Sprachlehre für Schulen*. Erster Band. Leipzig: Breitkopf.

Adelung, Johann Chr. (1785) *Ueber den Deutschen Styl*. Erster Theil. Berlin: Chr. Fr. Voß und Sohn.

Auer, Peter. (2013) Einleitung. In Auer, Peter. (ed.) *Sprachwissenschaft. Grammatik — Interaktion — Kognition*. Stuttgart; Weimar: J. B. Metzler, 1—41.

Bergmann, Pia. (2013) Laute. In: Auer, Peter. (ed.) *Sprachwissenschaft. Grammatik — Interaktion — Kognition*. Stuttgart; Weimar: J. B. Metzler, 43—89.

Eberhard, Johann A. (1784) *Vermischte Schriften*. Erster Theil. Halle: Johann Jacob Gebauer.

Filippov, Andrei K. & Filippov, Konstantin A. (2018) M. Lomonosov's Two Rhetorics and German Oratory Tradition. In: Janíková, Vera; Brychová, Alice; Velicková, Jana & Wagner, Roland. (eds) *Sprachen verbinden. Beiträge der 24. Linguistik- und Literaturtage*, Brno / Tschechien, 2016. Bd 6. Hamburg: Verlag Dr. Kovač, 445—454.

Friedrich II. (1780) *Ueber die deutsche Litteratur*. Berlin: Königl. Hof-Buchdr.

Herder, Johann G. (1978) *Ein Lesebuch für unsere Zeit*. Berlin; Weimar: Aufbau-Verlag.

Kant Immanuel. (1790) *Critik der Urtheilskraft*. Berlin und Libau: bey Lagarde und Friederich.

Fleischer, Wolfgang; Helbig, Gerhard & Lerchner, Gotthard. (eds) (2001) *Kleine Enzyklopädie — Deutsche Sprache*. Berlin; Bern; Bryxelles; New York; Wien: Lang.

Haßler, Gerda & Neis, Cordula. (2009) *Lexikon sprachtheoretischer Grundbegriffe des 17. und 18. Jahrhunderts*. Bd 2. Berlin; New York: Walter de Gruyter.

Mendelssohn, Moses. (2006) Über die Frage: Was heißt aufklären? In: Bahr, Ehrhard. (ed.) *Kant, Erhard, Hamann, Herder, Lessing, Mendelssohn, Riem, Schiller, Wieland. Was ist Aufklärung? Thesen und Definitionen*. Stuttgart: Reclam, 3—7.

Moritz, Karl Ph. (1782) *Deutsche Sprachlehre für die Damen in Briefen*. Berlin: Arnold Weber.

Schiewe, Jürgen. (2007) Zum Wandel des Wissenschaftsdiskurses in Deutschland. In: Auer, Peter & Baßler, Harald. (eds) *Reden und Schreiben in der Wissenschaft*. Frankfurt; New York: Campus Verlag, 31—49.

Schiller, Friedrich. (2006) Über die Grenzen der Vernunft. In: Bahr, Ehrhard. (ed.). *Kant, Erhard, Hamann, Herder, Lessing, Mendelssohn, Riem, Schiller, Wieland. Was ist Aufklärung? Thesen und Definitionen*. Stuttgart:

Reclam, 53—56.
Sulzer, Johann G. (1771) *Allgemeine Theorie der Schönen Künste*. Erster Theil, von A bis J. Leipzig: Weidmann.
Tiedemann, Dietrich. (1772) *Versuch einer Erklärung des Ursprunges der Sprache*. Riga: Johann Friedrich Hartknoch.
Voeste, Anja. (2008) Präskription und Deskription — Adelungs Grammatiken zwischen Tradition und Moderne. In: Kämper, Heidrun; Klosa, Anette & Vietze, Oda. (eds) *Aufklärer, Sprachgelehrter, Didaktiker: Johann Christoph Adelung (1732—1806)*. Tübingen: Gunter Narr, 179—191.
Ziegler, Evelyn. (2008) Eine Frage des Geschmacks? Adelungs Sprachnormtheorie im Kontext des zeitgenössischen Geschmacksdiskurses In: Kämper, Heidrun; Klosa, Anette & Vietze, Oda. (eds) *Aufklärer, Sprachgelehrter, Didaktiker: Johann Christoph Adelung (1732—1806)*. Tübingen: Gunter Narr, 215—246.

Список источников / Quellenverzeichnis / List of Sources

Бабичев Н. Т., Боровский Я. М. Словарь латинских крылатых слов: 2500 единиц / под ред. Я. М. Боровского. М.: Русский язык, 1982. [Babichev, Nikolay T., Borovskiy, Yakov M. (1982) *Slovar' latinskikh krylatykh slov* (Dictionary of Latin Winged Words). Moscow: Russkiy yazyk. (In Russian)].
Adelung, Johann Chr. (1801) *Grammatisch-kritisches Wörterbuch der Hoch-Deutschen Mundart*. 2. Ausgabe. Vierter Theil. Leipzig: Breitkopf und Härtel.

Andrey K. Filippov, Konstantin A. Filippov
Saint Petersburg State University

Aesthetic Trends in German Studies of the late Enlightenment

During the late Enlightenment in Germany, significant social changes were taking place, reflected in the language — in the establishment of a literary norm and development of new approaches to the description of grammar and stylistics based on aesthetic and usage criteria. The study of German humanitarian texts of this period using hypothetical-deductive, historical-cultural, componential, contextual, and stylistic analysis allows to assess the degree to which these trends were integrated into the established tradition of describing the German language. One of the trends in German studies at the end of the 18th century was the transition from a prescriptive to a descriptive model of language research, primarily associated with the scholarly activity of J. Chr. Adelung. At the same time, the role of the aesthetic category of taste,

formulated by I. Kant in his *Critique of Judgment* as the ability to judge beauty, started playing a prominent role in linguistic description itself. An instance of an appeal to the aesthetic criterion is the widespread use of the concept of euphony (*Wohlklang*) in humanitarian texts. J. Chr. Adelung considers it an integral quality of good style. Addressing the issues of the vocabulary of German, he also operates with more general concept of *Wohllaut* (the potential ability of something to sound good). In the field of phonetics, the category of euphony is associated with the hypothetical idea of the form changing in German verbs put forward by Frederick the Great, the recommendation of K. Ph. Moritz on the voiced pronunciation of g at the end of a word and before a voiceless consonant, the doctrine of J. G. Sulzer on the types of stress. Euphony as a parameter for evaluating an entire text was investigated in the works of J. G. Herder, D. Tiedemann, J. A. Eberhard. These authors consider word order and rhythmic construction of a phrase as decisive factors of euphony. Thus, the concepts of *Wohlklang* and *Wohllaut* are used to characterize a wide range of phenomena belonging to any level of German and finding their manifestations in various genres.

Keywords: German Enlightenment; German grammar; German stylistics; aesthetics; euphony; taste

Для цитирования:
Филиппов А. К., Филиппов К. А. Эстетические тенденции в немецкой германистике позднего просвещения // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2026. № XXIII. С. 269—285.
DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2026-23-269-285.

To cite this Article:
Filippov, Andrey K. & Filippov, Konstantin A. (2026) Esteticheskiye tendentsii v nemetskoy germanistike pozdnego prosveshcheniya (Aesthetic Trends in German Studies of the late Enlightenment). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 23, 269—285. (In Russian).
DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2026-23-269-285.

Статья поступила в редакцию 31.03.2026; принята к публикации 30.04.2026
The article was submitted 31.03.2026; accepted for publication 30.04.2026

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ
LITERARY STUDIES

Ю. А. Бакулина
Самарский национальный исследовательский
университет им. академика С. П. Королева

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ИМЕНА КАК МАРКЕРЫ КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XXI ВЕКА

Статья посвящена исследованию прецедентных имен как ядерных единиц культурного пространства немецкоязычного романа первой четверти XXI в. Культурное пространство представляет собой одну из форм контакта автора с читателем, поскольку включает все существующие и потенциально возможные представления о феноменах культуры у членов лингвокультурного сообщества. Его изучение открывает ценностные установки, культурные коды и концепты рассматриваемой лингвокультуры. Единицами его ядра являются прецедентные феномены, основным способом ввода которых в художественный текст являются прецедентные имена и названия. Проведенный анализ прагматикона языковой личности персонажей и автора-повествователя на материале немецкоязычных романов первой четверти XXI в. обнаруживает в своем составе следующие классы прецедентных имен собственных: антропонимы, хрононимы, хрематонимы, топонимы, мифонимы, имена сказочных персонажей, имена библейского происхождения, литературные и кинематографические онимы. Выявлено, что прецедентные антропонимы, топонимы и хрематонимы создают специфический культурный фон произведения. Через систему прецедентных топонимов и их перифрастических номинаций осуществляется передача этнокультурной информации. Прецедентные хрематонимы, к которым мы относим названия значимых книг, фильмов, песен, компьютерных игр, торговых марок и т. д., выступают показателями описываемой в художественном произведении эпохи, отражают тенденцию интермедиальности в литературе и определяют доминанту эмотивной составляющей культурного пространства. Интермедиальные включения, выраженные прецедентными именами и названиями из мира живописи, музыки и кино, как художественный прием представляют собой нулевой музыкальный экфрасис и киноэкфрасис. В перцептивных ситуациях они переключают внимание с повествования на субъективное восприятие и выполняют эмоционально-оценочную функцию. Прецедентные мифонимы и библейские онимы множественно актуализируют антропо-

нимический код европейской культуры, образуют смысловые вехи в произведении. Прецедентные имена в художественном тексте служат достижению эффекта аутентичности художественного высказывания, а также сохранению и дальнейшей трансляции культурных ценностей нации и ее культурной памяти.
Ключевые слова: литература первой четверти XXI в., прецедентные имена; культурное пространство; интермедиальность; музыкальный экфрасис; киноэкфрасис; немецкоязычный роман

1. Введение

Эстетическая коммуникация между всеми ее участниками — автором, героем и читателем — возможна в ситуации активного и глубокого взаимодействия, в опоре художника на сознание читателя, в котором хранятся кодовые системы, феноменологические и лингвистические когнитивные структуры, обеспечивающие и понимание художественного текста, и внутренний отклик читателя. Н. Т. Рымарь подчеркивает, что форма контакта автора с читателем осуществляется через общее культурное пространство, анализ которого открывает возможность изучения актуальных ценностных установок, культурных кодов и концептов определенной лингвокультуры, а также способов взаимодействия искусства и реальности, достижения эффекта аутентичности художественного текста (Рымарь 2013: 129).

Культурное пространство представляет собой поле исследования как для литературоведов, так и для лингвистов. Согласно определению, предложенному в *Словаре лингвокультурологических терминов*, культурное пространство охватывает все существующие и потенциально возможные представления о феноменах культуры у членов некоторого лингвокультурного сообщества. В его ядро входят структурированные знания и национально маркированные и культурно детерминированные представления, которыми обладают все представители того или иного лингвокультурного сообщества (Ковшова 2018: 53–54). Совокупность этих знаний и представлений, структурированных определенным образом, называется национальной когнитивной базой. Единицами когнитивной базы выступают прецедентные феномены, выполняющие роль эталонов при обработке восприятия новых феноменов в процессе их анкоринга и объек-

тивации. Оба когнитивных процесса представляют собой механизмы превращения незнакомого знания в знакомое. В процессе анкоринга значения и смыслы новых феноменов интерпретативно приписываются, прецедируются имеющимися в когнитивной базе ментальными единицами. При объективации абстрактные концепты преобразуются в нечто почти конкретное, иначе говоря, иконическая сущность идеи переходит в образ, который соотносится потом с комплексом образов или прототипом из когнитивной базы (Красных 2012: 201–202).

Основным способом ввода прецедентных феноменов в художественный текст служат разные классы прецедентных имен собственных. Это особая группа имен и названий с широко известным денотатом, входящих в когнитивную базу и занимающих промежуточное положение между именами собственными и нарицательными, способных выступать в дискурсе как в денотативном значении, так и в коннотативном, т. е. виде средств вторичной номинации для характеристики того или иного объекта. Прецедентные имена и названия на основании их функционально-семантических характеристик можно объединить в одну микросистему — прецедентный ономастикон, выделение и изучение которого позволяет исследовать культурное пространство отдельного художественного произведения и/или художественного дискурса в рамках лингвокультуры.

2. Характеристика материала и методов исследования

В поле нашего исследования находится прецедентный ономастикон языковой личности, выделенный на материале романов современных немецкоязычных писателей, вышедших в свет в первой четверти XXI в. Это роман *Адам и Эвелин* («Adam und Evelyn», 2008) Инго Шульца (Ingo Schulze, p. 1962), *Рико, Оскар и тени темнее темного* («Rico, Oskar und die Tieferschatten», 2008) Андреаса Штейнхефеля (Andreas Steinhöfel, p. 1962), *Чик* («Tschick», (2010) Вольфганга Херрндорфа (Wolfgang Herrndorf, 1965—2013), *Слава* («Ruhm», 2009) и *Ф* («F», 2013) Даниэля Кельмана (Daniel Kehlmann, p. 1975), *Шея жирафа* («Der Hals der Giraffe», 2011) Юдит Шалански (Judith Schalansky, p. 1980), *Кокс или Бег времени* («Cox oder Der Lauf der Zeit», 2016) Кристофа Рансмайра (Christoph Ransmayr, p. 1954), *Über Menschen* (2021)

Юли Цее (Juli Zeh, p. 1974), *Ольга* («Olga», 2018), *Внучка* («Die Enkelin», 2021) Бернахарда Шлинка (Bernhard Schlink, p. 1944). Все они относятся к периоду немецкоязычной литературы первой четверти XXI в., так что сами прецедентные онимы, извлеченные из прагматикона героев и авторов-повествователей, будут входить в состав когнитивной базы, являющейся ядром культурного пространства немецкоязычных стран.

Цель исследования заключается в выявлении и анализе состава прецедентного ономастикона дискурса современной немецкоязычной литературы указанного периода, а также описании основных механизмов трансляции культурно значимой информации и воссоздании культурного пространства немецкоязычного художественного дискурса в первой четверти XXI в.

Прецедентные имена и названия рассматриваются как культурно-интеллектуальная коммуникативная стратегия автора произведения с целью создания дополнительных имплицитных смыслов и передачи культурно ценностной информации. С помощью метода семантико-когнитивного анализа проводится описание структуры значения прецедентных имен. Метод контекстуального и лингвокультурологического анализа позволяет выявить функции прецедентных онимов, в значительной степени определяющих культурную специфику немецкоязычного художественного дискурса.

3. Прецедентный ономастикон и культурное пространство

Проведенный анализ прецедентного ономастикона языковой личности немецкой лингвокультуры на материале перечисленных выше романов позволяет выявить следующие классы имен собственных: антропонимы, хрононимы, хрематонимы, топонимы, мифонимы, имена сказочных персонажей, имена библейского происхождения, литературные и кинематографические онимы и др.

Использование прецедентных имен в художественном дискурсе представляет собой культурно-интеллектуальную стратегию автора с целью управления восприятием читателя и формирования вектора интерпретации прочитанного. Прецедентные антропонимы, топонимы и хрематонимы создают специфический культурный фон произведения. Эта функция близка од-

ной из функций прецедентных текстов, которую выделял Ю. Н. Караулов. Он писал, что знание прецедентных текстов является показателем принадлежности к определенной эпохе и культуре, а их незнание служит предпосылкой отторжения от соответствующей культуры (КАРАУЛОВ 2004: 216).

Анализ эмпирического материала показал, что культурное пространство каждого произведения, а значит и общее национальное, складывается из нескольких составляющих. Наиболее весомой частью является прагматикон героев, поскольку, во-первых, в его состав входят прецедентные имена всех классов. Во-вторых, он отражает систему целей, мотивов, установок героя, а также путь их инкультурации. Под прагматиконом Караулов понимает третий, мотивационный или деятельностно-коммуникативный уровень в структуре языковой личности, для которого характерны эмоционально-оценочные, оценочно-прагматические единицы и обращение к прецедентным текстам, открывающим интенциональность говорящего (ibid.: 238–240). В качестве примера рассмотрим три контекста с прецедентными антропонимами из романа Шлинка *Внучка*, характеризующими не только прагматикон главных героев Каспара, но и путь их инкультурации. Так, Каспар, родившийся и выросший в ФРГ, при знакомстве называет имена любимых немецких писателей, чтобы найти точки соприкосновения с заинтересовавшей его Биргит, которая родом из ГДР:

(1) Dann sagte er: „Wir gehören zusammen. Wir sprechen die gleiche Sprache, und wenn du nicht *Moritz* und *Vischer* magst, die vielleicht mehr interessant als mögenswert sind, magst du sicher *Fontane* oder *Döblin* oder *Frank*... Ich las viel, zeitgenössische Literatur, aber Kaspar hatte recht, ich mochte *Frank* und *Döblin* und *Fontane* (SCHLINK 2023: 73).

В приведенном контексте имена прецедентных для немецкой культуры писателей, таких как Карл Филипп Мориц, Фридрих Теодор Фишер, Леонгард Франк, Альфред Деблин и Теодор Фонтане подтверждают, что Каспар и Биргит относятся к одной референтной группе и говорят на «одном языке», их объединяет общее культурное пространство немецкой нации.

Автор-повествователь может и сам давать оценку героям и происходящему, прибегая к прецедентным именам, которые

позволяют ему управлять вниманием читателя. Автор характеризует главного героя романа Каспара, называя имена Лютера, Баха и Цинциндорфа, как оказавших сильное влияние на формирование его личности в духе протестантства:

(2) Sein Vater war protestantischer Pfarrer, Kaspar war mit *Luther und Bach und Zinzendorf* aufgewachsen … (SCHLINK 2023: 27).

В качестве единиц прагматикона языковой личности немецкоязычного художественного дискурса XXI в. наиболее часто выступают имена немецких писателей и поэтов, что свидетельствует о значимости книжного культурного кода для немецкой культуры. Среди ключевых фигур следует назвать братьев Гримм, Гете, Шиллера, Деблина, Фонтане, Гейне, Брехта, Ницше и других немецких философов.

Вторым по важности является музыкальный код, актуализируемый в художественном дискурсе именами композиторов или названиями их произведений, создающих эмоциональный фон в романах. Это имена Баха, Моцарта, Бетховена, Брамса, Шуберта, Брукнера и других известных композиторов. В художественном дискурсе эти онимы представляют собой один из видов интермедиальных включений. Под интермедиальностью мы, вслед за В. Я. Малкиной, понимаем диалогическое взаимодействие различных коммуникационных каналов (медиа) и/или переложение (перевод) с языка одного медиа на другой. При этом интермедиальность в литературе рассматривается как непосредственная интеграция в вербальный текст компонентов других искусств. Как правило, это происходит сугубо вербальными средствами, прямые включения другого медиа наблюдаются гораздо реже (МАЛКИНА 2025: 32–36).

Для определения формы и функций интермедиальных включений в художественный текст воспользуемся классификацией, разработанной А. Л. Церковским и А. И. Жишкевич на материале детской литературы. К этим элементам относятся такие виды экфрасиса как экфрасис картин, скульптурный экфрасис, фотоэкфрасис, киноэкфрасис, а также иллюстрации, цитирование из песен, фильмов и мультфильмов (ЦЕРКОВСКИЙ 2020: 137–139).

В ходе анализа эмпирического материала было установлено, что важным способом включения интермедиальных элемен-

тов в художественный текст являются прецедентные антропонимы, к которым мы относим имена известных художников, композиторов и музыкантов, и прецедентные хрематонимы, охватывающие названия музыкальных произведений, песен, фильмов, живописных работ. Интермедиальные компоненты в виде названий произведений и имен их авторов как художественный прием представляют собой музыкальный, живописный и киноэкфрасис. По объему они относятся к нулевому экфрасису. Е. В. Яценко определяет нулевой экфрасис как указание на отнесенность реалий словесного текста к тем или иным художественно-изобразительным явлениям (Яценко 2011: 49).

Проиллюстрируем значение музыкального экфрасиса для создания портретов героев и культурного фона произведения в целом. В романе Цее главная героиня Дора описывает атмосферу в доме отца и его новой пассии через звучащую фоном музыку и музыкальные вкусы персонажей. Это произведения Эрика Сати, симфонии Брукнера, музыка для медитаций, ср.:

(3) Der Montes steht bereits dekantiert auf dem Tisch und atmet. Im Hintergrund läuft *Klaviermusik im Stil von Eric Satie*, vielleicht ein Kompromiss zwischen *Sybilles Meditations-CDs* und *Jojos Bruckner-Symphonien* (Zeh 2021: 134).

Нижеследующие примеры отмечают роль фортепианной музыки для немецкой культуры. Исполнение сонат Моцарта, Бетховена, Шопена наполняет домашнюю атмосферу в детстве и юности автора-рассказчика романа *Ольга* Шлинка, ср.:

(4) Es waren stille Tage. Meine Mutter spielte, wann immer sie Zeit fand, Klavier, morgens einen *Choral* und tags *Mozart- und Beethoven-Sonaten und Chopin-Etüden*, meine Geschwister übten regelmäßig auf ihren Instrumenten, wir machten zusammen *Klaviermusik*, wir sangen zusammen (Schlink 2018: 125).

Для современных подростков из романа Херрндорфа музыка Ричарда Клейдермана напоминает классическую, а значит, Моцарта, ср.:

(5) …merkte ich, dass unter meiner Fußmatte etwas lag – eine Musikkassette. Sie hieß *The Solid Gold Collection von Richard Clayderman*, und es war eigentlich keine Musik. Eher so Klaviergeklimper, *Mozart* (Herrndorf 2011: 138).

Интермедиальные элементы в форме музыкального экфрасиса заметно переводят описание из объективного плана в субъективный, подчеркивают высокую эмоциональную вовлеченность героя или автора-рассказчика, усиливают эмоциональное воздействие и связь между читателем и героем. Эмоциональный потенциал текста формируется как эксплицитно, так и имплицитно. Во втором случае эмоции передаются через описание состояний, отношений и действий персонажей. Декодирование этих эмоциональных состояний представляет собой для читателя процесс получения инферентных знаний, базирующихся на накопленных энциклопедических знаниях (Schwarz-Friesel 2013: 223). Лексическими единицами с высоким эмотивным потенциалом выступают прецедентные имена и названия. Особенность значения прецедентного онима, и в особенности его сильный импликационал с многочисленными ассоциативными и оценочными признаками лежит в основе эвокативного механизма порождения скрытых смыслов (Блинова 2024: 206).

Маркерами культурного пространства описываемой в художественном произведении эпохи выступают прецедентные хрематонимы, к которым мы относим названия резонансных книг, фильмов, песен, компьютерных игр, торговых марок и т. д. Они решают проблему аутентичности художественного высказывания, поскольку их использование в дискурсе позволяет автору апеллировать к легко узнаваемым объектам действительности из реального опыта. Это обеспечивает контакт с читателем, понятность и принятие им текста.

Анализ прагматикона протагонистов, социализированных в конце XX — начале XXI в. показал, что в большей степени он складывается из прецедентных хрематонимов, обозначающих известные веб-сервисы и связанные с Интернетом понятия и явления, названия фильмов, песен и видеоигр. Все это свидетельствует о переходе от книжного типа культуры к экранному, когда медиасреда и информационные технологии комплексно интегрированы в ткань культурного пространства. Герои популярных фильмов, чьи образы отличаются емкостью и высокой художественной обобщенностью, становятся носителями нового мировоззренческого содержания, новыми «вечными образами»,

транслирующими ценности современного общества, а их имена превращаются в универсально-прецедентные.

Примерами новых архетипических образов зла служат прецедентные имена Saruman (Саруман) из фильма «Властелин колец» и Vorlone Kosh (Первый посол империи Ворлон Кош) из научно-фантастического телесериала «Вавилон-5». Персонаж из романа Кельмана *Слава* Мольвиц выражает свое чувство страха перед начальником, сравнивая его с Саруманом и Кош:

(6) Stehe ich also vorm Boss, und er sieht mich an. Durchdringender Blick. Wie *Saruman*. Oder *Vorlone Kosh aus Babylon 5*. Schaute also der mich an und ich schaute ihn. Richtig kalter Moment. Zwei Männer, ein Blick. Stahlehrlich (KEHLMANN, 2009: 117).

Персонажи звездной саги «Star Wars» стали настолько популярными, что их узнаваемость служит основами для сравнений в виде готовых образов. Так, в романе *Über menschen* мужчина в защитном костюме, стригущий траву и кустарники в деревне, воспринимается героиней Юлии Цее Дорой как робот *R2-D2* ‘Арту-Диту’ — астромеханический дроид во вселенной «Звездных войн», ср.:

(7) *R2-D2* ist noch da. Das Wesen ist höchsten 1,60 Meter hoch, trägt einen Helm mit Visier und integrierten Ohrenschützern, eine Sicherheitsweste, die bis zu den Knien reicht, und Gummistiefel, die, von unten kommend, an derselben Stell enden (ZEH 2021: 80–81).

Отдельного рассмотрения заслуживает функционирование названий художественных фильмов в форме киноэкфрасиса. Немецкие ономатологи признают, что названия произведений искусства остаются по-прежнему мало изученными. При этом они подчеркивают, что высокая встречаемость названий известных или популярных книг, картин, музыкальных произведений, фильмов и т. п. приводит к частому их использованию в виде понятных большинству аллюзий. Названия широко известных произведений искусства со временем уподобляются крылатым выражениям и пословицам (NÜBLING 2012: 296–297).

Названия известных художественных фильмов рассматриваются нами как интермедиальные компоненты. По форме включения в текст они представляют собой нулевой неатрибутивный экфрасис, а их значение складывается из интенсионала «фильм» и

актуализированного признака из импликационала «основная идея фильма». На основании структурно-семантических признаков можно отнести их к символическим названиям. В художественном дискурсе они часто метафоризируются. Отчасти это можно объяснить тем, что часть названий уже изначально понимается метафорически, и современные писатели включают их в тексты своих произведений, учитывая их тропеический потенциал. В основе высокой тропеичности лежат такие характеристики как сложный состав (образуются соединением нескольких компонентов), образное переосмысление, постоянство состава, воспроизводимость в речи, непроницаемость структуры, устойчивость грамматической формы. Названия популярных художественных фильмов используются для косвенного выражения эмоций персонажей. Рассмотрим контекст с названием американского художественного фильма «Der Feind in meinem Bett» «В постели с врагом» («Sleeping with the Enemy», 1991) из романа Шалански *Шея жирафа*, когда главная героиня романа дает эмоциональную оценку ВИЧ, намекая на связь болезни и сексуальности, ср.:

(8) Der Schwulenkrankheit. Es war wirklich das klügste aller Viren. Seine Taktik war geradezu genial. Dass es ausgerechnet das Immunsystem angriff, das den Körper doch vor Infektionen schützen sollte. Ein Thriller. *Der Feind in meinem Bett.* Es war nur konsequent: Mit der Sexualität kam auch der Tod in die Welt (Schalansky 2013: 129).

Показательным случаем метафоризации названия фильма служит контекст из романа Цее, когда паника, связанная с корона-вирусом, сравнивается с атмосферой апокалипсиса из фильма «The Walking Dead» («Ходячие мертвецы»):

(9) Dora wurde den Eindruck nicht los, dass die allgemeine Panik Robert Genugtuung bereitete. Er stürzte sich regelrecht in das Endzeitspiel. *The Walking Dead* in Berlin (Zeh 2021: 24).

Название прецедентного фильма «Independence Day» («День независимости») является примером отсылки именно к эмоционально нагруженному визуальному образу катастрофы. В романе Херрндорфа *Чик* надвигающиеся тучи вызывают у главного героя ассоциации с фильмом-катастрофой, ср.:

(10) Die Wolken hoben sich und kamen wie eine Walze auf uns zu. «*Independence Day*», sagte Tschick (Herrndorf 2011: 146–147).

На синтаксическом уровне киноэкфрасис представляет собой парцеллированное высказывание с уточняющей функцией. О. А. Кострова объясняет возникновение парцеллята в речи персонажа исключительно намерением говорящего. Парцелляты этого типа присоединяются к предшествующему высказыванию с целью расширения, дополнения, пояснения его рематической части. Синтаксически они выступают чаще всего в качестве обстоятельства или дополнения. Вызываемый ими экспрессивный эффект строится на логическом выделении какой-л. детали, события, факта (КОСТРОВА 2012: 60–61).

Стилистически парцелляция рассматривается как средство выделения, усиления наиболее важных моментов высказывания и считается средством создания нового дополнительного рематического центра (КОПНИНА 2003: 279–281). В рассматриваемых примерах ассоциативная семантика прецедентного названия вступает в конвергенцию с приемом парцелляции, усиливая прагматический потенциал всего высказывания, поскольку отчленяемая часть выполняет выразительную и оценочную функции. В результате возникают дополнительные имплицитные смыслы, позволяющие делать выводы об эмоциональном состоянии героев.

Увеличение интермедиальных включений в литературном тексте влечет за собой изменения в рецепции вербального произведения и свидетельствует о переходе к экранному типу культуры. Воздействие современного технологического ландшафта на литературу и художественный язык влечет за собой реконфигурацию. Так, М. В. Загидуллина отмечает, что интермедиальность вызывает неизбежность трансформации поэтики, способов конструирования художественных образов, вымышленных миров и литературы в целом (ЗАГИДУЛЛИНА 2017: 74–75).

Передача этнокультурной информации в художественном дискурсе осуществляется в том числе и через систему прецедентных топонимов и их перифрастических номинаций. Использование топонимов в художественном тексте позволяет автору формировать культурное пространство как своей, так и чужой лингвокультуры. Через систему прецедентных топонимов он погружает читателя в культурный ландшафт с реальны-

ми географическими и культурно-историческими объектами, наполняя его еще и дополнительными ценностными смыслами. В нарративном тексте освоение географической реальности связано с обнаружением в структуре пространства ценностно отмеченных мест, специфичность которых обнаруживается на разных уровнях — мировоззренческом, культурном, текстовом.

Известный немецкий ономатолог Фолькер Кольхайм видит основные функции топонимов в художественных текстах в формировании вымышленного пространства, в котором разыгрывается действие, в транслировании культурной информации, а также в репрезентации исторической эпохи. В основе способности передавать культурно-специфическую информацию лежат звукосимволическая и характеризующая, классифицирующая функции топонимов. Географическое название, его звучание и графическая форма вызывают у читателя определенные ассоциации, апеллируют к его знаниям и формируют в его сознании дополнительные характеристики (Kohlheim 2013: 353–359).

Топонимы характерно очерчивают границы места действия романа, актуализируют связанные с ними культурные коннотации. Так, известный метонимический перифраз Osten («Восток»), часто заменяющий в речи ГДР, использует Биргит, героиня романа *Внучка* для характеристики своего мировоззрения, сильно отличающегося от западных немцев, для которых карьера, успех, престиж и богатство играют в жизни важнейшую роль. Биргит чужды тщеславие и погоня за материальным, она называет себя «дитя Востока», ср.:

(11) Ich war das Kind *des Ostens*, für mich machte das alles keinen Sinn (Schlink 2023: 122).

В каждом из рассматриваемых романов для прагматикона персонажей характерно использование мифонимов и библейских онимов, что подтверждает взаимопроникновение античного и христианского культурных пластов, в которых заключены культурные коды и фундаментальные ценности общеевропейской культуры. М. Л. Ковшова объясняет значимость мифонимов и библеизмов в дискурсе тем, что они входят в антропонимической код культуры, поскольку сквозь призму античных и библейских сюжетов они дают материал для осмысления жизни, поступков,

поведения и характера человека (Ковшова 2019: 221–222).

Обращение немецкоязычных авторов к библейской истории при описании переломных моментов или ключевых событий можно проиллюстрировать на примере романа Шульца *Адам и Эвелин*. В этом произведении библейский вопрос «Adam, wo bist du?» звучит в начале и кульминационном моменте романа. Целая глава с названием «Erkenntnisse» («Познания»), в которой герои случайно обнаруживают в номере отеля Библию, читают книгу Бытия и впервые узнают полную историю создания Адама и Евы, о Древе жизни, Древе познания добра и зла и их изгнания из Рая, представляет собой цитирование второй и третий глав книги Бытия, перемежающееся с комментариями героев о прочитанном. Эта глава имеет ключевое значение для понимания и интерпретации романа, поскольку измена героев романа друг другу, их бегство из ГДР на Запад сопоставляются автором с историей грехопадения и изгнанием Адама и Евы из Рая. История грехопадения — это вновь и вновь повторяющийся опыт каждого человека. На следующее утро Адам с Библией в руках делает предложение Эвелин выйти за него замуж.

В романе Рансмайра часовой мастер Алистер Кокс тянет время, чтобы передать ключи от часов, измеряющих вечность, поскольку боится, что после того, как часы будут готовы, он сам и его помощники будут казнены. Он откладывает важное решение, как ткущая и распускающая саван Пенелопа:

(12) Aber mit welchen Argumenten noch immer: Wie *die von ihren Freiern bedrängte Königin von Ithaka* konnte Cox die Zeit weder anhalten noch das Ende die Arbeit ins Ungefähre oder gar Unendliche verschleppen (Ransmayr 2018: 300).

Каспар, главный герой романа Шлинка *Внучка*, тоскует по ушедшей из жизни жене, словно Орфей по Эвридике:

(13) Auf einmal hatte er Angst, Birgit könnte ihm bei aller Sehnsucht nach ihr entgleiten, *wie Eurydike Orpheus* auf dem Weg zurück ins Leben entglitten war (Schlink 2023:50).

Современные немецкоязычные писателя стараются сохранить общеевропейский антропонимический код культуры, создавая преемственность среди разных поколений читателей. В детском романе Штейнхефеля *Рико, Оскар и тени темнее темного* ми-

фоним Одиссей имеет не только стилистическую нагрузку, но и выполняет лейтмотивную функцию в произведении. Десятилетний Рико Доретти в романе Штейнхефеля не смог запомнить сложное имя, поэтому он называет Одиссея «герой О», что не мешает ему мысленно возвращаться к ключевым эпизодам древнегреческого эпоса, когда в жизни мальчика случаются важные события. Рико усаживается в свое кресло для размышлений, чтобы обдумать важные для него вопросы и придумывать захватывающие истории подобные приключениям Одиссея:

(14) Man kann sich auch Geschichten mit *Helden wie dem O und seinem Holzpferd* ausdenken oder man überlegt sich wichtige Fragen, zum Beispiel, ob Miss Jane Marple jemals Mister Stringer heiraten wird (STEINHÖFEL 2008: 97).

Ивейн, герой романа *Ф* Кельмана, в ситуации смертельной опасности ведет себя подобно хитроумному Одиссею в его единоборстве с циклопом-великаном Полифемом, которому он представляется как «Никто»:

(15) — „Wer bist denn du?“ — „Ich bin … Aber meine Stimme ist nicht zu hören. Ich räusperte mich, jetzt geht es besser. „Niemand“. Die alte Antwort des *Odysseus*, erprobt und bewährt in Situationen wie dieser „Ich bin niemand!“ (KEHLMANN 2013: 120).

Прецедентные мифонимы и библейские имена в немецкоязычном романе первой четверти XXI в. на сюжетно-композиционном уровне выступают эвокативными шифтерами, задающими определенный вектор прочтения и интерпретации сюжетного развития в нарративном тексте. Они формируют суггестивный эффект, актуализируя в сознании читателя фрагмент утвердившегося в культуре значимого социального опыта, когда читатель принимает на веру то, что не вытекает из его собственного эмпирического опыта. В качестве ключевых слов они участвуют в создании подтекста и образуют смысловые вехи на важных этапах развития сюжета.

4. Выводы

Итак, культурное пространство немецкоязычного романа первой четверти XXI в. поддается описанию через анализ прагматикона протагонистов и автора-повествователя. Основными единицами мотивационно-прагматического уровня языковой

личности являются прецедентные имена и названия, актуализирующие культурные концепты и оценочные стереотипы немецкоязычной лингвокультуры или современной глобализованной культуры. Сфера источников культурного пространства для героев, социализированных в XX в., — это произведения книжной культуры, в основном немецкой национальной литературы, а для поколений конца XX — начала XXI в. — экранной культуры.

Прецедентные хрематонимы современной медийной культуры, в частности названия популярных фильмов, песен, групп, видеоигр и имена персонажей из сериалов, используются авторами для выстраивания вертикального контекста произведения, а также для передачи эмотивных смыслов. Их появление в пространстве художественного дискурса отражает тенденцию интермедиальности в искусстве и изменения в конструировании образов и мира в литературе. Музыка и кинофильмы определяют доминанту эмотивной составляющей культурного пространства немецкоязычного романа первой четверти XXI в.

Пространственную составляющую культурного пространства образуют значимые для немецкой лингвокультуры топонимы, поскольку культура неразрывно связана с пространством ценностных мест.

В культурном пространстве романов прецедентные мифонимы и агионимы актуализируют антропонимический код европейской культуры. Они придают особую значимость контекстам, требующим особого внимания, осмысления и интерпретации, поскольку представляют собой образцы утвердившегося в мировой культуре социального опыта: утрата и тоска по любимому человеку — миф об Орфее и Эвридике, поиск выхода из трудной ситуации — миф об Одиссее, принятие трудного решения — миф о Пенелопе, Ноев ковчег — «спасительное путешествие и начало новой жизни» и т. п.

В художественном тексте прецедентные имена и названия выступают маркерами культурного пространства, способствующими достижению эффекта аутентичности художественного высказывания, сохранению и продолжению трансляции культурных ценностей, а также медиатизации культурной памяти нации в целом.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

Блинова Ю. А. Эвокативность прецедентных имен собственных в новейшем немецкоязычном художественном дискурсе // Вестник Самарского ун-та. 2024. Т. 30, № 4. С. 205—213. (Blinova, Yulia A. (2024) Ehvokativnost' pretsedentnykh imen sobstvennykh v noveishem nemetskoyazychnom khudozhestvennom diskurse (Evocative properties of precedent proper names in the newest German-speaking fictional discourse). *Vestnik of Samara University*, 30, 4, 205—213. (In Russian)).

Загидуллина М. В. Интермедиальность в эпоху тотальной медиатизации: как технологии влияют на литературу и ее теорию // Павермановские чтения. Литература. Музыка. Театр: Сб. науч. трудов. Вып. 3. М.: Кабинетный ученый, 2017. С. 60—77 (Zagidullina, Marina V. (2017) Intermedial'nost' v ehpokhu total'noy mediatizatsii: kak tekhnologii vliyayut na literaturu i ee teoriyu (Intermediality in a time of total mediatization: how technologies influence on literature and its theory), 3. In: *Paverman Readings (Literature. Music. Theater).* Moscow: Armchair Scientist, 60—77. (In Russian)).

Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: УРСС, 2004. (Karaulov, Yuriy N. (2004) *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'* (Russian language and linguistic personality). Moscow: URSS. (In Russian)).

Ковшова М. Л. Словарь лингвокультурологических терминов. М.: Гнозис, 2018. (Kovshova, Mariya L. & Gudkov, Dmitriy B. (2018) *Slovar' lingvokul'turologicheskikh terminov* (Dictionary of linguistic and cultural terms). Moscow: Gnosis. (In Russian)).

Ковшова М. Л. Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок: Антропонимический код культуры. М.: Ленанд, 2019. (Kovshova, Mariya L. (2019) *Lingvokul'turologicheskiy analiz idiom, zagadok, poslovits i pogovorok: Antroponimicheskii kod kul'tury* (Linguocultural analysis of idioms, riddles, proverbs and sayings: Anthroponymic code of culture). Moscow: Lenand. (In Russian)).

Копнина Г. А. Парцелляция // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / ред. М.Н. Кожина. М.: Флинта: Наука, 2003. С. 279—282. (Kopnina, Galina. A. Partsellyatsiya (Parcellation) In: Kozhina, Margarita N. (2003) (ed.) *Stilisticheskiy ehntsiklopedicheskiy slovar' russkogo yazyka* (Stylistic Encyclopedic Dictionary of the Russian Language). Moscow: Flinta, 279—282. (In Russian)).

Кострова О. А. Экспрессивный синтаксис современного немецкого языка. М.: Флинта, 2012. (Kostrova, Olga A. (2012) *Ekspressivnyy sintaksis sovremennogo nemetskogo yazyka* (Expressive syntax of the modern

German language). Moscow: Flinta. (In Russian)).

Красных В. В. Основы психолингвистики. М.: Гнозис, 2012. (Krasnykh, Viktoriya. V. (2012) Osnovy psiholingvistiki (Fundamentals of psycholinguistics). Moscow: Gnosis. (In Russian)).

Малкина В. Я. Интермедиальность в литературе: проблемы методологии // Новый филологический вестник. 2025. № 2 (73). С. 30—38. (Malkina, Viktoriya Ya. (2025) *Intermedial'nost' v literature: problemy metodologii* (Intermediality in literature: problems of methodology). *The New Philological Bulletin*, 2 (73), 30—38. (In Russian)).

Рымарь Н. Т. Аутентичность художественного высказывания как проблема эстетического события // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Философия. Филология. 2013. № 1 (13). С. 128—150. (Rymar' Nikolay. T. (2013) *Autentichnost' khudozhestvennogo vyskazyvaniya kak problema ehsteticheskogo sobytiya* (The authenticity of artistic utterance as a problem of aesthetic event). *Samara Academy of Humanities*, 1 (13), 128—150. (In Russian)).

Церковский А. Л., Жишкевич А. И. Интермедиальный код в современной детской литературе с позиции литературоведения и лингвистики // Вестник Минского гос. лингвистического ун-та. Серия 1: Филология. 2020. № 6 (109). С. 134—141. (Tserkovskiy, Aleksandr L. & Zhishkevich, Alena I. (2020) *Intermedial'nyy kod v sovremennoy detskoy literature s pozitsii literaturovedeniya i lingvistiki* (Intermedial code in modern children's literature from the standpoint of literary criticism und linguistics). *Bulletin of the Minsk State Linguistic University.* Series 1: Philology, (109), 134—141. (In Russian)).

Яценко Е. В. «Любите живопись, поэты…». Экфрасис как художественно-мировоззренческая модель // Вопросы философии. 2011. № 11. С. 47—57. (Yatsenko, Elena V. (2011) "Lyubite zhivopis', poety…". Ekfrasis kak khudozhestvenno-mirovozzrencheskaya model' ("Love painting, poets..." Ecphrasis as an artistic and ideological model). *Russian Studies in Philosophy,* 11, 47—57. (In Russian)).

Kohlheim, Volker. (2013) Toponyme in der Literatur: Ein kognitivistischer Ansatz. *Namenkundliche Informationen*, 101/102, 352—364.

Nübling, Damaris; Fahlbusch, Fabian & Heuser, Rita. (2012) *Namen. Eine Einführung in die Onomastik*. Tübingen: Narr.

Schwarz-Friesel, Monika. (2013) *Sprache und Emotion*. Tübingen: Francke.

Список источников / Quellenverzeichnis / List of Sources

Herrndorf, Wolfgang. (2011) *Tschick*. Berlin: Rowohlt Taschenbuch.

Kehlmann, Daniel. (2013) *F.* Hamburg: Rowohlt Taschenbuch Verlag.

Kehlmann, Daniel. (2009) *Ruhm: Ein Roman in neun Geschichten*. Hamburg: Rowohlt Taschenbuch Verlag.
Ransmayr, Christoph. (2018) *Cox oder Der Lauf der Zeit.* Frankfurt am Main: S. Fischer Verlag.
Schalansky, Judith. (2011) *Der Hals der Giraffe*. Berlin: Suhrkamp.
Schlink, Berharnd. (2023) *Die Enkelin*. Zürich: Diogenes Verlag AG.
Schlink, Bernhard. (2018) *Olga*. Zürich: Diogenes Verlag AG.
Schulze, Ingo. (2017) *Adam und Evelyn*. München: Deutscher Taschenbuch Verlag.
Steinhöfel, Andreas. (2008) *Rico, Oskar und die Tieferschatten*. Hamburg: Carlsen Verlag.
Zeh Juli. (2021) *Über Menschen*. München: Luchterhand Literaturverlag.

Yulia A. Bakulina
Samara National Research University

Precedent Names as Markers of Cultural Space in the German-Language Literature of the First Quarter of the 21st Century

This article examines precedent names as core units of the cultural space of the modern German-language novel. Cultural space encompasses all existing and potentially possible representations of cultural phenomena among members of a linguo-cultural community. Through the shared cultural space, contact between the author and the reader is realized. The study of cultural space reveals the systems of values, cultural codes, and concepts of a particular linguo-culture. The units of its core are precedent phenomena. The primary means of introducing precedent phenomena into a literary text are various classes of precedent proper names. They serve as the primary means of introducing precedent phenomena into the literary text. The primary means of introducing precedent phenomena into a literary text are various classes of precedent proper names. The conducted analysis of the pragmaticon of the characters' and the author-narrator's linguistic personality is based on the contemporary German-language novels, that reveal several classes of proper names: anthroponyms, chrononyms, chrematonyms, toponyms, mythonyms, names of fairy-tale characters, names of biblical origin, literary and cinematographic onyms. Precedent anthroponyms, toponyms, and chrematonyms create a specific cultural background for the research. The transmission of ethnocultural information is carried out through the system of precedent toponyms and their periphrastic nominations. Precedent chrematonyms, which include names of significant books, films, songs, computer games,

trademarks, etc., serve as indicators of the era described in the literary work, reflect the tendency of intermediality, and determine the dominant emotive component of the cultural space. Intermedial inclusions, expressed through precedent names and titles from the worlds of painting, music, cinema etc., as an artistic device represent zero pictorial, musical, and filmic ekphrasis. In perceptual situations, they shift attention from narrative to subjective perception and fulfill an emotional and evaluative function. Precedent mythonyms and biblical onyms actualize the anthroponymic code of European culture, forming important semantic milestones. Precedent names in fiction serve to achieve the effect of authenticity of the so called artistic statement, as well as to preserve and transmit the cultural values of a nation and its cultural memory.
Keywords: German language literature; precedent names; cultural space intermediality; musical ekphrasis; film ekphrasis

Для цитирования:
Бакулина Ю. А. Прецедентные имена как маркеры культурного пространства в немецкоязычной литературе первой четверти XXI века // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2026. № XXIII. С. 287—305.
DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2026-23-287-305.

To cite this Article:
Bakulina, Yulia A. (2026) Pretsedentnyye imena kak markery kul'turnogo prostranstva v nemetskoyazychnoy literature pervoy chetverti XXI veka (Precedent Names as Markers of Cultural Space in the German-Language Literature of the First Quarter of the 21st Century). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 23, 287—305. (In Russian).
DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2026-23-287-305.

Статья поступила в редакцию 22.03.2026; принята к публикации 30.05.2026
The article was submitted 22.03.2026; accepted for publication 30.05.2026

Г. Г. Ишимбаева
Уфимский университет науки и технологий

ЖЕНСКИЕ АРХЕТИПЫ И ПРОБЛЕМА ПОИСКА САМОСТИ В РОМАНЕ *ВНУЧКА* БЕРНХАРДА ШЛИНКА

Цель статьи — герменевтическое рассмотрение романа Б. Шлинка *Внучка* (2021) в контексте женской архетипики и поисков феминой своей Самости, которые расшифровывают прототипическую семантику литературных персонажей и позволяют определить идейную и поэтологическую доминанты художественного мира писателя. Актуальность и научная новизна исследования обусловлены тем, что это первый опыт подобного системного анализа романа *Внучка*. Методологической основой исследования являются аналитический, герменевтический, психоаналитический, семиотический, структурно-типологический, фольклорно-мифологический методы, а также юнгианский анализ. В статье анализируется парадигма женских архетипов, которые представляют собой универсальную модель жизни женщины «дева — мать — старуха», исследуются способы обретения героинями целостности и единства личности, препарируется архетипическая ситуация «дева в беде». Доказывается: 1) универсальный паттерн волшебной сказки наполнен в романе конкретно-историческими реалиями и представлен в трех хронотопах, каждый из которых актуализирует свои фольклорные, мифологические и литературные повествовательные тропы, выстраивает свои динамические отношения внутри единого сюжета; 2) осмысление становления личности архетипических героинь (девы, женщины, старухи), занятых поисками самих себя и Самости, оказывается в романе одновременно и исходным пунктом, и регулирующим центром, и конечной целью повествования, в котором расшифровке архетипической семантики подвергаются не только женщины, но и связанные с ними мужчины; 3) процессы индивидуаций главных героинь выступают сюжетообразующими мотивами романа, где они рассматриваются как универсальные модели человеческого поведения и ориентированы на создание архетипического прообраза мира, который раскрывается в тексте через взаимодействие фольклорных и мифологических элементов, этимологий имен собственных, литературных и социально-политических рядов; 4) в романе исследуются разные функции архетипической роли женщины, находящейся в процессе поиска и обретения Самости. При этом ревизии подвергаются концепты: феминной самоотверженности охранитель-

ницы очага и продолжательницы рода, самоосознания и познания мотивации и логики поступков героинь, их взаимодействий с мужчинами и с женщинами, взаимоотношений с детьми и родителями, стратегии личностного успеха в маскулинном мире эпохи общественно-политического кризиса. Анализ универсальных мифологических моделей женских архетипов в поэтической структуре романа Шлинка *Внучка* позволяет сделать вывод об авторской пропозициональной установке, касающейся женской и мужской идентичности, гендерной бинарности и гендерной вариативности в современном мире.
Ключевые слова: Бернхард Шлинк; «Внучка»; женские архетипы; Самость; паттерн волшебной сказки

1. Введение

Исследование художественной репрезентации архетипов в мировой словесности — один из плодотворнейших аспектов литературоведения. Теория архетипа сложилась в трудах К. Г. Юнга (Юнг 2019), М. Элиаде (Элиаде 2010), Дж. Кэмпбелла (Кэмпбелл 1997; 2017; 2019), Н. Фрая (Фрай 1987), Е. М. Мелетинского (Мелетинский 1994), А. Ф. Лосева (Лосев 2001), В. Я. Проппа (Пропп 2001), В. Н. Топорова (Топоров 1995), О. М. Фрейденберг (Фрейденберг 1998) и др. Женским архетипам в мифологии, сказке, литературе посвящены работы М.-Л. фон Франц (Франц 2007а; 2007б), Б. Фридан (Фридан 2022), К. Гиллиган (Гиллиган 1992), К. П. Эстес (Эстес 2016), М. Бирд (Бирд 2018), М. Татар (Татар 2023), (Введение... 2001). Исследование темы Самости занимает важное место в феминистском дискурсе (Э. Андерсон, С. Уиллет, Д. Мейерс).

Цель статьи — герменевтическое рассмотрение романа Бернхарда Шлинка *Внучка* (2021) в контексте женской архетипики и поисков феминой своей Самости, которые расшифровывают прототипическую семантику литературных персонажей и позволяют определить идейную и поэтологическую доминанты художественного мира писателя. Актуальность и научная новизна исследования обусловлены тем, что это первый опыт подобного системного анализа романа.

2. Характеристика материала и методов исследования

Материалом исследования послужил роман Шлинка *Внучка*, который рассматривается в контексте женской архетипики и

процесса становления личности героини. Работа посвящена анализу смысловой структуры, идейного содержания и художественных особенностей повествования.

Методологическую основу работы составляет комплексный подход, синтезирующий традиции классического литературоведения, глубинной психологии и семантики текста. Базовыми методами исследования выступают герменевтический и психоаналитический анализ (в русле юнгианской парадигмы), дополненные методом прототипической семантики и структурно-поэтологическим анализом. Герменевтический метод позволяет осуществить глубинную интерпретацию романа и декодировать скрытые экзистенциальные и онтологические смыслы; психоаналитический — деконструкцию образов героинь через призму универсальных архетипов и концепции Самости. Метод прототипической семантики используется для выявления архетипических паттернов, формирующих смысловое пространство образов. С помощью структурно-поэтологического анализа исследуются ключевые смысловые и художественные доминанты и их влияние на нарративную структуру, систему мотивов и стилистику романа в целом.

3. Результаты исследования и их обсуждение

Женские архетипические образы являются стержневыми в романе Шлинка *Внучка*, где выстроена парадигма женских архетипов, которые представляют собой универсальную модель жизни женщины «дева — мать — старуха», и психоаналитически препарируется проблема поиска женской Самости, т. е. целостности и единства личности женщины.

История трех героинь, находящихся в родственной связи по прямой линии, подается в контексте большой истории страны на протяжении полувека как расследование героя, выполняющего функции своеобразного мужского координатора, направляющего и связывающего различные элементы сюжета и хронотопы в романе. Каспар Веттнер, вступающий во взаимодействие с тремя героинями, конкретно-образно представляющими разные архетипы, неслучайно носит имя одного из новозаветных волхвов, пришедших с дарами к младенцу Иисусу; не случайно и то, что он сам вспоминает этот библейский эпизод

(ШЛИНК 2023: 80). Волхвы, как известно, засвидетельствовали присутствие Сына Божьего на земле, а значит, начало нового миропорядка и действия новых законов. Использование образа героя с символическим именем, благодаря которому состоялся сюжет о матери, дочери, внучке как манифестациях трех архетипов, позволило Шлинку произвести своеобразный расчет с прошлым Германии и показать ее настоящее, а также обозначить возможности зарождения новых идеологических и этических координат бытия.

С решением этой задачи напрямую связано то, что в романе трижды препарируется архетипическая ситуация «дева в беде»: каждая из героинь переживает ее в свое время — в начале 1960-х гг. (Биргит), на рубеже 1980 — 1990-х гг. (Свеня), в первое десятилетие XXI в. (Зигрун). Универсальный паттерн волшебной сказки при этом наполняется конкретно-историческими реалиями Пражской весны, перестройки, падения Берлинской стены, объединения Германии и т. д. Студентка Биргит, «плоть от плоти ГДР» (ibid.: 15), тяготилась нацистским прошлым своего отца, переживала период острого недовольства идеологией СЕПГ и партийными функционерами, что совпало с разочарованием в одном из них, женатом отце ее будущей дочери. Столкнувшаяся с кризисом веры в идеалы своей страны перед ее крушением, Свеня связалась с анархистами, попала в исправительно-трудовую колонию для несовершеннолетних преступников, примкнула к правым («не ради политики, а ради насилия» (ibid.: 178), к скинхедам. С правыми по факту своего рождения в неонацистском поселении связана и Зигрун, которая, уйдя из родительского дома, стала членом коммуны «Автономных националистов» (ibid.: 231).

Три архетипические ситуации в трех хронотопах разрешаются по-разному, актуализируют свои фольклорные, мифологические и литературные повествовательные тропы, выстраивают свои динамические отношения внутри единого сюжета.

Старшая из трех «дев в беде» Биргит (жена Каспара, мать Свени, бабушка Зигрун), как ей кажется, получает спасение от «принца», типового персонажа волшебной сказки. В его роли выступает влюбившийся в нее западногерманский студент Кас-

пар, не знающий о ее ребенке и помогающий ей сбежать в ФРГ. Фольклорно-мифологическое начало этой линии повествования подчеркнуто тем, что Биргит последние месяцы перед родами проводит в сказочном зачарованном лесу, где и рожает дочь, а Каспар в первые дни их совместной жизни называет ее принцессой. После смерти жены он вспоминает миф об Орфее и Эвридике, рассматривая историю своей любви, музыки и света с точки зрения этого мифа и понимая, что он «оглядывается» на свою любимую (ibid.: 58) и теряет ее.

Это понимание пришло к нему, когда он познакомился с заметками жены к автобиографическому роману, тему которого она обозначила «жизнь как бегство» (ibid.: 27). Так в роман входит женский нарратив, который раскрывает психологию и душевное состояние Биргит, при жизни любившей молчать. Так Каспар узнает главную тайну своей любимой жены, персонифицирующейся в архетипе «ужасной матери», оставившей свою новорожденную дочь подруге.

Примечательно, что текст «романа в романе» содержит упоминание *Расколотого неба* Кристы Вольф и споров героини с одноклассниками об этом произведении. Биргит словно пытается оправдаться перед самой собой, обрести точку опоры и сразу после воспоминаний о школьной дискуссии по поводу романа Вольф заявляет:

> Я не хотела ждать никакой новой эры, никакой новой страны и никакого нового человека. Я не хотела ждать, я хотела жить. Я не желала довольствоваться крохотным клочком земли между Рудными горами и Балтийским морем — мне был нужен весь мир (ibid.: 90).

Шлинк разрушает стереотипы о женской архетипической роли в обществе, что касается, в первую очередь, представлений о феминной самоотверженности беременной женщины и женщины-матери, и декларирует «теневое» начало в прародительнице, которая стремится к независимой и рациональной Самости, выстраивая свою жизнь в соответствии с маскулинными стереотипами и идеалами.

Ее Самость раскрывается в ходе отказа от новорожденного ребенка: триада «беременность — рождение — материнство»

сменяется сознательным выбором дуады, отречением от материнства, что идет вразрез с традиционными гендерными стандартами и нормами поведения, т. е. в случае Биргит проявляется андроцентрическая концепция независимой и рациональной Самости. Более того, героиня ищет Самость в мужской системе координат — в ходе «путешествия», сопряженного с трудностями и препятствиями (так метафорически осмысляется в романе ее побег из ГДР на Запад или поездка из ФРГ в Индию). В этом она уподобляется мужчине-герою из сказки или мифа, переживающему во время опасного странствия инициацию и переходящего на новый этап развития.

Однако, как психологически достоверно показано в романе, подобная мужская в своей основе концепция уничтожает личность героини. Биргит, чье имя имеет древнегерманские и ирландские корни и означает «возвышенная», «возвышенная сила», «сильная», теряет стержень бытия и становится слабой. Имевшая творческие задатки, стремившаяся к самосовершенствованию и самосозиданию, она не доводит ни одного дела до конца (будь то обучение в университете, книжная торговля, курсы ювелирного дела и кулинарии, изучение индийской философии, писательство и т. д.) и сама понимает: «все это, конечно, больше похоже на бесплановое и бесцельное шатание, чем на настоящую собственную жизнь» (ibid.: 135). Биргит теряет все связи с родными из Восточной Германии — обращает на себя внимание тот факт, что к моменту побега из страны ее семья состояла только из женщин (бабушки, матери и двух сестер) и между ними не было духовного родства, что сигнализирует об отсутствии базовых семейных ценностей у героини. Биргит не может обжить новое западно-немецкое пространство, ощущая себя «инородным телом» (ibid.: 125), а потому впадает в истерику, спивается и кончает жизнь самоубийством.

Шлинк декларирует свое неприятие нивелирования женской Самости, разрушает стереотипы о женской архетипической роли в обществе, но на примере Биргит показывает, что протест против традиционной феминнной идентичности оказывается гибельным для женщины: ее воля к жизни оборачивается волей к смерти. Биргит «так и не нашла свое место в этом

мире», — говорит Каспар и добавляет: «инородность стала началом ее бесприютности» (ibid.: 255). Она не имела настоящего дома на Востоке, она не обрела его и на Западе, она в междумирье — «уже не *там*, но еще не *здесь*» (выделено Шлинком) (ibid.: 119).

Дочь Биргит Свеня тоже бесприютна, холодный дом отца и приемной матери внушает ей отвращение, и она выбирает «бездомную жизнь» (ibid.: 172). При создании этого женского образа Шлинк педалирует оппозицию «дом — бездомность» и подчеркивает зависимость судьбы Свени от того, что в ее сознании был разрушен топос дома в тот момент, когда произошло крушение ГДР. Это повлекло за собой анархические формы протеста, связанные с алкоголем, наркотиками, скинхедами, террором в отношении инакомыслящих подростков, вьетнамцев, беженцев.

Вся линия повествования о второй романной «деве в беде» раскрывает свое архетипическое содержание с использованием интертекстуальных отсылок к творчеству Вольфганга Борхерта с его магистральной темой бездомности (*На улице перед дверью*) и к роману Зигфрида Ленца *Урок немецкого*. Если борхертовская тема бездомности, связанная с мотивами бесконечных странствий и бесприютности души, выполняет генеральную функцию при создании данного женского образа, то коллизия романа Ленца прозвучала в одном эпизоде истории Свени. Ее, как и Зигги из романа *Урок немецкого*, родной отец отправляет в колонию для несовершеннолетних преступников в надежде на систему, которая призвана выстроить вектор нужного ей перевоспитания подрастающего поколения. Но если в финале истории Зигги Йепсена ощутим свет в конце тоннеля, то Свеня окончательно опускается на дно и становится воплощением архетипа «ужасной дочери» с лозунгом, как она сформулировала, «крушить, ломать то, что сломало меня» (ibid.: 279).

Как и ее родная мать, она получает помощь от мужчины. Но если Каспар соответствует романтическим представлениям о рыцаре-защитнике терпящих бедствие прекрасных дев (он интеллигентен, эмоционален, влюблен в литературу XIX в., читает наизусть стихи, растворяется в музыке), то Бьерн, спаситель Свени, нижнесаксонский националист, грубый, жадный,

примитивный, далек от идеала героя. Рассказывая о союзе Свени и Бьерна, Шлинк обращается к горячей теме сельских поселений неонацистов на востоке Германии. Здесь поют «Германия, Германия превыше всего…» и песни гитлерюгенда, читают националистические книги (в том числе *Народ без пространства* Ганса Гримма), поклоняются Рудольфу Гессу и Ирме Грезе, цитируют слегка измененные слова Адольфа Гитлера.

В свое время Биргит снова и снова повторяла себе, что ее дочь будет энергичной, сильной, жизнерадостной, счастливой женщиной (ibid.: 108, 110, 180, 215), Каспар же находит суровую, безмолвную, жесткую, уставшую женщину, которая подчинилась мужу, прекрасно понимая, что он представляет собой. Но она точно формулирует причины, по которым никогда не оставит его:

> я не презираю Бьерна. И не молюсь на него. И не боюсь его... Без него я... была бы бездомной алкоголичкой и наркоманкой. И лучше не думать о том, чем бы я зарабатывала себе на жизнь. И это была бы короткая жизнь. Меня бы уже давно не было в живых. Я обязана Бьерну жизнью (ibid.: 405).

Спаситель Свени имеет говорящее имя Бьерн, что связано со скандинавским словом «медведь». Ряд деталей, как прямых, так и косвенных (героиня родилась в зачарованном лесу), свидетельствует в пользу предположения о том, что Бьерн привносит в историю Свени некий этнографический субстрат сказок о Медведе, который похищает заблудившуюся девушку и женится на ней. Этот мотив, связанный с мифообрядческим комплексом посвящения, жертвоприношением лесному хозяину, браком с тотемным существом, магической семейной обрядностью, позволяет сделать вывод о том, что Бьерн при всей своей амбивалентности выступает в качестве волшебного помощника, одновременно антагониста и дарителя, который способствует процессу инициации героини и спасает ее от бездомности и неминуемой гибели: он дает ей дом и чувство защищенности и определяет второй этап нахождения Самости.

На первом этапе, в период юношеского бунтарства, Свеня воплощала самореализацию по мужскому типу в соответствии с этимологией своего имени, производного от древнегерманского

мужского имени Свен в значении ‘молодой человек’, ‘юноша’, и почти уничтожила свою личность. Благодаря Бьерну Свеня обретает себя в условиях ролевой игры правых с ее традиционным распределением гендерных ролей. Она изживает свою прежнюю андроцентрическую концепцию Самости и отныне пытается вести себя по феминным стандартам правых, интериоризирует патриархальные нормы неонацистов, которые включаются в когнитивную, эмоциональную, конативную структуры Самости, и, сама того не замечая, способствует своему притеснению. Неонацистская сексистская концепция Самости, к которой она приходит, пассивная гендерно окрашенная Самость Свени унижает в ней собственно феминнное.

Избежавшая инфантицида, Свеня в сознании Каспара уподобляется фурии (ibid.: 279), древнеримской богине мести, преследующей человека, совершившего непростительный поступок. Узнавшая о матери, она не готова к состраданию и прощению, оставаясь фурией, Алекто, которая руководит муками совести, даже после смерти матери не отпуская ей ее грех. Девочка, брошенная после рождения матерью и преданная отцом, вырастает эмоционально нестабильной, находится в состоянии внутреннего хаоса и не может исцелиться от травмы брошенности, обрести гармонию с миром и с собой. Вынужденная функционировать в стратегиях выживания в национал-поселении, Свеня не способна выстроить здоровые отношения со своей взрослеющей дочерью Зигрун.

Проблема становления личности Зигрун представляет главный интерес для Шлинка, который на этом примере стремится обозначить иные способы и формы обретения истинной женской Самости, что предусматривает пересмотр идей андроцентризма и неонацизма в исканиях женщины.

Романная эволюция Зигрун изображена как движение от «народнического национализма» (ibid.: 358) родителей к неонацизму ее сверстников с последующим бегством от них, что проявляется в локациях ее жизни — деревня, Берлин, Австралия.

По мнению Каспара, Бьерн и Свеня создали «некий параллельный мир или антимир» (ibid.), в котором стремятся удержать свою дочь, подробно распланировав ее будущую жизнь, включая

замужество и многодетную семью в пангерманском духе.

Рисунок этого мира на страницах романа создан словно в диалоге с Вольф. Во всяком случае описание национал-поселения в романе Шлинка отвечает на известные слова писательницы из *Франкфуртских лекций*:

> Род, клан, кровь и почва — это не те ценности, к которым сейчас должны апеллировать мужчины и женщины; уж кому, как не нам, знать, предлогом для какого страшного регресса могут служить эти лозунги (Вольф 1990: 237).

Именно к понятиям «рода, клана, крови и почвы» обращается отец Зигрун, правнук эсэсовца из Нижней Саксонии, внук депутата Немецкой имперской партии, сын организатора партии Патриотической немецкой молодежи. Воспроизводя генеалогию крайне правых национал-консерваторов одного семейства Ренгер, Шлинк привносит в рассказ дыхание сказки: Бьерн «отправляется искать счастья на чужбине, как это всегда бывало с младшими сыновьями» (Шлинк 2023: 187). Фольклорный элемент сюжета, однако, вживлен в современный контекст: герой «ищет счастья на Востоке, а параллельно продолжает дело своих предков, пытается основать национал-поселение» (ibid.).

Каспар, alter-ego Шлинка, познакомившийся с мыслями и образом жизни национал-поселенцев, задался целью спасти Зигрун «от нравственной и духовной гибели» (ibid.: 222). Некровный родственник, он ощущает себя ее настоящим дедом и заступником и начинает борьбу за ее душу, потому что «националистическая среда, в которой она росла, ничего хорошего ей не сулила» (ibid.: 222). В образе Каспара в связи с этим активируется архетип Мудрого Старика, который обладает чудесной властью, превосходящей человеческие способности. Каспар выступает учителем, наставником, водителем души 14-летней девочки, разрабатывая свою педагогическую тактику, ядро которой составляет гуманизм и культура.

Шлинк противопоставляет два подхода к этим понятиям. Один из них принадлежит Свене, которая, вспоминая о политике ГДР, заявила: «Как я ненавидела эту лживую болтовню про общее гуманистическое наследие, эту дешевую приманку, чтобы мы во всем этом участвовали. Нет уж, без меня!» (ibid.:

279). В противовес демагогически используемому в Восточной Германии «общему гуманистическому наследию» Каспар обращается к архетипу культуры в контексте гуманизма, чтобы перенастроить базисные модели духовной жизни Зигрун, или, говоря словами Юнга, «зажечь свет во тьме примитивного бытия» (Юнг 1994: 321).

С этой целью он пытается раскрыть перед девочкой богатство накопленного человечеством культурного опыта, прежде всего, в музыке, литературе и живописи, исподволь подводя ее к мысли о том, что о величии произведения искусства нельзя судить по факту национальной принадлежности его автора. Во время каникул, которые она проводит у него, Каспар ненавязчиво руководит ее чтением, находит ей учителя музыки, водит в музеи и на могилы знаменитостей (из общего ряда выделена могила братьев Гримм), устраивает большое путешествие в Гейдельберг, Страсбург, Базель, Люцерн, Лозанну, Женеву.

При знакомстве с новым миром Зигрун пытается отстаивать родительские представления и ценности, возмущается тем, что любимая книга Каспара «не немецкая» (ШЛИНК 2023: 203) — речь идет о *Войне и мире* Л. Н. Толстого, о *Дневнике Анны Франк*, предложенном ей Каспаром, противопоставляет «Правду о “Дневнике Анны Франк“», один из портретов Пикассо называет «дегенеративным» (ibid.: 264) и т. д. Зигрун настаивает на поездке в Равенсбрюк, где (а также в Освенциме и Берген-Бельзене) служила надзирательницей ее любимая героиня Третьего рейха Ирма Грезе. Эпизод поездки в национальный мемориальный комплекс, в ходе которой Каспар не смог достучаться до сердца девочки, упорствующей в том, что «Отец прав. Холокост изобрели задним числом, и я теперь понимаю, как легко изобрести задним числом что угодно» (ibid.: 323), заканчивается изображением леса, грозы и бушующей природы. Шлинк вновь обращается к фольклорной символике леса, чтобы в метафорической форме передать эмоции и внутреннюю борьбу, переживаемую девочкой, которая признается деду, что ни с отцом, ни с матерью она не сможет заговорить о Равенсбрюке и холокосте.

И Каспар, ощущающий свою ответственность за Зигрун, продолжает выполнять свою архетипическую миссию Мудрого

Старика. На этом пути его главным средством перевоспитания становится музыка как универсальное искусство, преодолевающее языковые и культурные барьеры и объединяющее людей вне зависимости от национальности. Зигрун обладает абсолютным музыкальным слухом и выдающимися музыкальными способностями, поэтому вопреки установке про «немецкую музыку для немцев» (ibid.: 309) открывает для себя не только Баха, Бетховена, Брамса, Моцарта, Шумана, но и Шопена, Дворжака, Грига, Элгара. Уроки музыки, очень важные для становления внутреннего мира девочки, стали базисными в педагогической технологии Каспара, занятого денацификацией ее сознания.

На этом заканчивается первый этап истории внучки, начавшей под влиянием деда поиски самоидентичности, но по требованию родителей прекратившей общение с Каспаром, который сумел посеять в душе их дочери семена сомнений в их картине мироздания. Принявшая участие по достижении 14-летия в югендляйте, обряде инициации, возникшем в гитлеровской Германии и по-прежнему актуальном в национал-поселении Ломен (ibid.: 348), Зигрун делает это бессознательно, следуя деревенским правилам и законам. Но ее привлекают испытания, через которые проходят мальчики, поэтому ее девичья инициация на деревенском празднике обретает характер недевичьей конфирмации.

В поисках Самости Зигрун после окончания школы уходит из дома, потому что «ей все уже давно опостылело — все эти обычаи и песни, юбки и блузки, разговоры о земле, о рейхе и о чести» (ibid.: 375), к берлинским «Автономным националистам», чтобы, как она говорит,

> вести борьбу, чтобы все видели: немцы никому не позволят навязывать им свои законы — ни продажным политикам и журналистам, ни черножопым, ни тем более антифашистам» (ibid.: 376).

Зигрун в поиске самоидентификации проходит путь от «национал-поселенческого идиотизма» к «уголовщине» (ibid.: 366), включающей уличные битвы возле кальянной, поджоги машин левых политиков, невольное соучастие в убийстве студента, активиста левого движения.

Для Каспара это — реализация его кошмарных снов:

> Зигрун висит на канате... над бездной, и силы ее уже на исходе, или... она заблудилась в лабиринте городских улиц и переулков и не может найти выход из него…» (ibid.: 353–354),

что является крайним выражением архетипической ситуации «дева в беде». Ее воссоздание в романе более политизировано по сравнению с историями бабушки и матери и дается на языке современных немецких СМИ.

Примечательно, что на этот раз Каспар не в состоянии вызволить внучку из беды, хотя и предпринимает усилия в этом направлении. Зигрун сама делает экзистенциальный выбор в пользу новых мировоззренческих установок, музыки как главного смысла ее жизни и нового континента. Думается в связи с этим, что Шлинк сознательно выбрал для своей героини такое говорящее имя, отсылающее к древней Скандинавии и корням «победа» и «руна, тайное знание».

Впрочем, до окончательной победы Зигрун еще далеко, потому что в самой идее побеге из Германии в Австралию содержится некий намек на имеющуюся дисгармонию миропорядка героини, что проясняется в очередной отсылке Шлинка к Вольф. Говоря во *Франкфуртских лекциях* об утопии женского сообщества с горы Ида в повести «Кассандра», писательница подчеркнула, что его изолированное существование только усиливает диссонансы, а потому: «И Австралия — не выход» (Вольф 1990: 221). Зигрун же делает ставку именно на Австралию, и ее будущее подается под знаком вопроса. Но Каспар, Мудрый Старик, верит в возможность хэппи-энда, потому что его внучка на пути к постижению Самости как нарративной идентичности прочитывает свою жизнь в контексте культуры.

Образ старика Каспара, имеющий архетипическое значение, включает семы мудрости, проницательности, философского осмысления жизни и важен для понимания нравственной и этической позиции Шлинка, обращающегося к актуальнейшим вопросам бытия современной Германии и миропонимания молодых немцев. Поэтому доминирующая концепция Самости в романе связана с образом внучки, которая делает свободный выбор самореализации, до известной степени повторяя путь ба-

бушки и матери, по маскулинному и националистическому типу. Все героини романа имеют высокий уровень агентности, чувствуют контроль над своей жизнью, понимают, чего хотят, и идут к этому. Но в отличие от бабушки и матери Зигрун выбирает не просто побег из страны и от гибельного образа жизни, а путь, на котором есть возможность открыть новые горизонты, погрузиться в мир музыки, строить музыкальную карьеру и брать на себя ответственность за свой выбор. Шлинк, таким образом, обозначает свою положительную программу для современников, связанную с культурой, которая является мощным инструментом влияния на молодых людей.

4. Заключение

Осмысление становления личности архетипических героинь (девы, женщины, старухи), занятых поисками самих себя и Самости как целостности, оказывается в романе одновременно и исходным пунктом, и регулирующим центром, и конечной целью повествования, в котором расшифровке архетипической семантики подвергаются не только женщины, но и связанные с ними мужчины. Процессы индивидуаций главных героинь выступают сюжетообразующими мотивами романа, где они рассматриваются как универсальные модели человеческого поведения и ориентированы на создание архетипического прообраза мира, который раскрывается в тексте через взаимодействие фольклорных и мифологических элементов, этимологий имен собственных, литературных и социально-политических рядов.

В романе исследуются разные функции архетипической роли женщины, находящейся в процессе поиска и обретения Самости. Ревизии подвергаются концепты: феминной самоотверженности охранительницы очага и продолжательницы рода, самоосознания и познания мотивации и логики поступков героинь, их взаимодействия с мужчинами и с женщинами, взаимоотношений с детьми и родителями, стратегии личностного успеха в маскулинном мире эпохи общественно-политического кризиса.

Анализ универсальных мифологических моделей женских архетипов в поэтической структуре романа Шлинка *Внучка* позволяет сделать вывод об авторской пропозициональной уста-

новке, касающейся женской и мужской идентичности, гендерной бинарности и гендерной вариативности в современном мире и их обусловленности.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

Андерсон Э., Уиллет С., Мейерс Д. Феминистский взгляд на проблему самости / пер. с англ. Н. Кочинян. 1999 [Электронный ресурс] // URL: https://brickofknowledge.com/articles/feminist-perspectives-on-the-self. [Anderson, Ellie; Willett, Sitia & Meyers, Diana. (1999) *Feministskiy vzglyad na problemu samosti* (Feminist Perspectives on the Selfhood). Retrieved from https://brickofknowledge.com/articles/feminist-perspectives-on-the-self. (In Russian)].

Бирд М. Женщина и власть: Манифест / пер. Н. Мезин. М.: Альпина нон-фикшн, 2018. [Beard, Mary. (2018) *Zhenshhina i vlast': Manifest* (Women & Power. A Manifesto). Moscow: Alpina non-fikshn. (In Russian)].

Введение в гендерные исследования. Ч. II / под ред. С. В. Жеребкина. СПб.: Алетейя, 2001. [Zherebkin, Sergey V. (ed.) (2001) *Vvedeniye v gendernyye issledovaniya*. Ch. 2 (Introduction to Gender Studies. Part 2). Saint Petersburg: Aleteyya. (In Russian)].

Вольф К. Истоки одной повести: Кассандра. Франкфуртские лекции / пер. Н. Федоровой, А. Карельского // Вольф К. От первого лица: Художественная публицистика. М.: Прогресс, 1990. С. 149—286. [Wolf, Christa. (1990) Istoki odnoy povesti: Kassandra. Frankfurtskiye lektsii (The Origins of a Story: Cassandra. Frankfurt Lectures). In: Wolf, Christa. *Ot pervogo litsa: Khudozhestvennaya publitsistika* (In the First Person: Fiction), 149—286. Moscow: Progress. (In Russian)].

Гиллиган К. Иным голосом: психологическая теория и развитие женщин // Этическая мысль: Научно-публицистические чтения. 1991 / общ. ред. А. А. Гусейнова. М.: Республика, 1992. С. 362—370. [Gilligan, Carol. (1992) Inym golosom: psikhologicheskaya teoriya i razvitie zhenshhin (In a Different Voice: Psychological Theory and Women's Development). In: Guseynov, Abdusalam A. (ed.) *Eticheskaya mysl': Nauchno-publitsisticheskiye chteniya. 1991* (Ethical Thought: Scientific and Publicistic Readings. 1991) Moscow: Respublika. (In Russian)].

Кэмпбелл Дж. Герой с тысячью лицами: Миф. Архетип. Бессознательное / пер. с англ. К. Семенов. СПб.: София, 1997. [Campbell, Joseph John. (1997) *Geroy s tysyach'yu litsami: Mif. Arkhetip. Bessoznatel'noye* (The Hero with a Thousand Faces: Myth. Archetype. The Unconscious). Saint Petersburg: Sofiya. (In Russian)].

Кэмпбелл Дж. Мифы и личностные изменения. Путь к блаженству / пер. с англ. О. Чекчуриной. СПб.: Питер, 2017. [Campbell, Joseph John. (2017) *Mify i lichnostnyye izmeneniya. Put' k blazhenstvu* (Pathways to Bliss. Mythology and Personal Transformation). Saint Petersburg: Piter. (In Russian)].

Кэмпбелл Дж. Богини: Тайны женской божественной сущности / пер. О. Чекчурина. СПб.: Питер, 2019. [Campbell, Joseph John. (2019) *Bogini: Tayny zhenskoy bozhestvennoy sushhnosti* (Goddesses: Mysteries of the Feminine Divine). Saint Petersburg: Piter. (In Russian)].

Лосев А. Ф. Диалектика мифа. М.: Мысль, 2001. [Losev, Aleksey F. (2001) *Dialektika mifa* (The Dialectics of Myth). Moscow: Mysl'. (In Russian)].

Мелетинский Е. М. О литературных архетипах. М.: РГГУ, 1994. [Meletinskij, Eleazar M. (1994) O literaturnykh arkhetipakh (On literary archetypes). Moscow: Russian State University for the Humanities. (In Russian)].

Пропп В. Я. Морфология волшебной сказки / ред. И. В. Пешкова. М.: Лабиринт, 2001. [Propp, Vladimir Ya. (2001) *Morfologiya volshebnoy skazki* (Morphology of a fairy tale). Moscow: Labirint. (In Russian)].

Татар М. Тысячеликая героиня / пер. с англ. М.: Альпина паблишер, 2023. [Tatar, Mariya. (2023) *Tysyachelikaya geroinya* (The Heroine with 1.001 Faces). Moscow: Alpina Publishers. (In Russian)].

Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. М.: Культура, 1995. [Toporov, Vladimir N. (1995) *Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo: Izbrannoye* (Myth. Ritual. Symbol. Image: Research in the Field of Mythopoeia). Moscow: Kul'tura. (In Russian)].

Фрай Н. Анатомия критики // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX—XX вв. Трактаты, статьи, эссе. М.: Московский гос. ун-т, 1987. С. 232—263. [Frye, Herman Northrop. (1987) Anatomiya kritiki (The Anatomy of Criticism). In: *Zarubezhnaya estetika i teoriya literatury 19—20 vv. Traktaty, stat'i, esse* (Foreign aesthetics and theory of literature of the 19th—20th centuries. Treatises, articles, essays). Moscow: Moscow State University. (In Russian)].

Франц М.-Л. Архетипические паттерны в волшебных сказках / пер. с англ. В. Мершавки. М.: Класс, 2007а. [Franz, Marie-Louise, von. (2007a) *Arkhetipicheskiye patterny v volshebnykh skazkakh* (Archetypal Patterns in Fairy Tales). Moscow: Klass. (In Russian)].

Франц М.-Л. Кошка. Сказка об освобождении фемининности. М.: Независимая фирма «Класс», 2007б. [Franz, Marie-Louise. (2007b) *Koshka. Skazka ob osvobozhdenii femininnosti* (The Cat. A Tale of Femi-

nine Redemption). Moscow: Klass. (In Russian)].

Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. М.: Восточная литература, 1998. [Freydenberg, Ol'ga, M. (1998) *Mif i literatura drevnosti* (Myth and literature of antiquity). Moscow: Vostochnaya literatura. (In Russian)].

Фридан Б. Загадка женского. М.: АСТ, 2022. [Friedan, Betty. (2022) *Zagadka zhenskogo* (The Feminine Mystique). Moscow: AST. (In Russian)].

Шлинк Б. Внучка / пер. с нем. Р. Эйвадиса. М.: Иностранка; Азбука-Аттикус, 2023. [Schlink, Bernhard. (2023) *Vnuchka* (The Granddaughter). Moscow: Inostranka; Azbuka-Attikus. (In Russian)].

Элиаде М. Аспекты мифа / пер. с фр. В. П. Большаковой. М.: Академический проспект, 2010. [Eliade, Mircea. (2010) *Aspekty mifa* (Aspects of the myth). Moscow: Akademicheskiy prospekt. (In Russian)].

Эстес К. П. Бегущая с волками: Женский архетип в мифах и сказаниях / пер. с англ. Киев: София, 2016. [Estés, Clarissa Pinkola. (2016) *Begushhaya s volkami: Zhenskiy arkhetip v mifakh i skazaniyakh* (Women Who Runs with the Wolves: Myths and Stories of the Wild Woman Archetype). Kyiv: Sofiya. (In Russian)].

Юнг К. Г. Воспоминания. Сновидения. Размышления / пер. с нем. Инны Булкиной [Электронный ресурс]. Киев: AirLand, 1994. URL: https://psy-analyst.ru/cab4/6_young.asp. [Jung, Carl Gustav. (1994) *Vospominaniya. Snovideniya. Razmyshleniya* (Memories. Dreams. Reflections). Kyiv: AirLand. Retrieved from https://psy-analyst.ru/cab4/6_young.asp. (In Russian)].

Юнг К. Г. Архетипы и коллективное бессознательное. М.: АСТ, 2019. [Jung, Carl Gustav. (2019) *Arkhetipy i kollektivnoye bessoznatel'noye* (Archetypes and the collective unconscious). Moscow: AST. (In Russian)].

Galina G. Ishimbayeva
Ufa University of Science and Technology

Female Archetypes and the Problem of Searching for Selfhood in the Novel *The Granddaughter* by B. Schlink

The purpose of this article is a hermeneutic examination of the novel *The Granddaughter* (2021) by B. Schlink in the context of female archetypes and the feminine search for Selfhood. This analysis deciphers the prototypical semantics of literary characters and allows us to identify the ideological and poetic dominants of the writer's artistic world. The relevance and scientific novelty of this study stem from the fact that this is the first attempt

at such a systematic analysis of the novel *The Granddaughter*. The methodological basis of the study is analytical, hermeneutic, psychoanalytic, semiotic, structural-typological, folkloric-mythological methods, as well as Jungian analysis. The article analyzes the paradigm of female archetypes, which represent the universal model of a woman's life "maiden — mother — crone", explores the ways in which heroines achieve integrity and unity of personality, and dissects the archetypal situation of the "damsel in distress". It is proved that: 1) the universal pattern of a fairy tale is filled in the novel with concrete historical realities and is presented in three chronotopes, each of which actualizes its own folkloric, mythological and literary narrative tropes, builds its own dynamic relationships within a single plot; 2) the understanding of the development of archetypal heroines' personality (maiden, woman, old woman), engaged in the search for themselves and Selfhood, proves to be simultaneously the starting point, the regulating center, and the final goal of the narrative, in which not only women but also the men associated with them are subjected to the deciphering of archetypal semantics; 3) the processes of individuation of the main characters act as plot-forming motifs of the novel, where they are considered as universal models of human behavior and are aimed at creating an archetypal prototype of the world, which is revealed in the text through the interaction of folklore and mythological elements, etymologies of proper names, literary and socio-political series; 4) the novel explores the various functions of the archetypal role of a woman in the process of searching for and finding her Selfhood. In doing so, it examines the concepts of feminine selflessness as a homemaker and family tree procreator, self-awareness and understanding of the motivations and logic behind the heroines' actions, their interactions with men and women, relationships with children and parents, and strategies for personal success in a masculine world in an era of socio-political crisis. An analysis of universal mythological models of female archetypes in the poetic structure of Schlink's novel *The Granddaughter* allows us to draw conclusions about the author's propositional attitudes regarding female and male identities, gender binaries, and gender variability in the modern world, and their determinacy.
Keywords: Bernhard Schlink; "The Granddaughter"; female archetypes; selfhood; fairy tale pattern

Для цитирования:
Ишимбаева Г. Г. Женские архетипы и проблема поиска самости в романе *Внучка* Бернхарда Шлинка // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2026. № XXIII. С. 306—324.
DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2026-23-306-324.

To cite this Article:
Ishimbayeva, Galina G. (2026) Zhenskiye arkhetipy i problema poiska samosti v romane *Vnuchka* Bernkharda Shlinka (Female Archetypes and the Problem of Searching for Selfhood in the Novel *The Granddaughter* by B. Schlink). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 23, 306—324. (In Russian).
DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2026-23-306-324.

Статья поступила в редакцию 13.03.2026; принята к публикации 15.04.2026
The article was submitted 13.03.2026; accepted for publication 15.04.2026

Е. В. Москвина
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

ПРОСТРАНСТВЕННО-ПРЕДМЕТНЫЕ ЗНАКИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭПОХИ В РОМАНЕ *WOHNUNGEN* В. Г. ФИШЕРА

В статье анализируется роман Вольфганга Георга Фишера *Wohnungen* («Родные стены», 1969) с точки зрения инструментария, использованного для репрезентации исторической эпохи. С одной стороны, в романе можно выделить романное настоящее, затрагивающее период распада Австро-Венгерской империи и время Первой республики. С другой, за счет разного типа знаков исторические горизонты расширяются и в прошлое, и в будущее по отношению к точке наррации — до заката Западной римской империи и до периода холодной войны. Стратегия автора во многом отличается от приемов реалистической литературы, поэтому вместо описания события — ключевого элемента сюжета, автор его означает через характеристику пространства и предметы интерьера. Фишер реже дает указания на конкретные исторические события, чем на события культурной и социально-бытовой жизни, но и в том и другом случае прибегает к онимам — топонимам, антропонимам, названиям газет и книг, причем использует их и как саморепрезентативные знаки и как эпитеты предметов. Особенно можно выделить точную топонимику Вены, которая позволяет выявить прототипы ключевых пространств при том, что они чаще всего прямо не названы. Для создания футуроспективной проекции по отношению к романному настоящему автор использует метафоризацию пространственного объекта, используя лексику иной тематической группы, тем самым, указывает на историческое событие, но избегает его прямого называния и описания. Из приемов реалистической литературы автор заимствует принцип отбора детали — она не является «случайной», напротив, Фишер стремится акцентировать внимание на таких вещах, которые являлись бы либо социальной и/или ментальной характеристикой персонажа, либо узнаваемой чертой конкретной эпохи (мебель в стиле бидермайер или веркбунда). Сами персонажи, наделенные устойчивыми эпитетами, опредмечены (не реализуют развитие сюжета, в свою очередь, предельно редуцированный) и расположены автором в интерьере как еще один тип пространственно-исторического знака. Специфическая стратегия автора проявляется также при использовании узкой приз-

мы «истории предмета» для репрезентации исторического обзора, что требует от читателя известной осведомленности.
Ключевые слова: знак; нарратив; реалистическая деталь; Фишер; Родные стены; оним; антропоним; топоним; ирония; исторический прогресс; венский текст

1. Предварительные замечания

Прежде чем перейти к непосредственному предмету, заявленному в названии статьи, отметим несколько черт поэтики романа Фишера, в котором преобладают не нарративные, а дескриптивные элементы, и поэтому о событийном ряде этого текста невозможно говорить, используя инструменты анализа реалистического текста. Персонажи в романе, в сущности, не являются фигурами, которые стоят в центре повествования и реализуют сюжет: автор отводит им примерно ту же роль, что и пространственно-предметному миру, в который он их вписывает как органичную и равновесомую единицу, о чем красноречиво свидетельствует устойчивые словосочетания вместо имен, использованные риторически как своего рода «постоянные эпитеты». В отличие от реалистической литературы, в которой создается автономный художественный мир, Фишер демонстрирует читателю сам процесс повествования, и главной фигурой текста является эксплицитный, личный, субъективный, недиегетический нарратор (Шмид 2003), а главным предметом — само письмо; нарратор как бы скользит по поверхности вещей, не претендуя на знание и проникновение в их суть: «Ich lasse diesen Menschen und diesen alltäglichen Möbelstücken ihr Schicksal» (Fischer 2023: 66).

2. Репрезентация исторических событий в романе

Роман *Родные стены* («Wohnungen», 1969), если опираться на автобиографическую канву, охватывает жизнь нескольких поколений семьи примерно с конца 1880-х по 1938 г. и включает такие события как переезд Соседа (деда повествователя) из общежития в «докторскую» квартиру в муниципальном доме, свадьбу Мальчика-в-матроске и гимназистки с Новейшей звезды (родителей), ремонт молодоженов в квартире на Шоттенринге, рождение нарратора в 1933 г., пребывание семьи в Грюндльзее в летние месяцы, наконец, переезд родителей в район вилл (1935).

В романе мы не найдем ни описания самих исторических событий, ни попыток выстроить причинно-следственные связи между явлениями, на которые есть лишь косвенные указания. Автора интересует не историческое событие, а то, *как* оно повлияло на бытовую культуру и мышление людей эпохи. Таким образом, оптика нарратора, прежде всего, настроена на пространственно-предметный модус как маркер исторического сдвига. Кроме того, если выделить в романе несколько временных пластов, то стоит говорить о романном настоящем и относящихся к нему событиях, а также о событиях дороманного времени, которые не интересуют автора как предмет описания и используются для расширения временного континуума произведения.

Сначала рассмотрим, какими средствами пользуется Фишер для указания на исторические и политические события как романного настоящего, а также прошлых и будущих по отношению к нему (вплоть до времени написания произведения), после чего обратимся к приемам моделирования культурной эпохи и конкретным предметно-пространственным знакам периодов, представленных в тексте.

Обозначим политические события, на которые есть прямые или косвенные указания в романном настоящем: Первая мировая война, воцарение Карла I, учреждение Австрийской республики, инфляция, экономический кризис середины 1920-х гг., февральское восстание 1934 г. и политические репрессии после него, испанская война и наращивание вооружения в Германии во второй половине 1930-х гг., образование Федеративного государства, аншлюс.

Мировая война, воцарение Карла I и экономический кризис середины 1920-х гг. Фишер вводит *через перспективу собирательного персонажа*. В первом случае — это позиция женщин из рабочей среды, сплетничающих у общей раковины:

> Hier im Halbkreis vor der Gangwasserleitung stehend, machen dann die Frauen im vorletzten und letzten Kriegsjahr auch der neuen Kaiserin Zita den Garaus, gesprächsweise. Die fährt doch immer am neuen Stern vorbei, die fährt doch immer mit ihren kleinen Kaiserkindern über die Laxenburg Straße zum k. u. k. Lustschloß Laxenburg hinaus, da läßt sich also die hierorts unbeliebte Italienerin in der Hofkalesche zum Lustschloß auf der alten Jagdgründen der Her-

zöge von Österreich hinauskutschieren, rasselt in dem verhangenen, lackschwarzen Hofwagen durch ein seltsames Spalier (FISCHER 2023: 35–36).

Аналогично через проекцию возмущения покупателей в кооперативном магазине на Новейшей звезде автор указывает на экономический кризис середины 20-х гг.:

Der Staat will die Kriegsopferfürsorge nicht erhöhen! Sie haben gehört, Frau Kobciwa, die Kohle wird teurer! Entlassungen in der Lokomotivfabrik! Die Reichen sollen einmal bezahlet haben. Seit sechs Wochen lassen wir abschreiben, Schuld anlaufen. Alles einmal bezahlet haben, von irgendwem, dem Staat, den Reichen, der Partei, dem Verein der Kleingewerbetreibenden, vom Pfarrer sogar, vom Erzbischof im erzbischöflichen Palais links neben dem unausgebauten Turm des Stephansdoms, vom Papst in Rom, wenn es sein muß. Alles einmal bezahlet haben, dann könnte man anfangen! (ibid.: 67).

Фишер, используя один и тот же перцептивный прием, подчеркивает схожесть исторических моментов, когда рост социального напряжения разрешился кровопролитием — революцией 1918 г. в первом случае и так называемым февральским восстанием 1934 г. — во втором. Причем, провозглашение республики, знаком которой в романе выступает новая расцветка флага, посвящено несколько пассажей — праздник социал-демократов на Новой звезде и объявление о новом форме государственного правления с балкона парламентского дворца Нижней Австрии, рядом с которым на фонаре «висит» Мальчик-в-матроске, испытывающий подростковый порыв порвать с буржуазным происхождением, одетый в рубашку навыпуск (Ausschlaghemd), считающий себя спартанцем-спартаковцем (gibt sich spartanisch-spartakistisch (FISCHER 2023: 76). Исторический факт *не описывается, но упоминается прямо*:

Aber eine Ringstraßenlaterne oder gar die Laterne Ecke Herrengasse-Strauchgasse, dem niederösterreichischen Landhaus gegenüber, wo an einem altweibersommerschönen Oktobertag ein Redner auf den Balkon tritt, nach links und nach rechts blickt und ruft: Ab heute sind wir Republikaner! (ibid.: 76).

Через перспективу четы Виммер дано выступление Гитлера 12 марта на Площади героев в Хофбурге, а авторская позиция выражена через пространственное отношение выступающего на

балконе фюрера и памятника Евгению Савойскому, обращенного к нему спиной — с позиции исторической футуроспекции (1969, дата написания романа). Автор тем самым косвенно сравнивает военно-политическую стратегию фюрера с искусством одного из выдающихся полководцев Австрийской Империи.

Совсем иначе обстоит дело с февральским восстанием 1934 г., на которое Фишер лишь намекает, *метафорически «преображая» пространство* гражданской постройки в военно-стратегический объект и используя соответствующую лексику. Так, автор описывает Новейшую звезду как крепость и предлагает читателю пофантазировать, прибегая к повторяющемуся риторическому вопросу (wo ist der Feind? [ibid.: 48]), каким образом и от кого это сооружение могло бы держать оборону, тем самым, не нарушая исторической фактологии, не только создает обобщенный образ, отсылающий к муниципальным комплексам «Красной Вены», во многом спроектированным как автономные микросистемы жизнеобеспечения (Blau 1999: 152–215; McFarland & al. 2020: 495–565), но и делает его знаком противостояния политических сил.

При описание жилого комплекса Фишер подчеркивает наличие зубчатых башен и крепостных ворот («ein vierkantiger Burghof mit arkadengesäumten Flanken; zinnengezackte Türme; Burgtor»), жильцов подсчитывает в системе 12-и взводов, образующих воинскую часть («die zwölf Steigenhäuser mit je zwölf Wohnungen <…> ergeben eine Wehr- und Wohnturmformation»). Цитадель представлена автором как оплот социал-демократии и в политическом, и в духовном плане, а потенциальные противники в лице генерал-лейтенанта, уланского ротмистра, пивных баронов, священника с мелкобуржуазной паствой выполняют роль социальных знаков и указывают на приверженцев правых партий или хаймвера (Север 2023: 18–25). Эта образность отсылает не только к полемическому противостоянию левых и правых, но и к вооруженным столкновениям хаймвера и шютцбунда в конце 1920-х — 1930-х гг., что было следствием непрекращающегося экономического кризиса и роста безработицы, при «равновесии сил», как эту ситуацию характеризовал Отто Бауэр (Бауэр 2023). И если вооруженных столкновений не знает исто-

рия Кваринхоф (Quarinhof — прообраз Новейшей звезды), то о февральском восстании 1934 г. и сегодня напоминают мемориальные доски в таких жилищных комплексах Вены как Schlinger-Hof, Reumannhof, Sandleitenhof, Karl Marx-Hof (РАЙСБЕРГ 1975; BAUER 2019).

Период инфляции выражен, что вполне характерно для романа, *с помощью конкретного топонима* — театр в 1-м районе столицы, выстроенный в 1886 г. по заказу предпринимателя Антона Ронахера. Традиционная для варьете разнообразная система номеров — образ инфляции: примеры фантастической девальвации кроны стоят в однородном ряду с хорошо известными эстрадными номерами:

> Ronachers Varieté vor Inflationsfieber- und Weltuntergangspublikum, Tausendkronenscheine, die ein Butterbrot wert sind; eine Million für einen Schluck Champagner; Kaninchen, weißohrig und rotäugig, an den langen Ohren aus spiegelnden Zylindern hervorgezogen… (FISCHER 2023: 43).

Если говорить об исторических событиях, не относящихся к романному настоящему, то можно вспомнить о том, что гора Каленберг, которую видно с балкона квартиры в квартале вилл, напоминает нарратору о разгроме турок в 1683 г. (FISCHER 2023: 154). Произвольная, на первый взгляд, ассоциация является элементом мотивного ряда, складывающегося из рассеянных на протяжении романа упоминаний о самых крупных войнах, повлиявших на самосознание австрийцев: революция 1848 г., турецкие (1683, 1737—1739, 1787—1791) и обе мировые войны.

Поводом для исторических ассоциаций, ретроспективных и футуроспективных, выступает также *«авторская» этимология названия столицы:* Vindobona (букв. «белый город») «переводится» нарратором как «город ветров» (eine windige Stadt). Образ ветра объединяет однородный ряд марширующих — римская экспансия, первомайские демонстрации рабочих, погребения политиков, шествие немецкой армии в марте 1938 г. и советской в мае 1945 г., тем самым автор вписывает Вену в «большую», мировую историю (самая крупная пространственно-временная перспектива романа), делая ее чуть ли не центром мира.

Auch ich wäre ohne Frischluftüberfütterung sehr gut ausgekommen. Wien ist wieso eine windige Stadt, die urbs ventosa der alten Römer, obwohl Vindobona auf den Karten steht. Plötzliche Windstöße, die wie Peitschenhiebe über die Ringstraße fegen, haben oft den Schritt revolutionärer Maiaufmärsche verlangsamt, auch die schwarzen Federbüsche der Pferde vor der schwarzen, gläsernen Karosse bei Staatsbegräbnissen in Unordnung gebracht und einmarschierenden Soldaten, wie den Deutschen im März 1938 oder den Russen im Mai 1945, den Straßenstaub wie Schneegestöber ins Gesicht geblasen. Über den Donaukanal können diese Ringstraßenwinde sann wie durch einen Windkanal ostwärts abziehen. Mir hätte diese innerstädtische Wind- und Luftbewegung genügt, aber ich hatte keine freie Wahl (ibid.: 150–151).

3. Репрезентация социально-культурных событий как знаков эпохи

В романе Фишера значительно больше прямых и косвенных отсылок не к политическим, а к социальным и культурно-бытовым событиям, которые определили и вектор исторического движения, и облик конкретной эпохи.

Автор, структурируя текст, придерживается принципа синхронного перемещения нарратора в пространстве и во времени. Так, квартира адвоката верховного и уголовного суда на Шоттенринге — своего рода слепок с Австро-Венгерской империи; общежитие Новая звезда и жилой комплекс Новейшая звезда в районе Фаворитен свидетельствуют о достижениях рабочего движения в Империи и венского муниципалитета первых лет Республики; отремонтированная квартира на Шоттенринге — оттиск, запечатлевший рождение современных архитектуры и дизайна в конце 1920—1930-х гг.; дача на Грюндльзее маркирует победу центробежных сил, будто возвращая время вспять, в имперское прошлое, вполне соотносимое с политическими тенденциями уверенной фашизации австрийского общества конца 1920-х гг.; наконец, квартира родителей нарратора в районе Петцляйнсдорф логично завершает описание периода, приведшего Австрию к аншлюсу.

Самым частым приемом для создания социально-культурного облика эпохи является использование *разных видов собственных имен*, которые функционируют самостоятельно или

в сочетании друг с другом, а также используются как эпитет предмета, но во всех случаях они работают как свернутый миф, тем самым расширяя пространственно-временной континуум романа. Приведем примеры.

Фишер довольно конкретен в обозначении мест действия, которые все можно считать *саморепрезентативными*. Ринг с упоминаемыми культовыми строениями (Венский университет, Биржа, Церковь пиаристов), включая и Шоттенринг, где находится квартира адвоката, одновременно выступает местом действия и знаком эпохи грюндерства, если вспомнить историю застройки этой улицы на месте снесенных крепостных стен, ознаменовавших подъем буржуазии в Империи (Воцелка 2007: 264).

Если муниципальный комплекс Кваринхоф автор и не назвал прямо, то указал к нему столь точный маршрут по улицам Вены, что усомниться в тождестве Новейшей звезды и Кваринхоф не представляется возможным («über die Wiedner Hauptstraße… über den Matzleindorfer Platz und die Triester Straße in südlicher Richtung bis zum neuesten Stern» [Fischer 2023: 49]), а в контексте соотнесения этого пространства с первыми годами Республики, возведение комплекса прочитывается как собирательный образ всей муниципальной строительной политики этого периода в Вене, инициированной социал-демократами.

Район Петцляйнсдорф, обозначенный в названии главы как Villenviertel, вызывает в сознании образ элитной застройки, начавшейся до присоединения окраин к Вене в 1892 г., с периода грюндерства до начала Первой мировой войны в разной стилистике — от английского коттеджа до модернистских домов, построенных Йозефом Хофманном, Хубертом Хесснером или перестроенные Адольфом Лоосом (Brunnbauer 2003). Впрочем, не называя конкретного адреса, автор быстро рассеивает заблуждение читателя, указывая столь точный маршрут к дому на Вюрцингергассе, чтобы не оставить сомнений, что речь идет о «виллах» совсем другого времени, характеризующих амбиции буржуазии межвоенного периода. Впрочем, вилла Рикки Тедеско находится в старом районе, а инкрустированный буфет в духе югендстиля дает повод нарратору развернуть картину усиливающейся реакции правых после февральского восстания 1934 г. в

перспективе вымышленного персонажа банкира Аристида Лапине, прибывшего по поручению французского правительства для оценки условий «спасительного займа» («die allein seligmachende Anleihe» [FISCHER 2023: 177]).

В некоторых случаях *топоним*, дополненный характеристикой нарратора, расширяет свое значение и не только становится зарисовкой из жизни эпохи, но даже опосредованной *характеристикой персонажа*. Так, артистизм Камилло Гутмана, коллеги Матросика и совладельца книжного магазина, нарратор комментирует через упоминание пражского борделя на улице Гемзенгассе 6, известного не только историкам, но и литературоведам как место действия повести Франца Верфеля *Дом скорби* и пражских зарисовок Эгона Эрвина Киша (*Die Geheimnisse des Salons Goldschmied*), послуживших, вероятно, источником и для автора.

> Gehen wir zu „Gogo"? Kannst dort auch wunderbar essen, Champagner trinken, der Dichter Werfel sitzt vielleicht am Klavier, dazu Verdi-Arien von Piccaver — ganz umsonst und viel besser gesungen als in der Oper, weil er im „Gogo" in besserer Stimmung ist. <…> Camillo Gutmann freut es, von Prager Jugenfreunden „Gogo" Gutmann genannt zu werden (FISCHER 2023: 163–165).

Помимо характеристики персонажа в приведенном пассаже можно отметить также работу Фишера и с ограничением времени: поместив в одно пространство салона Гольдшмита Верфеля и Пиккавера, писатель очертил период 1907—1912 гг., когда последний работал тенором в Пражском национальном театре, став одним из символов «золотого века» пражского модерна. Впрочем, данный хронотоп вызывает в памяти также имена Густава Малера, Франца Кафки и Отто фон Бисмарка, Франца Фердинанда и Последнего императора Австро-Венгрии Карла I, что позволяет автору повысить степень условности художественного образа и сделать Камилло Гутмана собирательным типом эпохи.

Помимо указанных функций Фишер использует *топонимы для характеристики иконических предметов*, расширяющих замкнутое пространство описываемых интерьеров: католические паломнические центры на открытках (церкви Maria-drei-Eichen и Maria-Taferl) или календарь в общежитии в районе Фаворитен

с видами Империи: Карлов мост в Праге, розы на Раксе, Будапештский замок, башня с часами в Риве на озере Гарда, охотничья вышка с охотником в Зальцкаммергуте, зальцбургские церковные купола. Автор избегает экфрасиса, казалось бы, закономерного в этом случае, заменяя его «монтажным» сочетанием названия месяца и топонима, лишь трижды используя дополнения как своего рода «эпитеты» пейзажа (die *verschneite* Kalensberg; das Budapester Schloß... *mit blühenden Bäumen*; Salzburger Kirchenkuppeln, *schneebestreut, im Wintermondlicht glänzend, eine Adventnachtstimmung* ([FISCHER 2023: 26]). Очевидно, что дополнения служат здесь не индивидуализации, а напротив типизации упоминаемого объекта, Фишер иронично подчеркивает иконографическую тиражируемость образа, замену объекта его знаком, что, конечно, в большей степени характеризует информационные техники 1960—1970-х гг., которые описал Бодрийяр в работе о симулякрах (БОДРИЙЯР 2018).

Наряду с топонимами Фишер широко использует также *антропонимы*, причем, речь идет не только об именах легендарных политических или исторических деятелей (Крал М., ефрейтор А.Г., Франц Фердинанд и пр.), часто данных через иконографический знак, но и культурных деятелях разных эпох — писателей (Штифтер, Келлер, Шубарт, Гете, Раупах, Раймунд, Цвиллингер и др.), художников (Шиле, Дюрер, Сера), композиторов (Шенберг, Шуберт), ученых (Фрейд).

Например, автор, описывая открытки с изображением покровителей Богемии и Австрии Непомука и Леопольда или бюста императора Франца Иосифа, создает поле для разворачивания в сознании читателя известных ему «историй», связанных с этими именами. *Имя* эрцгерцога Иоанна *в сочетании с топонимом* Грюндльзее, а точнее трактира Ladner, вызывает воспоминание о его морганатическом браке, о его демократическом поведении и реформировании края, во многом идеализированных (WATZKA 2009: 233–238). Нарратор, иронически дегероизируя персонажа, ставит ему в вину революцию 1918 г., в сущности, в лице эрцгерцога представляя либеральные настроения «сверху», а в лице Шмельцля — революционные силы «снизу»:

> Das wäre nochmals tausend Jahre im Vollbesitz aller Titel und Privilegien... Aber die verpesteten Freiheitsseuchenträger, die Professoren- und Advokatensöhne, später dann die verdammten Schmölzer und dessen Genossen, haben das Heilige Römische Reich Deutscher Nation und sein Nachfolgend brockenweise... Am Ende hätte der gute alte Kaiser Franz Joseph in seiner Sommervilla in Bad Ischl das endgültige Unheil doch noch eine Zeitlang hinausschieben können... Am Ende ist es aber gar nicht seine Schuld, sondern diejenige des hierorts allseits beliebten Erzherzog Johann (FISCHER 2023: 128).

Названия журналов и книг часто характеризуют персонажей, которым принадлежат издания. Сосед, дед нарратора, в единственном книжном шкафу хранит классику вперемешку с пролетарской литературой, и это сочетание — яркое проявление ироничной позиции автора:

> Noch stehen ja die Werke des weiland in London verstorbenen Karl M. neben den roten Klassikerbänden mit dem Goldscheitel: „Der Trompeter von Säckingen“ jedoch kann sich nicht mit dem „Hessenischen Landboten“ vertragen, beschießt sie, auch „Soll und Haben“ und das „Kommunistische Manifest“ ergeben keine ausgeglichene Bilanz... (ibid.: 53–54).

Гимназистка отбирает книги из отцовского шкафа, которые не стыдно взять в молодежный поход и почитать у костра. Матросик коллекционирует первоиздания и гордится своим последним прижизненным собранием Гете. Бывший директор пароходства Леопольд фон Випперер-Штрогейм — любитель приключенческой литературы Карла Мая и Джека Лондона, далекий от классики, символом которой выступают *Божественная комедия*, *Страдания молодого Вертера* и *Будденброки*. Наконец, двойственность Виммера раскрывается отчасти через пространство его магазина, где есть потаенная комната с порнографической литературой. Также стоит отметить, что оппозиционные ряды внутри некоторых пассажей, которые мы видим на примере использования антропонимов, указывающих на литературные пристрастия героев, можно встретить в романе довольно часто и в других контекстах как проявление иронии нарратора, и одновременно как утверждение компромисса, так как каждая позиция (выраженная через знак), что бы она ни означала в контексте отрывка, уравнена с другой.

Если привести несколько примеров использования *онимов как эпитетов предметов*, то яркими образцами, характеризующими эпоху заката империи, в квартире на Шоттенринге являются метлахская плитка, производство которой с 1852 г. к моменту застройки Ринга достигло больших объемов, и плитка стала визитной карточкой интерьеров этой эпохи (FORRER 1901: 83); макартовские цветы (Makartstrauß), вызывающие отчетливые визуальные образы исторического стиля популярного живописца (ШОРСКЕ 2001: 53). Хотя майсенский фарфор не назван (здесь вернее говорить об умолчании онима), описание фарфоровых собачек, пастушков под розовыми зонтиками и смеющихся китайцев, восседающих в позе Будды, не вызывают сомнения в атрибуции этих статуэток, широко распространенных при рокайльном художнике Й. Й. Кэндлере, работавшем на мануфактуре до 1731 г. (JEDDING 1981: 19).

Важно отметить, что Фишер *тщательно отбирает пространственно-предметные детали* даже в том случае, если не использует онимичные маркеры, и в этом он придерживается традиций реалистической литературы, авторы которой стремились в деталях выразить суть персонажа, социальной среды и/или эпохи. Если обстановка в квартире адвоката на Шоттенринге чаще всего характеризуется через стиль бидермайер, с деревянными кроватями в спальне, обеденными и письменными столами, картинами, фотографиями, музыкальными инструментами и другими предметами буржуазной роскоши, то в комнатах общежития в районе Фаворитен «говорящими» являются детали, призванные украсить «спартанскую обстановку» («eine spartanische Ausstatung» [FISCHER 2023: 33]) — расшитые подушки в голландском стиле на раскладном диване и цветная репродукция дюреровской «Мадонны с грушей», вместо, казалось бы, ожидаемого портрета Карла М., мешочки лаванды в бельевом шкафу — отнюдь не прихоть, а необходимость заглушить капустный «запах пролетарской кухни» («Proletarierküchengeruch» [ibid.: 30]); капуста, как отмечает К. Воцелка, была основным продуктом скудного рациона рабочего и в до революционный (1848), и в постреволюционный период (ВОЦЕЛКА 2007: 252).

Самым ярким примером радикально меняющегося стиля

жизни в 1920—1930-х гг. является описание отремонтированной квартиры на Шоттенринге, где маркированным оказывается белый цвет, выражающий, по словам Мишеля Пастуро, «сдержанную, достойную современность, свободную от пышности, фантазии и вульгарности» (PASTOUREAU 2023: 163). Значимыми являются также не столько сами предметы, «изымаемые» из пространства, сколько их материалы — встроенные и как бы отсутствующие шкафы, спрятанные источники света, трубчатые низкие кровати в спальне, «бисквитный» бюст императора (все той же майсенской мануфактуры) на фоне открытой кирпичной кладки, теряющий на ее фоне свое символическое значение. Автор подбирает детали так, чтобы читатель мог узнать тенденции, реализованные архитекторами и художниками немецкого и австрийского Werkbund. В лице Бурно Фришхерца (случайно ли выбрано имя, в данном контексте отсылающее к активному участнику объединения Бруно Тауту?) писатель также стремится «собрать» в единый образ представителей «интернационального стиля» — функционализма (ФИЕЛЛ 2009: 79–81), снимая вопрос о существовавших между ними теоретических разногласиях. Интерьер, созданный в романе Бруно Фришхерцем, напоминает интерьеры домов, построенных в рамках проекта Werkbundsiedlung в Вене (13. Хитцинг) в 1932 году (Werkbundsiedlung Wien).

Особо стоит отметить, что *имена собственные* наряду с другими типами знаков используются также как *средство демонстрации процессуальности,* исторического движения, впрочем, как и его *пародирования*.

Например, не случайно упоминание Терезианской академии, расположенной в увеселительном замке Favorita недалеко от одноименного пролетарского района. Вплоть до революции она была элитным учебным заведением для аристократов, и только после указа Франца Иосифа в 1850 г. открывшая свои двери для буржуазии как нового «привилегированного» сословия (GUGLIA 1912: 133–150). Тем самым автор подчеркивает не только социальный контраст бывшего замка и рабочего квартала, но и обозначает историческое движение — медленную демократизацию австрийского общества, кульминацией которой бы-

ла Австрийская революция и «Красная Вена».

Не менее примечательным примером служит исторический обзор, сделанный через призму истории предмета, в главе «Zwischenposition und 1. Lehrstück». Газовые фонари на Рингштрассе — не только знаки демократизации («eine städtliche Gaslaterne hat jedem Licht zu geben <…> Einfach jedem»), не только «мессионеры», выполняющие «историческую задачу» («eine historische Aufgabe») — «gestorbenen Wiener Bürgermeistern in gläsernen Trauereqipagen, Burgschauspielern von Hamlets Größe, Erzherzögen und Generälen, ja dem Prohaska bei den Habsburgfressern, heimzuleuchten» (FISCHER 2023: 75), не только опора для зевак во время провозглашения республики, но и почти одушевленные существа, которые, не довольствуясь своей ролью, потребуют человеческих жертв («sie werden alle wie zum Trotz Laternen des Diogenes und suchen sich einen Mensch als Opfer» [ibid.: 77]). Завершая пассаж, нарратор в одном однородном ряду приводит тексты табличек, приколотых к повешенным, а в другом — топонимы бывшей Австро-Венгерской, Германской и Российской империи, и так разворачивает картину нацистского террора, одновременно отсылая к Французской революции и ее «фонарному прокурору» Камилу Демулену.

В качестве примера *использования онима при пародировании идеи исторического движения*, основанного на концепции прогресса, характерного для Нового времени, можно вспомнить пассаж о виргинской сигаре, получившей наименование «императорской». Производство этой марки началось в Австрии при Иосифе II после монополизации табачной отрасли. В романе она появляется как неотъемлемый атрибут экипировки извозчика наряду с котелком и флинзерлем. Тем самым автор демонстрирует демократизацию общества, но очевидно пародируя «достижения» и сводя их к возможности извозчика курить тот же тип сигар, который двумя веками раньше курил император.

Скепсис в отношении прогрессивности исторического развития автор также выражает с помощью не онимичных явлений и предметов. Табачная привилегия в романе выступает знаком предельной консервативности государственного аппарата, так как, будучи введенной еще в XVIII в. при монополизации от-

расли, она с незначительными правками существует не только в момент написания романа, но даже и сегодня (TABAKMONOPOLGESETZ 1996: 1.2.7.1). Другие упомянутые предметы характеризуют ментальную консервативность персонажей. Так, музыкальный инструмент гимназистки с Новейшей звезды (матери нарратора) — лютня с ленточкой отсылает к лютне в гостиной на Шоттенринге, принадлежащей бабушке рассказчика. Конечно, лютня, прежде всего, ассоциируется с Ренессансом и барокко не в последнюю очередь потому, что она являлась излюбленным предметом-атрибутом в живописи не только на мужских, но и на женских портретах (например, «Лютнистка» (1520) Бартоломео Винетто, «Святая Цецилия» (1610—1612) и «Автопортрет» (1615—1617) Артемизии Джентилески). Кроме того, на инструменте играли не только профессионалы, но и любители из высшего сословия. Фишер использует лютню как знак роскоши и праздности, и это не вызывает сомнений в контексте пространства буржуазной гостиной, также она означает мечту об аристократической жизни своей владелицы. Однако, поместив инструмент в новый контекст — в обстановку похода и песен у костра, автор иронизирует, давая очередную вариацию на тему влить «молодое вино в ветхие мехи» («neuer Wein in alten Schaüchen» [FISCHER 2023: 95]), которая, в свою очередь, может рассматриваться как ключ к авторскому пониманию периода Первой республики, во многом привязанной к прошлому, особенно, если вспомнить, что именно к этому времени относится начало формирования «габсбургского мифа»:

> Jugend voran, in die Laute greifen, zupfen, Zupfgeigelhansl, Bänder im Wind, über Berg und Tal. Auch meine Großmutter hat eine Laute besessen, aber sie ist mit ihr nicht über Berg und Tal gezogen — auch an Lauten geht das fortschreitende Jahrhundert nicht spurlos vorüber (ibid.: 64).

4. Заключение

Итак, Фишер, не ставя перед собой задачу описать исторические события, использует пространство и предметы для прямого или косвенного указания на эпоху и/или конкретное значимое явление в ней, что позволяет, с одной стороны, создать как будто обособленный вещный мир семьи, с другой же — рас-

ширить его до значимого художественного обобщения, вписав автобиографическую историю в более крупные исторические структуры — историю государства и мировую историю, выразить тем самым идею обреченности отдельного человека на историческое существование, даже если он этого не осознает.

Можно выделить несколько ключевых приемов, которые позволяют автору указать на конкретный исторический период — это, прежде всего, различные онимы, которые часто функционируют в тексте как свернутые мифы, а также точно отобранные предметы, которые выступают не просто бытовой деталью, но маркером презентуемой эпохи или исторического события.

Само же знаковое письмо Фишера, с одной стороны, провоцирующее, а с другой стороны, равнодушное к тому, какой смысл извлечет из текста читатель, заставляет рассматривать авторскую стратегию как компромисс между использованием инструментов реалистической литературы, и радикальной установкой французского «нового романа», авторы которого отдали на откуп читателю смыслы текста и демонстрировали скольжение по поверхности вещей. Фишер оставляет за читателем равную возможность прочитать роман как историю вещей в той же мере, что и историю семьи и, шире, историю австрийской культуры конца XIX — начала XX в.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

Бауэр О. История австрийской революции. М.; Берлин: Директмедиа Паблишинг, 2023. [Bauehr, Otto. (2023) *Istoriya avstriiskoy revolyutsii (*History of the Austrian Revolution). Moscow; Berlin: Direktmedia Pablishing. (In Russian)].

Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. М.: Постум, 2018. [Baudrillard, Jean. (2018) *Simulyakry i simulyatsiya* (Simulacra and simulation). Moscow: Postum. (In Russian)].

Воцелка К. История Австрии. Культура, общество, политика. М.: Изд-во «Весь Мир», 2007. [Vocelka, Karl. (2007) *Istoriya Avstrii. Kul'tura, obshchestvo, politika* (History of Austria: Culture, Society, Politics). Moscow: Ves' Mir. (In Russian)].

Райсберг А. Австрия, февраль 1934. М.: Прогресс, 1975. [Reisberg, Arnold. (1975) *Avstriya, fevral' 1934* (Austria, February 1934). Moscow: Progress. (In Russian)].

Север А. Аншлюс. Как нацисты лишили Австрию независимости. М.: Родина, 2023. [Sever, Aleksandr. (2023) Anshlyus. *Kak natsisty lishili Avstriyu nezavisimosti* (Anschluss: How the Nazis Deprived Austria of Independence). Moscow: Rodina. (In Russian)].

Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. [Schmied, Wolf. (2003) *Narratologiya* (Narratology). Moscow: LRC Publishers. (In Russian)].

Шорске К. Э. Вена на рубеже веков. Политика и культура. СПб.: Издательство им. Н. И. Новикова, 2001. [Schorske, Karl Emil. (2001) *Vena na rubezhe vekov. Politika i kul'tura* (Vienna at the Turn of the Century: Politics and Culture). Saint Petersburg: N. I. Novikov Publishers. (In Russian)].

Фиелл Ш., Фиелл П. Энциклопедия дизайна. Концепции. Материалы. Стили. М.: Taschen, АСТ, Астрель, 2009. [Fiell, Charlotte & Fiell, Peter. (2009) *Ehntsiklopediya dizaina. Kontseptsii. Materialy. Stili* (Encyclopedia of Design. Concepts. Materials. Styles). Moscow: Taschen, AST, Astrel'. (In Russian)].

Bauer, Kurt. (2019) *Der Februar Aufstand 1934. Fakten und Mythen*. Wien; Köln; Weimar: Böhlau Verlag.

Blau, Eve (1999). *The Architecture of Red Vienna (1919—1934)*. London: Massachusetts Institute of Technology.

Brunnbauer, Heidi. (2003) *Im Cottage von Wahring-Dobling: Interessante Häuser — interessante Menschen*. Gösing: Weinviertel.

McFarland, Rob; Spitaler, Georg & Zechner, Ingo. (eds) (2020) *Das Rote Wien. Schlüsseltexte der Zweiten Wiener Moderne 1919–1934*. Boston: Walter de Gruyter.

Fischer, Wolfgang Georg. (2023) *Wohnungen*. Wien: Löcker.

Forrer, Robert. (1901) *Geschichte der europäischen Fliesen-Keramik*. Straßburg: Verlag von Schlesier und Schweikhardt.

Guglia, Eugen. (1912) *Das Theresianum in Wien: Vergangenheit und Gegenwart*. Wien: Verlag von Anton Schroll & Co.

Jedding, Hermann. (1981) *Meissener Porzellan des 19. und 20. Jahrhunderts, 1800—1933*. München: Keyser.

Pastoureau, Michel. (2023) *White: The History of a Color*. Oxford: Oxford University Press.

Tabakmonopolgesetz 1996 (TabMG 1996) // Rechtsinformationssystem des Bundes (RIS). Retrieved from https://www.ris.bka.gv.at/GeltendeFassung.wxe?Abfrage=Bundesnormen&Gesetzesnummer=10005006.

Watzka, Carlos. (2009) Mythos Erzherzog Johann. Der steirische Prinz als Erlösergestalt. In: Riegler, Joseph. (ed.) *Erzherzog Johann — Mensch*

und Mythos. Graz: Steiermärkisches Landesarchiv, 231—243.
Werkbundsiedlung Wien. Retrieved from https://www.werkbundsiedlung-wien.at.

Yekaterina V. Moskvina
National Research University "Higher School of Economics"

Spatial and Object Symbols of the Historical Era in the Novel *Wohnungen* by W. G. Fischer

This article analyzes Wolfgang Georg Fischer's novel *Wohnungen* (1969) from the perspective of the tools used to represent the historical era. On the one hand, the novel depicts the present day, touching on the period of the collapse of the Austro-Hungarian Empire and the time of the First Republic. On the other hand, through various types of symbols, the historical horizons expand both into the past and into the future in relation to the point of narration — to the decline of the Western Roman Empire and to the Cold War period. The author's strategy differs greatly from the techniques of realistic literature, so instead of describing an event — a key element of the plot — the author signifies it through the characterization of space and interior objects. Fisher refers less often to specific historical events than to events in cultural and social life, but in both cases he resorts to onyms — toponyms, anthroponyms, names of newspapers and books — using them both as self-representative signs and as epithets for objects. Particularly noteworthy is the precise toponymy of Vienna, which allows us to identify the prototypes of key spaces, even though they are most often not named directly. To create a futuristic projection in relation to the novel's present, the author uses the metaphorization of a spatial object, employing the vocabulary of a different thematic group, thereby pointing to a historical event but avoiding its direct naming and description. From the techniques of realistic literature, the author borrows the principle of selecting details — they are not "random"; on the contrary, Fischer seeks to focus attention on things that would be either a social and/or mental characteristic of a character or a recognizable feature of a particular era (Biedermeier or Werkbund style furniture). The characters themselves, endowed with stable epithets, are objectified (they do not drive the plot, which is extremely reduced) and are placed by the author in the interior as another type of spatial-historical sign. The author's specific strategy is also evident in the use of the narrow prism of "object history" to represent a historical overview, which requires a certain level of awareness from readers.
Keywords: symbols; narrative; realistic detail; Fischer; Native Walls; onym; anthroponym; toponym; irony; historical progress; Viennese text

Для цитирования:
Москвина Е. В. Пространственно-предметные знаки исторической эпохи в романе *Wohnungen* В. Г. Фишера // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2026. № XXIII. С. 325—343.
DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2026-23-325-343.

To cite this Article:
Moskvina, Yekaterina V. (2026) Prostranstvenno-predmetnyye znaki istoricheskoy epokhi v romane *Wohnungen* V. G. Fishera (Spatial and Object Symbols of the Historical Era in the Novel *Wohnungen* by W. G. Fischer). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 23, 325—343. (In Russian).
DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2026-23-325-343.

Статья поступила в редакцию 20.02.2026; принята к публикации 15.03.2026
The article was submitted 20.02.2026; accepted for publication 15.03.2026

Ю. С. Серягина
Национальный исследовательский Томский
государственный университет

ПРОЗА А. ШНИЦЛЕРА В ГАЗЕТАХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ РУБЕЖА XIX—XX ВЕКОВ В АСПЕКТЕ ПЕРЕВОДНОЙ МНОЖЕСТВЕННОСТИ

Артур Шницлер (Arthur Schnitzler, 1862—1931) — один из самых популярных зарубежных авторов, кого переводили и печатали в дореволюционных периодических изданиях Российской империи. Материалом для статьи послужили публикации в региональных газетах Российской империи рубежа XIX—XX вв.: «Киевлянин», «Одесские новости», «Южное обозрение», «Северный край», а также публикации в некоторых центральных изданиях, «Вестнике иностранной литературы», «Живописном обозрении», «Мире Божьем» и пр. В региональных дореволюционных газетах обнаружено более 40 публикаций, посвященных австрийскому писателю. В периодике печатают переводы его произведений, статьи о литературных новинках в журнальных обозрениях, обзоры на постановки его пьес в театральной хронике. Новизна исследования заключается во введении в научный оборот ранее не рассматриваемых переводов произведений Шницлера и публикаций о нем в дореволюционной провинциальной периодике. Среди опубликованных в газетах переводов обнаруживаются примеры переводной множественности. Некоторые произведения привлекали внимания сразу нескольких изданий. Так, например, короткий рассказ *Die Toten schweigen* (1897) публикуется в 1902 г. в «Южном обозрении» и в 1904 г. в «Северном крае», перепечатанный из «Саратовского листка», новелла *Blumen* (1894) в 1899 г. в «Киевлянине» и в 1900 г. в «Южном обозрении», рассказ *Um eine Stunde* (1899) в 1899 г. в «Киевлянине» и в «Одесских новостях», при этом все тексты абсолютно разные и, кроме того, отличаются от столичных переводов, опубликованных в то же время. Исследование проведено при использовании библиографического, компаративного и переводоведческих методов. Сравнительный анализ опубликованных переводов позволяет выявить различия в переводческом восприятии произведений Шницлера в различных губерниях Российской империи, которое, в свою очередь, оказывало влияние на формирование образа австрийского писателя среди региональных читателей. Исследование дополняет общую картину изучения рецепции творчества Шницлера в России.

Ключевые слова: австрийская литература; Артур Шницлер; переводческая рецепция; региональная периодика Российской империи

1. Введение

Творчество австрийского писателя и драматурга Артура Шницлера (Arthur Schnitzler, 1862—1931), крупнейшего представителя литературного течения «Молодая Вена», на рубеже XIX—XX столетий завоевывало уверенные позиции в Австрии, как в литературной, так и в театральной среде (Жеребин 2009: 15), что не могло остаться незамеченным и в российском культурном пространстве.

При жизни автора на русский язык были переведены практически все его значимые произведения, а постановки его пьес стабильно входили в программу театров по всей России. Немаловажную роль в восприятии австрийского писателя играли периодические издания. Некоторые исследователи утверждают, что широкая известность в качестве прозаика приходит к Шницлеру с появлением сборника новелл «Жена мудреца» (Проклов 2002: 7). Однако в Российской империи одними из первых на литературные новинки Шницлера, появляющиеся в зарубежной периодике, реагировали именно литературные журналы и газеты, иногда практически одновременно публикуя свои варианты переводов из Шницлера, опережая таким образом книжные издания и представляя собой уникальные, но зачастую анонимные версии текстов. Пик переводческой активности пришелся на период с 1890-х по 1914 г.

Переводы новелл Шницлера, опубликованные в провинциальной периодике, практически не учитывались ранее в исследованиях наследия Шницлера. Однако газетные переводы являются важной частью рецепции австрийского писателя, поскольку на рубеже веков именно газеты первыми реагировали на выход новинок за рубежом и публиковали их в собственных переводах.

2. Характеристика материала и методов исследования

Материалом послужили публикации с упоминанием Артура Шницлера в дореволюционных газетах регионов Российской империи. Коллективом кафедры романо-германской и классической филологии Томского государственного университета было про-

смотрено более 40000 номеров газет Сибири, Поволжья, Северо-западного края, Прибалтики, Юго-западного края и Юга Российской империи. Все найденные факты рецепции зарубежной литературы, переводческой, театральной и критической, были оформлены в базы данных (Никонова 2020; Серягина 2023).

С помощью библиографического метода были отобраны публикации, посвященные Шницлеру, и проведен их квантитативный анализ, показывающий общее количество упоминаний Шницлера в газетах, соотношение критики и переводов, обнаружены примеры переводной множественности. Анализ переводов новелл Шницлера *Blumen*, *Um eine Stunde* и *Die Toten schweigen* был проведен с использованием компаративистских и переводоведческих методов.

Среди общей рецепции немецкоязычной литературы в дореволюционной региональной периодике Шницлер занимает одно из ведущих мест как в переводческом, так и в театральном восприятии. В просмотренных газетах Шницлер упоминается как минимум 36 раз, ровно половина из них — переводы его произведений. Примечательно, что большинство переводов приходится на газеты Юго-западного края и Юга Российской Империи. Больше всего переводов из Шницлера обнаруживается в «Киевлянине»: в 1898 г. — *Последнее прости* («Ein Abschied», 1896) и *Жена Мудрого* («Die Frau des Weisen», 1896); в 1899 г. – *Триумф* («Ein Erfolg», 1900), *Цветы* («Blumen», 1894) и *Один час жизни* («Um eine Stunde», 1899), в 1901 г. — *Два брата* («Der blinde Geronimo und sein Bruder», 1900). В одесских газетах «Одесские новости» и «Южное обозрение» опубликовано по два произведения: *Из-за одного часа* (1899), *Цветы* (1900), *Мертвые молчат* (1902), *Эксцентрик* (1905) («Exzentrik», 1902). Также переводы из Шницлера обнаруживаются в ростовских газетах. В «Приазовском крае» найдено четыре произведения: в 1903 г. — *Греческая танцовщица* («Die griechische Tänzerin», 1902), в 1905 г. — *Последнее письмо Адреаса Тамейера* («Andreas Thameyers letzter Brief», 1900), в 1907 г. — *Судьба барона фон-Лейхибойга* («Das Schicksal des Freiherrn von Leisenbohg», 1903) и *Чужая* («Die Fremde», 1902). В «Южном телеграфе» в 1911 и 1912 гг. выходят две новеллы: *Дневник Редегонды* («Das Tagebuch der Redegonda»,

1909) и *Мертвый Габриель* («Der tote Gabriel», 1907). Один рассказ, *Мертвые молчат*, опубликован в ярославском «Северном крае», но из подписи мы узнаем, что перепечатан он из «Саратовского листка». В сибирских газетах — «Сибирском вестнике» и «Сибирской жизни» — публикуются только театральные обзоры на постановки пьес Шницлера, библиографические статьи и упоминания в литературных фельетонах (Серягина 2019).

Итак, три новеллы чаще других привлекают внимание региональных газет: *Die Toten schweigen* (1902 г. в «Южном обозрении» и 1904 г. в «Северном крае», перепечатка из «Саратовского листка»); *Blumen* (1899 г. в «Киевлянине» и 1900 г. в «Южном обозрении»); *Um eine Stunde* (1899 г. в «Киевлянине» и в «Одесских новостях»). Целью статьи является атрибуция этих публикаций и выявление переводческих стратегий и особенностей переводческой рецепции новелл Шницлера в различных изданиях.

Для сопоставления региональных и столичных переводов упомянутых новелл была использована библиографическая база этих переводов Шницлера на русский язык из личного архива А. В. Белобратова, а именно следующие публикации: *Мертвые молчат* в газете «Жизнь» (Москва, 1897), в журнале «Мир Божий» (СПб., 1898) и в журнале «Живописное обозрение» (СПб., 1899); *Из-за одного часа* в «Вестнике иностранной литературы» (СПб., 1900) и *В последний час* в газете «Дело» (Москва, 1899).

Следует отметить, что в статье рассматриваются только газетные и журнальные публикации. Первые собрания сочинений в России начали выходить с 1903 г.,[1] большинство же рассматриваемых газетных публикаций приходятся на более ранние года, поэтому в данном исследовании собрания сочинений в ходе анализа не учитывались.

Примечательно, что наряду с Москвой и Санкт-Петербургом первые собрания сочинений выходили в Киеве,

[1] *Шницлер А.* Полное собрание сочинений в 9 т. / А. Шницлер. М.: Изд. В. М. Саблина, 1903, 1905, 1910. *Шницлер А.* Полное собрание сочинений в трех отделениях / А. Шницлер. Киев; СПб; Харьков: Изд-во Р. Иогансона, 1903—1911. *Шницлер А.* Полное собрание сочинений. Т. 1–8 / А. Шницлер. М., 1903—1905. *Шницлер А.* Полное собрание сочинений в 4 т. / А. Шницлер. М.: Изд-во Д. Ефимова, 1907; и др.

Харькове и Одессе, что еще раз указывает на ключевую роль этой области в культурном трансфере, и, в частности, в освоении творчества Шницлера.

Итак, представленный в статье материал открывает новые персоналии среди переводчиков и новые тексты русских переводов, дополняющие общую картину рецепции А. Шницлера в России. Сравнительный анализ опубликованных переводов позволяет выявить различия в переводческом восприятии произведений Шницлера в различных губерниях Российской империи, которое, в свою очередь, оказывало влияние на формирование образа австрийского писателя среди региональных читателей.

3. Результаты исследования и их обсуждение

Среди всей разнообразной рецепции Шницлера в периодике выделяются случаи переводной множественности, когда некоторые произведения привлекали внимания сразу нескольких газет. Так, к трем новеллам *Blumen* (1894), *Um eine Stunde* (1899) и *Die Toten schweigen* (1897) периодические издания обращаются чаще всего.

Новелла *Blumen* (1894) впервые была опубликована в 1894 г. в венской литературной газете «Neue Revue». Первые переводы на русский язык обнаруживаются позднее в периодике Киевской и Херсонской губерний: в 1899 г. в газете «Киевлянин» и в 1900 г. в одесской газете «Южное обозрение». Другие ранние переводы этой новеллы не были обнаружены.

Новелла повествует о герое, который получает цветы от бывшей возлюбленной даже после ее смерти, и эти цветы лишают его покоя. В обоих изданиях тексты публикуются анонимно и без указания источника, однако отличия в тексте считываются уже визуально. Сравним небольшие отрывки из упомянутых публикаций с оригиналом (см. Табл. 1).

Таблица 1. Сопоставление оригинала и переводов новеллы *Blumen*

«Neue Revue»	«Киевлянин»	«Южное обозрение»
Da bin ich nun den ganzen *Nachmittag* in den Straßen herumspaziert, *auf die stiller weißer Schnee langsam*	Я *после обеда* бродил по улицам, *на которые медленно спускались пушистые хлопья белого, чистого снега* — и вот	Целый *день* бродил я по улицам. *Медленно падали белые хлопья снега*. Теперь я у себя дома. *Горит*

herunterschwebte, — und bin nun zu Hause, und *die Lampe brennt, und die Zigarre ist angezündet, und die Bücher liegen* da, und alles ist bereit, daß ich mich so recht behaglich fühlen könnte ... Aber es ist ganz vergeblich, und ich muß immer nur an dasselbe denken (SCHNIZLER 1894: 151)	теперь я дома, и лампа горит *на столе,* и сигара закурена, и книги лежат на своем месте – и все, казалось бы, как бы создано для того, чтобы я чувствовал себя очень уютно… Но все это напрасно и мысли мои *невольно* возвращаются все к одному и тому же (ШНИЦЛЕР 1899б: 2)	*лампа, зажжена сигара, рядом книги.* Все так удобно. Мне должно бы быть хорошо… Но напрасно, все время я думаю об одном и том же (ШНИЦЛЕР 1900б: 2)

В переводе «Южного обозрения» синтаксис оригинала подвергается значительным изменениям. Развернутые, сложноподчиненные конструкции трансформируются в короткие бессоюзные предложения, тем самым размеренность, а даже некоторая тягучесть повествования пропадает. В том же отрывке из «Киевлянина» мы наблюдаем практически полный буквализм, в том числе и в синтаксисе. Однако, в противоположность краткости перевода одесской газеты, в этом тексте есть несколько добавлений («чистого снега», «на столе», «невольно»). Так, отрывок из «Киевлянина» лучше предает настроение героя и четко вырисовывает противопоставление расслабленной атмосферы и нарастающей тревоги.

Рассмотрим отрывок, когда герой получает цветы от уже умершей возлюбленной (см. Табл. 2).

Таблица 2. Сопоставление оригинала и переводов новеллы *Blumen*

«Neue Revue»	«Киевлянин»	«Южное обозрение»
Und da lagen, *zierlich* durch einen Goldfaden zusammengehalten, Nelken und Veilchen ... <…> Und doch, wie ich sie in der Hand hielt, diese Blumen, und *wie sie zu*	Передо мной лежали, *заботливо* перевязанные тонкой золотой ниткой, гвоздики и фиалки… <…> И все же когда я взял в руки эти цветы, и *они задрожали и заживали мне*	Там лежали гвоздики и фиалки, перевязанные тонкой золотой ниткой… <…> Но, когда я их держал в руке, эти цветы, и когда *они, казалось, дрожали и*

zittern und sich zu neigen schienen, da mußt ich sie *wider alle Vernunft und allen Willen als etwas Gespenstisches empfinden*, als kämen sie von ihr, als war es ihr Gruß ... als wollte sie noch immer, auch jetzt noch, als Tote, von ihrer Liebe, von ihrer verspäteten Treue erzählen. (SCHNIZLER 1894: 152)	*своими головками*, — я, несмотря на *все доводы разума и усилия воли*, *почувствовал как бы дуновение смерти*, точно цветы эти шли от *«нее»*, точно они были ее приветом… точно она, уже мертвая, хотела говорить о своей любви, о своей запоздалой верности (ШНИЦЛЕР 1899б: 2)	*кивали мне*, — я их *принимал за привидения вопреки рассудку, вопреки воле*, как будто они были от нее, как будто они были ее приветом… как будто она хотела всегда, и даже теперь, мертвая, рассказать о своей любви, о своей запоздалой верности! (ШНИЦЛЕР 1900б: 2)

В «Южном обозрении», в отличие от начала текста, нет трансформаций синтаксиса и перевод дословно следует оригиналу. Переводчик «Киевлянина» сохраняет даже порядок слов в предложениях, но снова прибегает к дополнениям («заботливо перевязанные, закивали мне своими головками»). Кроме того, в «Киевлянине» сам мистический момент получения цветов от покойной предстает в более мрачном свете из-за перевода фразы «als *etwas Gespenstisches empfinden*» ‘как *почувствовал дуновение смерти*’, а употребление местоимения, относящегося к умершей, в кавычках как бы подчеркивает ее нереальность и непринадлежность к миру живых. Так, один и тот же текст, предстает перед читателями разных газет в различных по стилю интерпретациях.

Рассказ *Um eine Stunde* впервые был опубликован в венской газете «Neue Freie Presse» в 1899 г. В этом же году перевод появляется в газете «Киевлянин» под заголовком *Один час жизни* и в «Одесских новостях» под названием *Из-за одного часа*. В центральной прессе одной из первых публикаций, предположительно, был перевод А. А. Веселовской *В последний час*, вышедший в газете «Дело» в 1899 г. (ШНИЦЛЕР 1899в). Кроме того, годом позже в петербургском «Вестнике иностранной литературы» был опубликован перевод этого рассказа В. П. Лачинова под заголовком *Из-за одного часа* (ШНИЦЛЕР 1900а). Можно предположить, что газеты Одессы и Киева часто переводили Шницлера раньше столичных изданий из-за близости к границе

и тесных культурных связей с Веной. В «Киевлянине» перевод публикуется без указания автора перевода, что было характерно для этого издания. В «Одесских новостях» текст подписан криптонимом «Я. Б-нъ». Такая подпись больше не встречается в газете, и установление личности переводчика является затруднительным.

Новелла напоминает притчу и затрагивает тему прощания с близким и страха смерти, который, как говорил Л. Троцкий, проходит «тонким эфиром по всем произведениям Шницлера» (Троцкий 1926: 115). По сюжету юноша просит у ангела смерти еще один час жизни для возлюбленной и даже соглашается отдать весь остаток своей жизни за этот час, но ангел забирает девушку, сказав, что юноша за своим горем и любовью в момент скорби не может разглядеть свое истинное желание жить.

Все тексты переводов разные и при этом не обнаруживают больших расхождений с оригиналом по содержанию и стилистике, однако можно выделить некоторые различия, влияющие на восприятие сюжета. Сравним окончание произведения в разных переводах (см. Табл. 3).

Таблица 3. Отрывки из оригинала и переводов новеллы *Um eine Stunde*

«Neue Freie Presse»	«Одесские новости»
Und der Engel, der nun zu Häupten des Bettes stand, sprach: »*Armes Menschenkind!* Glaubst du denn, daß es dir vergönnt ist, durch alle deine Liebe und durch allen deinen Schmerz hindurch *in die Tiefen deiner Seele zu schauen, wo deine wahren Wünsche wohnen*? Noch einmal wirst du mich sehen, da werde ich dich fragen, ob ich dich heute betrogen habe oder du dich selbst.« (Schnitzler 1899: 2)	И ангел, стоявший уже у изголовья постели, *тихо* ответил: *«Бедное дитя!* Думаешь ли ты, что сквозь всю твою любовь и все твои страдания тебе удалось заглянуть *в глубину души, где хранятся твои истинные желания*? И когда снова свидимся, я спрошу тебя, обманул ли тебя я, или ты самого себя» (Шницлер 1899г: 2)
«Киевлянин»	«Вестник иностранной литературы»
— *Несчастный сын земли*, неужели ты думаешь, что то состояние любви и отчаяния, в какой ты теперь	— *Бедное дитя,* неужели ты думаешь, что тебе дано заглядывать сквозь всю твою любовь и

находишься, позволит тебе заглянуть *в сокровеннейшую глубину твоего сердца, где таятся твои истинные желания*? Ты еще раз в жизни увидишь меня и тогда спрошу я тебя — я ли обманул тебя сегодня, или ты сам хотел себя обмануть (Шницлер 1899a: 3)	горе *в самую глубь твоей души, где копошатся истинные твои желания*? Когда ты еще раз свидишься со мной, тогда я спрошу, действительно ли я обманул тебя сегодня, или ты сам себя (Шницлер 1900a: 179)

Перевод обращения Armes Menschenkind! как ‘Несчастный сын земли’ в «Киевлянине», а также использование превосходной степени прилагательного («сокровеннейшую глубину») и глагола «таятся» вместо стилистически нейтрального wohnen по отношению к желаниям, придают тексту больший назидательный пафос, чем в других переводах.

Примечательны также переводческие трансформации в «Вестнике иностранной литературы». Фраза wo deine wahren Wünsche wohnen ‘где живут твои истинные желания’ переведена как ‘где копошатся истинные твои желания’. Глагол «копошатся» придает высказыванию негативную окраску и характеризует желания героя как нечто низменное. Таким образом, за этой фразой в переводе просматривается цинизм юноши, скрытый за внешним приличием.

Переводчик «Одесских новостей» смягчает этот момент финального разговора с ангелом, добавляя прилагательное «тихо» к ответу ангела и более нежные, участливые формулировки: «думаешь ли ты, тебе удалось заглянуть». Кроме того, глагол «свидимся» представляет ангела и юношу как добрых приятелей. Так, перед читателями разных периодических изданий предстает немного отличное по своему настроению произведение.

Новелла *Die Toten schweigen* обнаруживает самую обширную рецепцию в периодике. Впервые она была опубликована в литературном журнале «Cosmopolis: revue internationale» в 1897 г., а годом позже в упомянутом ранее сборнике *Die Frau des Weisen*.

Столичные издания практически мгновенно отреагировали на новинку: в 1897 г., в петербургском журнале «Жизнь» публикуется текст под заголовком *Мертвые молчат* и с подписью «М. Са» (Шницлер 1897). В 1898 г. рассказ *Мертвые молчат* публикуется в петербургском журнале «Мир Божий» в переводе Л. Давы-

довой (Шницлер 1898) и годом позже в «Живописном обозрении» в переводе Е. Назарова (Шницлер 1899). В провинциальной периодике обнаруживаются более поздние публикации: в 1902 г. в одесском «Южном обозрении» и в 1904 г. в ярославском «Северном крае» перепечатка из Саратовского листка без указания переводчика. В «Южном обозрении» перевод подписан криптонимом «Э». Судя по другим публикациям, можно утверждать, что это постоянный переводчик газеты, поскольку им выполнено как минимум 160 переводов с французского, английского, немецкого и других языков, иногда с пометой «Перевод для Южного обозрения».

Сюжет новеллы строится вокруг несчастного случая: любовники попадают в аварию на экипаже, мужчина погибает, а женщина в ужасе бежит с места происшествия, чтобы скрыть измену. Главной задачей для переводчиков было передать нарастающий темп внутренней паники героини:

> В новелле Шницлера “Мертвые молчат” страх и отчаяние главной героини Эммы при внезапной смерти возлюбленного свидетельствуют о хаотичности ее сознания, что выхолит за рамки монолога “про себя”, формирует поток сознания и бессознательные процессы, в которых предложения теряют свою структуру, превращаясь в бессвязные и не контролируемые обрывки фраз (Цветков 2020: 46).

Сравним небольшой отрывок из пяти вариантов перевода с оригиналом (см. Табл. 4).

Таблица 4. Отрывки из оригинала и переводов новеллы *Die Toten schweigen*

«Cosmopolis»	«Южное обозрение»
Worauf wart' ich, dachte sie, und *ihre Gedanken jagten*... Worauf wart' ich? auf die Leute? — Was brauchen mich denn die? Die Leute werden kommen und fragen... und ich... was tu' ich denn hier? Alle werden fragen, wer ich bin. Was soll ich ihnen antworten, *Nichts. Kein Wort werd' ich reden, wenn sie kommen, schweigen werd' ich.*	— Чего я жду? — подумала она, и мысли ее стали *работать с необычайной быстротой*. — Чего я жду? — Людей??! На что я им нужна? Люди придут и станут расспрашивать… А я… Что я здесь делаю… Все спросят, кто я? Что им ответить? *Ничего. Я ни слова не скажу им, когда они придут. Я буду молчать. Ни слова…*

Kein Wort... sie können mich ja nicht zwingen (SCHNITZLER 1897: 201)	*Они не могут заставить меня говорить!* (ШНИЦЛЕР 1902а: 2)
«Северный край»	«Живописное обозрение»
— Чего я жду? — подумала она, *и ее мысли перескакивали с одной на другую*. — Зачем я жду?.. Людей?.. Зачем они нужны мне?.. Люди придут и спросят… А я… Что я тут делаю?.. Все будут спрашивать, кто я такая… что же я должна отвечать?.. *Ничего!.. Ни одного слова не скажу я им, когда они придут… Я буду молчать… Ни одного слова… они не могут меня принудить*… (ШНИЦЛЕР 1904: 2).	«Чего я жду?» — думала она, и мысли ее *мчались одна за другой*… «Чего я жду? Людей? — На что я им? Люди придут и спросят… а я… что же я сделаю? Прежде всего спросят, кто я. Что я им отвечу? *Ничего. Я ни слова не скажу им, пусть приходят, я буду молчать. Ни слова… не могут же силой заставить меня говорить*.» (ШНИЦЛЕР 1899д: 74).
«Мир Божий»	«Жизнь»
Чего я жду? — думала она, и *мысли ее кружились*... Когда придут люди? Но зачем же я им нужна? Люди придут и будут спрашивать... а я? При чем же я тут? Они спросят, кто я? Что же я им отвечу? *Ничего... ни одного слова. Я буду молчать. Ни слова... Ведь не могут же они меня заставить заговорить* (ШНИЦЛЕР 1898: 90).	«Чего я жду?» — думала она, и *мысли ее летели со страшной быстротой*: «Кого я жду? Людей? Но какое им дело до меня? Люди придут и спросят… а я… что я тут делаю? Будут спрашивать, кто я? Что я должна им ответить? *Я буду молчать, не скажу ни одного слова — не могут же они меня заставить*» (ШНИЦЛЕР 1897: 90).

В оригинальном тексте использована инверсия, повторы, неполные и обрывающиеся предложения. Создается впечатление нервного бормотания, хаотичного потока сознания. Кроме того, в оригинале все отрывки с потоком сознания публикуются одним абзацем, чтобы подчеркнуть непрерывность мысленного потока и его темп. Об этом говорит и словосочетание Gedanken jagten ‘мысли мчались’: варианты же перевода этой фразы как ‘мысли ее кружились...’ и ‘ее мысли перескакивали с одной на другую’ описывают скорее замешательство или непонимание, растерянность. А фразы ‘мысли ее стали работать с необычайной быстротой’, ‘мысли ее мчались одна за другой’ и ‘мысли ее летели со страшной быстротой’ говорят о панике и хаотичных попытках разума женщины оценить ситуацию, и точнее задают

темп для дальнейшего прочтения. При этом в «Южном обозрении» деление на абзацы добавляет лишние паузы внутреннему монологу героини, и переводчик использует более длинные, тяжеловесные конструкции, чем в оригинале, что придает тексту оттенок мрачного реализма в духе Достоевского.

Примечательна также концовка новеллы, когда героиня собирается обо всем рассказать мужу и осознает, что сейчас наступит конец ее напряжению и освобождение от многолетней лжи (см. Табл. 5).

Таблица 5. Отрывки из оригинала и переводов новеллы *Die Toten schweigen*

«Cosmopolis»	«Южное обозрение»
Und während sie mit ihrem Jungen langsam durch die Tür schreitet, immer die Augen ihres Gatten auf sich gerichtet fühlend, *kommt eine große Ruhe über sie, als würde vieles wieder gut*. ... (SCHNITZLER 1897: 211).	И она, молча, уносит спящего ребенка, чувствую на себе строгий взгляд мужа. *Ей становится покойно и легко на душе. Теперь уже больше не надо будет лгать*… (ШНИЦЛЕР 1902а: 2).
«Северный край»	«Живописное обозрение»
И пока она медленно несет своего сына к двери, она чувствует, как взгляд ее мужа провожает ее. *И на нее вдруг нисходит великое спокойствие, будто бы многое в ее жизни стало вдруг светлее и лучше*… (ШНИЦЛЕР 1904: 3).	И в то время, как она направляется с мальчиком к двери и чувствует на себе пристальный взгляд мужа, *на нее снисходит какое-то спокойствие, как бы предвещающее ей полный ненарушимый мир* (ШНИЦЛЕР 1899д: 79).
«Мир Божий»	«Жизнь»
В то время, как она уводит мальчика и чувствует устремленный на себе взгляд мужа, *в душу ее входит глубокий покой, как будто многое теперь опять будет хорошо* (ШНИЦЛЕР 1898: 97).	И, пока она медленно выходит с сыном из комнаты, чувствуя на себе пристальный взгляд мужа – *на нее находит глубокое спокойствие, как будто она еще не погибла, как будто для нее еще есть будущее*… (ШНИЦЛЕР 1897: 97).

Различные переводческие трансформации придают концовке совершенно разные оттенки, будто переводчики дают собственную интерпретацию идеи произведения. В «Южном

обозрении» героиня обретает не только спокойствие, но и легкость, и заключительная фраза als würde vieles wieder gut полностью трансформируется в иное заключение (‘теперь уже больше не надо будет лгать’), в котором ощущается излишняя упрощенность прожитой истории, сведенной лишь к облегчению от освобождения от лжи. В «Северном крае» путем использования высокопарной лексики — «нисходит великое спокойствие» — и добавления эпитета «светлее» состояние героини воспринимается как некое религиозное очищение. В «Живописном обозрении» концовка новеллы более неопределенная: «какое-то спокойствие, как бы предвещающее». При этом выражение «полный, нерушимый мир» является несомненным преувеличением ожиданий героини. Переводчик газеты «Жизнь» также драматично, но более пессимистично резюмирует историю: «будто она еще не погибла, как будто для нее еще есть будущее». В «Мире Божьем» перевод самый буквальный: große Ruhe ‘глубокий покой’, vieles würde wieder gut ‘многое теперь опять будет хорошо’. Так или иначе, героиня через потерю и необходимость рассказать правду получает освобождение, но в каждом варианте перевода этот финал выглядит по-разному.

Рассмотренные произведения представляли Шницлера как мастера малой психологической формы, знатока всех тонкостей психики человека, попавшего в сложную, противоречивую, трагичную ситуацию, хотя сам Шницлер был убежден в непознаваемости «загадки человеческого бытия» (Жеребин 1994: 5). Тема смерти в переплетении с темой любви близка и понятна любому читателю, независимо от места проживания, а такие напряженные, мистические и философские сюжеты поддерживали интерес читателя к газете, растягивающей историю на несколько номеров:

> Эта тема смерти, подстерегающей человека в самую неожиданную минуту, смерти, которая всегда крадется бок о бок с человеком, оказывается его невидимой тенью, пока эта тень не восторжествует над живым телом, отбрасывающим ее, — характерная шницлеровская тема (Самарин 1967: 10).

Мотив смерти объединяет рассмотренные произведения, но раскрывается в них по-разному. Шницлер мастерски передает напряжение и внутренние переживания героев, столкнувшихся

со смертью близких, с неизвестностью и одиночеством, с муками совести и обретающих в конце освобождение от страданий. Путь к свободе через потери также является одной их характерных черт новеллистики Шницлера:

> Путь к свободе, который выбирают его герои, выстраивается как серия болезненных разрывов и разоблачений. Он усеян невинными жертвами и невосполнимыми потерями, ведет к одиночеству, разочарованию и смерти (Жеребин 2009: 19).

Не всем газетным переводчикам удалось передать характерные стилистические черты и тонкий психологизм рассмотренных новелл австрийского писателя, однако они, несомненно, внесли значительный вклад в популяризацию австрийской литературы в различных регионах Российской империи.

4. Заключение

На рубеже XIX—XX вв. газетная рецепция Шницлера в России демонстрирует уникальный механизм культурного трансфера. Именно газетная периодика стала первичной площадкой для знакомства русского читателя с творчеством представителя «Молодой Вены». Некоторые переводы выходят в тот же год, что и новеллы на родине писателя, что говорит о высокой заинтересованности произведениями Шницлера в регионах. Оперативность газетных переводов, зачастую на годы опережавших книжные издания, позволила читателям быть в курсе актуальных зарубежных литературных новинок, а сам австрийский писатель стал одним из самых публикуемых немецкоязычных авторов. Подтверждением этому являются несколько фактов переводной множественности, демонстрирующих вариативность интерпретации произведений Шницлера.

Газетный перевод рубежа веков носил характер творческой адаптации. Некоторые переводчики достаточно вольно обращаются с текстами оригинала, варьируя стилистику произведений по своему художественному вкусу. Такие изменения приводят к искажению индивидуального стиля Шницлера, меняя глубокий психологизм истории в пользу мелодраматических или декадентски-мистических настроений. Большинство переводов анонимные или подписаны криптонимами, однако по подписям к публикациям, можно определить, что некоторые газеты имели

в штате постоянных переводчиков.

Публикации в региональных периодических изданиях рубежа веков свидетельствуют о высокой осведомленности читателя литературной периодики. Региональные газеты зачастую напрямую обращаются к зарубежным изданиям, знакомя своего читателя с новинками зарубежной литературы, демонстрируя независимость от центра в литературном плане и стремление к формированию собственной траектории развития локальной литературной среды. Публикации в провинциальных периодических изданиях в совокупности с региональной театральной рецепцией отражают более полную картину восприятия творчества Артура Шницлера в России.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

Жеребин А. И. Новеллы А. Шницлера в контексте русской литературы // Шницлер А. Барышня Эльза: новеллы. СПб.: Северо-Запад, 1994. [Zherebin, Aleksey I. (1994) *Novelly A. Shnitslera v kontekste russkoi literatury* (The Novellas of A. Schnitzler in the context of Russian literature). In: Schnitzler, Arthur. Baryshnya El'za: novelly (The Young Lady Elsa: stories). Saint Petersburg: Severo-Zapad. (In Russian)]

Жеребин А. И. Абсолютная реальность: «Молодая Вена» и русская литература. М.: Языки славянской культуры, 2009. [Zherebin, Aleksey I. (2009) *Absolyutnaya real'nost': «Molodaya Vena» i russkaya literatura* (Absolute reality: "Young Vienna" and Russian literature). Moscow: Languages of Slavic culture. (In Russian)]

Никонова Н. Е., Серягина Ю. С., Масяйкина Е. В., Морозова И. В. Научная библиография: «Переводная литература в дореволюционной периодике регионов Российской империи». Свидетельство о регистрации базы данных № 2020621571. Дата государственной регистрации в Реестре баз данных 28 августа 2020 г. Правообладатель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет». [Nikonova, Natalya Ye. & al. (2020) *Nauchnaja bibliografiya: Perevodnaya literatura v dorevolyutsionnoy periodike regionov Rossiyskoy imperii* (Scientific Bibliography: Translated Literature in the Pre-Revolutionary Periodicals of the Russian Empire Regions). Database registration certificate No. 2020621571. Date of State Registration in the Database Register Au-

gust 28, 2020. Copyright holder: Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “National Research Tomsk State University”. (In Russian)].

Проклов И. Н. Художественная проза Артура Шницлера рубежа XIX—XX-го веков. Дис. ... канд. фил. наук: 10.01.03. М.: Московский гос. пед. ун-т, 2002. [Proklov, Ilya N. (2002) *Khudozhestvennaya proza Artura Shnitslera rubezha XIX—XX vekov* (The fiction of Arthur Schnitzler at the turn of the XIX—XX centuries). PhD thesis in Philology. Moscow: Moscow State Pedagogical University. (In Russian)]

Самарин Р. М. Артур Шницлер // Шницлер А. Жена мудреца. Новеллы и повести. М.: Художественная литература, 1967. [Samarin, Roman M. (1967) Arthur Schnitzler. In: Schnitzler, Arthur. *Zhena mudretsa. Novelly i povesti* (The Sage’s Wife. The novellas and stories). Moscow: Khudozhestvennaya literatura. (In Russian)]

Серягина Ю. С., Никонова Н. Е. Немецкая драма конца XIX — начала XX вв. в периодике регионов Российской империи: Р. Фосс, А. Шницлер, Г. Бар // Ученые записки Орловского гос. ун-та. 2019. № 4 (85). С. 168—176. [Seryagina, Yulia S. & Nikonova, Natalia E. (2019) Nemetskaya drama kontsa XIX — nachala XX vv. v periodike regionov Rossiiskoi imperii: R. Foss, A. Schnitzler, G. Bar (German drama of the late 19th — early 20th centuries in the regional newspapers of the Russian Empire: R. Foss, A. Schnitzler, H. Bar). *Scientific Notes of the Orel State University,* 4 (85), 168—176. (In Russian)].

Серягина Ю. С., Никонова Н. Е., Даниелян Т. Р., Гущина П. Е., Попова Т. А. Научная библиография «Переводная литература в дореволюционной периодике регионов Российской империи: часть 2». Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2023623876. Правообладатель ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский государственный университет», опубл. 09.11.2023. [Seryagina, Yulia S. & al. (2023) *Nauchnaya bibliografiya: Perevodnaya literatura v dorevolyutsionnoi periodike regionov Rossiiskoi imperii: chast’ 2* (Scientific bibliography: Translated literature in the prerevolutionary newspapers of the regions of the Russian Empire: part 2). Database registration certificate 2023623876. Copyright holder: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “National Research Tomsk State University”, published on 11.09.2023. (In Russian)].

Троцкий Л. Д. Проблемы культуры. Культура старого мира // Сочинения. Т. 20. М.; Л.: Госиздат, 1926. С. 114—115. [Trotskiy, Lev D. (1926) Problemy kul’tury. Kul’tura starogo mira (Problems of culture.

Old World culture). In: Trotskiy, Lev D. *Sochineniya* (Essays). Vol. 20. Moscow; Leningrad: Gosizdat, 114—115. (In Russian)].

Цветков Ю. Л. Интеграция и самоидентификация венского модернизма // Вестник ИвГУ. Серия: Гуманитарные науки. 2020. № 1. С. 42—55 [Tsvetkov, Yuriy L. (2020) Integratsiya i samoidentifikatsiya venskogo modernizma (Integration and self-identification of Viennese modernism). *Bulletin of the Ivanovo State University. Series: Humanities*, 1, 42—55. (In Russian)].

Шницлер А. Мертвые молчат / пер. М. С-а // Жизнь. 1897. Т. 11 (№ 31–33). С. 81—97. [Schnitzler, Arthur. (1897) Mertvye molchat (The dead are silent). *Zhizn'* (Life), 11 (31–33), 81—97. (In Russian)].

Шницлер А. Мертвые молчат / пер. Л. Давыдовой // Мир Божий. 1898. № 12. С. 84—97. [Schnitzler, Arthur. (1898) Mertvyye molchat (The dead are silent). *Mir Bozhii* (The World of God), 12, 84—97. (In Russian)].

Шницлер А. Один час жизни // Киевлянин. 1899а. № 356. С. 2—3. [Schnitzler, Arthur. (1899a) Odin chas zhizni (One hour of life). *Kievlyanin* (Kievan), 356, 2—3. (In Russian)].

Шницлер А. Цветы // Киевлянин. 1899б. № 47. [Schnitzler, Arthur. (1899b) Tsvety (Flowers). *Kievlyanin* (Kievan), 47. (In Russian)].

Шницлер А. В последний час / пер. А. А. Веселовской // Дело. 1899в. № 4. С. 276—291. [Schnitzler, Arthur. (1899v) V poslednii chas (In the last hour). *Delo* (Case), 4, 276—291. (In Russian)].

Шницлер А. Из-за одного часа // Одесские новости. 1899г. № 4830. С. 2. [Schnitzler, Arthur. (1899g) Iz-za odnogo chasa (Because of one hour). *Odesskie novosti* (Odessa news), 4830, 2. (In Russian)].

Шницлер А. Мертвые молчат / пер. Е. Назарова // Живописное обозрение, СПб. 1899д. № 4. С. 74—75; 78—79. [Schnitzler, Arthur. (1899d) Mertvye molchat (The dead are silent). *Zhivopisnoe obozrenie* (Art Review), 4, 74—75; 78—79. (In Russian)].

Шницлер А. Из-за одного часа / пер. В. П. Лачинова // Вестник иностранной литературы. 1900а. № 4. С. 174—179. [Schnitzler, Arthur. (1900a) Iz-za odnogo chasa (Because of one hour). *Vestnik inostrannoy literatury* (Bulletin of Foreign Literature), 4, 174—179. (In Russian)].

Шницлер А. Цветы // Южное обозрение. 1900б. № 1121. С. 2. [Schnitzler, Arthur. (1900b) Tsvety (Flowers). *Yuzhnoe obozrenie* (Southern Review), 1121, 2. (In Russian)].

Шницлер А. Мертвые молчат // Южное обозрение. 1902а. № 1884. [Schnitzler, Arthur. Mertvye molchat (The dead are silent). *Yuzhnoe obozrenie* (Southern Review), 1902a, 1884. (In Russian)].

Шницлер А. Мертвые молчат // Северный край. 1904. № 137. С. 2—3. [Schnitzler, Arthur. (1904) Mertvye molchat (The dead are silent). *Severnyy kray* (The northern region), 137, 2—3. (In Russian)].
Schnitzler, Arthur. (1894) Blumen. *Neue Revue (Wiener Literatur-Zeitung)*, 5, 33, 151—157.
Schnitzler, Arthur. (1897) Die Toten schweigen. *Cosmopolis*, 8, 22, 193—211.
Schnitzler, Arthur. (1898) *Die Frau des Weisen. Novelletten*. Berlin: S. Fischer.
Schnitzler, Arthur. (1899) Um eine Stunde. *Neue Freie Presse*, Nr. 12 695, Morgenblatt, Weihnachtsbeilage, 29.

Yulia S. Seryagina
National Research Tomsk State University

A. Shnitzler's Prose in the Newspapers of the Russian Empire at the Turn of the 19th and 20th Centuries from the Viewpoint of Translative Plurality

Arthur Schnitzler (1862—1931) was one of the most popular foreign authors translated and published in the pre-revolutionary periodicals of the Russian Empire. The article examines publications in regional newspapers of the Russian Empire at the turn of the 19th and 20th centuries: "Kievlyanin", "Odesskiye Novosti", "Yuzhnoye Obozreniye", "Severnyy Kray", as well as publications in central journals as "Vestnik Inostrannoy Literatury", "Zhivopisnoye Obozreniye", "Mir Bozhiy", etc. More than 40 publications dedicated to the Austrian writer have been found in regional pre-revolutionary newspapers: translations, literary articles and theater chronicles. The novelty of this research lies in the introduction of previously unstudied translations of A. Schnitzler's works in pre-revolutionary provincial periodicals. Among the translations published in newspapers, there are examples of translative multiplicity. Some works attracted the attention of multiple newspapers. For example, the short story *Die Toten schweigen* (1897) was published in 1902 in the newspaper "Yuzhnoye Obozreniye" and in 1904 in "Severnyy Kray" reprinted from the newspaper "Saratovskiy Listok", the short story *Blumen* (1894) was published in 1899 in "Kievlyanin" and in 1900 in "Yuzhnoye Obozreniye". In 1899 the newspapers "Kievlyanin" and "Odesskiye Novosti" published the story *Um eine Stunde* (1899) short after its original publication in Vien. All the texts are completely different and, moreover, differ from the metropolitan translations published at the same time. The study was conducted using bibliographic, comparative, and translation studies methods. A comparative analysis of the published translations reveals differences in the translation

of Schnitzler's works in various provinces of the Russian Empire, which influenced the perception of the Austrian writer among regional readers. This study contributes to the overall understanding of the reception of Arthur Schnitzler's works in Russia.

Keywords: Austrian literature; Arthur Schnitzler; translation reception; regional periodicals of the Russian Empire

Для цитирования:
Серягина Ю. С. Проза А. Шницлера в газетах Российской Империи рубежа XIX—XX веков в аспекте переводной множественности // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2026. № XXIII. С. 344—362. DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2026-23-344-362.

To cite this Article:
Seryagina, Yulia S. (2026) Proza A. Shnitslera v gazetakh Rossiyskoy Imperii rubezha XIX—XX vekov v aspekte perevodnoy mnozhestvennosti (A. Shnitzler's Prose in the Newspapers of the Russian Empire at the Turn of the 19th and 20th Centuries from the Viewpoint of Translative Plurality). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 23, 344—362. (In Russian).
DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2026-23-344-362.

Статья поступила в редакцию 13.04.2026; принята к публикации 15.05.2026
The article was submitted 13.04.2026; accepted for publication 15.05.2026

О. В. Пахомова, В. Г. Сибирцева
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

ТВОРЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ СИНТАКСИСА В ПРОЕКЦИИ ДВУХ РАЗНЫХ ЭПОХ

Статья посвящена рассмотрению творческого подхода к немецкому языку двух ключевых авторов — Фридриха Готлиба Клопштока в XVIII в. и Ёко Тавады на рубеже XX—XXI вв. Клопшток был одним из первых, кто критически осмысливал необходимость отклонений от языковой нормы, сложившейся к середине XVIII в. В своих эссе *Грамматические диалоги* он впервые обосновывает преднамеренные отклонения от грамматической нормы как законный поэтический прием и противопоставляет их предписывающей и рационалистической интерпретации языка, предложенной критиком И. К. Готшедом. Воззрения Клопштока впоследствии окажут значительное влияние на развитие верлибра в поэзии. В XXI в. автор японского происхождения Ё. Тавада продолжает дискуссию о намеренных грамматических нарушениях. Она размышляет о немецком языке как о культурном явлении, формирующем ментальность. Тавада использует синтаксические «неправильности», такие как отсутствие знаков препинания и нестрогий порядок слов, в качестве эстетического комментария для создания поэтических эссе *Приключения немецкой грамматики*. Ее тексты открывают полифонические смысловые пласты и связывают языковую структуру с культурными и социальными проблемами. Несмотря на разницу в художественных методах, обусловленную хронологической удаленностью и контекстом литературного процесса, произведения Клопштока и Тавады демонстрируют разнообразие возможных языковых нарушений в области синтаксиса и раскрывают творческий потенциал грамматических конструкций. Авторы представляют два типологически различающихся, но взаимодополняющих подхода к языковой рефлексии в немецкоязычной литературе. Их схожие взгляды на продуктивность языковых отклонений способствуют пластичности языка. Клопшток в своих одах и эссе легитимирует эксперименты с формой и синтаксисом. Тавада, в свою очередь, показывает подвижность языковых границ и создает стихотворные эссе, в которых язык функционирует как динамическая система, подверженная постоянным трансформациям. В итоге инновационные практики, принадлежащие различным историческим периодам, вы-

являют потенциал художественного высказывания, способного преодолевать временные и культурные границы.
Ключевые слова: свободные ритмы; верлибр; синтаксис; немецкий язык; Ф. Г. Клопшток; Ё. Тавада

1. Языковая рефлексия в текстах XVIII и XXI вв.: начало пути и современность

Нормативное единообразие немецкого языка по сравнению с английским и французским языками сформировалось достаточно поздно, и в середине XVIII в. литераторы и критики были больше озабочены соблюдением языковых норм, нежели выявлением творческих нарушений и их осмыслением. Описание отношения к языку, или метаязыковая рефлексия, относится, скорее, к современной языковой действительности, и начало XXI в. маркирует вовлечение в этот процесс писателей, которые считаются носителями гибридной идентичности. При этом рассмотрение феномена «лингвистической рефлексивности» (Якобсон 1985) в двух удаленных друг от друга временных точках позволяет представить осознанные нарушения языковой нормы в новом свете. Ключевыми фигурами, маркирующими отношение к языковым «неправильностям», можно назвать Фридриха Готлиба Клопштока (1724—1803), немецкого поэта второй половины XVIII в., и Ёко Таваду (1960—), современную писательницу японского происхождения, пишущую на немецком языке.

Клопшток был первым немецким литератором, обратившим внимание на оправданность отклонений от нормы в поэзии. Его сборник трактатов 1794 г. под названием *Grammatische Gespräche* («Грамматические диалоги» — здесь и далее перевод наш, если не указано иное — *авт.*) не в последнюю очередь посвящен рассмотрению ненормативного использования синтаксических конструкций в немецком языке. Пройдет почти 250 лет, и Ёко Тавада, для которой родным языком является японский, в своих стихотворных эссе *Abenteuer der deutschen Grammatik* («Приключения немецкой грамматики», 2010) обратится к осмыслению грамматических возможностей синтаксиса, отражающих менталитет носителей немецкой культуры XXI в. Взгляд на язык изнутри (Клопшток) и извне (Тавада) позволяет сделать лингвистическую рефлексию более объемной.

Размышления Клопштока и Тавады, которые мы находим в их эссе и трактатах, это нечто большее, чем просто «разговоры о языке», поскольку отношение к языку в понимании рассматриваемых авторов проявляется в их художественном творчестве, а не только в «текстах о литературных текстах» (Барт 1989). Следует заметить, что оба автора позиционировали себя, прежде всего, как служители слова. Так, исследователи XVIII в. пишут о «писательском эгоцентризме» Клопштока (Kaufmann 2024: 204), в то время как Ё. Тавада сама признается в интервью престижной берлинской «taz» («Ежедневная газета»), что уже ребенком хотела быть писателем (Ferrando & Schwab 2025). Рефлексия в отношении «языка-объекта» (Леви-Стросс 1983) нередко интегрировалась непосредственно в поэтические произведения: Клопшток пишет оды *Poesie* («Поэзия») и *Unsre Sprache* («Наш язык») (Klopstock 1798), Тавада создает сборник стихотворений *Abenteuer der deutschen Grammatik* («Приключения немецкой грамматики») (Tawada 2010).

Для анализа названных произведений целесообразно опираться на воззрения Р. О. Якобсона и М. Будде. Одна из работ Якобсона была посвящена исследованию «поэзии грамматики и грамматике поэзии» на материале европейских и некоторых других языков. В частности, Якобсон замечает:

> Анализ грамматических трансформаций и их содержания должен включать и анализ поэтической функции языка, поскольку существо этой функции состоит в выдвижении как раз трансформаций на передний план. Именно намеренное поэтическое использование в речи лексических и грамматических вторичных значений, тропов и риторических фигур наиболее ярко демонстрирует творческую мощь языка (Якобсон 1985: 318).

Рассуждения лингвиста и педагога Будде также правомерны в отношении языка художественной литературы: «Sprachliches Wissen ist sozusagen das Material, das in der konkreten Handlung mehr oder weniger verfügbar sein kann und angewendet wird» («Языковые знания — это своего рода материал, который может быть в большей или меньшей степени доступен и будет использоваться в конкретном применении») (Budde 2012: 59). Предложенная Будде терминология позволяет сказать, что Клоп-

шток и Тавада демонстрируют свою языковую осведомленность («Sprachbewusstheit») о строении предложения.

Поэтическая функция языка и языковая осведомленность в ее связи с описанием функционирования грамматических форм, стала привлекать внимание немецких филологов с начала XIX вв. (GOETHE 1979; LEDANFF 1981; BERTAU 1996). Однако предпосылки к исследованиям такого рода содержатся уже в *Грамматических диалогах* Клопштока.

2. Обоснование нормативных отклонений в текстах Ф. Г. Клопштока

Для Клопштока, творчество которого отличалось экспериментами и новаторством синтаксических форм, рефлексия по поводу своего видения языка оказалась совершенно необходимой: с одной стороны, существовала авторитетная нормативная грамматика И. К. Готшеда, которая восходила к *Buch von der Deutschen Poeterey* («Книга о немецкой поэзии», 1624 г.) — правилам немецкого языка, сформулированным М. Опицем, а Клопшток регулярно нарушал предписанные нормы. С другой стороны, в объяснении поэтического языка Клопштока нуждалась читающая публика, принимавшая сочинения немецкого поэта с восторгом и одновременно с некоторой настороженностью: чувствительный и «выспренний» (КАРАМЗИН 1984: 72) язык стихотворной эпопеи *Мессиада* и сентиментальных гимнов Клопштока оказался слишком новаторским для того времени. Немецкий поэт не участвовал в полемике о языке, развернувшейся в немецких литературных журналах Лейпцига и Цюриха после публикации первых песней его эпопеи. Как пишет К. Кауфманн, Клопшток никогда прямо не отвечал на критику (KAUFMANN 2024), а создавал отдельные эссе, в которых он пояснял целесообразность стилистических и грамматических нововведений в своих произведениях. Подобные комментарии, печатающиеся в журналах, обеспечивали Клопштоку обратную связь с читателями. С 1755 г. немецкий поэт публикует эссе о языке поэзии, а в 1794 г. появляются его *Grammatische Gespräche*, в которых он обосновывает нарушения нормы в одах.

Прежде чем непосредственно обратиться к отклонениям от нормы, которыми изобиловали поэтические сочинения Клопшто-

ка, необходимо указать основные черты нормативной поэтики Опица и его последователя Готшеда. Поэт и теоретик языка Опиц, взявший верхненемецкий диалект за основу для создания литературного языка всего немецкоязычного пространства, стремился к максимальной ясности и однозначности слов. В частности, в 6 главе *Книги о немецкой поэзии*, он писал: «Die ziehrligkeit erfordert das die Worte reine und deutlich sein» («Строгость требует, чтобы слова были чистыми и четкими») (OPITZ 1978: 269).

Как утверждает Ш. Штокхорст, цель немецкоязычных поэтических трудов (начиная с Опица и Ф. фон Цезена) заключалась не в создании технических руководств по конструированию поэтического языка в противовес языку прозаическому, а, скорее, в изначальном рассмотрении «элементарных проблем понимания и легитимации» (STOCKHORST 2008). Кроме того, важное значение имели вопросы языковой чистоты и орфографии, морфологии, синтаксиса, а также метрики и стилистики применительно к немецкой национальной литературе.

Дело Опица в XVIII в. продолжил критик и историк литературы Готшед, последовательный приверженец языковой унификации. Готшед затрагивает вопросы философии языка, и с опорой на античных классиков пишет не только о том, каким *следует* быть немецкому языку, но и настаивает, что иным он быть *не может* и *не должен*:

> Eine von den allervornehmsten Tugenden, eines guten poetischen Satzes, ist die Deutlichkeit desselben <...> Es entsteht sonst die Deutlichkeit aus Wörtern und Redensarten, die jedermann geläufig und bekannt sind, auch in ihrem natürlichen und eigentlichen Verstande gebraucht werden: sodann aber auch aus einer ordentlichen und gewöhnlichen Wortfügung, die der Art einer jeden Sprache gemäß ist (GOTTSCHED 1968–1987: 359). Одно из главных достоинств хорошего поэтического предложения — его ясность. Ясность возникает из слов и фраз, которые всем знакомы и известны, и употребляются в их естественном и собственном смысле; но также из упорядоченного и общепринятого порядка слов, соответствующего природе каждого языка.

Четкий, строгий, ясный язык, понятный синтаксис и, как результат, — назидательные, дидактические, холодные поэтические тексты, в которых нет места вдохновению и чувствам.

Клошток становится невольным оппонентом Готшеда. Его художественные произведения едва ли не впервые демонстрируют читателям, что немецкий язык бывает чувствительным, вызывающим восторженные слезы, вдохновляющим, будоражащим воображение метафорами и взволнованным от причудливого синтаксического рисунка. Это язык, который создан не только для чтения глазами, но и для восприятия на слух («ins Ohr geschrieben»), чтобы следовать за декламацией автора и глубже прочувствовать текст.

Во *Фрагментах о языке и поэзии* Клопшток впервые опишет не правила (как *надо*), а потенциал языка (как *можно* и для чего это нужно). Он анализирует отклонения от нормы, сделанные намеренно, т. е. описывает игровые, вольные моменты немецкого синтаксиса. В своих одах Клопшток последовательно создает новую стихотворную форму — свободные ритмы (freie Rhythmen):

> Über die poetische Wortfolge ist hauptsächlich zweyerley anzumerken. Fürs erste macht der Inhalt der Worte, durch die Ordnung selbst, in welche sie der Dichter gestellt hat, einen Theil seines Eindrucks. Zweytens wird diese Ordnung auch deswegen, weil sie abweicht, bemerkt (Klopstock 1962: 584). Следует отметить два основных момента, касающихся поэтического порядка слов. Во-первых, содержание слов, благодаря порядку, в котором их расположил поэт, способствует их воздействию. Во-вторых, этот порядок также заметен, поскольку он отклоняется от нормы.

В противовес нормативной поэзии Готшеда, где стихотворный метр был настолько регулярным, что нередко искажал словесное ударение, порядок слов в поэзии Клопштока выстраивается в соответствии со смыслом. Поэт строением фраз показывает, что языком можно играть, хотя это и не языковая игра в современном понимании, делит свои оды на фразы так, как будто взволнованно произносит их:

> Halleluja dem Schaffenden! mehr wie die Erden, die quollen! / Mehr, wie die Siebengestirne, die aus Strahlen zusammenströmten! / Aber du Frühlingswürmchen, / Das grünlichgolden neben mir spielt, / Du lebst; und bist vielleicht / Ach nicht unsterblich! (Klopstock 1798: 158). Аллилуйя Творящему! Больше, чем Земли проистекшие! / Больше, чем семизвездья, которые вместе из лучей устремились! / Но ты, весенний червячок, / Который, зеленовато-золотой, ря-

дом со мною играет, / Ты живешь и, быть может, / Ах, не бессмертен! — пер. Г. В. Синило).

Свободные ритмы Клопштока и синтаксические «неправильности» находят отклик уже в XX в. Чешский поэт и переводчик В. Незвал подчеркивает возможность нарушения грамматических правил:

> Уже отнюдь не только один испытанный, облагороженный гармонией синтаксис, но и вольные слова, целые соцветия слов, глагол в неопределенном наклонении, абсолютное отрицание закономерности (пер. И. Иванова) (NEZVAL 1938: 30).

Свобода синтаксиса в поэзии, описание которой мы находим у Клопштока, становится неотъемлемым элементом нерифмованного стиха без четкого метрического рисунка, верлибра. Позже ненормативность поэзии начинают учитывать создатели поэтических переводов, в которых иной строй языка транслирует иную ментальность. В своей работе *Поэзия и перевод* советский филолог и создатель переводческой школы Е. Г. Эткинд обращает внимание на возможности адекватной передачи чужой мысли, содержащейся в том числе и в синтаксических конструкциях:

> Поэт, работающий над переводом новейших стиховых форм иноязычной поэзии, не может не вдумываться в эстетический смысл этих непривычных, но содержательных форм, даже если они и кажутся ему необычными для поэзии его родного языка. Может быть, эти формы и не лучше тех, традиционных, к которым он привык. Но они д р у г и е, и поэтому способны донести до читателя другое поэтическое содержание (Эткинд 1963: 344).

Тем самым Эткинд легитимизирует отклонения от нормы, снимая их «неправильность» и наделяя подобные конструкции дополнительным значением.

4. Метаязык и его осмысление писателями-экзофонами рубежа XX—XXI вв.

XX и XXI вв. демонстрируют новый взгляд на грамматические категории: метаязыковая рефлексия производится писателями-экзофонами, для которых один язык оказывается родным исторически, а язык интеграционной культуры становится изученным до степени родного и переходит в стадию второго род-

ного языка.

И если в середине XVIII в. Клопштоку необходимо было осмыслить неправильности в его родном, немецком языке, то на рубеже XX—XXI вв. появляются метатексты нового типа — размышления о *не*родном языке на *не*родном языке, которые не только поднимают вопросы сложности изучения нового для мигранта языка, но и затрагивают культурные особенности коммуникации в стране интеграции.

Двойственный фокус — извне и изнутри — характерен для сборника стихотворных эссе немецкоязычной писательницы японского происхождения Ёко Тавады (1960—), примечательно озаглавленного *Abenteuer der deutschen Grammatik* («Приключения немецкой грамматики», 2010). В своих произведениях Тавада виртуозно использует языковую игру и поднимает эстетический билингвизм на новый уровень, обогащая тем самым второй родной язык метаязыковыми рефлексиями.

Уже в сборнике эссе 2007 г. под названием *Sprachpolizei und Spielpolyglotte* («Языковая полиция и игровые полиглоты») автором реализуется метаязыковая грамматическая установка, которая отражается в дальнейших ее произведениях. Тавада разрушает все мыслимые правила расположения префиксальных глаголов в немецком предложении и создает новый язык, транслирующий сознание мигранта:

> Ich breche die Grammatik durch, den Stab der Sprachpolizisten. Ich durchbreche die Schlachtlinie und finde dort meine Feinde. Wie sehen sie aber aus? Ich muss sie erst erfinden. Ich finde sie er. Ich verstehe sie nicht. Ich stehe sie nicht ver. Ich spreche sie nicht an. Ich anspreche sie (TAWADA 2007: 28). Я прорываюсь через грамматику, через штаб языковой полиции. Я прорываю линию боя и нахожу там своих врагов. Но как они выглядят? Сначала мне нужно их найти. Я хожу их на- . Я их не понимаю. Я не нимаю их по-. Я с ними не заговариваю. Я обращаюсь к ним.

Тавада переосмысливает жесткие рамки немецкого синтаксиса, наделенного нордическим характером и склонностью к устойчивому порядку. Немецкий порядок слов становится подобен линии боя, причем новая топология членов предложения затягивает в себя префиксальные глаголы и меняет лексико-

семантическое содержание высказывания. Тавада мастерски показывает, как изучающие немецкий язык преодолевают новые для их сознания лингвистические установки, пытаются «уложить» в голове высказывание, в итоге намеренные нарушения языковой нормы превращаются в эмоциональную реакцию на столкновение с новой действительностью.

Название диссертационного сочинения Тавады *Игровые инструменты и языковая магия* четко отражает ее исследовательский интерес и дальнейший ориентир. Тавада создает эссе и стихи, размышляя о грамматике немецкого языка и японского языков. Эти стихотворения не смог бы написать носитель немецкого языка, поскольку для этого нужен иной системный подход и иное мышление, чтобы все странности, случайности и логические ошибки в языке стали очевидны. Представляется, что в ее эссе наблюдается не только языковая игра, но и философское осмысление синтаксических категорий. То, что начинал Клопшток, показывая, зачем надо нарушать установленный порядок, развивает Тавада. Она наполняет порядок слов новым смыслом и связывает его с окружающей действительностью, как в сборнике эссе под названием *Überseezungen*, которое можно перевести на русский как «заморские языки и переводы».

Философские размышления автора принимают облик квази-лирических произведений, сохраняя свой метаязыковой характер: стихотворная форма метаязыковых описаний отсылает читателя к античной и европейской традиции создания работ по поэтике. Таваду привлекает техника письма, средства и приемы поэтического искусства и языкового творчества. В цикле стихов под общим названием *Приключения немецкой грамматики* грамматические механизмы, столь привычные для носителя немецкого языка, теряют свою естественность и превращаются в знакомых чужих, которые не всегда легко узнать заново. Некоторые правила немецкой грамматики действительно настраивают на философский лад тех, кто изучает язык, поскольку под очевидным нормативным слоем Тавада считывает темпоральные человеческие отношения: «Перфектное прошедшее <время> (превосходно завершенное) время хорошо устроено и упрощено / Почему же мы настолько разнообразны в настоящем

<времени>?» («Das perfekt Vergangene ist durchkomponiert und vereinfacht / Warum sind wir aber so vielfältig in der Gegenwart?») (TAWADA 2010: 117).

В эссе под названием *Eine neue Periode ohne Punkt und Komma* («Новая эпоха без пауз»), которое освещает проблему упрощения коммуникации в современном мире. Однако синтаксическое игнорирование знаков препинания не превращается в элементарное общение, происходит обогащение коммуникации через дальнейшую языковую интерпретацию сказанного:

> Keiner braucht zu wissen wo der nächste Satz beginnt Wer redet schon mit Interpunktionen auf der Zunge Jeder darf ein Pausenbrot essen wann er will Nur das Semikolon verbietet es dir mit Doppelmoral und der Doppelpunkt will nicht seinen Nachkommen mündigsprechen (TAWADA 2010: 35). Никому не нужно знать где начинается следующее предложение Кто говорит с интерпункциями на языке Каждый может устраивать перекус когда захочет Только точка с запятой запрещает это своими двойными стандартами а двоеточие не хочет чтобы потомки были самостоятельными.

Языковая рефлексия базируется в данном случае на акцентах, выраженных знаками препинания, но писательница японского происхождения при создании стихотворения на немецком языке «снимает» грамматические условности и предлагает читателям общение, свободное от границ и акцентов.

5. Заключение

Рассмотрение немецкого синтаксиса из двух удаленных друг от друга эпох оказывается продуктивным для выявления творческого потенциала грамматических конструкций.

Становление литературного немецкого языка, происходившее в XVIII в., не замыкается на создании нормативной грамматики, правила которой описывает в своих трудах Готшед. К размышлениям о синтаксисе присоединяется Клопшток, своим творчеством «раздвигающий» возможности немецкого языка и поэтического синтаксиса. Анализ целесообразности отклонений от нормы, который Клопшток предлагает в своих *Грамматических диалогах*, представляет собой первые попытки описания языка как «объекта». Впоследствии намеренная неправильность верлибра будет описываться исследователями по-

эзии как одна из необходимых составляющих стиха со свободным ритмическим рисунком. Движение литературных норм и грамматических правил в «большом времени» (М. Бахтин) показывает, что в XX в. тенденция к языковой игре и синтаксическим нарушениям в литературном тексте не только сохраняется, но и обогащается новыми смыслами. Дополнительную семантическую нагрузку синтаксических конструкций использует в своих произведениях Тавада, которая смотрит на изначально *не*родной для нее немецкий язык через призму культуры японского языка. Новый язык позволяет ей воспринимать кажущуюся незыблемость норм как приглашение к игре и способ продемонстрировать объективные трудности при столкновении с новой ментальностью. Отказ от знаков препинания увеличивает возможные толкования смысла, делает немецкий язык способным к дальнейшему переосмыслению и открывает новые перспективы языковой рефлексии. Тавада, автор XX—XXI вв., рефлексирует над уже устоявшимися синтаксическими «неправильностями» языка Клопштока, предложенными поэтом в XVIII в.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989. [Barthes, Roland. (1989) *Izbrannyye raboty. Semiotika. Poetika* (Selected Works. Semiotics. Poetics). Moscow: Progress. (In Russian)].

Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Л.: Наука, 1984. [Karamzin, Nikolay M. (1984) *Pisma russkogo puteshestvennika* (Letters of a Russian traveler). Leningrad: Nauka. (In Russian)].

Леви-Стросс К. Структурная антропология. М.: ГРВЛ, 1983. [Levi-Strauss, Claud. (1983) *Strukturnaya antropologiya* (Structural Anthropology). Moscow: GRVL. (In Russian)].

Эткинд Е. Г. Поэзия и перевод. М.: Советский писатель [Etkind, Yefim G. (1963) *Poeziya i perevod* (Poetry and translation). Moscow: Sovetskiy pisatel'. (In Russian)].

Якобсон Р. Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. [Jakobson, Roman O. (1985) *Izbrannyye raboty* (Selected works). Moscow: Progress. (In Russian)].

Bertau, Marie-Cécile. (1996) *Sprachspiel Metapher*. Opladen: Westdeutscher Verlag.

Budde, Maria. (2012) *Über Sprache reflektieren. Unterricht in sprachheterogenen Lerngruppen*. Kassel: Kassel University Press.

Ferrando, Luciana & Schwab, Waltraud. (2025) Schriftstellerin Yoko Tawada: „Und dazwischen das Unreine, das gefällt mir auch“. *taz*, 2 Marz. Retrieved from https://taz.de/Schriftstellerin-Yoko-Tawada/!6069910.

Goethe, Johann W. (1979) *Gedichte. Vollständige Ausgabe*. Bd 4. Stuttgart: Phaidon Verlag.

Gottsched, Johann C. (1968–1987) *Ausgewählte Werke*. Bd 6.1. Berlin; New York: De Gruyter, 350—379.

Kaufmann, Kai. (2024) *Klopstock! Eine Biographie*. Göttingen: Wallstein.

Klopstock, Friedrich G. (1962) *Ausgewählte Werke*. München: Carl Hanser.

Klopstock, Friedrich G. (1794) *Grammatische Gespräche*. Altona.

Klopstock, Friedrich G. (1798) *Oden*. Bd 1. Leipzig: Göschen.

Ledanff, Susanne. (1981) *Die Augenblicksmetapher. Über Bildlichkeit und Spontaneität in der Lyrik*. Hanser: Literatur als Kunst.

Nezval, Vites. (1938) Mateřská řeč jako nástroj básníkův. *Slovo a slovesnost*, B. 1, 28—41.

Opitz, Martin. (1978) Buch von der Deutschen Poeterey. In: Schulz-Behrend, Georg. (ed.) *Gesammelte Werke*. Bd II,1. Stuttgart: Anton, 343—416.

Stockhorst, Stefan. (2008) *Reformpoetik: kodifizierte Genustheorie des Barock und alternative Normenbildung in poetologischen Paratexten*. Tübingen: De Gruyter.

Tawada, Yoko. (2010) *Abenteuer der deutschen Grammatik*. Tübingen: konkursbuch.

Tawada, Yoko. (2007) *Sprachpolizei und Spielpolyglotte*: Literarische Essays. Tübingen: konkursbuch.

Tawada, Yoko. (2002) *Überseezungen: Literarische Essays*. Tübingen: konkursbuch.

Olga V. Pakhomova, Vera G. Sibirtseva
National Research University Higher School of Economics

The Creative Potential of Syntax in Representing Two Different Eras

This article examines the creative approaches to the German language of two important authors: Friedrich Gottlieb Klopstock in the 18th century and Yoko Tawada at the turn of the 21st century. Klopstock was one of those who critically rethought the necessity of deviations from the linguistic norm that had emerged in the mid-18th century. In *Grammatical Dialogues* he initially established the deliberate deviation from the grammatical norm as a legitimate poetic device and contrasted it with the prescriptive and rationalistic interpretation of language by Gottsched. Klopstock's views subsequently had a signifi-

cant influence on the development of free verse. In the 21st century, the Japanese-born author Yoko Tawada continued the discussion about deliberate grammatical violations. She reflects on the German language as a cultural phenomenon that shapes mentality. Tawada uses syntactic "irregularities" such as missing punctuation and free word order as aesthetic commentary in her poetic essays *Adventures of German Grammar*. Her texts reveal multifaceted layers of meaning and connect linguistic structures with cultural and social issues. The temporal distance of the literary process context necessitates the different artistic methods employed. The works of Klopstock and Tawada demonstrate the diversity of possible linguistic irregularities in the realm of syntax and reveal the creative potential of grammatical constructions. The authors present two typologically distinct yet complementary approaches to linguistic reflection in German-language literature. Their similar views on the productivity of linguistic irregularities contribute to the plasticity of language. In his odes and essays, Klopstock legitimizes experiments with form and syntax. Tawada, on the other hand, demonstrates the fluidity of linguistic boundaries and creates poetic essays in which language functions as a dynamic, constantly evolving system. As a result, innovative practices from different historical periods demonstrate the potential of artistic expression that can transcend temporal and cultural boundaries.

Keywords: free rhythms; free verse; syntax; German language; F. G. Klopstock; Y. Tawada

Для цитирования:
Пахомова О. В., *Сибирцева В. Г.* Творческий потенциал синтаксиса в проекции двух разных эпох // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2026. № XXIII. С. 363—375.
DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2026-23-363-375.

To cite this Article:
Pakhomova, Olga V. & Sibirtseva, Vera G. (2026) Tvorcheskiy potentsial sintaksisa v proyektsii dvukh raznykh epokh (The Creative Potential of Syntax in Representing Two Different Eras). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 23, 363—375. (In Russian).
DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2026-23-363-375.

Статья поступила в редакцию 24.03.2026; принята к публикации 25.04.2026
The article was submitted 24.03.2026; accepted for publication 25.04.2026

Е. В. Солдабокова
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

ПОВЕСТЬ *РЫЖЕВОЛОСАЯ ФРЕДЕРИКА* (1970) АВСТРИЙСКОЙ ПИСАТЕЛЬНИЦЫ КРИСТИНЕ НЕСТЛИНГЕР В ПЕРЕВОДЕ Д. В. ВИЛЬКЕ

На произведениях австрийской детской писательницы Кристине Нестлингер выросло не одно поколение детей. Нестлингер является одной из самых упоминаемых австрийских детских писателей в СССР в период с 1979 по 1987 гг. (см. «Детская литература»), что свидетельствует о влиянии творчества писательницы на развитие литературы для детей и подростков. В указанный временной интервал ее произведения неоднократно отмечались престижными национальными и международными премиями, что способствовало формированию устойчивого исследовательского интереса к ее творческому наследию. Примечательно, что в советской литературной критике имя Нестлингер рассматривалось преимущественно в русле антикапиталистической и дидактической парадигмы, тогда как в Австрии ее называли «нарушительницей табу», подчеркивая отказ писательницы от менторской позиции и установку на равноправный диалог с ребенком. Исследователи детской литературы были сосредоточены преимущественно на осмыслении особенностей художественного мира, специфике конфликта и антиавторитарной направленности произведений Нестлингер. Специфике ее языка и переводам ее произведений на русский язык уделялось недостаточно внимания. В постсоветское время ранее переведенные произведения Нестлингер переиздавались, а с 2008 г., когда В. В. Комарова перевела повесть *Само собой и вообще*, замечена тенденция к более активному обращению к творчеству Нестлингер и появление ее ранее непереведенных повестей в русском переводе. Примером этого является выполненный Д. В. Вильке в 2019 г. перевод повести *Рыжеволосая Фредерика*, который и будет рассмотрен в статье. В ходе сопоставительного анализа оригинала и перевода выявлены как стратегии адаптации, так и смысловые потери, приводящие к искажению авторской установки и изменению рецепции произведения. Вильке стремится к прямой актуализации языка и проблематики повести. Перевод успешно решает ключевую задачу — делает героев Нестлингер понятными и близкими русскоязычному читателю в свою культурно-историческую эпоху. Тем не менее обращение к дебютной повести в переводе Вильке знаменует важ-

ный этап в освоении творческого наследия писательницы в России и открывает перспективы для дальнейших исследований ее поэтики в контексте переводной детской литературы.

Ключевые слова: детская литература; австрийская литература; австрийская детская литература; Кристине Нестлингер; перевод; «Рыжеволосая Фредерика»

1. Введение

Кристине Нестлингер (*1936 — †2018) — известная австрийская детская писательница, чье творчество зачастую сравнивают с творчеством Астрид Линдгрен. Нестлингер написала более ста книг для детей и подростков, которые переведены на более чем тридцать языков. Она является лауреатом множества австрийских и международных премий, но не считает полученные премии главным своим достижением.

> Мне кажется, детские книги нужно оценивать, прежде всего, по их литературным достоинствам и лишь во вторую очередь по их воспитательной направленности. Книги для детей должны быть остроумными и увлекательными (Великанова 2021).

Первым произведением Нестлингер, с которым познакомился русскоязычный читатель, стала повесть *Долой огуречного короля!* (1976) в переводе П. Френкеля. Именно с этого момента можно начинать говорить о том, что писательница оказалась в поле зрения советского (а потом и российского) читателя. Всего в период СССР было опубликовано семь произведений автора: *Лоллипоп* («Lollipop», 1979, пер. П. Френкеля), *Небывалая игра* («Rüb-rüb-hurra», 1986, пер. П. Френкеля), *Ильза Янда, лет — четырнадцать* («Ilse Janda, 14», 1980, пер. А. Исаевой), *Мыслитель действует* («Der Denker greift ein», 1984, пер. Л. Лунгиной), *Обменный ребенок* («Das Austauschkind», 1986, пер. Э. Ивановой) и *Лети, майский жук!* («Maikäfer, flieg!», 1988, пер. Э. Ивановой). Некоторые переводы выходили с сокращениями (так, например, автобиографическая повесть *Лети, майский жук!* была опубликована лишь частично в журнале «Ашхабад» [Аралова 2012: 35–36]).

В советское время имя Нестлингер часто появлялось в критических статьях в журнале «Детская литература». Этот журнал был рассчитан на взрослых: писателей, научных работников по детской книге, педагогов, библиотекарей, студентов, пионер-

вожатых. В журнале выходили критические, теоретические и научные статьи, посвященные детской литературе. Зачастую тексты писательницы советские исследователи рассматривали с позиции критики капитализма и некой уникальности Нестлингер в мире детской литературы (австрийской, в частности). Ее уникальность, по мнению советской критики, заключалась в юморе, особом изображении детей и родителей (дети и родители — не враги, в ее произведениях нет правых и виноватых), критике капитализма, совмещении фантазии и реализма, а также в удивительной точности изображения ребенка и его внутреннего мира. Советская литературная критика сделала творчество Нестлингер примером зарубежной детской литературы, сосредоточенной на дидактике и воспитании. Не случайно переводчик Френкель в статье *А взгляд писателя всегда серьезен* заметил, что книги Нестлингер подходят для совместного чтения (Френкель 1984: 44).

В то же время австрийская литературная критика воспринимала (и продолжает воспринимать) писательницу как автора, который заговорил с ребенком на равных. Нестлингер стала своеобразной хулиганкой в детской литературе.

Так, например, авторитетный исследователь детской литературы Э. Зайберт отмечает, что произведения Нестлингер полны «педагогических табу» («pädagogishe Tabus») (Seibert 2008: 166), а литературовед Х.-Х. Эверс называет Нестлингер «нарушительницей табу» («Tabubrecherin») (Ewers 2003: 12). Она не защищает детей от реалий жизни, не считает, что детская литература является инструментом для воспитания подрастающего поколения. Для Нестлингер важно ободрить ребенка, дать ему надежду: «Ich glaube, daß meine Art zu schreiben, Kindern Mut geben könnte, sich selber ans Formulieren zu machen» («Я верю, что мое искусство письма могло бы дать детям смелость начать выражать себя» [Ewers 2003: 15]); «Literatur für die Kinder hat — neben vielem anderen — auch Mut zu machen…» («Литература для детей, помимо всего прочего, также должна вдохновлять» [ibid.: 15]); «Ein hoffnungsloses Kinderbuch möchte ich nicht schreiben» («Я не хочу писать детскую книгу, в которой нет надежды» [ibid.]). В ее произведениях было место надежде, а не

суровому дидактизму. Сама Нестлингер о своем творчестве говорила так:

> У меня есть определенные предположения о том, что хотят прочесть дети, и также о том, что они должны читать. А еще у меня есть острая необходимость высказаться по тому или иному поводу. И твердое убеждение, что детям нравится смеяться, когда они читают. Вот из этих четырех компонентов я обычно и смешиваю свои книжки… (цит. по: [Аралова 2010: 98]).

В советской литературной критике Нестлингер возникала в основном лишь как пример в ряду перечислений имен других авторов. При этом в Австрии ее почти с самого начала нарекли «новой Астрид Линдгрен» (Fuchs 2001: 13). М. Дарендорф относит Нестлингер к продуктивным и оригинальным авторам. Он приписывает ей

> ...eine scharfe Beobachtung der Umwelt und eine bissige Reaktion darauf. Besonders zornig reagiert sie immer, wenn sie sieht, wie man Kindern mitspielt, wie sie immer wieder auslöffeln müssen, was die Erwachsenen ihnen einbrocken. ...внимательное наблюдение за окружающей средой и быстрая реакция на нее. Особенно яростно она реагирует, когда видит, как дети играют вместе, как им приходится снова и снова выкладывать то, что взрослые кладут им в рот (Dahrendorf 1986: 33).

В 1977 г. Дарендорф (Dahrendorf 1977: 564) увидел в произведениях Нестлингер новую форму детской литературы, и охарактеризовал эту форму как «emanzipatorische Kinderliteratur» («освободительная детская литература»). Другой характерной чертой ее произведений является реалистическое изображение действительности. Она стала верным другом для ребенка, а не суровым и строгим учителем. И австрийская литературная критика не забывает сделать акцент на том, что Нестлингер пришла к писательству спонтанно, не будучи профессиональным педагогом. Статьи, связанные с творчеством писательницы, полны цитат самой Нестлингер, в которых она не стесняется говорить о своем опыте и своем взгляде на литературу (Ewers 2003: 12):

> Auf die Idee, Kinderbücher zu schreiben, bin ich überhaupt nie gekommen. Мне вообще никогда не приходила в голову идея писать детские книги.
>
> Wenn ich kein Geld mit dem Bücherschreiben verdienen würde,

> dann würde ich es ganz bleiben lassen. Если бы я не зарабатывала денег на написании книг, я бы оставила это занятие.

Повесть *Рыжеволосая Фредерика* долгое находилась на периферии исследовательского внимания. Нестлингер написала ее в 1970 г., а перевела повесть Д. В. Вильке на русский язык в 2019 г.

Значимость этой повести для изучения творчества Нестлингер обусловлена тем, что *Рыжеволосая Фредерика* не только является самым первым произведением писательницы, но и содержит в себе основные черты образа ребенка в представлении автора. Писали об этом произведении еще в советское время: в журнале «Детская литература» встречаются упоминания *Die feuerrote Friederike*, которое на русский язык перевели как «Огненно-рыжая Фридерике». При этом важно заметить, что это произведение упоминается в номере, посвященном австрийским детским писателям (1979 г., № 10). В этом выпуске есть портретная галерея, австрийских детских авторов, Нестлингер — среди них. Упоминается в выпуске и сама повесть:

> Особенно активно Нестлингер ратует за интересы тех, кто обделен судьбой. Она показывает нам «средних» детей, не выдающихся ни в эмоциональном, ни в интеллектуальных отношениях. Напротив, ее героев часто считают некрасивыми или придурковатыми и на этом основании изгоняют из общества — как, например, Фридерике (Биндер 1979: 67).

При этом информации об опубликованном переводе повести на русский язык нет, а это значит, что ее не переводили в СССР.

2. Основные стратегии перевода *Рыжеволосой Фредерики*

При взгляде на перевод повести можно заметить тенденцию к сохранению авторского текста, максимального приближения к оригиналу. И это стремление к близкой передаче замысла Нестлингер характерно для всех переводчиков творчества писательницы на русский язык. Все началось с самого первого текста Нестлингер, переведенного на русский язык Френкелем, — повести *Долой огуречного короля* (1976). Именно с этого момента Нестлингер стала известной русскоязычному читателю. Несмотря на изменения, связанные с манерой речи персонажей (в переводе используется разговорная лексика, которой нет в оригинальном тексте), Френкель стремился к точной передаче комизма ситуа-

ций, а предложенные им изменения не выбиваются из повествования ввиду комичности происходящего в повести.

При сравнении оригинала и перевода *Рыжеволосой Фредерики* становится очевидно, что большая часть изменений, связанных с текстом произведения, заключается в попытке адаптации австрийских реалий и быта к русской культуре. Так, например, переводчик столкнулась с проблемой, связанной с определением локации, в которой происходит место действия. Зачастую читателям сразу становится известно, где живут главные герои, но в *Рыжеволосой Фредерике* нет ни единого момента, когда напрямую бы в тексте говорилось об этом. В самом начале мы встречаемся с фразой: «Жила когда-то *в Вене* Фредерика — маленькая девочка со странными волосами», при этом в оригинале первое предложение выглядит так: «Es war einmal ein kleines Mädchen» («Однажды была маленькая девочка»). Как видим, никакого упоминания Вены в тексте оригинала нет.

Чтобы понять, почему в переводе возникает название места действия, нам нужно обратиться к комментарию самой переводчицы, который она дала для сайта «Папмамбук»:

> Всегда главная сложность в том, что хочется сохранить все, что есть в оригинале. У Нестлингер — потрясающая легкость, дерзость, саркастичность диалогов и какие-то австрийские, точнее венские нюансы, которые очень сложно передавать, переводить на русский. Плюс нужно как-то элегантно выкрутиться с венскими реалиями. Например, в «Рыжеволосой Фредерике» на протяжении всей книжки не понимаешь, где происходит действие, это просто какой-то абстрактный город. И вдруг в считалочке оказывается, что это Вена — там упоминаются районы Оттакринг и Веринг. Русский читатель, который ни разу не был в Вене или здесь не жил, не представляет, какие в городе есть районы и как они называются. Чтобы все это передать, нужны неожиданные решения (Андреева 2024).

В данном случае мы видим, что точное обозначение места действия в перевод было добавлено для того, чтобы упростить понимание текста для читателя. Так как это произведение для детей (с возрастным рейтингом 0+ на современных русскоязычных Интернет-площадках), сноски, вероятно, будут попросту неуместны, поскольку детские книги зачастую родители читают

детям вслух. Именно поэтому Вильке решила прямо обозначить место действия.

В комментарии переводчицы упоминаются районы Вены Оттакринг и Веринг, и в тексте эти названия также были сохранены. В повести есть заклинание, благодаря которому волосы главной героини могли вспыхнуть («Рыжий-рыжий, тинг-тинг, пожар в районе Оттакринг»), и есть заклинание, благодаря которому волосы погаснут («Где-то в Веринге пожар, задунайский ты комар»). В переводе есть ритм, благодаря чему это заклинание звучит просто и также просто запоминается, подобно считалочке. Но в оригинале заклинание выглядит совершенно иначе: «Wenn wir murmeln: «rotarotaginginging feiabrenntinottakring», dann fangen unsere Haare zu glühen an. Murmeln wir «feiabrenntinwahring, bistagselchtaharing» hören sie wieder zu glühen auf». Оно не похоже на считалочку, скорее на соединение слов — прием, который и дальше будет фигурировать в повести.

В переводе Вильке зачастую опущены некоторые фразы, которые передают устную речь героев. В оригинале в моменте, когда дети дергают Фредерику за волосы, мы встречаем следующее: «Das gilt nicht! Das gilt nicht! Bäähhh! Bääääääääääääähhhhhhhhh!». Немецкоязычный читатель видит воспроизведение устной речи, в данном случае криков детей. В русском же переводе в тексте реплика детей опущена.

В переводе выпускаются определенные детали, которые влияют на восприятие текста. Когда дети засунули Фредерику в сумку, чтобы отнести ее к реке и бросить в воду, в оригинале упоминается, что эту ситуацию видели и взрослые, которые восприняли происходящее как игру, а один мужчина, говоря о волосах Фредерики, сказал, что это парик, а не настоящие волосы девочки. На помощь Фредерике никто не пришел. В русском переводе юный читатель даже не узнает, что происходящее видели взрослые. Это может повлиять на восприятие текста, так как немецкоязычный ребенок может задать себе вопрос: «Почему же взрослые не помогли Фредерике? Почему они проигнорировали ситуацию?», а у юного русскоязычного читателя такого вопроса даже не возникнет. А ведь в центре сюжета повести находится ситуация травли и попытки ребенка защитить себя

от обидчиков. Нестлингер правдоподобно изображает печальную, но знакомую многим ситуацию, когда дети нуждаются в помощи, а взрослые попросту не понимают, что происходит у них перед глазами, из-за чего ребенок часто остается один на один со своей проблемой. Более того, взрослые в оригинале говорят, что эти дети «liebe» («милые»), а мужчина задевает ту самую больную точку главной героини, говоря о ее волосах. Перед нами ситуация, когда ребенок и его беда остаются незамеченными взрослыми, более того, взрослые становятся если не соучастниками коллективной травли Фредерики, то прямыми свидетелями точно. Тем не менее, Фредерике приходится использовать заклинание, чтобы ее волосы вспыхнули, из-за чего дети начинают лишь бояться Фредерику, что приводит к усилению травли. Перед нами ситуация, когда ребенок в попытке самостоятельно разрешить конфликт своим неудачным действием лишь усугубляет ситуацию. А в русском переводе и эта деталь опущена. В оригинале попытка детей кинуть Фредерику в реку воспринимается как игра:

> Die Leute die vorübergingen, hielten das für ein schönes Spiel. Sie lachten. Eine Frau sagte: „Das sind liebe Kinder!“ Ein Mann sagte: „Welch schöne Perücke das eine Kind auf dem Kopf hat. Eine sehr schöne rote Perücke!” Люди, которые проходили мимо, думали, что это хорошая игра. Они смеялись. Одна женщина сказала: «Это милые дети!». Один мужчина сказал: «Какой красивый парик у одного ребенка на голове. Очень красивый рыжий парик!»

Благодаря этому эпизоду становится понятно, что повесть ранее не переводили в том числе из-за демонстрации жестокости детей и равнодушия взрослых. Как было сказано выше, в основном советская критика рассматривала творчество Нестлингер с позиции антиавторитарной литературы, а *Рыжеволосая Фредерика* затрагивает тему детской травли, что могло не соответствовать установкам советской детской литературы, которую можно было бы считать подходящей для юного читателя.

Еще одним незначительным изменением, присутствующим в переводе, оказывается пол кота. В оригинале Фредерика оказывается на попечении тети и frau Katze, в то время как в переводе в доме живет говорящий кот. Однако, по сути, это изменение ни

на что не влияет и не искажает понимание произведения.

В переводе верно передается особенность красной книги, которую Фредерика находит дома и встречает в ней непонятные слова, что тем не менее не помешало ей выучить два предложения из нее. В обоих текстах перед читателем единый принцип загадки и словесная игра: пробелы между буквами не соответствуют написанию слов. Если правильно расставить пробелы, то перед нами окажутся понятные предложения. «Ke iner wir da usge lac ht» («та мник тонина дкемн ес меется»). «Were inma lü berd Emk ircht Ur mistd, erk ommtsi chera n» («ес липе ре лет етьц ерк овьто то чнот удапо падешь»).

Таким образом, при сравнении оригинала и перевода становится понятно, что Вильке старалась сохранять неизменным авторский текст, верно передавать реалии быта и локации. Лишь при невозможности полностью передать замысел Нестлингер (например, отсутствие точного наименования локаций с сохранением заклинания-считалочки) переводчик прибегала к адаптации.

Перевод *Рыжеволосой Фредерики*, выполненный Вильке, является важным возвращением к истокам творчества Нестлингер. Как уже было сказано выше, эта повесть является первым произведением писательницы. Дебютная книга, по словам самой Нестлингер, была начата спонтанно, под девизом «ein Kinderbuch muß in jedem Erwachsenen mit ungetrübtem Erinnerungsvermögen drinstecken» («Детская книга должна быть у каждого взрослого с незапятнанной памятью» [Ewers 2003: 319]). После успеха *Рыжеволосой Фредерики* Нестлингер начинает активно писать, причем жанры ее произведений весьма разнообразны: от детской литературы до кулинарных книг.

3. Выводы

Сопоставительный анализ оригинала повести Нестлингер *Die feuerrote Friederike* и ее перевода на русский язык, выполненного Вильке (2019), позволяет сделать выводы относительно переводческих стратегий, применяемых при адаптации первого произведения австрийской писательницы для русскоязычной аудитории.

Как было показано выше, ключевой проблемой для переводчика стало отсутствие эксплицитного указания на место дей-

ствия в оригинальном тексте, при этом наличие скрытых топонимических маркеров (районы Оттакринг и Веринг) потребовало принятия нестандартного решения. Вильке ввела прямое упоминание Вены уже в первом предложении, что, с одной стороны, облегчает восприятие текста юным читателем и родителем, читающим вслух, а с другой — представляет собой сознательное отклонение от оригинала в пользу адаптации. Этот случай иллюстрирует приоритет смысловой части над формальной точностью.

Вместе с тем в переводе обнаружены отдельные опущения, влияющие на смысловую глубину произведения. Наиболее значимым представляется исключение эпизода, в котором взрослые наблюдают за травлей Фредерики, но не вмешиваются, воспринимая происходящее как игру и комментируя волосы девочки как парик. В оригинале эта деталь реализует одну из ключевых тем Нестлингер — равнодушие взрослого мира и вынужденную самоизоляцию ребенка перед лицом агрессии. Ее отсутствие в переводе нивелирует подтекст, адресованный читателю. Другие изменения (опущение междометных криков детей, замена пола кота) носят менее существенный характер и не искажают общего замысла. При этом принципиально важный элемент — загадка красной книги с неверной расстановкой пробелов — передан с полным сохранением структуры, что свидетельствует о внимании переводчика к игровой природе авторского стиля.

Сопоставление перевода Вильке с более ранними русскоязычными переводами произведений Нестлингер (Френкель) обнаруживает общую тенденцию: адаптация реалий и речевых моделей при стремлении сохранить авторский замысел. Перевод *Рыжеволосой Фредерики* успешно решает задачу доступности и актуальности для современного русскоязычного ребенка, но при этом частично утрачивает те смысловые слои, которые делают Нестлингер «нарушительницей табу» в глазах австрийской критики. Дальнейшие исследования могли бы быть направлены на сравнительный анализ других переводов произведений Нестлингер 2010—2020-х гг., а также на рецепцию этих переводов целевой аудиторией.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

Андреева П. Эта блестящая дерзкая Нестлингер! [Электронный ресурс] // Папмамбук. 2024. [Andreeva, Polina. (2024) *Eta blestyashchaya derzkaya Nyostlinger!* (This brilliant daring Nöstlinger!). *Papmambuk*. (In Russian)].

Аралова Е. Б. Русские переводы книг Кристине Нестлингер с 1976 по 2008 год: три периода издания Нестлингер в России // Зарубежная детская литература. Вып. 6. СПб.: РГПУ, 2012. С. 35—40. [Aralova, Ekaterina B. (2012) *Russkiye perevody knig Kristine Nyostlinger s 1976 po 2008 god: tri perioda izdaniya Nyostlinger v Rossii* (Russian translations of Christine Nöstlinger's books from 1976 to 2008: three periods of Nöstlinger's publication in Russia). In: *Zarubezhnaya detskaya literatura* (Foreign Children's Literature), 6. Saint Petersburg: Herzen Russian State Pedagogical University, 35—40. (In Russian)].

Аралова Е. Б. Само собой, легко читается, и вообще — мудрый автор // Вестник детской литературы. 2010. № 1. С. 98—102. [Aralova, Ekaterina B. (2010) *Samo soboy, legko chitayetsya, i voobshche — mudry avtor* (It goes without saying, it reads easily, and overall — a wise author). *Vestnik detskoy literatury* (Bulletin of Children's Literature), 1, 98—102. (In Russian)].

Биндер Л. Кристине Нестлингер // Детская литература. 1979. № 10. С. 66—68. [Binder, L. (1979) *Kristine Nyostlinger* (Christine Nöstlinger). *Detskaya literatura* (Children's Literature), 10, 66–68. (In Russian)].

Великанова Ю. А. «Мне всегда было важно не врать детям.» 85 лет со дня рождения Кристине Нестлингер [Электронный ресурс] // Pechorin.net. 2021. [Velikanova, Yulia A. (2021) *"Mne vsegda bylo vazhno ne vrat' detyam." 85 let so dnya rozhdeniya Kristine Nyostlinger* ("It was always important for me not to lie to children." 85 years since the birth of Christine Nöstlinger). Retrieved from Pechorin.net. (In Russian)].

Френкель П. Л. А взгляд писателя всегда серьезен // Детская литература. 1984. № 8. С. 40—45. [Frenkel, Pavel L. (1984) *A vzglyad pisatelya vsegda seryozen* (But the writer's gaze is always serious). *Detskaya literatura* (Children's Literature), 8, 40—45. (In Russian)].

Ewers, Hans-Heino. (2003) Von der Weltveränderung zum Handel mit Trostpflastern, Christine Nöstlingers kinderliterarische Positionen im Wandel. *…weil die Kinder nicht ernst genommen werden*. In: *Kinder- und Jugendliteraturforschung in Österreich*. Bd 4. Wien: Edition Praesens, 127—273.

Fuchs, Sabine. (2001) *Christine Nöstlinger. Eine Werkmonographie*. Wien.

Dahrendorf, Malte. (1986) Für Christine Nöstlinger zum 50. Geburtstag.

Nebst Betrachtung einiger ihrer letzten Bücher. *Eselsohr*.
Dahrendorf, Malte. (1977) *Kinder- und Jugendliteratur im bürgerlichen Zeitalter*. Weinheim: Beltz.
Fuchs, Sabine & Seibert, Ernst. (2003) *…weil die Kinder nicht ernst genommen werden. Kinder- und Jugendliteraturforschung in Österreich*. Bd 4. Wien: Edition Praesens.
Seibert, Ernst. (2008) *Themen, Stoffe und Motive in der Literatur für Kinder und Jugendliche*. Wien: Facultas. WUV.

Список источников / Quellenverzeichnis / List of Sources

Нестлингер К. Долой огуречного короля. М.: Детская литература, 1976. [Nöstlinger, Christine. (1976) *Doloy ogurechnogo korolya* (Down with the Cucumber King). Moscow: Detskaya Literatura. (In Russian)].
Нестлингер К. Пес спешит на помощь. М.: Махаон, 2013. [Nöstlinger, Christine. (2013) *Pes speshit na pomoshch'* (The Dog Rushing to the Rescue). Moscow: Makhaon. (In Russian)].
Нестлингер К. Рыжеволосая Фредерика. М.: РОСМЭН, 2019. [Nöstlinger, Christine. (2019) *Ryzhevolosaya Frederika* (Red-Haired Frederica). Moscow: ROSMEN. (In Russian)].
Nöstlinger, Christine. (1977) *Wir pfeifen auf den Gurkenkönig*. Rowohlt Taschenbuch Verlag.
Nöstlinger, Christine. (1995) *Die feuerrote Friederike*. Deutscher Taschenbuch Verlag.
Nöstlinger, Christine. (1998) *Der Hund kommt!* Beltz & Gelberg.

Yekaterina V. Soldabokova
National Research University Higher School of Economics

The Novel *Fiery Frederica* (1970) by Austrian Writer Christine Nöstlinger, Translated by D. V. Vilke

More than one generation of children gr up on the works of Austrian children's writer Christine Nöstlinger. Nöstlinger was one of the most frequently mentioned Austrian children's writers in the USSR between 1979 and 1987 (the journal "Children's Literature"), demonstrating the influence of her work on the development of children's and adolescent literature. During this time, her works were repeatedly recognized with prestigious national and international awards, which contributed to the development of enduring scholarly interest in her creative legacy. It is noteworthy that in Soviet literary criticism, Nöstlinger's name was viewed primarily within the

framework of an anti-capitalist and didactic paradigm, whereas in Austria she was called a "taboo breaker", emphasizing her rejection of a mentoring stance and her focus on equal dialogue with children. Children's literature scholars have focused primarily on understanding the artistic world, the specifics of conflict, and the anti-authoritarian thrust of Nöstlinger's works. The specifics of Nöstlinger's language and translations of her works into Russian have received insufficient attention. In the post-Soviet era, previously translated works by Nöstlinger have been republished, and since 2008, when V. V. Komarova translated the *story Sowieso und überhaupt* ("Anyway And At All"), a trend has been noted toward more active engagement with Nöstlinger's work and the appearance of her untranslated stories in Russian. An example of this is D. V. Vilke's 2019 translation of the story *Fiery Frederica*, which will be discussed in this article. A comparative analysis of the original and translation revealed both adaptation strategies and semantic losses, leading to a distortion of the author's intentions and a change in the reception of the work. Vilke strives to directly update the language and the subject matter. The translation successfully achieves a key goal: making Nöstlinger's characters relatable and relatable to Russian-speaking readers in their cultural and historical era. Nevertheless, the return to Nöstlinger's debut novel marks an important stage in the development of the writer's creative legacy in Russia and opens up prospects for further research into her poetics in the context of translated children's literature.

Keywords: Children's literature; Austrian literature; Austrian children's literature; Christine Nöstlinger; translation; "Fiery Frederica"

Для цитирования:
Солдабокова Е. В. Повесть *Рыжеволосая Фредерика* (1970) австрийской писательницы Кристине Нестлингер в переводе Д. В. Вильке // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2026. № XXIII. С. 376—388.
DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2026-23-376-388.

To cite this Article:
Soldabokova, Yekaterina V. (2026) Povest' *Ryzhevolosaya Frederika* (1970) avstriyskoy pisatel'nitsy Kristine Nestlinger v perevode D. V. Vil'ke (The Novel *Fiery Frederica* (1970) by Austrian Writer Christine Nöstlinger, Translated by D. V. Vilke). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 23, 376—388. (In Russian).
DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2026-23-376-388.

Статья поступила в редакцию 06.04.2026; принята к публикации 07.05.2026
The article was submitted 06.04.2026; accepted for publication 07.05.2026

Ю. Л. Цветков
Ивановский государственный университет

ГЕРМАН БАР И ПРОЗАИЧЕСКИЙ НАБРОСОК *ВИДЕНИЕ* ТОМАСА МАННА

Исследуется влияние эстетических трудов и романа *Хорошая школа* основателя кружка «Молодая Вена», писателя Германа Бара (*1863 — †1934) на молодого Томаса Манна в любекский период его жизни, до переезда в Мюнхен (1894). Бар, возвратившись из Парижа, обсуждал новейшие явления французской литературы: «новую психологию», импрессионизм, символизм, декаданс и воспринимал эти явления как новое слово в литературе в работах *К критике модерна* (1890), *Преодоление натурализма* (1891) и *Штудии к критике модерна* (1894). Манн посвятил «гениальному» Бару свой первый прозаический набросок *Видение* (1893) — символистко-импрессионистический этюд о любовной истории. Набросок с полным правом можно назвать «литературной лабораторией» будущего писателя. С одной стороны, Манн заимствует из романа Бара магистральную тему искусства и жизни, образ одинокого, безымянного и несчастного художника-импрессиониста, страдающего от «мук творчества» несостоявшегося гения и потерявшего любимую женщину. С другой стороны, в наброске можно увидеть специфические манновские темы и мотивы: иронию как склонность подвергать сомнению то, что недавно казалось незыблемым, созерцательное упорядочивание происходящего при резкой смене настроения, способность органично вплетать в повествование специальные знания (музыка, философия), интерес к мифу и говорящим деталям (кольцо, бледные руки), которые в дальнейшем будут лейтмотивными, а также мотивы восхищения красотой, двойственности жизни и духа, Эроса и Танатоса, роковой женщины, болезненной чувственности, созерцательности и способности выдерживать тяжелые удары судьбы. В нарратологическом плане рассказчик выступает в роли всеведущего лица, эмоционально неконтролируемого, без каких-либо элементов эпической отстраненности. Автор отождествляет себя со страдающим рассказчиком и создает короткие, прерывистые с повторами предложения. Непосредственная эмоциональность («Я видел…», «Я чувствовал…», «Было больно…») пока еще далека от отстраненного интеллектуализма зрелого периода творчества.

Ключевые слова: литература венского модерна; Г. Бар; импрессионизм; символизм; декаданс; Т. Манн; «Видение»

1. К постановке проблемы

После смерти отца — пятидесятиоднолетнего сенатора г. Любек Томаса Иоганна Генриха Манна (*1840 — †1891) и ликвидации по его завещанию ранее процветавшей зерноторговой фирмы у сыновей Генриха и Томаса появилась возможность развивать более свободно свои художественные способности, которые поддерживались в семье в значительной мере матерью Юлией Манн. Не желая заниматься торговым делом и вопреки просьбам отца, Генрих в 1889 г. после учебы в гимназии начал постигать книжное дело в Дрездене, а в 1890 г. стал сотрудником только что основанного издательства «Фишер», посещая одновременно занятия в Берлинском университете. В 1893 г. семнадцатилетний Томас не смог закончить гимназию и находился под пристальным вниманием нескольких профессоров еще в течение года. В этот период он был хорошо осведомлен о литературных делах старшего брата в Берлине. Об этом периоде творчества братьев Манн отечественное литературоведение не упоминает вовсе или ограничивается краткими замечаниями (Апт 1972; Федоров 1981; Мотылева 1981; Мальчуков 1996).

Генрих, как и впоследствии Томас, оставил сочинительство стихов и опубликовал первые эссе и короткие рецензии в мюнхенском журнале «Ди Гезельшафт» (1885—1901), который редактировал Михаэль Георг Конрад (*1846 — †1927), один из активных последователей натурализма в Германии. Он ориентировался на творчество Э. Золя, Р. Вагнера и Ф. М. Достоевского. Конрад отстаивал важность социальной тематики и научный способ мышления. Три его романа из задуманных десяти *О чем шумит Изар* (1887) показывают человека в полной зависимости от среды и наследственности. Находясь в Берлине, другом центре натурализма с литературным объединением «Прорыв», Генрих познакомился с творчеством «берлинского Золя» — Максом Кретцером (*1854 — †1941), автором романов *Обманутые* (1881), *Погибшие* (1883), *Мастер Тимпе* (1888) и др. В Берлине Генрих по-настоящему узнал, что такое «духовное движение»:

> Движение было натурализмом. Как молчаливый, терпеливый юноша я присутствовал на заседании общества «Свободная сцена». Когда я, наконец, начал сам писать, я достаточно удалился

от натурализма... (MENDELSSOHN 1975: 90).

Сохранились эскизы и наброски рецензий Генриха на натуралистические драмы и новеллы в виде черновиков, но они так и не были опубликованы (ibid.). Издательство «Фишер» выпускало в свет одну за другой драмы Герхарда Гауптмана (*1862 — †1946), а его натуралистическая комедия *Коллега Крамптон* (1892) шла на подмостках «Немецкого театра» в Берлине. Младший брат, находясь в Любеке, напротив, восторженно приветствовал появление новых натуралистических драм. В дальнейшем происходит заметное изменение его эстетических пристрастий.

2. Рецепция эстетических работ Г. Бара братьями Манн

Генрих Манн первым обратил внимание на эссе и статьи начинающего публициста и писателя венского модерна Германа Бара. Родившийся в австрийском Линце, он изучал классическую филологию, философию и юриспруденцию в университете в Вене (1881), но был исключен из него за участие в дуэли. Дальнейшая учеба в Черновцах также была прервана. Проявив интерес к политике и социальной экономии, Бар поступил в Берлинский университет, где изучал труды советника Бисмарка А. Вагнера, К. Каутского, К. Маркса и слушал лекции Р. Курциуса по истории Древней Греции. В целом следует отметить, что Бар усвоил одну из разновидностей социально-монархической концепции, в которой современный капитализм представлял собой упадок, а это, в свою очередь, создавало предпосылки для социалистической революции (FARKAS 1989: 17–19).

Постепенно Бар отходит от политической деятельности, переключив свое внимание на интенсивное литературное творчество. В 1887 г. вышла в свет первая пьеса *Новые люди* (1887), затем «бюргерская трагедия» *Великий грех* (1889), написанные под значительным влиянием драматургии Х. Ибсена. После года добровольной армейской службы Бар видел себя независимым литератором и редактором искусствоведческого журнала (ЦВЕТКОВ 2010: 195). Новые интересы привели Бара в столицу литературной жизни Европы того времени — Париж, где он пробыл почти год, с ноября 1888 г. до августа 1889 г. Заметное движение во французской культуре за «модерное» (современное) искусство явило, как писал Бар: «жуткий упадок всех старых

школ и традиций и одновременно мощный, страстный и своенравный порыв к обновлению искусства» (Bahr 1889: 249).

2.1. Влияние французской литературы и живописи на Г. Бара

Разнообразной была палитра культурной жизни Парижа, отличавшаяся от берлинской и мюнхенской: критика импрессионистической живописи, обсуждение достижений французской психологии, дискуссии о творчестве Ш. Бодлера (*1821 — †1867) и романе *Наоборот* (1884) Ж.-К. Гюисманса (*1848 — †1907). Широко дебатировались проблемы декаданса как особого умонастроения и новой эстетики. Многократно издаваемые теоретические статьи 80-х г. Поля Бурже (*1852 — †1935) о декадансе (Burget 1881) содержали первые характеристики этого явления:

> Слово «декаданс» обычно обозначает состояние общества, которое порождает слишком большое количество индивидов, непригодных для выполнения задач жизни в сообществе (Bahr 1889: 257).

Кроме того, декаданс означал у Бурже «распад целого на части» (ibid), «искусственность» (ibid: 261), «болезненную иронию» (ibid: 263) и «литературный стиль» Бодлера и братьев Гонкур (ibid: 261). Бар воспринимал буддизм как «религию декаданса» и «религию нервов», интересовался пьесами Поля Клоделя (*1868 — †1955), произведениями Фердинанда Брюнетьера (*1849 — †1906) и Жана Мореаса (*1856 — †1910). Все это непосредственным образом сказалось на формировании мировоззрения Бара и изменило его представление о сущности современной литературы. В статье *Декаданс* (1897) Бар попытался осмыслить новое качество французской культуры, определив четыре важных свойства декадентства: «нервическую романтику», «склонность к искусственному», «пристрастие к мистике» и «ужасное и безграничное» (Bahr 1968: 167—172).

Опыт развития французской живописи от импрессионизма к постимпрессионизму и символизму ясно указывали на активность субъективного начала при восприятии реальности. Известное положение Бара из статьи *Модерн* (1890) — «У нас нет другого закона, чем правда, как ее чувствует отдельный человек… Это и будет новым законом, какой мы создаем» (ibid.: 38) — переключает внимание автора и читателя с социума на рецепцию мира авторским сознанием. Этот важный элемент им-

прессионистической и символистской живописи, а также «модерной литературы» Франции резко отличался от натуралистического тезиса копирования природы научными методами. Бар был убежден, что «натурализм является только временной стадией литературного развития и из него будет сформировано новое, психологическое искусство» (SPRENGEL & STREIM 1998: 49–50). Ориентирами для него стали такие явления как декаданс, импрессионизм и символизм.

Заметно меняется и стиль повествования Бара в парижский период жизни, что заметили критики тех лет. Одни из них писали, что автор теряет пафос убеждения, ясность и простоту изложения материала, становясь похожим на стиль парижских и венских фельетонов (REZENSION 1890: 139), а также на импрессионистическую критику Жюля Леметра (STEINEKE 1983: 139), другие авторы рецензий обнаружили стилизаторский талант Бара: он якобы явно подражал свободному стилю известных писем о путешествиях Г. Гейне и Ф. Грильпарцера (NECKER 1890: 431). Бар значительно расширяет возможности авторской субъективности, у него появляется, например, «воображаемый портрет», привносящий к характеристике личности черты, ей несвойственные, но отвечающие представлениям о ней автора.

Осенью 1889 г. Бар возвратился в Берлин в редакцию журнала «Свободная сцена современной жизни» и остро полемизировал с режиссером Отто Брамом (*1856 — †1912) и издателем Самюэлем Фишером (*1959 — †1934), активно отстаивая принципы современной французской литературы, которые не были востребованы в журнале. Бару пришлось уйти из редакции. В это время появляются эстетические работы Бара в разных немецких журналах, объединенные позднее в сборники эссе *К критике модерна* и *Преодоление натурализма*, широко обсуждавшиеся в Германии и Австро-Венгрии. К моменту начала работы Генриха Манна в издательстве С. Фишера Бар уехал в путешествие по России.

2.2. Восприятие братьями Манн эстетики Г. Бара

Генрих Манн был хорошо знаком с работами Бара. В статье *Новая романтика* (1892) в журнале «Die Gegenwart» Генрих подводит итог своим исканиям и заявляет об исчерпанности натура-

лизма. Он предпочитал «глубокий интимный анализ души» (MENDELSSOHN 1975: 91) и подчеркивал важное место идей Бара:

> Одним из своих многочисленных литературных влияний Герман Бар в свое время коснулся и меня. Мне было двадцать, ему еще не исполнилось двадцати восьми. Тогда я впервые прочитал его, тогда он многому научил меня о самом себе (MENDELSSOHN 1975: 92).

Без всякого сомнения, молодой Томас Манн при посредничестве Генриха хорошо знал работы Бара, произведения Бурже и рецензии старшего брата (SCHRÖTER 1964: 34). Позднее он писал:

> Я до сих пор помню, как в школе, в своих дневниках и прозаических опытах, я с раболепной радостью и точностью копировал причудливый прозаический стиль венской школы символизма, возглавляемой Германом Баром, с которым я тогда впервые столкнулся, и именно в этом находил художественное удовлетворение (MENDESSOHN 1975: 92).

2.3. Роман Г. Бара «Новая школа»

Первый роман Бара появился в мае-июне 1890 г. в журнальном варианте за полгода до начала работы Генриха в издательстве «Свободная сцена современной жизни», а в октябре в книжном формате. Роман Бара был прочитан и Томасом. Тесная связь «Хорошей школы» с французской «новой психологией» заключена в подзаголовке романа: «Душевные состояния» («Seelische Zustände») в журнальном варианте и «Состояния души» («Seelenstände») в книжном. Роман написан в форме аукториального, очень эмоционального повествования с подчеркнуто интроспективной линией развития образа молодого австрийского художника, живущего в Париже. Его имя остается неизвестным. Рассказчик выступает в роли всеведущего Бога, который упорядочивает и оценивает происходящее.

В начале романа художник попал в водоворот народного праздника в Париже по случаю Дня взятия Бастилии, но остался безучастным и одиноким:

> В нем росла скорбь вместе с ликованием вокруг; свет причинял ему боль, потому что душа его оставалась мрачной. Пары прижимались друг к другу, смеялись, целовались; он смотрел на это с завистью. Но затем он собрался с духом, чтобы презирать обыденное счастье, которое даруется лишь глупым и заурядным. Это

> пробудило его гордость, и, сравнивая себя с некоторыми примерами из истории искусства, он успокоился. Его удовлетворяло то, что ни один художник никогда не находит удовлетворения (Bahr 1898: 3).

В другой раз художник «завидовал обычным людям, которым гораздо лучше. Конечно же, им не удавалось никакое искусство» (ibid.: 175). В сходной ситуации оказались и персонажи ранних новелл Манна писатель Детлеф (*Алчущие*, 1902) и Тонио Крегер из одноименной новеллы (1903).

Художник в романе Бара постоянно рефлексировал на тему «об искусстве и жизни», подчеркивал «гамлетовские черты в художнике» (ibid.: 4) и стремление стать основателем нового импрессионистического искусства. Он был одержим поисками необходимого колорита в своих полотнах, причем каждый цвет должен был быть жизненно убедительным. Художник понимал жизнь как творческое расширение границ собственного «Я». Он искал это состояние и его надежда оказалась связанной с возлюбленной Фифи. Молодой художник надеялся, что его отношения с ней, духовно ограниченной портнихой, вдохновят его на создание этого нового искусства. Художник пережил с Фифи все стадии экстатического любовного восторга, но также и нарастающей пустоты, наконец, паралича, не продвигаясь ни на шаг в своем искусстве.

Проникнутый осознанием собственной гениальности, он искренне страдал, что в философском плане свидетельствует о влиянии идей Артура Шопенгауэра (*1788 — †1860):

> Да, очевидно, художник, художник... — он не уставал подтверждать это себе многократными повторениями. Конечно, у других не было этого чувства «я», такого чрезмерного и безграничного, и этого свирепого упрямства... Им было все равно, обладали ли они им, потому что они никогда им не пользовались, и, не замечая этого, легко обходились без него. Они могли быть счастливы. Но художник! (ibid.: 53).

Его страсть к Фифи переросла в дикую ненависть, он унижал свою возлюбленную безгранично. Фифи в конце концов ушла от него. Герой-декадент романа Бара не только остро переживал свое творческое бессилие, но и рефлексировал, наблю-

дал за «своей душой перед зеркалом» (ibid.: 55). Так появился в романе мотив актера-зрителя:

> Эта непрерывная привычка в конце концов привела к тому, что он разделился надвое: на того, кто воспринимал, чувствовал и творил, — того самого сверхчеловека высшего порядка, — и на того, кто с любопытством сопровождал все ощущения и творения первого и не мог надивиться, — на обывателя средней руки, — то есть на актера и зрителя (ibid.: 56).

Одинокий художник в романе Бара был не в силах разрешить противоречия искусства и жизни. Силовое поле противостоящих антитез привело его к неутешительному наблюдению:

> Но затем снова поднялось упрямство. Он предпочел бы особое, одинокое страдание, удел титанов, нежели обыденное, тупое счастье спящих. По крайней мере, это убеждало его в собственной ценности, величии, благородстве, поэтому он любил боль и очень скучал бы по ней (ibid.: 220).

Но долго выдерживать подобную раздвоенность души он не смог. Художник капитулировал перед жизнью с ее прагматичными и материальными ценностями. Он стал богатым бюргером и художником, быстро выполняющим заказы за немалые суммы денег, чтобы предаться спокойной гедонистической жизни (Panizzo 2007: 81). Необходимо подчеркнуть, что роман Бара варьирует одну и ту же базовую конструкцию, важную для творчества Манна на протяжении всей жизни: художник-декадент пытался компенсировать свои сомнения в себе, обращаясь к жизни, не в последнюю очередь через эротические переживания, — и все же снова и снова он оказывался в том тупике, который дух воздвигал между ним и жизнью.

3. Первый литературный опыт Т. Манна

Первый «прозаический набросок» Томаса Манна под псевдонимом Пауль Томас — *Видение* — был создан в Любеке в год получения аттестата в гимназии. Томас был одним из самых активных авторов школьного журнала «Весенняя буря. Ежемесячный журнал по искусству, литературе и философии», который создавался учениками гимназии типографским способом. На журнал была объявлена подписка, однако в свет вышло два номера, в том числе со стихотворениями Т. Манна, его эссе о

Г. Гейне и его первой прозаической пробой пера *Видение* (во втором номере журнала) с посвящением: «Герману Бару, гениальному художнику».

Небольшой набросок Манна представляет собой эмоциональное повествование от первого лица, безымянного молодого человека, скорее всего художника, как и в романе Бара. Лирический герой находится в переходном состоянии от сна к яви, что создает полуфантастическую картину, «произведение случая». Молодой рассказчик как одинокий зритель воспроизводит, подобно Бару, свое увлечение необычными сочетаниями красок, представляя тот же баровский импрессионистический идеал, который выражается «в отказе от типического <…> в пользу нетипического (неповторимого, индивидуального, уникального) <…> в посюстороннем мире» (Бранский 1999: 390). Философская база для такого подхода была разработана в философии эмпириокритицизма австрийского ученого Эрнста Маха (*1838 — †1916), «базовым концептом гносеологии которого являлись *ощущения*, поскольку с них, по мнению ученого, начиналось всякое познание мира: с внимания к себе, к своему телу, к своим ощущениям и переживаниям, то есть к *себе как субъекту*» (Цветков 2003: 57). Как и в романе Бара, рассказчик свято верит в свои гениальные художнические способности и мимолетные откровения, эстетически созерцая ничем не примечательные обыденные и банальные вещи, такие, как например, дым от сигареты.

3.1. Восхищение импрессионистическим взглядом на мир

Мимолетное и зыбкое видение рассказчика, с одной стороны, «взнуздывает его фантазию» в полусне:

> Wie ich mechanisch eine neue Zigarette drehe und die braunen Stäubchen mit feinem Prickeln auf das weißgelbe Löschpapier niedertaumeln, will es mir unwahrscheinlich werden, daß ich noch wache (Mann 2002: 7).

Подвижное перемещение табачного дыма из одного цветового оттенка в другой создает впечатление неповторимой игры красок, меняющихся каждое мгновение. Писатель уподобляется в данном случае художнику-импрессионисту, который может заявить подобно Полю Сезанну (*1839 — †1906) в романе Анри Перрюшо о нем: «Мгновение уходит и не повторяется. Правди-

во передать его в живописи! И ради этого забыть обо всем!» (Перрюшо 1991: 229). Явно такой же импульс к воспроизведению изменяющейся реальности, как и в романе Бара, испытывает рассказчик наброска Манна:

> Und wie die feuchtwarme Abendluft, die durch das offene Fenster neben mir hereingeht, die Rauchwölkchen so seltsam formt und aus dem Bereich der grüngeschirmten Lampe ins Mattschwarz trägt, steht es mir fest, daß ich schon träume (Mann 2002: 7).

Наслаждение радостным моментом жизни и восхищение эфемерной красотой представляют собой гармонию жизни и духа. Однако такое идиллическое состояние оказывается для рассказчика быстро преходящим.

3.2. Резкая смена настроения и ирония

В наброске Манна создается реально осязаемый образ, находящейся в комнате воображаемой возлюбленной рассказчика:

> Da wird's natürlich schon ganz arg; denn diese Meinung wirft der Phantasie die Zügel auf den Rücken. Hinter mir knackt heimlich neckend die Stuhllehne, daß es mir jäh wie hastiger Schauder durch alle Nerven fährt (ibid.: 7).

Поскрипывает спинка стула, и вдруг «трепет будто торопливой волной пробегает по всем нервам», что создает «досадную помеху» в изучении «причудливых, блуждающих вокруг дымных письмен» (Манн 2011: 5). На пересечении визуальных и акустических ощущений разрушается мгновенно возникшее настроение гармонии, создавая новую тональность повествования — нервическую: «Но теперь весь покой летит к черту. Бешеные движения во всех чувствах. Лихорадочные, нервные, безумные. Каждый звук верещит» (ibid.).

В этом отрывке присутствует, характерный для будущего писателя иронический настрой рассказчика, который рефлексируя произошедшую перемену настроения, называет ее «досадной помехой», что в действительности можно назвать скрытой насмешкой, поскольку предыдущий эпизод вовсе не являлся изучением чего-либо, а табачный дым заведомо не мог быть «письменами». Эпизод является эфемерным и ироническим плодом воображения рассказчика, представившего перед собой знакомое полотно талантливой художницы:

> Nun ist es da, ganz deutlich, ganz wie damals, das Bild, das Kunstwerk des Zufalls. Aufgetaucht aus Vergessenem, wiedergeschaffen, geformt, gemalt von der Phantasie, der fabelhaft talentvollen Künstlerin (ibid.: 7).

Важное свойство воспоминания — кратковременность и непрочность потока удовольствий, которые, например, в эпоху рококо, были устойчиво гедонистическими:

Напротив, для мимолетного человека буржуазной эпохи последней четверти XIX в. с ее нервным, беспокойным, все учащающимся ритмом поток удовольствий стал чем-то прерываемым, кратковременным и непрочным (согласно формуле «и жить торопится и чувствовать спешит»). Следовательно, мимолетный человек импрессионистов является *беспокойно*-гедонистическим. Безмятежный гедонизм аристократии XVIII в. стал для него далеким анахронизмом. Так что и гедонизм мимолетного человека имеет более поверхностный (более «эфемерный») характер, чем это свойственно идеализированному человеку рококо. Поэтому можно сказать, что даже в испытываемых им удовольствиях мимолетный человек ярок, но не глубок (Бранский 1999: 392).

Точно также, как и в романе Бара, у Манна возникает образ художника-дилетанта, художника-декадента, который не может справиться со своими художническими задачами и обречен на признание своей несостоятельности.

3.3. Богатство художественных ассоциаций и роль символики

Приведенный отрывок из *Видения* открывает новый аспект повествования: после прерванного удовольствия и нервического раздражения возникает мир прошлого в нахлынувших воспоминаниях: «Некогда запечатленное зрением, оно чудно возрождается, да еще в придачу с тогдашним ощущением» (Манн 2011: 5). Счастливые воспоминания, обрывочные и недосказанные, как становится ясно в финале, касаются предыдущей встречи с возлюбленной, когда пульсировала «борьба с любовью, победа любви… как и тогда.. как и тогда…» (ibid.: 7). Взгляд рассказчика обращается в темноту и ему кажется, что «все отчетливее проступает светлая фигура» девушки:

> Ganz unten blendet Damast; quer zacken und runden und winden gewirkte Blätter und Blüten. Darauf durchsichtig hingeplattet und

dann schlank ragend ein Kristallkelch, halb voll blassem Gold. Davor träumend hingestreckt eine Hand. Die Finger lose um den Fuß des Kelches. Um den einen geschmiegt ein duffsilberner Reif. Blutend darauf ein Rubin (MANN 2002: 7).

«Дамаст» — итальянская шелковая ткань с цветочным рисунком, образованным блестящим атласным переплетением нитей на матовом фоне полотняного переплетения, что может отсылать читателя к изысканному кругозору рассказчика: творчеству известных английских прерафаэлитов или художников немецкого югендстиля, для которых изящество тканевой фактуры было непревзойденным мастерством. Далее в тексте следует очень распространенный мотив живописи югендстиля — флореальный орнамент: «поперек зубчиками, кружочками, спиральками — вывязанные листья и цветы» (МАНН 2011: 6). Подчеркнутый декоративизм и изображение роскоши подготавливает новое допущение, что воображаемый мир является визуальной «цитацией», стилизацией известных полотен или декоративных элементов модных в то время художников, что будет характерным писательским приемом Манна в зрелые годы.

Мотив восхищения красотой, как и у Бара, эмоционально окрашен. Протянутые пальцы руки девушки обнимают подножие «хрустальной чаши, наполовину заполненной чистым золотом» (ibid.: 6), на одном из пальцев «кровит рубин». Рассказчик смотрит на руку с кольцом — образ чистого эстетического совершенства, который его потрясает. Этот образ открывает новый мир символизма, в котором символ является средством проникновения в сущность вещей. Так создается таинственная картина, мерцающая многими смыслами. Один из них: золото в европейской живописи конца XIX в. символизировало чувственность и духовность. Например, венский художник Густав Климт (*1862 — †1918), правда чуть позднее, «обращался к прошлому (византийским мозаикам, средневековому сакральному искусству), привнося в них современный штрих: золото стало материалом визуального соблазна, символом желания и тайны» (Маттеи: URL).

Мистическое олицетворение и изысканная метафора «кровит рубин», традиционная в поэзии конца века, являются мощным и страстным посланием о жизни и любви (Камень рубин:

URL). Так, трансцендентная реальность через символ становится ощутимой, а сам символ необходим рассказчику для того, чтобы выразить эмоциональное отношение не к миру самому по себе, а к связанной с ним тайне. Установка на поиск таинственного в окружающем мире у Манна — важнейшая особенность символистского идеала как предчувствие иного, неведомого мира.

3.4. Музыкальная метафора

Следующие рассуждения рассказчика пытаются приблизить читателя к тайне, заложенной в значимых символах:

> Schon wo es nach dem zarten Gelenk im Formencrescendo Arm werden will, verschwimmt es im Ganzen. Ein süßes Rätsel. Träumerisch und regungslos ruht die Mädchenhand. Nur da, wo sich über ihr mattes Weiß welch eine hellblaue Ader schlängelt, pulsiert Leben, pocht Leidenschaft langsam und heftig. Und wie es meinen Blick fühlt, wird es rascher und rascher, wilder und wilder, bis es zum flehenden Zucken wird: Laß ab… (MANN 2002: 8).

Примечательна в этом отрывке музыкальная метафора «крещендо форм». Крещендо как усиление силы звука в музыке употребляется в тексте Манна по отношению к пространственной форме — части тела — девичьего предплечья, очертания которого, как свойственно усилившимся музыкальным звукам, могут доминировать в воображении, чтобы создать картину скрытого от глаз внутреннего духовного напряжения или эротического соблазна, чем изобилует роман Бара. Любовное чувство одновременно зримо обнаруживается эмпирически: в пульсации на матовой белизне кожи голубой вены. Эта пульсация под взглядом рассказчика многократно усиливается и превращается в неистовую страсть, прерываемую трепетной мольбой о покое. Новая смена настроения, как и в предыдущем отрывке, ярко демонстрирует динамику «романтики нервов», проявляющуюся на уровне принципа правдоподобия, включающего точность воспроизведения отдельных деталей, прежде всего, пульсирующей вены — символа жизненной силы.

3.5. Мифологическая отсылка

Заключительный эпизод наброска продолжает рассказ о хрустальной чаше с золотом, однако отдельные детали позволяют говорить о том, что она наполнена водой:

> Langsam löst sich vom Grunde des Kelches eine Perle und schwebt aufwärts. Wie sie in den Lichtbereich des Rubins kommt, flammt sie blutrot auf und erlöscht jäh an der Oberfläche. Da will wie gestört alles schwinden, wie sehr der Blick sich müht, zeichnend die weichen Konturen aufzufrischen. Nun ist es dahin; im Dunkel zerronnen… (ibid.: 8).

Импрессионистическая игра цвета с появлением и исчезновением белого и кроваво-красного оттенков также может иметь символическое значение, усложненное перемещением жемчужины в воде:

> Считалось, что жемчужина образуется вследствие пробивания раковины молнией, поэтому она рассматривалась как соединение огня и воды (двух оплодотворяющих начал), символ рождения и возрождения (Жемчужина: URL).

В заключительном отрывке роль молнии берет на себя свечение рубина, появившегося в контексте первого описания хрустальной чаши с золотом. Широко известно также, что в Древней Греции жемчужина считалась символом родившейся из морской пены Афродиты, «хозяйки жемчуга». Именно жемчуг олицетворял силу вод, космическую жизнь и женское начало. Кроме того, это символ невинности, чистоты, девственности, совершенства, скромности и склонности к уединению. Жемчужина считалась лунным женским сокровищем, округлая форма которого обозначает совершенство (ibid.). При таком расширительном значении образа жемчужины речь может идти о символе невинности и красоты возлюбленной рассказчика.

В финале наброска наступившая тьма поглощает ожившее перед глазами рассказчика видение. Остается осознание того, что прекрасная женщина исчезла и, возможно, умерла. Декадентский мотив связи Эроса и Танатоса, как влечение к любви и влечение к смерти, будет значим, например, в романе *Волшебная гора* (1924) Манна. Слезы рассказчика в заключительном предложении *Видения*, свидетельствуют, возможно, о сложных отношениях рассказчика с женщиной, которая, как и в некоторых ранних новеллах Манна *Разочарование* (1896), *Маленький господин Фридеман* (1897) и *Луизхен* (1900), была для мужских персонажей «роковой женщиной», причинившей смерть влюбленным в нее мужчинам.

4. Заключение

Анализ первого прозаического наброска молодого Томаса Манна свидетельствует о самых современных подходах автора к изображаемому миру и человека в нем. Молодой прозаик не только был знаком с эстетическими дискуссиями о сущности «современной литературы» в Германии и Франции. Он, как и старший брат, считал натуралистический метод исчерпанным, обратив серьезное внимание на новые эстетические принципы «модерной литературы» Бара: импрессионизм, символизм и декаданс, не отказываясь от реалистического правдоподобия в литературе. Импрессионистические этюды в первом наброске в стиле Бара позволяют говорит о рассказчике как художнике-импрессионисте, а зашифрованные таинственные послания в многозначных символах свидетельствуют о его символистских исканиях. Своеобразное понимание декаданса как «нервической романтики», «склонности к искусственному» и «пристрастие к мистике» и смерти значительно расширили палитру изобразительных средств Манна, представив читателю воспоминания о реально существовавших отношениях молодого человека с женщиной и тех экстравагантных способов изображения своих ощущений. Импрессионизм, символизм и декаданс естественно присутствуют в анализируемом наброске, демонстрируя ведущую мысль литературы венского модерна о том, что мир, являющийся человеку в ощущениях (Э. Мах), становится субъективным и индивидуальным, способным вмещать в себя магистральную проблему для Манна — искусства и жизни в ее многочисленных вариантах, иронию, воспоминания, мифологию, смежные науки (философию и музыку), что будет плодотворной перспективой его дальнейших писательских исканий.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

Апт С. Томас Манн. М.: Молодая гвардия, 1972. [Apt, Solomon. (1972) *Tomas Mann* (Thomas Mann). Moscow: Molodaya gvardiya. (In Russian)].

Бранский В. П. Искусство и философия. Роль философии в формировании и восприятии художественного произведения на примере истории живописи. Калининград: Янтарный сказ, 1999. [Branskiy, Vladimir P. (1999) *Iskusstvo i filosofiya. Rol' filosofii v formirovanii i*

vospriyatii khudozhestvennogo proizvedeniya na primere istorii zhivopisi (Art and Philosophy. The role of philosophy in the formation and perception of a work of art, using the history of painting as an example). Kaliningrad: Yantarnyy skaz. (In Russian)].

Жемчужина [Zhemchuzhina (Pearl)]. Retrieved from https://www.newacropol.ru/Alexandria/symbols/pearl.

Камень рубин — значение символики. [Kamen' rubin — znacheniye simvoliki (Ruby stone — the meaning of symbolism). Retrieved from https://www.astromeridian.ru/magic/what-does-ruby-stone-symbolize.html?ysclid=mi253pkf1s877250354. (In Russian)].

Мотылева Т. Л. Томас Манн (до 1918) // История немецкой литературы. Т. IV. М.: Наука, 1968. С. 477—495. [Motyleva, Tamara L. (1968) Tomas Mann (do 1918). (Thomas Mann before 1918). In: *Istoriya nemetskoy literatury* (The History of German literature). Vol. IV. Moscow: Nauka, 477—495. (In Russian)].

Мальчуков Л. И. На грани двух сознаний. Диалогизм как принцип поэтики Генриха и Томаса Маннов (1890—1910 гг.). Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского ун-та, 1996. [Mal'chukov, Lev I. (1996) *Na grani dvukh soznaniy. Dialogizm kak printsip poetiki Genrikha i Tomasa Mannov (1890—1910 gg.)*. (On the Edge of Two Consciousnesses. Dialogism as a Principle of Poetics in the Works of Heinrich and Thomas Mann (1890—1910)). Petrozavodsk: Petrozavodsk State University. (In Russian)].

Маттеи С. Золото в живописи: сакральные смыслы и символы власти. [Mattei, Selena. Zoloto v zhivopisi: sakral'nyye smysly i simvoly vlasti. (Gold in Painting: Sacred Meanings and Symbols of Power). Retrieved from https://www.artmajeur.com/ru/magazine/5-istoria-iskusstva/zoloto-v-zivopisi-sakral-nye-smysly-i-simvoly-vlasti/338941. (In Russian)].

Перрюшо А. Жизнь Сезанна. М.: Радуга, 1991. [Perruchot, Henri. (1991) *Zhizn Sezanna* (La Vie De Cézanne). Moscow: Raduga. (In Russian)].

Федоров А. А. Томас Манн. Время шедевров. Томас Манн в период творческого расцвета. М.: МГУ, 1981. [Fedorov, Anatoliy. A. (1981) *Tomas Mann. Vremya shedevrov. Tomas Mann v period tvorcheskogo rasczveta* (Thomas Mann. The Time of Masterpieces. Thomas Mann in his creative prime). Moscow: Moscow State University. (In Russian)].

Цветков Ю. Л. Литература венского модерна. Постмодернистский потенциал. М.; Иваново: МИК, 2003. [Tsvetkov, Yuriy L. (2003) *Literatura venskogo moderna. Postmodernistskiy potentsial* (Literature of

Viennese Modernism. Postmodern Potential). Moscow; Ivanovo: MIK. (In Russian)].

Цветков Ю. Л. Французская культура и концепция литературы берлинского модерна Германа Бара // Французский акцент в мировой культуре / к 60-летию А. Н. Таганова: колл. монография. Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2010. С. 193—203. [Tsvetkov, Yuriy L. (2010) Frantsuzskaya kul'tura i konceptsiya literatury berlinskogo moderna Germana Bara (French Culture and the Concept of Literature in Hermann Barr's Berlin Modernism). In: Tsvetkov, Yuriy L. & al. (eds) *Frantzuzskit aktsent v mirovoy kul'ture* (The French Accent in World Culture). Ivanovo: Ivanovo State University. (In Russian)].

Bahr, Hermann. (1968) Décadence. In: Bahr, Hermann. *Zur Überwindung des Naturalismus. Theoretische Schriften 1887—1904*. Stuttgart; Berlin; Köln; Mainz: W. Kohlhammer, 167—172.

Bahr, Hermann. (1889) Pariser Kunstbriefe I. Die Exposition dé cennale. *Der Kunstwart*, Jg. 2, 249.

Bourget, Paul. (1881) *Essais de psychologie contemporaine*. 2 Bde. Paris: Lemerre, In: Hofmannsthal. Jahrbuch. Zur europäischen Moderne. (2015) Bd 23, 253—263.

Farkas, Reinhard. (1989) *Hermann Bahr. Dynamik und Dilemma der Moderne*. Wien; Köln: Böhlau-Verlag, 1989.

Mendelssohn, Peter. (1975) *Der Zauberer. Das Leben des deutschen Schriftstellers Thomas Mann. Erster Teil: (1895—1918)*. Frankfurt am Main: S. Fischer.

Necker, Moritz. (1889) Hermann Bahr als Kritiker. *Die Nation*, 7 Jg., H. 29, 19.04, 431.

Panizzo, Paolo. (2007) *Der Ästhetizismus und Demagogie. Der Dilettant in Thomas Manns Frühwerk*. Würzburg: Königshausen & Neumann.

Rezension: Bahr, Hermann. (1890) Zur Kritik der Moderne. *Kunstwart*, 3 Jg., H. 9. Febr., 139.

Schröter, Klaus. (1964) *Thomas Mann*. Reinbek bei Hamburg: Rowohlt Taschenbuchverlag.

Sprengel, Peter & Streim, Gregor. (1998) *Berliner und Wiener Moderne. Vermittlungen und Abgrenzungen in Literatur, Theater, Publizistik*. Wien; Köln; Weimar: Böhlau-Verlag.

Steinecke, Hartmut. (1983) „Verwandlungskünstler"? Zur Literaturkritik des Jungen Wien. In: Bennet, B. & al. (eds) *Probleme der Moderne*. Tübingen: Max Niemeyer, 101—116.

Список источников / Quellenverzeichnis / List of Sources

Манн Т. Видение. Прозаический набросок / пер. Е. Шукшиной // Манн Т. Ранние новеллы: пер. с нем. М.: АСТ: Астрель, 2011. С. 5—7. [Mann, Thomas. (2011) Videniye. Prozaicheskiy nabrosok (Vision. A Prose Sketch). In: Mann, Tomas. *Ranniye novelly* (Early Novels). Moscow: AST: Astrel, 5—7. (In Russian)].

Bahr, Hermann. (1898) *Die gute Schule: Roman*. Frankfurt am Main: S. Fischer Verlag. Retrieved from https://archive.org/details/bub_gb_dgvPAAAAMAAJ.

Mann, Thomas. (2002) Vision. Prosa-Skizze. In: Mann, Thomas. *Sämtliche Erzählungen*. Bd 1. Frankfurt am Main: S. Fischer, 7—8.

Yuriy L. Tsvetkov
Ivanovo State University

Hermann Bahr and the Short Story *The Vision* by Thomas Mann

Research is being conducted into the influence of the aesthetic writings and the novel *Good School* by Hermann Bahr (*1863 — †1934), the founder of the "Young Vienna" circle, on the young Thomas Mann during his time in Lübeck, before he moved to Munich (1894). Upon returning from Paris, Bahr discussed the latest phenomena in French literature: "new psychology," Impressionism, Symbolism, and Decadence, perceiving these phenomena as a new departure in literature in his works *Zur Kritik der Moderne* (1890), *Die Überwindung des Naturalismus* (1891), and *Studien zur Kritik der Moderne* (1894). Mann dedicated his first prose sketch *Vision* (1893) — a Symbolist-Impressionist study of a love story — to the "genius" Bahr. A sketch can rightfully be called the "literary laboratory" of a future writer. On the one hand, Mann borrows the central theme of art and life from Bahr's novel, the image of a lonely, nameless, and unhappy impressionist artist, suffering from the "torments of creation" of an unfulfilled genius and having lost his beloved woman. On the other hand, the sketch reveals specific Mannian themes and motifs: irony as a tendency to question what recently seemed unshakeable, the contemplative ordering of events amidst a sharp change of mood, the ability to organically weave specialized knowledge (music, philosophy) into the narrative, an interest in myth and telling details (a ring, pale hands) that would later become leitmotifs, as well as motifs of admiration for beauty, the duality of life and spirit, Eros and Thanatos, the femme fatale, morbid sensuality, contemplativeness, and the ability to endure heavy blows of fate. From a narratological perspective, the narrator acts as an omniscient, emotionally uncontrolled fig-

ure, devoid of any elements of epic detachment. The author identifies with the suffering narrator and creates short, fragmented sentences with repetitions. The immediate emotionality ("I saw...", "I felt...", "It hurt...") is still far from the detached intellectualism of the mature creative period.
Keywords: Literature of Viennese Modernism; Hermann Bahr; Impressionism; Symbolism; Decadence; Thomas Mann; "The Vision"

Для цитирования:
Цветков Ю. Л. Герман Бар и прозаический набросок *Видение* Томаса Манна // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2026. № XXIII. С. 389—407.
DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2026-23-389-407.

To cite this Article:
Tsvetkov, Yuriy L. (2026) German Bar i prozaicheskiy nabrosok *Videniye* Tomasa Manna (Hermann Bahr and the Short Story *The Vision* by Thomas Mann). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 23, 389—407. (In Russian).
DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2026-23-389-407.

Статья поступила в редакцию 29.03.2026; принята к публикации 28.04.2026
The article was submitted 29.03.2026; accepted for publication 28.04.2026

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Баева Галина Андреевна, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия); g.baeva@spbu.ru

Байкова Ольга Владимировна, Вятский государственный университет (Киров, Россия); olga-baykova@yandex.ru

Бакулина Юлия Анатольевна, Самарский национальный исследовательский университет им. акад. С. П. Королева (Самара, Россия); jublinova@mail.ru

Бухаров Валерий Михайлович, Нижегородский государственный лингвистический университет (Нижний Новгород, Россия); bucharov@lunn.ru

Гончарова Евгения Александровна, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия); eagon@rambler.ru

Гришаева Людмила Ивановна, Воронежский государственный университет (Воронеж, Россия); grischaewa@rgph.vsu.ru

Жилюк Сергей Александрович, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия); s.a.jiluck@gmail.com

Зинцова Юлия Николаевна, Нижегородский государственный лингвистический университет (Нижний Новгород, Россия); zintsova@lunn.ru

Иванов Андрей Владимирович, Нижегородский государственный лингвистический университет (Нижний Новгород, Россия); aivan@lunn.ru

Ишимбаева Галина Григорьевна, Уфимский университет науки и технологий (Уфа, Россия); galgrig7@list.ru

Кострова Ольга Андреевна, Самарский государственный социально-педагогический университет (Самара, Россия); olga_kostrova@mail.ru

Москвина Екатерина Владимировна, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия); moskvina_ev@mail.ru

Орлова Ольга Алексеевна, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия); o.a.orlova@spbu.ru

Пахомова Ольга Владиславовна, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Нижний Новгород, Россия); opahomova@hse.ru

Петрова Мария Владимировна, Московский государственный уни-

верситет им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия); petrovamv@my.msu.ru

Серягина Юлия Сергеевна, Томский государственный университет (Томск, Россия); seriagina@gmail.com

Сибирцева Вера Григорьевна, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Нижний Новгород, Россия); vsibirtseva@hse.ru

Солдабокова Екатерина Вячеславовна, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Нижний Новгород, Россия); evsoldabokova@edu.hse.ru

Сухова Татьяна Анатольевна, Волжский государственный университет водного транспорта (Нижний Новгород, Россия); tatyana-malysheva-2000@mail.ru

Туманова Екатерина Олеговна, Московский городской университет управления Правительства Москвы им. Ю. М. Лужкова (Москва, Россия); ekaterina.msu@mail.ru

Филиппов Андрей Константинович, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия); a.filippov@spbu.ru

Филиппов Константин Андреевич, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия); k.filippov@spbu.ru

Цветков Юрий Леонидович, Ивановский государственный университет (Иваново, Россия); jzvetkow@mail.ru

LIST OF CONTRIBUTORS

Yulia A. **Bakulina**, S. P. Korolyov Samara National Research University (Samara, Russia); jublinova@mail.ru
Galina A. **Bayeva**, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia); g.baeva@spbu.ru
Olga V. **Baykova**, Vyatka State University (Kirov, Russia); olga-baykova@yandex.ru
Valeriy M. **Bukharov**, Nizhniy Novgorod State Linguistics University (Nizhniy Novgorod, Russia); bucharov@lunn.ru
Andrei K. **Filippov**, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia); a.filippov@spbu.ru
Konstantin A. **Filippov**, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia); k.filippov@spbu.ru
Yevgeniya A. **Goncharova**, Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint Petersburg, Russia); eagon@rambler.ru
Lyudmila I. **Grishayeva**, Voronezh State University (Voronezh, Russia); grischaewa@rgph.vsu.ru
Galina G. **Ishimbayeva**, Ufa University of Science and Technology (Ufa, Russia); galgrig7@list.ru
Andrey V. **Ivanov**, Nizhniy Novgorod State Linguistics University (Nizhniy Novgorod, Russia); aivan@lunn.ru
Olga A. **Kostrova**, Samara State University of Social Sciences and Education (Samara, Russia); olga_kostrova@mail.ru
Yekaterina V. **Moskvina**, National Research University "Higher School of Economics" (Moscow, Russia); moskvina_ev@mail.ru
Olga A. **Orlova**, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia); o.a.orlova@spbu.ru
Olga V. **Pakhomova**, National Research University "Higher School of Economics" (Nizhny Novgorod, Russia); opahomova@hse.ru
Mariya V. **Petrova**, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia); petrovamv@my.msu.ru
Yulia S. **Seryagina**, Tomsk State University (Tomsk, Russia); seriagina@gmail.com
Vera G. **Sibirtseva**, National Research University "Higher School of Economics" (Nizhny Novgorod, Russia); vsibirtseva@hse.ru
Yekaterina V. **Soldabokova**, National Research University "Higher School of Economics" (Nizhny Novgorod, Russia); evsoldabokova@edu.hse.ru
Tatyana A. **Sukhova**, Volga State University of Water Transport (Nizhny

Novgorod, Russia); tatyana-malysheva-2000@mail.ru
Yuriy L. **Tsvetkov**, Ivanovo State University (Ivanovo, Russia); jzvetkow@mail.ru
Yekaterina O. **Tumanova**, Moscow Metropolitan Governance University (Moscow, Russia); ekaterina.msu@mail.ru
Sergei A. **Zhiliuk**, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia); s.a.jiluck@gmail.com
Yulia N. **Zintsova**, Nizhniy Novgorod State Linguistics University (Nizhniy Novgorod, Russia); zintsova@lunn.ru

Научное издание

РУССКАЯ ГЕРМАНИСТИКА

Ежегодник Российского союза германистов

Том XXIII

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ГЕРМАНИСТИКА
В ИСТОРИЧЕСКИХ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ РЕАЛИЯХ

Главный редактор
Иванов Андрей Владимирович

Ответственный редактор лингвистической части
Пастухов Александр Гавриилович

Ответственный редактор литературоведческой части
Сибирцева Вера Григорьевна

Учредитель:
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова»

Оригинал-макет подготовлен А. В. Ивановым
Художественное оформление переплета О. Максимовой

Подписано в печать 22.06.2026. Дата выхода в свет 01.09.2026.
Формат 60x88/16. Усл. печ. л. 00,00. Уч.-изд. л. 21,1.
Тираж 500 экз. Изд. № 0000. Заказ № 00000. Цена свободная

Адрес редакции и издателя:
603155, г. Нижний Новгород, ул. Минина, д. 31-А.
ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова»
https://lunn.ru

ООО «ФЛИНТА», 117342, г. Москва, ул. Бутлерова, д. 17-Б, офис 324.
Тел./факс: 8 (495)334-82-65; тел. 8 (495)336-03-11.
E-mail: flinta@mail.ru; WebSite: www.flinta.ru

Отпечатано в типографии ООО «Паблит»
127282, г. Москва, ул. Полярная, д. 31В, стр. 1. Тел.: 8 (495) 230-20-52